И. ЕВСЕЕВ

СВЕНЦЯНСКИЙ ПРОРЫВ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ВВ273
Е199

КРАСНОЗНАМЕННАЯ И ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РККА им. М. В. ФРУНЗЕ

Ш1.

Комбриг Н. Евсеев

ВВ273
Е199К4
X
355
Е 25

СВЕНЦЯНСКИЙ ПРОРЫВ

(1915 г.)

Военные действия
на восточном фронте
мировой войны
в сентябре—октябре 1915 г.

Опечатки к книге Евсеева „Свенцянский прорыв"

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
35	17 и 18 снизу	9-й и 1-й	9-ю и 1-ю кав. дивизии
45	16 снизу	227-го кав. полка	227-го пех. полка
153	16 „	9-й Белевский	69-й Белевский
219	1 сверху	4-го конного	1-го конного
238	13 „	9-го конно-егерского	8-го конно-егерского

Государственное военное издательство
Москва — 1936

КРАСНОЗНАМЕННАЯ И ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РККА им. М. В. ФРУНЗЕ

ВВ273
Е199К4

Комбриг Н. Евсеев

355
Е 25

СВЕНЦЯНСКИЙ ПРОРЫВ

(1915 г.)

Военные действия
на восточном фронте
мировой войны
в сентябре—октябре 1915 г.

Государственное военное издательство
Москва — 1936

1986
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

Н. Евсеев — Свенцянский прорыв (1915 г.). Автор излагает военные действия на восточном фронте мировой войны в сентябре—октябре 1915 г., когда германское командование предприняло наступление севернее г. Вильна в промежуток между 10-й и 5-й русскими армиями, выслав вперед сильный кавалерийский корпус, прорвавший русский фронт в направлении на г. Свенцяны. Автор излагает противодействие прорыву со стороны русских армий и заканчивает описание стабилизацией фронта в начале октября 1915 г.

ИЛ.
БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ Ц.К.В.К.П.(б)
ВВ273
Е199
723038
Р
с/ф
2911
235
56

К печати подготовили:
Редактор *В. Белолипецкий*
Технический редактор *М. Стрельникова*
Корректор *О. Люлько, Н. Ширяева*
Выпускающий *Ф. Виноградов.*

Сдано в набор 4/X 1935 г. Подписано к печати 17/III 1936 г. Формат бумаги 62×94 1/16. 8 1/2 бум. л. 17 печ. л. 24,18 авт. л. 104 000 зн. в 1 бум. л. Цена книги 3 р. 75 к., переплет 1 р.

Г—34456. Огиз № 236. Заказ № 3153. Тираж 10 000 экз.

ЛОЦТ НКО СССР им. Клима Ворошилова (Ленинград, ул. Герцена, 1)

ГЛАВА I

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ

1. Краткий обзор операций на восточно-европейском театре летом 1915 г.[1]

Свенцянскому прорыву предшествовал ряд поражений, понесенных вооруженными силами русского империализма в течение лета 1915 г.

Ограничившись временно оборонительными действиями на западно-европейском театре войны, германский империализм перенес свои активные наступательные операции на восток против России. Разгром России должен был упрочить положение Австро-Венгрии и ее армий, понесших значительные потери в столкновениях с русскими в течение первого полугодия мировой войны. Предполагалось, нанеся поражение России, оставить против нее своего слабого союзника, а главные силы Германии сосредоточить затем на западно-европейском театре. Кроме того боевые успехи германского империализма должны были оказать свое влияние на некоторые европейские государства, из которых одни к тому времени сохраняли еще нейтралитет, а другие проявляли признаки колебания, как например Румыния, Болгария, не входившие в состав германо-австрийского союза.

Против России были переброшены вновь сформированные германские дивизии, а также часть сил с западно-европейского театра войны. Если в начале войны против русских действовало 50 пех. и 13 кав. дивизий, из них германских 9 пех. и 1 кав.. дивизия, то ко времени «Свенцянского прорыва» было 137 пех. и 24 кав. дивизий, из них германских 42 пех. и 10 кав. дивизий [2].

Каково было в это время состояние русской армии?

«Плохо вооруженная, руководимая бездарными генералами, обкрадываемая продажными интендантами, армия терпела поражение за поражением. Без веры в себя, без доверия к своим командирам, не зная, во имя чего гибнут миллионы, неподготовленная, голодная и разутая, она оставляла противнику города, целые области, десятки тысяч пленных.

Тяжелые поражения озлобляли солдат. В массах зрело недовольство, переходившее в глухое брожение, а потом и в активные выступления. Проклиная бестолковщину и неразбериху, солдаты отказывались выполнять приказы, не шли в наступление, избегали боя» [3].

---

[1] На прилагаемых схемах не могли быть показаны все упоминаемые в тексте пункты, поэтому рекомендуется при чтении пользоваться и 10-верстной картой (листы 14 и 15).

[2] *А. Зайончковский*, Мировая война 1914—1918, стр. 213, 235 и 236.

[3] История гражданской войны, т. I, стр. 34.

Офицерские кадры мирного времени в первые же месяцы войны были в значительной мере растеряны, унтерофицерский и солдатский кадровый состав в своем большинстве уже покоился на полях Восточной Пруссии, Галиции и Польши. Армия комплектовалась офицерами запаса и военного времени, наспех подготовленными в школах прапорщиков, и ополченцами, мало или вовсе необученными.

Перечисленные выше недостатки вооруженных сил России способствовали немцам и австро-венгерцам в их операциях по разгрому России.

Первой «ласточкой» 1915 г. была Горлица [1].

2 мая 1915 г. 5 германских корпусов армии Макензена обрушились на растянуто расположенные части 9-го и 10-го арм. корпусов 3-й русской армии в районе Горлица. Введя в бой около 600 орудий, имея неограниченные запасы снарядов, немцы с вечера 1 мая начали интенсивно громить огнем русские траншеи и продолжали огонь с короткими перерывами в течение 12 часов, после чего пошли в атаку и прорвали русский фронт на протяжении в 35 *км*. Располагая значительными фронтовыми и армейскими резервами, командование русского юго-западного фронта оказалось неспособным организовать контрманевр. Контратаки четырех свежих корпусов, разрозненно и разновременно брошенных русскими в бой, не изменили хода операции. 13 мая 3-я русская армия отошла на р. Сан, а соседние с ней армии отошли: 8-я — в промежуток между рр. Сан и Днестр, 4-я — своим левым флангом к Висле. Однако немцы и австро-венгерцы не ограничились этой победой. 17 мая немцы переправились на правый берег р. Сан в районе Ярослава, ворвались в расположение той же 3-й армии русских и в течение недели отбросили русских за р. Любачовка. Контрудар трех русских корпусов между рр. Любачовка и Вишня был плохо организован и не имел успеха.

В то время когда 3-я русская армия под сокрушительными ударами немцев отходила за р. Любачовка, на левом крыле армий юго-западного фронта австро-венгерские армии упорно наступали на фронте 11-й и 9-й русских армий, отходивших за р. Днестр.

К концу мая немцы на некоторое время приостановили наступательные операции, ввиду того, что 24 мая Италия объявила войну Австро-Венгрии, перейдя тем самым из Тройственного союза на сторону Антанты. Это потребовало переброски части австро-венгерских войск на итальянский фронт. Однако с середины июня немцы и австро-венгерцы возобновили свое наступление по вытеснению русских из Галиции, и 22 июня русские сдали Львов.

За 50 дней (со 2 мая по 22 июня) русские армии юго-западного фронта потеряли Галицию, а вместе с ней было потеряно около полумиллиона пленными, 350 орудий, а, главное, потеряна была уверенность в свои силы. Стратегическое положение армий, действовавших в Польше, серьезно ухудшилось.

С целью отвлечения русских резервов с галицийского театра немцы предварительно начали операции в Прибалтике, что приковало внимание и силы русских к правому крылу стратегического фронта. Рядом наступательных операций немцам удалось вытеснить русских из Либавы и отбросить их правый фланг за р. Дубисса.

---

[1] *Франсуа*, Горлица 1915 г.; *Бонч-Бруевич*, Потеря Галиции в 1915 г.

К концу июня 1915 г. главная масса русских армий находилась в Польше, имея в Прибалтике и на Днестре отодвинутыми на восток слабые фланговые армии. Такое стратегическое положение было невыгодно. Из Восточной Пруссии и из Галиции немцы и австро-венгерцы могли предпринять фланговые операции против русских армий, находившихся в Польше. Перед лицом такой угрозы русское главное командование должно было принять решение об отводе армий из Польши, чтобы избежать их жестокого поражения от ударов в оба крыла с севера и юга.

С половины июля немцы предпринимают наступление из Восточной Пруссии против 2-й русской армии, прикрывавшей Наревское направление. Эта операция, известная под именем Праснышского сражения, по своему характеру во многом имела сходство с операцией Макензена на Карпатах [1]. Германская артиллерия длительно громит фронт сибирских и туркестанских стрелков, занимавших окопы. После разрушения первой линии обороны мощным артиллерийским огнем и морального потрясения защитников германская пехота идет в атаку и отбрасывает русских. В результате упорной обороны 2-я русская армия отходит на юго-восток.

Одновременно с атаками из Восточной Пруссии против войск 2-й русской армии немцы и австрийцы организовали атаки с юга из северо-восточной Галиции в левое крыло армий, оборонявших польский «мешок». Но когда сибирские и туркестанские стрелки под ударами немцев отходили на пространстве от р. Нарев до р. Оржиц, по левому берегу р. Вислы, наступление армии Макензена, предпринятое из северо-восточной Галиции, встретило упорное сопротивление русских, а еще южнее, на Владимир-волынском направлении австро-венгерские армии в своих наступательных действиях вовсе не имели успеха, встретив контрудар русских. Несмотря на это, сложившаяся обстановка не улучшила положения русских армий в Польше, а равновесие на южном крыле фронта только облегчало отвод армий из Польши.

5 августа русские оставили Варшаву, а к 7 августа отошли на фронт Осовец, Ломжа, Венгров, Любартов.

Праснышская операция немцев, имевшая частный успех, и медленность наступления армии Макензена в июле—августе 1915 г. позволили русским сравнительно благополучно вывести свои армии из Польши. В качестве трофея немцам досталась крепость Новогеоргиевск, неосмотрительно и неосновательно усиленная ополченцами, которые вместе с постоянным гарнизоном крепости в числе 85 000 чел. и 700 орудиями сдались в плен немцами 20 августа [2].

В течение августа немцы ведут наступательные операции вдоль рр. Нарев и Бобр, а также фланговую операцию с целью обойти крепость Брест-Литовск. В свою очередь, австро-венгерцы, сгруппировав две армии в южной части Полесья, заставили отвести войска юго-западного фронта на рубеж Луцк, р. Стрыпа. Все это, вместе взятое, обусловило дальнейшее отступление русских армий на восток, предприня-

[1] *Корольков,* Праснышское сражение.

[2] Рейхсархив, Мировая война, т. 8, стр. 379 и 380; *Гофман,* Записки и дневники, стр. 172; *Фалькенгайн,* Верховное командование, стр. 128; *Зайончковский,* Мировая война, стр. 210.

тое, чтобы избежать окружения части сил в районе Брест-Литовска. К 1 сентября 1915 г. русские армии окончательно покинули Польшу и отошли на рубеж среднего Немана (Гродно), р. Свислочь, Беловежская Пуща (Пружаны), р. Ясельда.

Однако это было еще не последним звеном в цепи поражений. Непосредственным прологом Свенцянского прорыва была сдача крепости Ковно, которую немцы заняли по преимуществу вследствие бегства части русских войск, призванных оборонять эту крепость. Бегство русских войск «возглавлял» комендант крепости, тен.-от-кав. Григорьев, еще в мирное время известный своей бездарностью. После сдачи Ковно выяснилась неизбежность сдачи кр. Усть-Двинск и Гродно по причине неспособности этих крепостей к обороне.

Россию «непрерывно били за отсталость» [1], но за последние сто лет еще не били Россию так, как били ее в 1915 г.

2. Внутреннее состояние Германии и России к осени 1915 г.

Война 1914 г. была подготовлена всем ходом развития капитализма в эпоху империализма, являясь прямым результатом борьбы империалистических хищников за новый передел мира. Только рабочий класс и его революция могли предупредить мировую бойню, но рабочий класс оказался разоруженным вследствие предательства социал-демократических партий II Интернационала. Ленин писал в октябре 1914 г.: «Вожди Интернационала совершили измену по отношению к социализму, голосуя за военные кредиты, повторяя шовинистические («патриотические») лозунги буржуазии «своих» стран, оправдывая и защищая войну, вступая в буржуазные министерства воюющих стран и т. д. и т. п... Ответственность за это опозорение социализма ложится прежде всего на немецких социал-демократов, которые были самой сильной и влиятельной партией II Интернационала» [2].

Но партиям II Интернационала не удалось добиться цели — привязать весь пролетариат к буржуазной колеснице войны. Лозунги и революционная деятельность большевиков на международной арене сплотили революционный пролетариат на борьбу с империализмом за превращение империалистической войны в гражданскую. «Во всех странах мира, — говорил Ленин в феврале 1916 г., — мы видим теперь, как социалистические и рабочие организации разделились на два больших лагеря. Меньшая часть, а именно вожди, функционеры и чиновники, изменили социализму и стали на сторону правительств. Другая часть, к которой принадлежат сознательные рабочие массы, продолжает собирать свои силы и бороться против войны за пролетарскую революцию» [3].

Уже летом 1915 г. Ленин констатирует, что в большинстве стран Европы налицо революционная ситуация, нарастают революционные бои: «Война ширится. Политические устои Европы шатаются все больше. Бедствия масс ужасны и усилия правительств, буржуазии и оппор-

[1] *Сталин,* О задачах хозяйственников (Вопросы ленинизма, 10-е изд., стр. 445).
[2] *В. И. Ленин (Ульянов),* т. XVIII, 3-е изд., Война и российская социал-демократия, стр. 63.
[3] *Ленин,* т. XIX, 3-е изд., Речь на интернациональном митинге в Берне, стр. 19.

тунистов замолчать эти бедствия терпят все чаще крушения... Обострение противоречий громадное... Одним словом, революционная ситуация в большинстве передовых стран и великих держав Европы — налицо»[1].

Ярчайшим выражением революционизирования широчайших масс явились братания солдат, начавшиеся на франко-германском фронте уже к концу 1914 г.

«Буржуазные газеты всех воюющих стран приводили примеры братанья солдат воюющих наций даже в траншеях. А издание военными властями (Германии, Англии) драконовских указов против такого братанья доказало, что правительства и буржуазия придавали ему серьезное значение. Если при полном господстве оппортунизма в верхах с.-д. партий Западной Европы и при поддержке социал-шовинизма всей с.-д. прессой, всеми авторитетами II Интернационала, были возможны случаи братанья, то это показывает нам, насколько возможно было бы сократить теперешнюю преступную, реакционную и рабовладельческую войну и организовать революционное интернациональное движение при систематической работе в этом направлении, хотя бы только левых социалистов всех воюющих стран»[2].

Систематическая работа русских большевиков против империалистической войны и за поражение своего правительства давала огромные результаты и была одной из важнейших причин, приведших к поражению царизма и победе революции.

Революционизирование солдатских масс Германии развивалось в прямой зависимости от роста экономического кризиса в стране и от осложнений на военном фронте. На западном фронте, где германское наступление потерпело неудачу на Марне в сентябре 1914 г. и после этого начался позиционный период войны, братание уже имело место. В ноябре 1914 г. Ленин писал: «В последнее время газеты неоднократно печатали известия о мирных попытках сближения между траншеями немцев и французов. Как сообщает „Tägliche Rundschau", приказ по армии от 29 декабря запрещает братание и всякое сближение с неприятелем в траншеях; нарушение этого приказа будет караемо как государственная измена»[3].

На русско-германском фронте успешное наступление немцев поддерживало моральное состояние их войск, и до начала 1916 г. братание не было массовым явлением. Недостаток средств продовольствия в Германии стал сказываться только к самому концу 1915 г., когда начинается рост экономических выступлений пролетариата. *Итак на русско-германском фронте ко времени Свенцянской операции германские войска были вполне боеспособны.*

Русские же войска западного фронта к этому времени уже в значительной мере потеряли свою боеспособность как вследствие описанных выше поражений на западном фронте, так и главным образом вследствие общего подъема революционного движения пролетариата, руководимого большевиками, что, в свою очередь, усиливало революционизирование крестьянства. Ленин писал в ноябре 1915 г.:

---

[1] *Ленин*, т. XVIII, 3-е изд., Крах II Интернационала, стр. 246.
[2] *Ленин*, т. XVIII, 3-е изд., Социализм и война, стр. 204.
[3] *Ленин*, т. XVIII, 3-е изд., К иллюстрациям лозунга гражданской войны, стр. 136.

«Теперь мы снова идем к революции. Это все видят. *Сам Хвостов* говорит о настроении крестьян, напоминающем 1905—1906 годы... Военный кризис *усилил* экономические и политические факторы, толкающие ее (мелкую буржуазию. — Евсеев) — и крестьянство в том числе — влево. В этом — объективная основа полной возможности победы демократической революции в России» [1].

В армиях западного фронта росла и усиливалась революционная работа нашей партии, а прибывающие на фронт пополнения несли с собой революционные идеи, революционизирующееся настроение широких масс пролетариата и крестьянства России.

3. Планы германского главного и фронтового командования по продолжению операций осенью 1915 г.

Ограничившись вытеснением русских армий из Галиции, Польши и западной части Прибалтики, начальник германского генерального штаба Фалькенгайн считал, что после отхода русских из Польши крупных операций на востоке вести не следует. Оценивая сложившуюся к концу лета обстановку на восточном фронте уже после ухода с поста начальника генерального штаба, Фалькенгайн пишет: «Еще 9.8 имелась, казалось, прочная надежда, что удастся помешать прорваться к востоку большим русским силам, стесненным в пространстве Нарев, Висла, Вепрж, Влодава, и уничтожить их... Но скоро, однако, выяснилось, что от этого придется отказаться... Противнику, очевидно, удалось своевременно извлечь свои главные силы из опасного для него района. В этом ему помогла сохранившаяся у него оперативная свобода в пространстве к северо-западу и северу от Брест-Литовска...» [2]. Фалькенгайн признает далее, что время для соответствующих перегруппировок германских войск было упущено и на этом основании он делает вывод, что операции в Польше «не достигли своей цели». Русские армии выровняли свой фронт. Исходя из этого, Фалькенгайн держался того взгляда, что на восточном фронте операции в крупном масштабе вести не следует.

В мотивах начальника германского генерального штаба отсутствует другое более важное обстоятельство, позволившее русским вывести свои главные силы из Польши. Нам кажется, что русские не столько сохранили оперативную свободу к северу и северо-востоку от Брест-Литовска, сколько избежали охвата южного крыла западного фронта, что и позволяло им отходить на юго-восток от Брест-Литовска. Кроме того обширные пространства театра вообще затрудняли операции по окружению. Удар в Наревском направлении не мог вывести на пути отхода главной массы русских армий из Польши, так как он был значительно удален от Брест-Литовска. Иное дело, если бы армия Макензена через Люблин ворвалась в Брест-Литовск, опередив здесь русских, а армия Гальвица в это время овладела бы верховьями Нарева у Белостока.

Иной точки зрения держался главнокомандующий восточным фронтом Гинденбург, который докладывал начальнику германского генерального штаба следующие соображения: «Операция на востоке, несмотря на прекрасное проведение Наревского удара, не привела к уничтожению

[1] *Ленин*, т. XVIII, 3-е изд., О двух линиях революции, стр. 316—317.
[2] *Фалькенгайн*, Верховное командование, стр. 120.

противника. Русские, как и нужно было ожидать, вырвались из клещей и добились фронтального отхода в желательном для них направлении. Они могут при помощи своих хороших путей сообщения группироваться теперь, где им заблагорассудится, и направить значительные силы против моего левого крыла, угрожающего их сообщениям. Последнее, я считаю, в опасном положении. С другой стороны, решительный удар возможен сейчас еще только со стороны Ковно, хотя для него, к сожалению, потеряно очень много времени. Поэтому еще раз я настоятельно ходатайствую об усилении моего левого крыла, чтобы по обстоятельствам или действовать наступательно или, по крайней мере, удержать за собой до сих пор занятую территорию. Я подчеркиваю еще раз, что в наступлении моего левого крыла против тыла и сообщений противника я вижу единственную возможность его уничтожения. Такое наступление, вероятно, еще и теперь является единственным средством избежать нового похода, если только это уже не поздно».

Вполне резонные соображения главкома восточного фронта в части целесообразности удара со стороны Ковно страдают, однако, неточностями. Русские вовсе не располагали хорошими путями сообщения, как это пишет Гинденбург, а, наоборот, пути сообщения стесняли маневрирование русских. Чем далее на запад, тем пути сообщения были лучше, и, наоборот, чем далее на восток, тем хуже, а, следовательно, в дорожном отношении преимущества были не у русских, а у немцев. Во-вторых, немцы сохраняли за собой оперативную инициативу на всем театре войны. В-третьих, опасения Гинденбурга за левый фланг фронта не имели основания, потому что русские в Прибалтике с трудом оборонялись. А что касается перегруппировки русских сил на север, то в предупреждение этого Гинденбург мог сделать раньше русских соответствующую перегруппировку своих сил, чтобы избежать осложнений на своем левом фланге, так как, с одной стороны, он имел лучшие пути сообщения, а с другой — перед фронтом 8-й и 12-й германских армий русские отходили, не принимая боя.

Вместе с тем заключительная часть доклада страдает неопределенностью в смысле срока операции. Определение «если только это уже не поздно» не делает чести автору, так как ему самому надлежало определять срок операции.

Гинденбург и Людендорф имели крупные и принципиальные разногласия с начальником генерального штаба Фалькенгайном по вопросу об общем характере операций на востоке и, в частности, о Виленской операции, что мы называем Свенцянским прорывом [1]. Взаимоотношения Гинденбурга и Фалькенгайна представляют самостоятельный интерес, так как в ходе подготовки к описываемой нами операции подобные же разногласия имели место между русской ставкой и главнокомандующим западного фронта, а в ходе операции отчасти и с главнокомандующим северного фронта.

Это заставляет нас вернуться к начальнику германского генерального штаба Фалькенгайну, который на соображения и претензии Гинденбурга — Людендорфа отвечал:

[1] Мы оставляем название операции „Свенцянский прорыв" потому, что прорыв германской конницы на Свенцяны имел решающее значение на весь ход операции. — *Н. Е.*

«Уничтожение врага никогда не ожидалось от текущих операций на востоке, а только—решительная победа, отвечающая целям верховного командования. Уничтожение в целом и не должно в данном случае делаться предметом достижений, так как нельзя задаваться целью уничтожить врага, значительно превосходящего в силах и стоящего фронтально против вас, раз он располагает прекрасными сообщениями, достаточным временем и безграничным пространством, в то самое время как вы сами вынуждены оперировать в бедных путями районах, имея в своем распоряжении очень ограниченное время.

«Что противник, однако, для наших целей уже решительно разбит, в этом едва ли будет сомневаться тот, кто учтет, что в три месяца одними пленными русские потеряли около трех четвертей миллиона, бесчисленный материал, не говоря о Галиции, королевстве польском и герцогстве курляндском, наконец, они потеряли возможность серьезно угрожать Австро-Венгрии при начале ее итальянской кампании и вообще в недалеком будущем, а также лишились возможности в критический момент направить на Балканы свои одесские армии. Затем, имеются некоторые виды на то, что результаты операции еще возрастут, так как удалось не менее как пять основательно разбитых неприятельских армий втиснуть в пространство между Белостоком и Брестом.

«Конечно, операция, вероятно, протекла бы еще решительнее, если бы было возможно одновременно с нею нанести удар через Неман. Но верховное командование не располагало для этого никакими силами, а ваше превосходительство считали применение неманской армии в Курляндии более необходимым. Этим высказывается не суждение, а только отмечается факт» [1].

В этом обмене мнений по преимуществу затрагивались вопросы минувшей операции в Польше и только отчасти дело касалось подготовки операции в северной Литве и Латвии. Хотя в нашу задачу не входит разбор, кто в данном случае был прав и кто виноват, но мы считаем себя обязанными отметить характерную тенденциозность командующего германским восточным фронтом и его начальника штаба в оценке обстановки на их фронте, преднамеренно сгущавших краски, очевидно, преследуя цель — получение резервов.

Что касается начальника генерального штаба, то последний, по нашему мнению, объективно оценивал обстановку и со своей стороны делал все, что мог в отношении усиления армий Гинденбурга.

Раньше было уже отмечено, что число германских дивизий против русских армий было доведено с 9 до 42 пех. и с 1 до 10 кав. дивизий, и вряд ли начальник генерального штаба мог еще так или иначе увеличить силы на восточном фронте, тем более что ему было известно о подготовке наступления союзников на западе. Кроме того требовалось содействие австро-венгерцам в их операциях в Сербии, которые развивались медленно и безуспешно. Что касается руководства операциями восточного фронта, то начальник германского генерального штаба предоставил широкую свободу действий командующему фронтом, что видно из следующих строк воспоминаний Фалькенгайна:

«На фронте главнокомандующего восточным фронтом на 18 августа

[1] *Фалькенгайн*, Верховное командование, стр. 121 и 122.

намечалась ускоренная атака крепости Ковно частями 10-й армии. Главнокомандующий хотел использовать успех развитием дальнейшего наступления в этом районе. Верховное командование с этим согласилось, так как содействие северного фронта обоим южным для достижения общей цели теперь отпадало и всякое нанесение дальнейшего вреда врагу весьма было желательно. А относительно вновь заявленных просьб о подкреплении было указано, что таковое может быть осуществлено лишь в том случае, если при предстоящем взятии Новогеоргиевска освободятся части здешней осадной армии. К счастью, это случилось уже два дня спустя. Не менее 85 000 пленных и 700 орудий попали в немецкие руки. Из четырех дивизий осадной армии три были предоставлены фронту для севера. Приказ главнокомандующего восточным фронтом об их наступлении был отдан 28 августа.

«Согласно приказу 8-я и 12-я армии должны были вплотную преследовать противника и 8-я же — овладеть крепостью Гродно. 10-я армия должна была в дальнейшем атаковать на фронте Ораны — Вильна, нанося главный удар на Вильна и севернее. Неманская армия должна была сковать врага перед г. Фридрихштадт и затем прикрывать левое крыло 10-й армии против р. Двины. Эти намерения совпадали с директивами верховного командования, отправленными в тот же день северному фронту. В них было указано повести намечаемые операции севернее верхнего Немана и восточнее среднего с нанесением врагу возможно большего вреда. Должна ли достигнутая к началу зимы линия упираться в море у Рижского залива или у Либава, — это предоставлялось главнокомандующему.

«Выбор постоянной оборонительной линии или вместо нее применение подвижной обороны, это также предоставлялось главнокомандующему. Для общего хода войны было только важно, чтобы найден был такой оборонительный рубеж, который мог бы быть удержан с возможно малыми силами и малым числом снарядов.

«Попутно с этим вновь было указано на то, что не признается возможным окончательно уничтожить того врага, который крепко решил уступать, не считаясь с размером жертв людьми и территорией, раз он поставлен под серьезную угрозу, и у которого в распоряжении имеется необъятная Россия» [1].

Мы привели цитату Фалькенгайна, чтобы установить его взгляды на характер операций против России. Эти взгляды, по нашему мнению, были основательны. Несмотря на низкую боеспособность русских войск, немцы не могли рассчитывать на уничтожение и вывод России из войны одним ударом. Располагая огромными пространствами, русские отходили бы на восток, и по мере продвижения немцев сила сопротивления русских армий стала бы возрастать; у немцев потребовалась бы масса войск на одну оккупацию завоеванной обширной территории, а военные действия пришлось бы продолжать своим порядком. Что касается выхода России из войны в этой обстановке, то на это вряд ли можно было рассчитывать, так как русское правительство еще оставалось «верным» союзническим обязательствам, ибо оно продолжало рассчитывать на захват Галиции, Дарданелл, Армении и т. д. при помощи Антанты, несмотря на потерю Польши, Литвы и Курляндии.

[1] *Фалькенгайн*, Верховное командование, стр. 128.

Планы царизма о заключении сепаратного мира возникли только в 1916 г., когда был налицо подлинный военный разгром, над самодержавием нависла неотвратимая угроза революции и стало очевидно, что Антанта сама хочет завладеть Дарданеллами.

Что касается Людендорфа, то он как фактический руководитель восточного фронта задавался, якобы, частными целями. Свои намерения он так вскрывает в воспоминаниях:

«Во второй половине августа идея развития операции восточнее Немана начала принимать определенные формы. Фланг русских армий, отступавших из Польши, можно было атаковать, если вообще это еще было возможно, лишь в общем направлении удара Ковно, Вильна, Минск. Этот удар должна была нанести 10-я армия, а 8-я и 12-я и южный фронт — оставаться в тесном соприкосновении с противником. Фланг операции 10-й армии должен был быть обеспечен с севера со стороны железнодорожной линии Рига — Двинск, в которую вливаются с северо-востока и востока несколько железных дорог, а также со стороны линии Полоцк — Молодечно и Орша, Борисов, Минск. Неманская армия должна была продолжать наступление, перенеся центр его тяжести на Двинск, а в сторону обеих последних железнодорожных линий направлялись крупные кавалерийские массы.

«На фронте 10-й и Неманской армий русские занимали сплошной фронт, однако северо-восточнее Ковно он был жидок. Этот фронт должен был быть прорван, т. е. отброшен за Вильна и на Двинск, попутно с чем кавалерийские дивизии должны были двинуться на Полоцк, Минск.

«Русское отступление продвинулось уже далеко на восток, и оставалось под вопросом, может ли теперь эта операция дать крупный выигрыш. Не могло быть сомнений, что каждый день промедления отнимает у нас шансы на успех. Я даже колебался, не следует ли ограничиться ударом через Олита и Ораны на Лиду... Я сохранил идею большой операции, так как она могла привести к большому успеху. Здесь нам приходилось действовать втемную. Было ясно, что 10-я армия нуждалась в усилении, и к ней были присоединены войска, действовавшие против Новогеоргиевска» [1].

Кончая на этом выяснение существа разногласий между начальником генерального штаба и главкомом восточного фронта, отражавшихся на подготовке операции, отметим, что практически они сводились к требованиям усиления состава фронта Гинденбурга новыми войсками. Между тем немцы испытывали уже серьезные затруднения в комплектовании частей, а также в средствах транспорта. Это последнее обстоятельство сильно стесняло немцев в темпах подготовки операции, на что ссылается в своих мемуарах Людендорф [2].

Чтобы покончить с обзором плана немцев, небезынтересно послушать бывшего начальника оперативного управления штаба Гинденбурга, ген. Гофмана. В своих дневниках, надо полагать исправленных автором перед сдачей в печать, Гофман изо дня в день высказывает свое неудовольствие ставкой и персонально начальником генерального штаба, ген. Фалькенгайном, которые, по мнению Гофмана, являлись помехой в опе-

---

1 *Людендорф*, Мои воспоминания, т. I, стр. 135.
2 *Людендорф*, Мои воспоминания, т. I, стр. 135—137.

ративной деятельности Гинденбурга, Людендорфа и Гофмана. 18 августа Гофман пишет: «Если Новогеоргиевск падет, мы тогда получим три свободных дивизии, которые мы сможем перебросить к северу от Ковно. В таком случае мы сумеем и без помощи ставки проводить наши операции по направлению к Вильна, и тогда положение в общем значительно улучшится. Будем надеяться, что верховное главнокомандование, наконец, примет разумное решение для дальнейшего ведения операций».

28 августа в дневнике Гофмана мы находим следующую оценку директивам главного командования: «Сегодня поступили длиннейшие инструкции от верховного главнокомандования. Ах, господи! Какую войну ведут эти люди! Мы, конечно, не сделаем того, что они предписывают, иначе это было бы ужасно».

Трудно сказать, о каких инструкциях ведет речь ген. Гофман, а что касается (приведенной нами выше) директивы начальника генерального штаба об операциях в Литве и Латвии, то мы полагаем, что она была совершенно правильна и соответствовала общей обстановке и обстановке на фронте Гинденбурга.

За 31 августа Гофман снова критикует ставку: «Единственное, что вызывает мои заботы, это ничтожество нашей верховной ставки. Можно даже стать социал-демократом. Они никак не могут решиться на какое-нибудь энергичное мероприятие». Далее речь идет о трех корпусах, находящихся в распоряжении ставки, точнее начальника генерального штаба. Конечно, вряд ли нашелся бы такой командующий фронтом, который бы не хотел иметь у себя те или иные резервы, но нам представляется, что претензии Гофмана насчет увеличения сил фронта Гинденбурга неосновательны, если исходить из общего положения германских фронтов, из коих наиболее прожорливым был западный, требовавший массу живой силы, и менее прожорливый — восточный, на котором немцы настолько потрепали русских, что могли длительно, а может быть и никогда не поворачивать массы своих войск против России.

Что касается собственно планов начальника генерального штаба и командующего восточным фронтом на осень 1915 г., то, по нашему мнению, никаких разногласий на этот счет не было. План сводился, как об этом пишут Фалькенгайн и Людендорф, к нанесению удара через Вильна на Минск и вспомогательных ударов от Ковно на Двинск и с верхнего Немана на фронт Лида, Барановичи.

В этом смысле 30.8 были отданы директивы армиям фронта Гинденбурга [1].

4. Планы русского главного и фронтового командования

Для сопоставления планов сторон необходимо проследить работу русских, во многих отношениях поучительную и вместе с тем во многом схожую по своему содержанию с работой немцев.

Утратив инициативу на всем стратегическом фронте от Балтийского моря до Днестра, получая энергичные удары в разных пунктах длинного фронта, русское главнокомандование принимает меры к обеспечению своего фронта резервами, в частности, в Виленском районе, чтобы парировать возможные в этом направлении удары немцев.

---

[1] Рейхсархив, т. 8, стр. 490—492.

14 августа начальник русского штаба главнокомандующего (нач. штаба главкома) [1] приказывает командующему фронтом [2] «по мере отхода войск на левый берег Буга и общего сокращения фронта армий, действующих на передовом театре, вывести из боевых линий гвардейский корпус, сосредоточив его в Брест для посадки на железную дорогу и перевозки в Вильна [3] в распоряжение главнокомандующего». Нач. штаба главкома мотивирует это приказание тем, что того «требует общее наше положение на западном фронте». «Вместе с тем, — продолжает начальник штаба главкома, — верховный главнокомандующий признает крайне желательным скорейшую переброску одного из полевых управлений армий, входящих в состав вверенного Вам фронта, для объединения действий войск, собранных в Виленском районе». «Независимо от изложенного, — пишет начальник штаба, — не представляется ли возможным назначить также к перевозке на Виленский фронт одно из корпусных управлений из состава армий, действующих на передовом театре, в целях организации управления войсками, действующими в названном районе, где собирается до четырех дивизий».

На вполне целесообразное требование нач. штаба главкома, правильно оценивавшего значение Виленского района, кумир русского империализма — командующий фронтом ген. Алексеев отвечал: «До тех пор пока армии фронта не получат укомплектований, вывести из боевой линии 27 000 штыков гвардейского корпуса из 90 000, составляющих силу 3-й армии, представляется крайне опасным. Сокращение фронта армии не уменьшает количества дивизий неприятеля, действующих против армии на линии Белосток, Брест»... «ослабленные армии, лишенные пополнений, бедные до крайности огнестрельными припасами, сдерживают врага, по мере возможности, живою силою, и уменьшать таковую *на направлении, сохраняющем свое значение главнейшего*, без риска за все положение нельзя». Далее командующий фронтом просит доложить это главкому на усмотрение и еще раз отмечает, что его армии, действующие на передовом театре, «выполняют главнейшую задачу», «несут главнейшую тяжесть борьбы», «сдерживают главнейший напор врага». Опасность пока «вся здесь», так заключает свой ответ [4] командующий фронтом.

В то время когда начальник штаба главкома видит, что на Виленское направление переносится центр приложения боевых усилий немцев, командующий фронтом считает, что главнейшим направлением продолжает оставаться фронт его армий, находящихся на передовом театре и ведущих арьергардные бои против фронтального наступления 8-й и 12-й германских армий. Между тем, рассматривая план немцев, мы уже видели, что они именно в половине августа предоставили своим 8-й и 12-й армиям вести фронтальное наступление, сосредоточивая главные силы на Ковно-виленском направлении.

Через 4 дня, 18 августа, начальник штаба главкома от имени главнокомандующего категорически приказал высаживать гв. корпус в Вильна, а кроме того в тот же район перебросить еще два корпуса, не слабые,

---

[1] Ген. Янушкевич.
[2] Ген. Алексеев.
[3] ВИА, д. № 434, лл. 2 и 3.
[4] ВИА, д. № 440, лл. 13—16.

а наиболее боеспособные из состава фронта. Между прочим, командующий фронтом намечал послать в Виленский район наиболее слабые и наименее боеспособные 2-й сибирский и 2-й кавказский корпуса, понесшие очень крупные потери в предыдущих боях. В этой директиве начальник штаба главкома писал: «Главнокомандующий вновь обращает внимание на необходимость энергичной переброски в Виленский район наиболее боеспособных войск. Причем назначенные для сего корпуса должны итти в полном своем составе, т. е. со всей артиллерией, не исключая гаубичной, с саперными частями и корпусной конницей, а гвардейский корпус, кроме того, и с приданной ему тяжелой артиллерией» [1].

Если начальник германского генерального штаба и командующий германским восточным фронтом вели тяжбу из-за трех корпусов и вообще резервов, то начальнику штаба русского главкома доводилось вести борьбу с командующим фронтом из-за частей, органически входивших в состав корпусов, так как корпусные саперы, артиллеристы и кавалеристы того или иного корпуса могли быть оставлены при переброске, т. е. могла быть нарушена существовавшая организация.

В ответ на категорическое приказание начальника штаба главкома командующий фронтом писал: «Совершенно не имею сильного состава корпусов, все приблизительно одинаковы, особенно после того когда 2-я армия провела бои 16 и 17 августа. Только на крайнем левом фланге 31-й корпус сохранил больше рядов, но смена его сложна и медленна. 2-й кавказский корпус назначил тогда, когда совершенно не имел в виду, что он будет втянут в бой. Теперь смена в полном ходу и менять распоряжение трудно. Восстановить боеспособность, вернее говоря, силу корпуса легко, если направить Двинск и Псков укомплектования... Никаких предвзятых целей назначением не преследовалось» [2].

Пока между начальником штаба главкома и командующим фронтом велась полемика по поводу сосредоточения в Виленском районе крупных сил, при активном противодействии этому сосредоточению со стороны командующего фронтом, немцы деятельно готовились к нанесению удара русским в Виленском направлении. Русские же корпуса, несмотря на нажим начальника штаба, все еще выбирались, назначались, менялись, но не маршировали к месту своего назначения.

Как мы видели выше, полемика и разногласия между начальником штаба главкома и командующим фронтом велись сперва по поводу того, какое направление является главнейшим, затем по поводу назначения и переброски в Виленский район более боеспособных корпусов. И хотя командующий фронтом Алексеев пишет, что никаких предвзятых целей назначением тех или иных корпусов не преследовалось, мы берем это под сомнение, так же как и его искренность в оценке главнейшего направления и, в частности, его искренность в вопросе о сосредоточении боеспособных корпусов в Виленский район.

16 августа в Волковыск на совещании главнокомандующего с командующим фронтом и при участии других высших военных начальников были приняты принципиальные решения, в частности, организацион-

---

[1] ВИА, д. № 434, лл. 83—85.
[2] ВИА, д. № 434, лл. 86—87.

ного порядка, повлиявшие на последующее поведение командующего фронтом, Алексеева (схема 1).

Об этом совещании главнокомандующий так доносил лично царю:

«1. Выяснилась необходимость и своевременность подразделения армий северо-западного фронта на два новых фронта: северный и западный, так как управление восемью армиями, отходящими на фронт к северу от Полесья, крайне затруднительно для одного лица. На должность главнокомандующего северным фронтом мною предназначен ген.-адъютант Рузский, в подчинении коего останется 6-я армия, Балтийский флот и перейдут три северные армии, развернутые на западных наших границах.

«2. Оценка общей обстановки привела к необходимости принятия энергических мер по упрочению нашего положения на правом фланге фронта. Принятие в этом отношении соответственных мер становится еще более необходимым ввиду возможности утраты нами крепости Ковно. Поэтому ген.-от-инф. Алексееву мною дано указание в ближайшее время вывести из боевых линий гвардейский корпус и из левофланговой 13-й армии, прикрывающей наименее важные в настоящее время пути на Кобрин, Пинск, еще два корпуса, каковые корпуса назначить к перевозке в Вильно-двинский район. Вместе с тем обращено внимание главнокомандующего фронтом на важность прочного удержания Бреста с его районом».

В пункте 3 главнокомандующий докладывает о неизбежности сдачи крепости Ковно и необходимости своевременного вывода из нее войск. В пункте 4 то же самое относительно крепости Гродно и в пункте 5— крепости Усть-Двинск [1].

Тогда же главнокомандующий отдал подробную директиву генералам Алексееву и Рузскому, в которой писал:

«1. Общее положение на северо-западном фронте, обширность района, охватываемого этим фронтом, сложность задач, лежащих на нем, а также значительное число войсковых соединений, составляющих этот фронт, вызывают необходимость разделения его на два новых фронта: северный и западный, с непосредственным подчинением каждого из них мне. Главнокомандующим армиями северного фронта мною предназначается главнокомандующий 6-й армией, ген.-ад. Рузский. Западный фронт вверяется ген.-от-инф. Алексееву.

«Ген.-ад. Рузский вступает в главнокомандование северным фронтом в полночь с 30 на 31 августа.

«2. Разгранлинией между фронтами устанавливается г. Августов, Августовский канал до селения Горчица и далее на селение Копциово, Лейпуны, Дубокланцы, Марцинканцы, Вороново, Сурвелишки, Люск, Молодечно, Сенно и ст. Заболотники; линия эта принадлежит западному фронту.

«3. Основной задачей северного фронта является прикрытие путей к Петрограду из Восточной Пруссии и со стороны Балтийского моря. В частности, армиям северного фронта надлежит:

«1) Прочно удерживать в наших руках Средненеманский район, имея в виду крайне важное значение сохранения за нами этого района

---

[1] ВИА, д. № 434, конверт № 16.

не только для армий западного фронта, но и для общего нашего стратегического положения к северу от Полесья.

«2) Прикрывать пути, ведущие по правому берегу р. Неман в Виленский район и к участку железной дороги Вильна, Двинск.

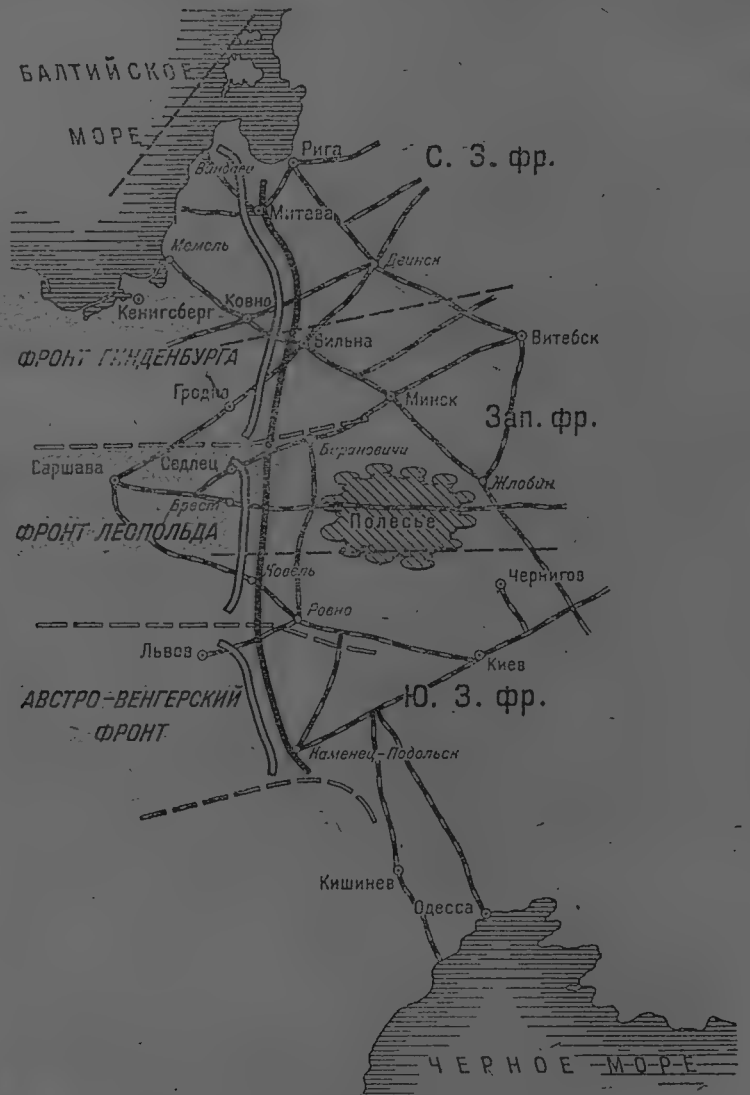

Схема 1. Деление фронтов.

«3) Удерживать в наших руках течение р. Двины от Двинска до Риги включительно.

«Вместе с тем войска северного фронта должны стремиться к тому, чтобы при первой возможности перейти в решительное наступление

с целью оттеснить противника насколько возможно к западу и этим лишить его выгодного исходного положения для развития операций в обход правого фланга общего нашего стратегического фронта.

«Основной задачей западного фронта является прикрытие путей, ведущих на Москву из передового театра. В частности, армиям западного фронта надлежит:

«1) Прочно удерживать в своих руках Гродно-белостокский район и фронт его от верхнего Нарева до Бреста включительно.

«2) Прикрывать пути по правому берегу верхнего Буга к фронту Брест, Кобрин, Пинск, Лунинец.

«4. Предстоящее разделение войск, ныне вверенных ген.-от-инф. Алексееву, на два новых фронта и существо задач, возлагаемых на войска каждого из этих фронтов, вызывают необходимость коренной перегруппировки войск, ныне составляющих северо-западный фронт.

«При этом создавшаяся к настоящему времени обстановка требует принятия немедленных мер для упрочения нашего положения на правом фланге Средненеманского района.

«Это основное положение выступает с особенной яркостью ввиду возможной утраты Ковно.

«При существующей обстановке наименее важными являются пути, прикрываемые 13-й армией, как ведущие в район, лишенный важных предметов действий.

«Вследствие этого необходимо, прочно удерживая крепость Брест и ее район, приступить к скорейшей переброске из состава 13-й армии двух наиболее боеспособных корпусов в Виленский район, не считая гвардейского корпуса, перевозка коего в Вильну предрешена уже моим повелением 14 августа.

«5. С переброской в Виленский район указанных трех корпусов признаю необходимым в целях объединения действий в этом районе иметь особую армию, для чего одновременно с войсками и во всяком случае не позднее 25 августа перевезти распоряжением ген.-от-инф. Алексеева в тот же район полевое управление 13-й армии, каковому полевому управлению, с прибытием его к новому месту назначения, присваивается наименование полевого управления 12-й армии.

«Первоначальный состав и задачи этой 12-й армии устанавливаются, в зависимости от обстановки ген.-от-инф. Алексеевым.

«6. Со вступлением ген.-ад. Рузского в главнокомандование войсками северного фронта в его подчинение переходят 12-я, 5-я и 10-я армии: последние две армии в их нынешнем составе, за исключением 20-го корпуса, о котором последует дополнительное распоряжение» [1].

Далее указывался порядок формирования штаба северного фронта, руководство деятельностью тыла, а также указание о постройке укреплений на фронте от р. Пина, по рр. Ясельде и Шаре и далее на север с таким расчетом, чтобы надежно прикрыть железнодорожные узлы Лида, Вильна, Двинск, Режица и Валк и далее пути от Риги на Пернов и Ревель. Особым пунктом даны указания о крепостях Ковно, Гродно и Усть-Двинск в уже известном нам смысле, а, кроме того, и указание о сохранении этого в особой тайне.

---

[1] ВИА, д. № 434, конверт № 17.

Приведенная нами пространная директива главнокомандующего (Николая Николаевича), на наш взгляд, вполне отвечала создавшейся обстановке и по сути дела являлась планом войны по крайней мере на осень 1915 г. и планом реорганизации фронтового управления.

Выше мы уже видели, как командующий фронтом Алексеев выполнял этот план войны в отношении обеспечения Виленского района. Однако этого мало. В последующее время выполнение «повелений» главнокомандующего приобрело еще более недопустимый характер.

21 августа начальник штаба главнокомандующего запрашивает вновь назначенного командующего фронтом Рузского, когда тот может начать руководство операциями [1]. И только спустя двое суток Рузский отметил отказом вступать в командование до тех пор, пока он не сформирует себе штаба фронта [2]. 27 августа начальник штаба снова просит принять командование фронтом в ранее установленное время, т. е. в ночь с 30 на 31 августа. При этом указано,что 10-я армия пока остается в подчинении командующего западным фронтом. По этому поводу возникает переписка, дается отсрочка, Рузский выговаривает себе вступление в командование на 12 часов позднее указанного ему срока [3].

Наконец имел место еще больший по своим последствиям конфликт между царем и главкомом. Царь внезапно принимает решение вступить в роль «Верховного главнокомандующего», отстраняя этим от руководства ведением войны Николая Николаевича.

Это решение было принято царем в результате определенного давления известной части дворцовых кругов, видевших в этом одно из средств упрочения пошатнувшегося престижа царя и монархии и устранения от государственного порога своих конкурентов.

Дворцовая камарилья считала, что одно появление в ставке бесхарактерного, ограниченного, ничего не знающего в военном деле царя поднимет активность армии и страны. Это самоназначение царя было встречено русскими капиталистами и Антантой весьма недружелюбно. Русская буржуазия при поддержке Антанты принимает все меры к овладению руководством «делом обороны». Усиленным темпом она развертывает организацию военно-промышленных комитетов, Союза земств и городов и т. д.

В Петербурге, Москве и других городах русские меньшевики, всецело поддерживая буржуазию, принимали деятельное участие в организации так называемых «рабочих групп» при военно-промышленных комитетах, имевших целью отвлечь рабочий класс от борьбы против империализма и направить его энергию на «организацию победы» в войне против немцев.

Таким образом устранение Николая Николаевича иллюстрировало обострение борьбы за государственный аппарат внутри дворцовых кругов, обострение отношений между помещиками и буржуазией. Политический смысл этого акта был сразу осмыслен правительством Вильгельма.

Гофман, получив весть о воцарении на фронте коронованного главнокомандующего, писал: «Мне кажется, что решение царя принять на

[1] ВИА, д. № 434, л. 142.
[2] ВИА, д. № 434, лл. 187—188.
[3] ВИА, д. № 434, л. 311.

себя верховное главнокомандование и снять Николая Николаевича имеет большое значение. Это — типичный государственный переворот. Если даже царь не хочет мира, ибо он твердо убежден, что мы на него напали без всякого повода, все же кровное оскорбление, нанесенное великому князю, который удерживал все своей железной энергией, нам только на руку» [1].

На должность начальника штаба главкома и фактического руководителя армиями фронтов был предназначен командующий фронтом Алексеев, который немедленно и приступил к реорганизации управления армии и к чистке ставленников бывшего главкома.

Это встретило сильнейшее сопротивление со стороны Николая Николаевича, который всячески тормозил сдачу дел, царь же проявлял полную нерешительность. Возникла склока между Алексеевым и бывшим главкомом.

В то время когда Алексеев должен был как командующий фронтом выполнять известную нам директиву главнокомандующего о перегруппировке армий фронта, этот генерал занялся несовместимой с обстановкой и его званием борьбой против выполнения директивы. Алексеев жалуется царю, что начальник штаба главкома делает ошибки в оперативном руководстве. Это повлекло за собой соответствующие указания царя главкому, а главкома — своему начальнику штаба, которому 27 августа было указано, чтобы никаких распоряжений оперативного характера без ведома и согласия Алексеева начальник штаба впредь не делал [2]. Алексеев уже становился в роль фактического главкома, а юридически до поры до времени в ставке сидели Николай Николаевич и его начальник штаба Янушкевич, устраненные от руководства действиями фронта и армий, но не сдававшие дел.

Но и Алексеев, получив власть над всеми вооруженными силами России, пока не руководил этими действиями в столь ответственный период борьбы. Снова возникает переписка между ставкой и Алексеевым, на этот раз в иной субординации: Алексеев диктует ставке, а ставка исполняет его распоряжения [3].

По согласованию с Алексеевым 29 августа отдается директива о разделении фронтов с поправкой относительно оставления 10-й армии в подчинении западному фронту. При этом западный фронт должен прочно удерживать Виленский район [4].

Хотя старое главнокомандование удалялось от руководства, хотя план его действий и саботировался командующим фронтом и будущим начальником штаба коронованного главкома, этот план не подлежал изменению, так как он соответствовал обстановке. Сопротивлявшийся этому плану Алексеев должен был теперь выполнять его. Проволочка же с выполнением плана вызвала соответствующую задержку в перегруппировке войск на несколько суток, которых было не так уж много дано русским немцами.

---

[1] *Гофман,* Записки и дневники, стр. 175.
[2] ВИА, д. № 434, лл. 239—240.
[3] ВИА, д. № 434, л. 245.
[4] ВИА, д. № 434, лл. 275—277.

5. Обстановка на фронте Двинск — Полесье к началу сентября 1915 г. (схема 2)[1]

На фронте Двинск, северная оконечность Полесья, к началу сентября командующий германским восточным фронтом Гинденбург развернул свои войска в следующей группировке: перед фронтом 5-й русской армии стояла армейская группа Лауэнштейна (из состава Неманской армии), 4 пех. дивизии и 2 кав. дивизии, с задачей наступать в направлении Двинск, нанося главный удар правым флангом на Уцяны. Перед фронтом 10-й русской армии развернулась 10-я германская армия в составе: 6-й кав. корпус Гарнье—2 кав. дивизии и бригада 80-й пех. дивизии, группа комкора 1-го армейского (Эбен)—4 пех. и 1 кав. дивизия, группа комкора 21-го армейского (Гутьера) — 5 пех. дивизий, группа Лицмана (комкор 40-го резервного) — 5 пех. дивизий, группа Карловица (комкор 3-го резервного) — 3½ пех. дивизии, а всего в составе 10-й армии 17½ пех. и 4 кав. дивизии. Армия имела задачей нанести удар севернее Вильна, овладеть г. Вильна, выбросив в юго-восточном направлении конную массу на тылы 10-й русской армии[2].

На фронте Друскеники, Мосты развернулась 8-я армия в составе 8 пех. дивизий с задачей наступать на фронт Воронюво, Лида, сковывая русские силы, действующие на этом направлении, с ударной группировкой на правом фланге вдоль железной дороги Мосты, Лида. На верхнем Немане — 12-я армия в составе 9 пех. дивизий с тремя левофланговыми дивизиями группы Леопольда имела задачей наступать на фронт Лида, Барановичи, сковывая русские силы, действующие на данном направлении; наиболее плотная группировка армии — на р. Зальвянка, в общем направлении Барановичи.

Всего армии Гинденбурга имели 41½ пех. дивизии и 6 кав. дивизий на фронте 370 *км*, причем на активном участке (левый фланг 10-й армии) на фронте 50 *км* было сосредоточено 12 пех. и 4 кав. дивизии, на активном правом фланге 8-й армии на фронте 20 *км* — 5 пех. дивизий, на активном правом фланге 12-й армии на фронте 40 *км* — 10 пех. дивизий[3]. Таким образом ударные группировки армий Гинденбурга имели 110 *км* активного фронта в трех разных направлениях, где было сосредоточено 28 пех.[4] и 4 кав. дивизии, что составит на каждую пехотную дивизию 4 *км*. Вместе с тем на остальном протяжении фронта в 260 *км* оставалось только 13½ пех. и 2 кав. дивизии, т. е. на каждую пехотную дивизию около 20 *км* фронта.

Приведенный нами анализ группировки показывает, что немцы из 370 *км* общего протяжения фронта для активных действий предназначили несколько менее ⅓ части (110 *км*), использовав на этом фронте ⅔ сил пехоты и целиком стратегическую конницу (28 пех. и 4 кав. дивизии).

Политико-моральное состояние германских армий на восточном фронте в то время было достаточно устойчивым, благодаря шовинисти-

---

[1] В схемах, составленных по материалам ВИА, корпуса показаны римскими цифрами, как было принято в русской и германской армиях.

[2] Рейхсархив, т. 8, стр. 498 и 499.

[3] С 3 дивизиями группы Леопольда.

[4] 75-я зрез. пех. дивизия в районе Ковно.

ческому угару, активной политической работе, развернутой буржуазными политическими партиями, в особенности германской социал-демократической партией. Кроме того германские войска непрерывно одерживали победы над русскими, что также использовалось для поднятия патриотического настроения солдатских масс.

Материальное состояние германских армий было достаточно прочное как вследствие превосходной организации подвоза всех видов снабжения и эвакуации раненых, так и за счет грабежа местного населения захваченных германскими войсками территорий, а также потому, что русские армии при отступлении оставляли всюду на своем пути колоссальные запасы продовольствия и фуража, хотя и старались жестоко истреблять их. Германский солдат во всяком случае в то время еще был сыт, одет, обут, имел ружье и большое количество патронов, в войсках было много пулеметов и артиллерии разных калибров, снабженных нужным количеством снарядов. Войска нормально получали отдых, не мотались бесцельными маршами, так как германские штабы более умело организовывали боевую службу и марши, чем войсковые штабы русских, а отчасти и австро-венгерцев. Германское командование заботилось о солдатах и более или менее бережливо расходовало солдатскую энергию и солдатские жизни, так как германский империализм к тому времени уже не располагал миллионными человеческими резервами, какими располагал русский империализм.

Армиям Гинденбурга противостояли русские армии северо-западного (позднее северного и западного) фронта. Двинское направление прикрывала 5-я армия (Плеве) в составе 19-го и 3-го арм. корпусов. На правом фланге армии располагался конный отряд графа Граббе (две кав. дивизии с полком пехоты), а на левом фланге армии—такой же конный отряд Казнакова, между ними, седлая железную дорогу Поневеж — Двинск, располагались 19-й и 3-й арм. корпуса Всего в армии было 5 пех. и 5 кав. дивизий, имевших 39 682 штыка и 13 622 сабли на 100 *км* фронта, что в среднем составит на 1 *км* фронта 396 штыков, 136 сабель и 2—3 орудия. Армия седлала железнодорожную линию Поневеж—Двинск и Поневеж—Свенцяны, имея задачей оборонять занимаемый фронт, прикрывать пути на Петербург (Ленинград). К северу от 5-й армии происходило развертывание 12-й русской армии (Горбатовского):

Южнее — на фронте Ширвинты и устье р. Меречанка — 10-й германской армии противостояла 10-я русская армия (Радкевича) в составе 7 корпусов [1] (18½ пех. дивизий) и 3½ кав. дивизий [2], имевшая на фронте 130 *км* 106 352 штыка, 10 500 сабель и 601 орудие, что в среднем дает плотность 818 штыков, 80 сабель и 4,7 орудия на 1 *км* фронта. При этом наиболее плотная группировка была к западу и северо-западу от Вильна. На крайнем правом фланге армии и на стыке с 5-й русской армией располагался конный отряд Тюлина в составе 1-й кубанской казачьей дивизии, бригады 2-й кубанской казачьей дивизии, бригады сводной казачьей дивизии, сибирской казачьей бри-

[1] Гвардейский пехотный, 2-й, 5-й и 26-й армейские, 2-й и 5-й кавказские, 3-й сибирский корпуса.

[2] 1-я и 2-я кубанские казачьи дивизии, гвардейская и сибирская казачьи бригады и бригада сводной казачьей дивизии.

Всего перед фронтом Двинск-Барановичи у немцев действовало 41½ п.д. и 6 к.д (положение частей на 7.9)

Всего на фронте Двинск - Полесье 75 п.д. (а на фронте Двинск - Барановичи 65 п.д.). 18½ к.д. 409.494 штыка и около 54 000 сабель На фронте Двинск-Барановичи 65 п.д. 13½ к.д., или 355.121 штык и 39 000 сабель (положение частей на 5.9., а боевой состав на 7.9.

Схема 2. Обстановка на фронте Двинск—Полесье к началу сентября 1915 г.

гады Потапова, 54-го донского казачьего полка, одного пех. полка и 7 рот ополчения. Армия имела задачей упорно оборонять занимаемый фронт, прикрывая Вильна как крупный административно-политический центр и узел, связывающий пять железных дорог, в том числе рокадную железную дорогу Двинск, Вильна, Лида, Барановичи, имевшую особо исключительное оперативное значение для рокировки войск.

Гродненское направление прикрывала 1-я армия в составе 9 корпусов (21½ пех. дивизии и 1½ кав. дивизии) [1], имевшая в своем составе 102 364 штыка и около 4 000 сабель кавалерии на фронте устье р. Меречанка, южная опушка Гродненской пущи. 1-я армия имела задачей, прикрывая левый фланг 10-й армии, постепенно выводить корпуса из линии фронта в тыл для пополнения и приведения в порядок. В дальнейшем предполагалось армии дать новую задачу и поставить на другое (Полоцкое) операционное направление.

Направление Лида—Белосток прикрывала 2-я армия в составе 4 корпусов (8 пех. дивизий) и 3 кав. дивизий [2], насчитывавшая 45 524 штыка и около 8 000 сабель. Армия имела задачу сменить части 1-й армии, включив в свой состав некоторые корпуса 1-й и 3-й армий, и прикрывать верхний Неман, имея осью железнодорожную линию Волковыск, Лида, Молодечно.

На направлении Белосток, Волковыск, Барановичи действовала 4-я армия в составе 6 корпусов (12 пех. дивизий) и 2½ кав. дивизий [3], сдерживая 12-ю германскую армию и левофланговые дивизии группы Леопольда Баварского. В составе армий было 61 199 штыков и 7 000 сабель.

На левом фланге фронта, занимая Полесье и прикрывая направления Пинск, Гомель и Сарны, Чернигов, на широком фронте оборонялась 3-я армия в составе четырех корпусов (10 пех. дивизий) и 5 кав. дивизий [4], имея в строю 54 373 штыка и около 15 000 сабель. Однако 3-я армия и ее части не принимали непосредственного участия в ликвидации Свенцянского прорыва и вели боевые действия против фронта армии Леопольда Баварского, почему их нельзя включать в число армий, противостоявших армиям Гинденбурга.

Всего перед фронтом армий Гинденбурга, исключая 3-ю армию, русские противопоставили 65 пех. дивизий и 13½ кав. дивизий, имевших всего 355 121 штык и около 39 000 сабель кавалерии. Принимая же во внимание, что войска 1-й армии были выведены в резерв, а фронт от устья р. Меречанка до верховьев р. Зельвянка (120 *км*) прикрывали войска 2-й и 4-й армий, имевших вместе 106 123 штыка и 15 000 сабель, плотность фронта определится в 890 штыков, 120 сабель и 4 орудия на 1 *км* фронта. При этом армии имели наиболее плотные группировки вдоль железнодорожных линий Гродно—Вильна, Мосты—Лида и Волковыск—Барановичи.

[1] 1-й, 4-й, 20-й, 35-й, 38-й армейские, 1-й и 5-й сибирские, 1-й туркестанский и осовецкий корпуса, 6-я кав. дивизия и 1-я отд. кав. бригада.

[2] 14-й, 27-й и 36-й армейские и 4-й сибирский корпуса, 1-й кав. корпус (8-я и 14-я кав. дивизия) и 5-я донская казачья дивизия.

[3] Гренадерский, 9-й, 15-й, 16-й, 25-й армейские и 6-й сибирский корпуса, 13-я кав. и уральская казачья дивизии и забайкальская казачья бригада.

[4] 10-й, 24-й и 31-й армейские и 3-й кавказский корпуса, 4-й кав. корпус, 2-я гв. кав., 3-я кавказская и 2-я сводная казачьи дивизии.

Если принять за основание расчета, что каждая германская пех. дивизия имела в среднем по 7 200 штыков, как это определялось данными разведки [1], то армии Гинденбурга имели 295 200 штыков, а кав. дивизии по 2 000 сабель, всего 12 000 сабель, что в среднем дает плотность 800 штыков и 30 сабель на 1 *км* фронта. Для русских средняя плотность фронта—980 штыков и 100 сабель на 1 *км* фронта, а если исключить 1-ю армию мы получим плотность 680 штыков на 1 *км* фронта.

Произведенные нами расчеты показывают, что русские в числе штыков и сабель имели некоторое превосходство над немцами, а на худой конец равную численность. Плотность группировок той и другой сторон равномерная и менее плотная на второстепенных направлениях и более плотная на наиболее важных. Преимущество немецкой группировки заключалось в том, что на стыке двух фронтов (между 5-й и 10-й русскими армиями) немцы создали ударный кулак из 10-й пех. и 4-й кав. дивизий против импровизированного конного отряда Тюлина и 2½ пех. дивизий гв. корпуса.

Слабым и наиболее уязвимым с оперативной стороны являлся стык русских северного и западного фронтов, прикрытый кавалерийской завесой, и также отсутствие эшелонированных в глубину резервов за 5-й и 10-й армиями.

6. Состояние русских армий к началу сентября 1915 г.

Боеспособность войск русской армии, принимавших участие в Свенцянской операции, была гораздо ниже германских. Особенно неудовлетворительно было политико-моральное состояние прибывавших пополнений. Характеризуя состояние ополченских дружин, прибывших на укомплектование частей 2-го корпуса, начальник штаба корпуса, полк. Семенов, 13 сентября 1915 г. докладывал начальнику оперативного управления штаба 10-й армии: «Наши дружины горестны. Когда вчера направили их для заполнения промежутка у Лейпуны, солдаты плакали, офицеры тоже не были на высоте положения. Офицер генерального штаба, приданный нами ополченской бригаде, говорил, что достаточно одного чемодана, чтобы дружины рассеялись» [2].

За день до прорыва русского фронта в 11 ч. 30 м. 7.9 1915 г. начальник конного отряда ген. Тюлин доносил командиру гв. корпуса: «Считаю долгом службы доложить вам о состоянии входящего в мой отряд 496-го пех. полка. По заявлению командира полка, в настоящее время полк насчитывает 600 штыков, за короткое время, с 29 августа, полк потерял убитыми, ранеными, пропавшими без вести, больными около 400 чел. В боевом отношении полк ненадежен. Нижние чины почти исключительно латыши, уроженцы Ковенской губ., имеют полную возможность скрываться среди местного населения» [3].

1 сентября начальник штаба 1-й армии отдает следующее распоряжение: «По полученным сведениям многие из нижних чинов частей 26-го корпуса, самовольно оставивших строй, бродят близ Полесской

---

[1] ВИА, д. № 666, лл. 208 и 209, немцы определяют в батальоне по 600 штыков — Рейхсархив, т. 8.

[2] ВИА, д. № 377957, лл. 88 и 89.

[3] ВИА, д. № 377959, лл. 11 и 12.

железной дороги, направляясь на Лида. Командующий армией приказал принять самые энергичные и крутые меры по возвращению указанных нижних чинов к своим частям» [1].

Принявшего на себя командование армиями царя обуял страх, когда под ударами немцев «верноподданные» массами покидали траншеи и бежали в тыл или сдавались в плен; этим было вызвано распоряжение: «Его величество повелевает не останавливаться ни перед какими мерами для водворения строгой дисциплины в войсках и перед суровыми наказаниями в отношении отлучившихся от своих частей чинов... Его величество изволили выразить веру в то, что начальники всех степеней примут близко к сердцу все указанное... искоренят беспощадной рукой мародерство и бродяжничество в тылу отбившихся от своих частей и забывших свой долг нижних чинов» [2].

Командующий армиями западного фронта 20.9 писал: «В последнее время наблюдается скопление большого количества бродячих нижних чинов в тыловых районах армий фронта. Бродят партиями, бродят в одиночку, сосредоточиваясь в более крупных пунктах, где нередко производят различного рода беспорядки и даже грабежи. Требую от начальников всех степеней безотлагательного принятия самых решительных мер к устранению их» [3].

Четыре дня спустя командующий 10-й армией, выполняя повеление царя и приказ командующего фронтом, предлагал уличенных в бродяжничестве предавать военному суду. Он вводил целую систему мер по наведению порядка в тылу: по дорогам должны были разъезжать специальные разъезды и патрули для ловли дезертиров, а чтобы назначенные для этого казачьи разъезды добросовестно выполняли полицейские функции, вводилось в правило давать в эти разъезды по нескольку жандармов [4]. Русские генералы всегда обладали несравненно более выдающимися «талантами» по расправам над подчиненными и особенно над рабочим классом, чем качествами, необходимыми для умелого вождения войск на полях сражений. В первом случае требовалась только жестокость, а для вождения войск—знания, умение, храбрость, в общем, качества, каких не было у русского генералитета. В среде генералитета царили склока, взаимное недоверие и подсиживание. Как пример взаимоотношений русских генералов может служить следующий документ. Начальник штаба западного фронта ген. Гулевич 24.8 1915 г. передает командиру гв. корпуса ген. Олохову: «Сейчас ты получил телеграмму, она написана под диктовку главнокомандующего. Дело в том, что нет доверия к ген. Вебелю, а также и Балуеву» [5]. Подобных отзывов о генералах много, мы не будем их приводить. Приведем лишь чрезвычайно характерную сводку, составленную командующим Казанским военным округом (известным жестокостью и грубостью ген. Сандецким) 29.9. 1915 г. по собранным его агентурой разговорам раненых, находившихся в госпиталях и лазаретах Казанского военного округа. Эта сводка, ярко рисующая внутреннее состояние офицерской

[1] ВИА, д. № 385297, л. 378.
[2] Приказ ген. Алексеева № 13058, ВИА, д. № 366039, лл. 3 и 4.
[3] ВИА, д. № 278919, л. 434.
[4] ВИА, д. № 278945, лл. 153 и 154.
[5] ВИА, д. № 279237, лл. 279—282.

среды, была представлена царю, а царь послал ее с особым письмом командующим фронтами [1].

«1. Штаб Верховного главнокомандующего не принимает никаких мер для того, чтобы проверить исполнение сделанных этим штабом распоряжений. Случается, что эти распоряжения вовсе не приводятся в исполнение.

«2. Войсковые части совершенно не видят старших начальников (конечно, есть исключение). Общение между начальниками и их частями исключительно телефонное.

«3. Штабы не участвуют в производстве рекогносцировок. Опрос случайных лиц и карты—единственный материал для составления соображений и отдачи распоряжений и для контроля поступающих донесений. Результаты иногда чисто анекдотического характера (приказание занять лесок, помеченный на плане, но давно вырубленный).

«4. Часто считают возможным обходиться без разведок; результат: части нарываются и гибнут.

«5. Обстановка не принимается в расчет (гибель пластунов, так как их заставляют действовать днем, а не ночью, как они просили).

«6. Взаимная поддержка частей слаба. Назначенные по диспозициям части опаздывают или не приходят вовсе. Никому до этого нет дела.

«7. Случаи превосходства в силах противника очень редки. Все неудачи — результат плохого руководства частями. Отсутствие этого руководства несравненно более чувствительно, нежели недостаток снарядов и патронов.

«8. Войска часто не знают даже приблизительно сущности маневра. Неделями несут огромные потери, ходят из стороны в сторону и даже полковые командиры не знают, в чем дело.

«9. Люди, постоянно видящие аэропланы противника, жалуются, что наши совершенно не летают.

«10. В распоряжениях начальников, особенно старших, чувствуется растерянность.

«11. Люди срока 1915 г. легко сдавались в плен — полное отсутствие военного воспитания.

«12. Постоянная смена начальников производит дурное впечатление на людей, а сами начальники, боясь смены, проявляют нерешительность, боясь ошибиться.

«13. Помощь инженеров-офицеров при укреплении позиции совершенно отсутствует.

Примечание. «Пластунской бригаде дана была задача, которую выполнить просили ночью, но было отказано, а в результате—потеря всей бригады».

О сдающихся в плен войсках царская ставка узнавала не из донесений и сводок своих штабов, а из германских газет. Так, Алексеев запрашивает командующего западным фронтом Эверта: «Правильно ли официальное сообщение немцев от 30 сентября нового стиля, что восточнее Сморгони взята у нас тысяча человек в плен при семи офицерах, девять орудий, четыре пулемета. Если правдиво, зачем армия

[1] ВИА, д. № 278919, л. 418.

скрывает истину, несмотря на требование говорить прямо, ибо лучше узнавать от своих, чем из неприятельских сообщений» [1].

Расследованием подтвердилось, что 16.9 в бою у Черниета 34-й и 35-й сибирские полки и 9-я сибирская арт. бригада потеряли только из личного состава двух пехотных полков 866 чел., а из арт. бригады 7 орудий, 5 зарядных ящиков, 4 пулемета [2], да, очевидно, с орудиями сдались и артиллеристы, что в общем и составит ту тысячу, о которой писали в газетах немцы. Во всяком случае штаб русского царя в ряде случаев из германских газет мог черпать более надежные данные, чем из донесений высших военных начальников.

Это характеризует еще раз русский генералитет и его моральные качества.

Недостаточно крепкое политико-моральное состояние армий и бездарное боевое управление войсками дополнялось организационной, административной и военно-хозяйственной неурядицей. Так, солдаты 496-го пех. полка не имели лопат для рытья окопов, в полку не было пулеметов, патронных двуколок, обоза, походных кухонь [3]. 124-я пех. дивизия не имела: «ни форменных шаровар, ни верхних рубашек ни у кого из молодых солдат и у многих старых нет совершенно, ходят в цветных домашних рубахах, шинели имеются не у всех, палаток тоже нехватает» [4]. Днем позже начальник штаба 10-й армии доносил начальнику штаба фронта: «124-я дивизия в настоящее время в числе немного более двух тысяч штыков, не имеет ни пулеметов, ни обозов, ни кухонь, вооружена «берданками» и дивизия как таковая не представляет надежной боевой силы» [5]. Командующий армией просил расформировать дивизию и влить в дивизии, имеющие пулеметы, орудия, обозы, ружья и обмундирование, но командующий фронтом считал, что «Ратники—отличный народ, нисколько не хуже, а лучше запасных, дело в офицерах, полагал бы вместо расформирования дать им лихих командиров из строевых частей, выделить по одному офицеру из полка не особенно трудно, и выделить необходимое число унтерофицеров, и дивизия станет боеспособной, если командиры полков хорошие» [6]. Командующий фронтом отчасти прав, но солдаты без штанов, рубах, ружей и голодные вряд ли под командой боевых офицеров могли обрести боевой патриотический дух, в условиях, когда кухонь не было, ружей тоже, надеть было нечего. Армия русского царя во всяком случае была более опасна для мирного населения, чем для немцев. Помимо всего изложенного выше, а также потому, что армия испытывала затруднения с продовольствием и обмундированием, войска занимались мародерством и грабежами. 2.9 начальник штаба 10-й армии телеграфирует полк. Семенову: «...в железнодорожном поселке Рейслерово близ ст. Яшуны Полесских железных дорог, в коем находятся дома исключительно железнодорожных служащих, нижние чины взламывают двери, окна и грабят имущество» [7].

---

1 ВИА, д. № 439, л. 407.
2 ВИА, д. № 440, лл. 12, 14—15.
3 ВИА, д. № 377959, лл. 10 и 11.
4 ВИА, д. № 377959, л. 43, из донесения кап. генштаба Платонова от 8.9 1915 г.
5 ВИА, д. № 385298, лл. 506 и 507.
6 ВИА, д. № 385298, л. 612.
7 ВИА, д. № 385297, л. 390.

Бежавшие с фронта и бродившие голодными и оборванными озлобленные солдатские толпы не только грабили и совершали насилия над мирным населением, но и производили целые погромы.

5 сентября на ст. Молодечно двухтысячная толпа солдат избила и прогнала охрану винного склада, разгромила склад, перепилась и только залповым огнем, после потерь убитыми и ранеными, была рассеяна [1].

Таково лицо русских армий западного фронта к сентябрю 1915 г. Русские армии не столько потерпели от немцев, сколько вследствие всесторонней отсталости и социальных отношений, господствовавших в Российской империи, а также от своих собственных высших военных начальников, не умевших даже организовать довольствие войск, не говоря уже об управлении боевыми действиями.

7. Краткая характеристика театра операций

Район операций ограничен с севера железнодорожной линией Ковно, Двинск и р. Двина, с востока—р. Березина (восточная), с юга—верхним течением р. Неман, а с запада—средним течением той же реки. В настоящее время район принадлежит: северная часть—Латвии, западная—Литве, южная—Польше и восточная—СССР.

Район по фронту имеет расстояние около 300 *км* и вглубину — несколько более 200 *км*.

По характеру рельефа район действий может быть разделен на несколько различных участков. Северный участок—пространство между рр. Двина и Вилия—изобилует большим количеством озер, занимающих значительные площади и имеющих огромное оборонительное значение. При соответствующем выборе оборонительного рубежа по цепи озер, от 30 до 40% фронта обороны выпадет на озера, что даст экономию сил и средств, а остающиеся 60—70% фронта обороны по озерным дефиле могут быть заняты за счет этого более плотно. К тому же в значительной части участка эти междуозерные пространства неширокн и простираются значительно в длину, почти исключая возможность наступления в этом направлении.

Весь озерный участок имеет протяжение по фронту более 70 *км* и в глубину около 200 *км*.

Средний участок представляет полосу неравномерной ширины, ограниченную с севера р. Вилия и с юга — верховьями рр. Меречанка, Котра и Березина (западная). Эта полоса является наиболее узкой в районе Вильна (по фронту 40—45 *км*), где излучина р. Вилия при впадении в нее рр. Жеймяна и Вилейка образует лесисто-болотистый район, а к тому же по северному берегу р. Вилия тянутся цепи озер (Дубинки, Янишки и ряд других), с юга же верховья р. Меречанка и ее притоков также образуют лесисто-болотистый район. Другой теснниой этой полосы является район Молодечно, где верховья рр. Вилия и Березина (западная), сильно заболоченные, образуют узость 25—30 *км* по фронту. На остальном протяжении участок представляет возвышенность, местами всхолмленную, покрытую рощами леса. Для обороны участок особых выгод не представляет. Южный участок—до-

[1] ВИА, д. № 415653, лл. 1 и 2.

лина р. Неман на протяжении его верховьев, с притоками Ислочь, Березина (западная), Гавия—образует лесисто-болотистую низменность, мало удобную для действий крупных войсковых масс. Южнее р. Неман—между рр. Неман и Шара—плато, охватывающее район Слоним, Новогрудок, Минск, Слуцк, Барановичи. В районе действий с востока на запад и юго-запад проходят железнодорожные линии: 1) Двинск, Поневеж, Ковно, 2) Полоцк, Сеславино, Вильна, Ковно, 3) Полоцк, Молодечно, Вильна, Гродно, 4) Молодечно, Лида, Волковыск, 5) Минск, Барановичи, Седлец. На эти железнодорожные линии базировались армии обеих сторон. Рокадными линиями, идущими с севера на юг, были железная дорога Двинск, Вильна, Лида, Барановичи, Сарны и железная дорога Двинск, Полоцк, Молодечно, Минск, Бобруйск. Последняя с зигзагообразными отрезками (Полоцк, Молодечно), удлинявшими маршрут, представляла меньше выгод, нежели первая.

Грунтовые дороги хорошо развиты в направлениях: Двинск, Поневеж; Поневеж, Свенцяны; Вильна, Молодечно; Лида, Молодечно, а также Двинск, Вильна. Большое число дорог, в том числе шоссированных, позволяло маневрировать крупным войсковым массам главным образом в направлении Вильна, Молодечно.

Для наступательных действий наиболее подходящим и выгодным являлось направление Вильна, Молодечно, Минск по водоразделу рр. Вилия и Березина (западная).

Населенные пункты довольно часты, реже—в лесисто-болотистых районах. Крупных пунктов, кроме Вильна, нет. Свенцяны, Лида, Молодечно, Новогрудок, Вилейка представляют собой более крупные торговые местечки.

Население — преимущественно белоруссы, меньшая часть литовцы, латыши, поляки, евреи, русские. Район по преимуществу сельскохозяйственный. Промышленность исключительно обрабатывающая и переработка сельскохозяйственных продуктов. В местечках много ремесленников.

Местные средства за год войны были порядочно использованы, особенно у крестьян. В помещичьих же хозяйствах сохранялись большие запасы продовольствия, фуража и скота. Войска могли использовать эти средства; русские войска в то время при отступлении уничтожали запасы продовольствия и фуража, жгли предприятия, населенные пункты и выгоняли население на восток вглубь России, чем осложняли не столько положение немцев, сколько работу собственных тылов.

ГЛАВА II

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СТЫКЕ ФРОНТОВ

1. Работа разведывательных отделов германских и русских штабов и их прогнозы (схема 3)

Еще 27.8 разведывательный отдел штаба западного фронта констатировал: «Противник продолжает развивать достигнутый успех, направляя главный удар между Неманом и Вилией. Направление это усилено брошенными сюда 3-й резервной (из Осовецкого района), 76-й резервной (из Сувалского района), 115-й пехотной (с французского фронта) дивизиями. Задача войск левого берега Немана пассивная. Есть показания пленных о предстоящей якобы смене 21-го корпуса (занимает фронт Прены, Бельвержишки, Олита) ландштурмом. Данные эти вероятны: возможно, что немцы, оставив заслон вдоль левого берега Немана, 21-й корпус используют для операций на правом.

«На части, действующие на восточном берегу Вилии, возложено обеспечение фланга всей группы. Повидимому цель неприятеля—охватом флангов на Вильна и Белосток, кроме овладения важным Виленским узлом, отбросить нас от Неманской оборонительной линии.

Всего можно считать на Виленском направлении действует 121 батальон и 84 эскадрона или около 10 пехотных и 3½ кавалерийских дивизий» [1].

Эти данные уточняются: «на Вилькомирское направление наступает 3-я кав. дивизия, поддержанная пехотой Бекмана, между Вилией и Неманом бригада Эзебека, 3-я рез. дивизия, 40-й рез. корпус, батальон 257-го, два батальона 254-го и один 250-го рез. полков, по показанию пленных якобы 76-я рез. дивизия, 62-я бригада 21-го корпуса, инстербургский ландштурменный батальон и 2-й егерский батальон. Всего 2½—3 корпуса. На левом фланге этой группы за Вилией 1-я и 4-я кав. дивизии, а на правом за Неманом 115-я рез. дивизия и 9-я ландверная бригада. На участке Бельвержишки, Красне действуют предположительно (нет пленных) части 21-го корпуса, с четвертыми батальонами 62-й бригады (новое формирование) и районе Сейны части 77-й рез. дивизии с 49-м ландверным полком, южнее группировка без перемен. Таким образом устанавливается усиление войск правого берега за счет левого» [2].

8.9, в день начала операции, разведывательный отдел штаба западного фронта снова устанавливает, что «противник... по данным раз-

[1] ВИА, д. № 278950, л. 9.
[2] ВИА, д. № 149, лл. 231—233.

ведки совершал перегруппировку, повидимому, в целях усиления группы, действующей в районе Мейшаголы, Новотроки (движение большой колонны на Вепрж, появление у Новотроки 80-й рез. дивизии 40-го рез. корпуса, смена частей 42-й дивизии у Ораны и показание пленных о движении значительных сил через Меречь на восток). Новых частей на фронте не обнаружено, пока лишь окончательно установлена вся 14-я ландверная дивизия районе востоку от Вилии и части 87-й у Ораны. Считавшаяся во второй линии дивизия Бекмана обнаружена на Двинском направлении.

«Всего на Виленском направлении действует 12 пех. и 3 кав. дивизии»[1].

Боевое расписание войск противника на 8.9 (Виленское направление) подробно перечисляет части 10-й германской армии Эйхгорна, включительно до батальонов. В этом отношении русские оказались более осведомленными о немцах, нежели немцы о русских. Так, в схеме 28 обстановки, приложенной к 8-му тому германского государственного архива за период от 30.8 по 18.9, а также в схемах 29 и 30, составленных более чем 15 лет спустя, немцы в целом ряде случаев дают неверные данные о расположении русских войск.

Однако, несмотря на сигналы разведывательных отделов штабов и в частности штаба западного фронта, командование того же фронта в лице Алексеева до начала сентября исходило из ложных предположений о главной опасности со стороны немцев на фронте центральных армий. Если бы своевременно были приняты меры главным командованием по перегруппировке войск, надо полагать, Свенцянского прорыва могло и не быть.

Авторы германского государственного архива, выпустившие в свет в 1932 г. 8-й том архивного материала, представляющего официальное издание истории так называемой Виленской операции, не приводят данных разведки штабов германских армий и фронта Гинденбурга, но вместе с тем в описании событий нетрудно почерпнуть полезные для сопоставления данные немцев. В 8-м томе и приложенных к нему схемах, рисующих ход событий под Вильна, обращает на себя внимание то обстоятельство, что к 18.9 немцы считали перед фронтом 8-й армии 1-й и 20-й арм. корпуса и перед фронтом 12-й армии 1-й сибирский корпус русских, обозначая два первых севернее Лиды, а последний — южнее, в то время как эти корпуса маршировали на стык северного и западного фронтов. Что касается начала операции и данных до операции, то они были скромны, во всяком случае далеко неточны. Так, в описании подготовительного к операции периода, кроме гв. корпуса, обороняющего подступы к Вильна и наступавшего за неделю до операции, не упоминается ни одного корпуса или дивизии, а в схеме начала операции нет ни одной отметки о расположении русских. Кроме того, как увидим ниже, первоначально ударная группировка 10-й германской армии была нацелена на Вильна, чего не скрывают и авторы архива, а в ходе операции пришлось делать захождение целой группой Гутьера сперва на северо-восток, затем на юго-восток, когда немцы

[1] ВИА, д. № 278950, л. 255.

определили наиболее уязвимый участок фронта и чего они не знали до начала операции [1].

Приведенные выше данные позволяют сделать вывод не в пользу немецкой разведывательной службы. Иной вопрос, как русские использовали свои же разведывательные данные.

2. Укрепление армий северного фронта и меры по обеспечению стыка фронтов

22.8 Алексеев, наконец, убеждается, что центр тяжести не в центре его фронта, а на правом фланге, почему тогда же он телеграфирует начальнику штаба ставки: «Прошу сообщить решение сосредоточении гв. корпуса Вильна, еще раз подтверждая, что образование возможно сильной группы у Вильны является наиболее насущной потребностью обстановки данного времени. Неизбежная, не от меня зависящая, задержка моих армий на линии Белосток—Брест должна быть мощно обеспечена справа и в тылу. Поэтому полагаю, что гвардейский, 5-й армейский, 2-й кавказский корпуса должны быть до выяснения обстановки собраны именно районе Вильны. Пассивность противника против генерала Плеве указывает, что ближайшее время не там будут развиваться главные действия. 5229/12482. Алексеев» [2].

Мы только напомним, что ген. Алексееву 14.8 Янушкевич же приказывал это делать, но сам Алексеев упорно саботировал такое приказание Янушкевича. 18.8 Янушкевич вторично передал категорическое приказание о переброске трех корпусов в Виленский район. Теперь же Алексеев, видите ли, опасается за свой правый фланг.

24.8 Алексеев уже более конкретно начинает оценивать события на Виленском направлении: «Неприятель, заняв Вепры, накапливает силы в районе Малашуны, по левому берегу Вилии, на Чабишки наступает одна пех. и две кав. дивизии, севернее Тартаришки наступают значительные силы, у м. Желоси наши войска были энергично атакованы. Совокупность этих сведений может служить признаком намерения противника произвести более глубокий охват, двигаясь на Вильну, через Ширвинты, Мейшагола. Полагал бы конницу ген. Казнакова, поддержанную пехотой, передвинуть на путь Вилькомир, Ширвинты, ибо рассчитывать на то, что действия ее районе Андронишки, Оникшты окажут влияние на ход дел 10-й армии нельзя по удаленности, обстановка же выдвигает на первое место надежное прикрытие правого фланга 10-й армии, тогда как положение левого фланга 5-й армии можно считать устойчивым, самая переброска отряда ген. Казнакова может быть исполнена безопасно» [3].

28.8 Алексеев снова беспокоится за правый фланг фронта и отдает приказание о выводе из боевых линий 3-й армии 23-го арм. корпуса и сосредоточении его в Барановичи, а затем переброски за правый фланг фронта для образования особой группы войск [4].

---

[1] Рейхсархив, т. 8, стр. 494—496 и схема 28.
[2] ВИА, д. № 434, лл. 163—164.
[3] ВИА, д. № 434, лл. 192, 193.
[4] ВИА, д. № 434, л. 270.

28.8 на Рижское направление, в состав вновь образованной 12-й армии, перебрасывается 28-й корпус, а в состав 5-й армии 2-й сибирский [1].

К 1.9 закончилась в основном перегруппировка на северном крыле фронта. 12-я армия в составе 37-го арм., 2-го и 7-го сибирских корпусов и 3½ кав. дивизий прочно заняла фронт.

1 сентября Рузский принял командование армиями северо-западного фронта (6-я, 12-я и 5-я армии и Балтийский флот). В ставку же прибыли новый главком и новый начальник штаба, а западный фронт возглавил бывший командарм 4 Эверт.

Что касается стыка фронтов, то последний попрежнему прикрывался двумя конными отрядами (Казнакова и Тюлина), не внушая особого беспокойства. Имелось лишь в виду «со временем по обстановке» прикрыть Полоцк-свенцянское направление, но, видимо, в период реорганизации фронтов и крупных перегруппировок (23-го и 28-го арм. и 2-го сибирского корпусов) время и обстановка позволяли еще откладывать это мероприятие.

Более того, за сутки до начала наступления немцев в Виленском районе новый начальник штаба главнокомандующего имел доклад новому «Верхоглаву». Надо полагать, по их обоюдному согласию была дана оценка обстановки, и 8.9, за день до начала Свенцянского прорыва, она была сообщена для руководства главнокомандующему западным фронтом Эверту.

«Главнокомандующему западным фронтом. Гос. имп. при очередном докладе общей обстановки приказал остановить внимание на следующем:

«1. Общая энергия наступательных действий противника на всем протяжении значительно ослабла.

«2. Наиболее сильно противник продолжает теснить своими авангардами, поддержанными частью главных сил, почти исключительно в полосах, по коим пролегают шоссейные дороги.

«3. Это обязывает нас применять соответствующую группировку войск и размещение наших резервов, дабы устранить нежелательные явления отхода при условиях, далеко, повидимому, не оправдывающих оставления занимаемых 2-й и 4-й армиями позиций.

«4. Хотя отход наших войск в известной мере предусматривается общей обстановкой, но слишком спешное оставление позиций при малейшем давлении противника не отвечает ни соображениям нравственного порядка, ни необходимости выгадывать время и пространство для эвакуации запасов и передвижения беженцев» [2].

Первый пункт оценки обстановки был ничем необоснованным и целиком ложным. Ослабление наступательной энергии на всем протяжении фронта еще далеко не означало, что немцы выдохлись. А если принять во внимание имевшиеся разведывательные данные за последние числа августа и начало сентября, то надо было предвидеть, что ослабление означало всего только временную передышку, необходимую для перегруппировки войск, чтобы после того возобновить операции, но не

[1] ВИА, д. № 30165, л. 185.
[2] ВИА, д. № 439, л. 48.

путем фронтальных атак, а путем удара на стыке двух фронтов и последующего охвата фланга.

Большим умам дан дар предвидения. Казалось бы, авторитетные заявления в виде приведенного выше документа верховного главнокомандующего должны звучать пророчески, а горькая действительность превращала этих пророков в шаманов и кудесников. И эта ориентировка скорее выражала заклинание, чем предвидение.

Мы проследили ход мышления начальника штаба главнокомандующего, который фактически являлся главнокомандующим всеми вооруженными силами (ген. Алексеев), за вторую половину августа и первую треть сентября. Первоначально он видел центр приложения усилий германских армий перед фронтом своих армий, действовавших севернее Полесья, позднее он проявляет некоторое беспокойство и за Виленский район, а за день до начала наступления немцев, вопреки разведывательным данным, Алексеев заклинает, что наступательная энергия немцев ослабела. Если сопоставить колебания Алексеева в оценке обстановки на театре войны с той же оценкой обстановки старым верховным главнокомандованием, то такое сопоставление не делает чести новому. Янушкевич предвидел, что в Виленском направлении последует удар немцев, и с этой целью он принимал ряд мер, встретивших сопротивление Алексеева. Колебания же Алексеева имели роковые последствия. Наступление немцев и прорыв ими стыка фронтов явились неожиданностью для нового начальника штаба главнокомандующего, который с первого же дня операции растерялся и, как увидим ниже, до конца не овладел руководством операциями, хотя неоднократно делал к тому попытки.

3. Боевые действия конного отряда Казнакова

К 9.9 1915 г. конный отряд Казнакова в составе 1-й гв. кав. дивизии, уссурийской конной бригады, 5-го гусар. полка, двух батальонов 68-го и двух батальонов 291-го пех. полков занимал фронт Клевляны, Скемяны, Жмуйдки, Шешоли. На этом фронте немцы развернули два полка пех. дивизии Бекмана в общем направлении на Уцяны, 9-й и 1-й, а также и левый фланг 3-й кав. дивизии, надо полагать при поддержке частей 2-й и 58-й пех. дивизий (в официальном описании о действиях 2-й и 58-й пех. дивизий ничего не указано). В 9 ч. 30 м. 9.9 немцы повели наступление против растянутого на широком фронте конного отряда Казнакова [1]. Оборонявший фронт Клевляны, Скемяны комбриг 1-й гв. кав. дивизии ген. Арсеньев, атакованный пехотой Бекмана и несколькими эскадронами Баварской кав. дивизии, без особого сопротивления начал отходить на восток за озеро Рубики. Не зная даже приблизительно количества наступавших перед его фронтом немцев, Арсеньев мотивировал свой отход тем, что: «до роты пехоты и до двух эскадронов кавалерии обошли левый фланг отряда, заняли Скемяны и принудили отойти на фронт озеро Рубики, Смульки» [2].

В то время когда пехота Бекмана заняла Скемяны, главные силы конного отряда на фронте Жмуйдки, Нидоки, Шешоли, атакованные

[1] Рейхсархив, т. 8, стр. 500.
[2] ВИА, д. № 21237.

1-й кав. дивизией в направлении Жмуйдки и 3-й кав. дивизией в направлениях Нидоки и Шешюли, также без особого сопротивления и, не установив сил немцев, начали отход на м. Видзенишки [1]. Отсутствие сопротивления со стороны русских в столь благоприятной для обороны местности, изобилующей озерами и озерными дефиле, объясняется прежде всего тем, что Казнаков в это время имел приказание начальника штаба 5-й армии передвинуться к Позельви, где он должен был оставить мелкие части для разведки и наблюдения, а сам с главными силами следовать в район Скемяны, Аванта [2].

Штаб 5-й армии (начальник штаба ген. Миллер) уводил свою кавалерию со стыка фронтов (и армий), несмотря, а может быть и вопреки просьбам штаба 10-й армии об оставлении конницы Казнакова на занимаемом фронте. Ввиду этого начальник штаба 10-й армии Попов еще 7.9 писал Миллеру: «С уходом конницы ген. Казнакова образуется прорыв около 40 верст между флангами 5-й и 10-й армий. Командующий армией, ввиду неимения достаточных сил для обеспечения этого промежутка, просит *не отказать не уводить* всю конницу 5-й армии за разграничительную линию и оставить часть ее, хотя бы для занятия этого промежутка до линии Побойск, Бокшаны, где поддерживать тесную связь с конницей ген. Тюлина. О последующем решении вашего командующего армией не откажите сообщить» [3].

В данное же время обстановка властно требовала упорной обороны на стыке армий, но вместо этого начальник отряда Казнаков и его начальник штаба Матковский настоятельно хлопочут о смене уссурийской конной бригады конными частями 10-й армии, указывая при этом на кубанскую казачью дивизию, которая могла бы их сменить [4]. Командарм 5 Плеве со своей стороны в настоятельной форме требовал также смены отряда Казнакова, на что в конце концов должен был согласиться и штаб 10-й армии, который, идя на уступку своему неприятному соседу, отдал приказание ком. гв. корпуса: «Командующий армией передает в ваше распоряжение отряд ген. Потапова. Ген. Миллер сообщил, что отряд ген. Казнакова по приказанию главнокомандующего немедленно оттягивается на Двинское направление и будет поддерживать связь с отрядом ген. Тюлина у Позельви. С передачей в ваше распоряжение отряда ген. Потапова у вас на правом фланге образуется отряд в 72 сотни, не считая пехотную (сколь бы она ни была слаба) поддержку, и если бы еще придать ему имеющиеся у вас две сильные самокатные роты, то командующий армией надеется, что сила сопротивления такого отряда будет надежно обеспечивать наш фланг и крайне важное не только для 10-й армии, но и для фронта направление» [5].

Пока русские переписывались о смене, немцы продолжали наступление. В 10 час. 9.9 м. Аванта была занята четырьмя ротами егерей и самокатчиков 1-й германской кав. дивизии, а 9-я германская кав. дивизия свободно маршировала, не встречая сопротивления русских, по

---

[1] ВИА, д. № 214237.
[2] ВИА, д. № 377—959, лл. 148—149.
[3] ВИА № 377—958, л. 456.
[4] ВИА, д. № 21237.
[5] ВИА, д. № 377958, л. 459.

Схема 3. Боевые действия на стыке северного и западного фронтов 9—12.9 1915 г.

пустому пространству через Куркли на Скодуцишки. 9.9 она вытеснила из района м. Аванта разъезды 1-й гв. кав. дивизии русских.

Занятие м. Аванта, тревожное донесение комбрига Арсеньева из района Скемяны и начальника уссурийской конной бригады ген. Крымова с фронта Нидоки, Шешоли, быстро отходившего на восток в общем направлении южнее Больники, к 15 ч. 30 м. 9.9 поставили начальника отряда Казнакова в затруднительное положение, тем более что он продолжал рассчитывать на смену его отряда конницей 10-й армии. Трудно сказать, что более занимало командующего и штаб 5-й армии, а также начальника отряда Казнакова: смена их на стыке фронтов или отражение наступления немцев, но никого из них во всяком случае не беспокоило обнажение стыка двух фронтов. В 15 ч. 30 м. Казнаков запрашивает начальника штаба 5-й армии Миллера: «В связи с создавшейся обстановкой левому флангу армии грозит опасность, а потому прошу срочно телеграфировать, продолжать ли вести бой или уйти в район Скодуцишки» [1].

В результате этой телеграммы Казнакова начальник штаба 5-й армии Миллер в 1 ч. 30 м. 10.9 отдал приказ: «Вам надлежит возможно скорее со всем вашим отрядом итти на присоединение к ген. Арсеньеву» [2].

Разбирая приведенные документы, мы невольно задаемся вопросом о методах решения задачи обеспечения стыка, принятых штабами двух соседних армий. Штаб 10-й армии высказывает беспокойство за стык и просит оставить здесь конницу соседа. Сосед же, со своей стороны, принимает все меры к уводу своей конницы. Штаб 10-й армии, поставленный перед необходимостью обеспечить стык, находит возможным выполнить эту задачу сборным отрядом Тюлина, имевшего на 72 эскадр. конницы 18 орудий и 12 пулеметов, т. е. по 6 орудий и 4 пулемета на дивизию, с заведомо небоеспособной пехотой (600 штыков) и двумя «сильными» самокатными ротами. В то же время перед Вильна и в Вильна, в ожидании фронтальной атаки немцев на заблаговременно укрепленную Мейшагольскую позицию, армия создавала плотную группировку войск. Если штаб 10-й армии и покушался с малопригодными средствами, в том числе и двумя сильными самокатными ротами, прикрывать стык двух фронтов, то штаб 5-й армии и начальник конного отряда 5-й армии Казнаков прикрытие фланга армии и стыка фронтов перед угрозой прорыва здесь противника видели: первый — в возможно скорейшем отступлении конного отряда к флангу своей армии, а второй — в отрыве от противника, даже утрате соприкосновения разведывательными органами.

Выполняя распоряжение начальника штаба 5-й армии о скорейшем отходе на северо-восток, начальник конного отряда Казнаков спешит на Скодуцишки. Когда вечером 9.9 Казнаков слышал гул артиллерийской стрельбы и видел зарево пожаров в пунктах, покинутых вверенными ему войсками, он не знал ровно ничего о немцах. Не знал он о немцах и утром 10.9, о чем донес в 8 ч. 30 м. начальнику штаба 5-й армии следующее: «Противник до сего времени нигде не обнаружен» [3].

---

[1] ВИА, д. № 21, л. 237.
[2] ВИА, д. № 21, л. 248, телеграмма № 799.
[3] ВИА, д. № 21, л. 237, сводка № 815.

Трудно сказать, как была организована разведка, соответствующих документов нам найти не удалось, но в 11 час. 10.9, т. е. через 2 ч. 30 м. после отправления вышеприведенной разведывательной сводки, не доходя 7 *км* до Скодуцишки, конный отряд был внезапно атакован четырьмя полками 9-й кав. дивизии немцев и 10-м егерским батальоном. В результате столкновения Казнаков, вместо того чтобы попасть в Скодуцишки, попал со своим отрядом в Кукунишки, о чем донес: «После боя с 10-й кав. дивизией перешел в район Кукунишки» [1].

Достаточно посмотреть на схему и вспомнить разведывательные данные Казнакова от 8 ч. 30 м., чтобы догадаться о том, какой характер носил бой под Скодуцишки и особенно характер *перехода* в Кукунишки.

Двигаясь, подобно слепому, конный отряд был внезапно обстрелян, а затем накоротке атакован немцами. 36 эскадронов и сотен, бывших в это время у Казнакова, подвергнувшись внезапному нападению, шарахнулись на юго-восток и, не принимая боя, бежали. В свою очередь, немцы, увидев перед собой конную массу, более чем вдвое превосходившую их самих, сами опешили и порядочно растерялись. Воспользовавшись растерянностью немцев и резвостью втянутых в скачку лошадей, конный отряд Казнакова к полудню достиг Кукунишки, но настолько расстроенным, как будто весь отряд состязался в ординарческой скачке. Но в этой скачке, кроме всадников, принимали участие конная артиллерия и обозы, причем, по рассказам участников, обнаружились все признаки классической паники. В то время когда отряд Казнакова в панике бежал на Кукунишки, отряд Арсеньева, не найдя удобных позиций в районе озера Рубики, отошел на более удобные позиции в районе Уцяны [2]. Расстояние от озера Рубики до Уцяны равно 20 *км*, от Скемяны — тоже 20 *км*, а пехота Бекмана, не обладавшая свойствами конницы, от Коварска до Уцяны, расстояние почти в 40 *км*, не могла покрыть таким темпом, чтобы догнать ген. Арсеньева. Однако это расстояние не смущало Арсеньева, и он требовал от штаба 5-й армии, чтобы к нему возможно скорее присоединился Казнаков, очевидно из опасения потерпеть частное поражение [3].

4. Боевые действия конного отряда Тюлина

В полном соответствии с традициями своего времени, боевым действиям конного отряда Тюлина предшествовала положенная переписка между командиром гв. корпуса ген. Олоховым, являвшимся командующим группой, и штабом 10-й армии, требовавшим производства разведки на фронте конного отряда и отряда ген. Тюлина. Кроме того такая же переписка велась ген. Тюлиным с ген. Олоховым о замене небоеспособного 496-го пех. полка, а также о присоединении к Тюлину бригады 2-й кубанской казачьей дивизии, находившейся при 3-м сибирском корпусе. Тюлин состоял в должности начальника 2-й кубанской казачьей дивизии, из состава которой одну бригаду дали в 3-й сибир-

[1] ВИА, д. № 21237, телеграмма № 492.
[2] ВИА, д. № 21237, донесение № 315.
[3] ВИА, д. № 21237, донесение № 318.

ский корпус, а Тюлину подчинили вместо этой бригады сводную казачью бригаду и многочисленные казачьи части. Командир гв. корпуса писал, что «Задача ген. Тюлина даже с прибывающими подкреплениями обеспечивать 60-верстный промежуток непосильна. В ответ получил указания, что ген. Тюлину надлежит дальней разведкой выяснить движение противника, свою же пехоту иметь в кулаке, своевременно перебрасывать к угрожаемому пункту. Из донесений ген. Тюлина выясняется, что на всем протяжении как отряда ген. Тюлина, так и ген. Крымова (комбриг уссурийской конной), противник окопался в расстоянии 600—1 000 шагов, имея не только спешенную конницу, но и значительные силы пехоты. Об изложенном в донесениях моего штаба упоминалось неоднократно. Поэтому предлагаемый способ действий неприменим. 496-й пех. полк имеет всего 600 штыков, состоит из местных уроженцев, частью скрылся в окрестностях, без пулеметов, обоза, шанцевого инструмента, телефонного имущества, частью без шинелей, деморализован и надежной опорой коннице служить не может. Прибывающий пограничный полк вряд ли находится в лучшем состоянии. Имея в виду, что отряду ген. Тюлина на протяжении 60 верст приходится сдерживать напор противника, сидя в окопах, вновь ходатайствую об усилении этого отряда. Вместе с тем докладываю, что смена отряда ген. Крымова вновь прибывающими частями может быть произведена не ранее завтрашней ночи, а поэтому прошу о сношении с командующим 5-й армией, дабы отряд ген. Крымова до этого времени не был уведен, иначе напор противника в образовавшийся промежуток может угрожать правому фланту 10-й армии»[1].

Но штаб 10-й армии и командарм были попрежнему убеждены, что хотя отряд Тюлина и не представляет сколько-нибудь сплоченного боевого соединения, но может и должен оборонять фронт в 60 *км*. В ответ же на доклад командира гв. корпуса ген. Олохова начальник штаба 10-й армии писал:

«У ген. Тюлина 2 дивизии конницы и должны быть 2 полка пехоты для поддержки. Кроме того имеется еще гвардейская казачья бригада. Этими силами необходимо зорко наблюдать весь промежуток между правым флангом гвардии и левым флангом 5-й армии, имея большую часть пехоты в резерве в кулаке, дабы перебрасывать ее к угрожаемому пункту. Задача ген. Тюлина — обеспечивать правый фланг армии, т. е. заблаговременно дальней разведкой выяснить движение значительных пехотных частей противника, малые его силы удерживать и отбрасывать, а большие задерживать, давая своевременные о них сведения штабам армии и группы. Отряд ген. Потапова также является подвижным резервом для поддержки отряда ген. Тюлина в точке напора противника, почему включить его в группу ген. Тюлина и растягивать до левого фланга 5-й армии командующий армией не признает возможным. Ген. Миллеру послана просьба не уводить всей конницы с нашего правого фланга, а держать тесную связь с ген. Тюлиным примерно на линии Побойск — Бокшаны»[2].

Ответ начальника штаба 10-й армии представляет интерес в двух

[1] ВИА, д. № 377958, лл. 389—391.
[2] ВИА, д. № 377958, л. 455.

отношениях. Во-первых, из него ясно видно формальное отношение штаба армии к обеспечению стыка фронтов и фланга армии. Штаб 10-й армии игнорирует факты, приведенные в докладе комкора относительно небоеспособности так называемого 496-го пех. полка, имевшего 600 чел. плохо вооруженных, раздетых, полуголодных и необученных ополченцев, игнорирует факт широкого фронта и непосильности задачи, поставленной конному отряду. Штаб 10-й армии считает у Тюлина не один, а два полка пехоты, хотя один из этих полков еще не прибыл, он считает в подчинении Тюлина отряд Потапова, который также пока не прибыл, и гв. казачью бригаду, которая являлась конницей гв. корпуса и вовсе не подчинялась Тюлину.

Во-вторых, документ начальника штаба грешит и в тактическом отношении. Начальник штаба рекомендует большую часть пехоты иметь в кулаке, иными словами, большую часть из 600 штыков. Эту большую часть «перебрасывать к угрожаемому пункту». Таким образом, 600 пехотинцев призваны играть роль подвижного резерва крупного конного отряда, обороняющего фронт в 60 *км*. Казалось бы более целесообразным пехотой занять наиболее вероятное направление наступления противника, а какие-то конные части иметь в качестве резерва, обладающего подвижностью, но у начальника штаба 10-й армии были противоположные взгляды. Если же принять во внимание, что так называемый кулак из пехоты не имел пулеметов, ружей, лопат, кухонь, обозов, обмундирования и не умел стрелять, то становится вовсе непонятным, какое вообще значение могли иметь 600 ополченцев при выполнении задачи по обеспечению стыка фронтов и поддержки на этом стыке крупного конного отряда.

Что касается совета о способах действий конницы, т. е. выдвижении вперед, то этот совет отпадал, коннице некуда было выдвигаться вперед, так как она была в соприкосновении с немцами на расстоянии 600—1 000 шагов. Начальник штаба 10-й армии игнорировал и этот факт. Тем более, что 8.9 штаб армии в своих сводках отмечал оживление на фронте отряда Тюлина. Тот же начальник штаба 10-й армии писал:

«Ночь и первая половина дня 8 сентября прошли на фронте армии спокойно, местами лишь продолжалась перестрелка, более серьезная на фронте отряда ген. Тюлина» [1].

В ночь накануне германского наступления командарм 10, желая укрепить отряд Тюлина, приказал бригаду 2-й кубанской казачьей дивизии, приданную 3-му сибирскому корпусу, вернуть в подчинение Тюлина, направив ее к 11.9 в район Гедройцы [2].

Так к утру 9.9 конный отряд Тюлина в составе 1-й кубанской казачьей, сводной казачьей дивизии и отряда ген. Потапова располагался на фронте ф. Вороново, ф. Александришки, Ледзяна, Келе, Движанце, имея левее гв. корпус, оборонявший фронт: Движанце, Стопары, Виршулы, Кобылишки, а правее в районе Позельви отряд ген. Казнакова, составляющего левый фланг 5-й армии. Штаб ген. Тюлина располагался в ф. Шешоли [3].

[1] ВИА, д. № 150, лл. 342 и 343.
[2] ВИА, д. № 377959, л. 56.
[3] ВИА, д. № 377959, лл. 148, 149.

В общей сложности утром 9.9 отряд представлял 7 казачьих полков (42 сотни) и 600 штыков 496-го полка.

Перед фронтом конного отряда Тюлина развернулась 4-я германская кав. дивизия с батальоном 254-го рез. полка. Отряд, растянутый на фронте 15 *км*, с 12 пулеметами, плохо управляемый своим начальником, покинутый соседом справа — конным отрядом Казнакова и лишенный поддержки гвардии на левом фланге, до вечера 9.9 сдерживал наступление немцев, но к вечеру не выдержал и отошел за р. Ширвинта, на фронт Леонишки, Зыбалы, Антоново, Ширвинты.

Германские официальные историки пишут, что части 77-го лан. и 42-й пех. дивизии в этот день готовились к наступлению против русского гв. корпуса [1]. Сомнительно, чтобы расположенные в непосредственной близости в затылок 4-й кав. дивизии 77-я и 42-я пех. дивизии не поддержали свою кавалерию и приданный ей батальон пехоты, наступавших против конного отряда Тюлина, тем более что по данным Тюлина против него действовало не менее дивизии пехоты. Вероятно 77-я и 42-я пех. дивизии оказали своей кавалерии некоторое содействие, хотя бы огнем артиллерии.

Что касается изложения наступательных движений и действий ударных дивизий группы Эбена (2-й, 58-й, 10-й и 88-й рез. и 3-й кав. дивизий) и 4-го кав. корпуса Гарнье, действовавших севернее Ширвинты и продвинувшихся за день боя на 20 *км*, как об этом гласит германское официальное описание, то этот успех следует отнести к участку конного отряда Казнакова, о действиях которого мы говорили выше. Северный фланг отряда Тюлина доходил только до ф. Вороново (по карте 1 верста в 1 дм. г. дв. Вороновск), расположенного в 5 *км* северо-западнее Ширвинты, а левый фланг отряда был в 8 *км* южнее Ширвинты. К исходу же дня правый фланг Тюлина отошел к Леонишки, а левый фланг—к Ширвинты. Леонишки находятся в 8 *км* северо-восточнее Вороново, а следовательно ударные дивизии немцев и конный корпус Гарнье в этот день имели дело только с конницей Казнакова, которая по нашим данным, как мы видели выше, отошла за сутки даже не на 20, а на 45 *км* (с рубежа Жмуйдки, Нидоки, Шешоли до Кукунишки), в сущности не принимая боя.

Столь успешное наступление ударных дивизий Эбена и 6-го кав. корпуса Гарнье обусловило направление 75-й лан. дивизии, бывшей в резерве фронта, из района Ковно на Вилькомир, которая в этот день и выступила в указанном направлении [2].

Как бы то ни было, но конный отряд Тюлина правым флангом отошел на 8 *км*, а левым—на 2 *км* за день боя.

Но однако, если Арсеньев еще мог донести штабу 5-й армии, что его обошла рота пехоты и два эскадрона кавалерии, если Казнаков мог донести, что дрался с 10-й кав. дивизией, которой не было у немцев в пределах границ 5-й русской армии (Казнакова, как мы уже знаем, потрепала 9-я кав. дивизия), то Тюлин не мог сказать сколько-нибудь определенно, с какими частями немцев ведет бой его конный

[1] Рейхсархив, т. 8, стр. 500.
[2] Рейхсархив, т. 8, стр. 500.

отряд. Он просто доносит, что «под натиском пехоты и конницы противника» он осаживает свой правый фланг на северо-восток [1].

Некоторые тактические подробности хода боя вскрывают печальную картину боевой службы конного отряда ген. Тюлина. 10.9, начальник штаба гвардейского корпуса доносит начальнику штаба 10-й армии следующее:

«496-й полк, потеряв более половины своего состава, не удержался на восточном берегу р. Ширвинты и отошел в лес у з. Вербелишки, обойденный со стороны Ширвинты. Левый фланг ген. Кузьмина-Караваева отходит, левый фланг ген. Тюлина под сильным напором противника отошел за р. Ширвинта и расположился от северной окраины д. Мецеюнцы, примыкая к левому флангу 496-го пех. полка, до д. Начанце; на левом участке наступал противник силой не менее полка пехоты, нескольких эскадронов, 8 орудий. Гвардейские казаки отошли на Романшканце. В лесу между Авижанце и Астюки, повидимому, накопились значительные силы, ген. Тюлин полагает, что сегодня на фронте Шешоли, Новые Весы, Шнипанцы, Келе наступало около дивизии пехоты с конницей и артиллерией. Штаб Тюлина к 8 часам утра временно перейдет в д. Шлеветры» [2].

Ополченцы 496-го пех. полка, вооруженные берданками, без шинелей, без лопат, в домашних рубахах, голодные, необученные, почти сутки дерутся бок-о-бок с императорской гвардией, которая могла оказать помощь 600 ополченцам-латышам или сменить их, по крайней мере поддержать их артиллерийским и даже пулеметным огнем, но ни того, ни другого не сделала.

Конный отряд Тюлина был выдвинут на 5—8 *км* впереди и правее от гвардейского корпуса. Левый фланг отряда был загнут к востоку и примыкал к гвардии у Авижанце. Фронт гв. корпуса проходил по заранее подготовленной укрепленной позиции, прикрытой труднопроходимыми болотами и проволокой, что заставило немцев воздержаться от фронтальной атаки этих позиций [3]. В резерве гвардии было 5 полков (вся 2-я гв. пех. дивизия и один полк 1-й гв. дивизии).

Наступавшие немцы, как об этом пишет начальник штаба гвардейского корпуса, обошли левый фланг отряда, т. е. прошли перед фронтом гвардии в расстоянии пулеметного огня, однако гвардия не предприняла даже огневой поддержки атакованного соседа, о чем свидетельствует как приведенное выше донесение нач. штаба гв. корпуса, так и следующая оперативная сводка штаба 10-й армии за день 9.9:

«В течение дня 9.9 на фронте конного отряда ген. Тюлина противник продолжал наступление, заставив части отряда отойти на линию Леснишки, Зыбалы, Антоново, Ширвинты; на фронте гв. кав. бригады тоже обозначилось наступление значительных сил пехоты противника, но отбито огнем. На остальном фронте гвардейского и 5-го кавказского корпусов день прошел спокойно» [4].

Спокойный тон оперативной сводки отвечал обстановке на участке гвардейского и 5-го кавказского корпусов, а также свидетельствовал

[1] ВИА, д. № 371026, сводка № 9338.
[2] ВИА, д. № 377959, лл. 167 и 168.
[3] Рейхсархив, т. 8, стр. 500.
[4] ВИА, д. № 150, лл. 430 и 431.

о спокойном созерцании событий на стыке фронтов и на правом фланге армии. Коль на фронте гвардии было спокойно, а ее соседа—конный отряд Тюлина — в течение дня серьезно потрепали, то естественно, казалось бы, поддержать атакованного соседа, но об этом ни штаб 10-й армии, ни командир гв. корпуса в течение дня не помышляли, уподобляясь китайским военачальникам, которые обычно охотно наблюдают, когда бьют соседа, не подозревая того, что со временем дойдет очередь, когда будут бить и «наблюдателей».

Этими действиями на стыке фронтов закончились первые сутки наступательной операции немцев, которые свелись к тому, что левофланговые части Неманской армии (группа Лауэнштейна), предприняв демонстрацию для сковывания войск 5-й русской армии, заставили отходить 3-й арм. корпус этой армии и отряд Арсеньева. Штаб 5-й армии, опасаясь за свой левый фланг, отвёл конный отряд Казнакова на северо-восток, в район Кукунишки. В то же время конный отряд Тюлина, предоставленный самому себе, в течение суток добросовестно подставлял свои войска под немецкие удары и отошел к востоку на 8—10 *км*. В результате этих действий через сутки, т. е. к утру 10.9, образовался разрыв на фронте Кукунишки, Леонишки, т. е. на пространстве в 50 *км*, где у русских не оставалось даже разведки, куда естественно могли свободно маршировать германские ударные дивизии и 6-й кав. корпус Гарнье. Таким образом, так называемый Свенцянский прорыв не явился следствием талантов и качеств германского генералитета, но исключительно следствием неорганизованности русских, их небрежности, формализма и невысокой компетентности армейского, фронтового и главного командования русских в оперативно-стратегических вопросах.

Так русские совершили «Свенцянский прорыв».

Но события этого дня не внесли никаких тревог и опасений за стык фронтов и фланг армии в штабе 10-й армии и штабе гв. корпуса, как это было и в штабе 5-й армии. События этого дня ничего, казалось, не сигнализировали штабам северного и западного фронтов, а также штабу главнокомандующего. В штабах фронтов в этот день, как успокоительное средство, читалась телеграмма начальника штаба главнокомандующего об ослаблении наступательной энергии немцев. В доме могилевского губернатора, против большого парка, живописно расположенного на правом берегу Днепра, в этот день продолжалось капитальное устроение штаба главнокомандующего, готовившегося здесь зимовать близившуюся вторую зиму мировой войны.

Главнокомандующий и его начальник штаба верили, что наступают дни передышки, когда наступательная энергия противника ослабела.

5. Боевые действия конного отряда Казнакова 10 и 11.9

Мы оставили ген. Казнакова в Кукунишки, после неприятного «перехода» от Скодуцишки и «боя» с 10-й кав. дивизией немцев. В течение второй половины дня 10.9 Казнаков собирал и приводил в порядок свой отряд в районе Кукунишки, после чего, выполняя приказ начальника штаба 5-й армии, продолжал свой марш на соединение с отрядом Арсеньева, держа направление на Давгели и снова утратив соприкосновение с противником.

В это время Арсеньев, занимая Уцяны и предполагая, что Казнаков может уйти к Ново-Александровск (на что у Арсеньева были основания вследствие установившихся традиций уклоняться от боя), дает начальнику штаба 5-й армии тревожную телеграмму о том, что по его *сведениям* Казнаков уходит к Ново-Александровск, оставляя его фланг открытым, и просит остановить Казнакова у Таурогина [1]. Эту депешу нужно рассматривать как предлог для того, чтобы несколько часов спустя покинуть фронт ввиду «обнажения фланга соседом» (традиционная причина для всех частей и соединений русской армии, особенно в период Свенцянской операции). Однако это не достигло цели. Едва стало светать, как к Уцяны подошли разведывательные части пехоты Бекмана и эскадроны Баварской кав. дивизии. Находившиеся в отряде Арсеньева 5 батальонов пехоты были обстреляны разведчиками пехоты Бекмана и баварцев, чего было достаточно, чтобы большая часть солдат разбежалась, пользуясь удобным предлогом, а также утренним туманом, частью же сдалась немцам в плен. Что касается бывшей в отряде конной гвардии, то последняя не преминула при этом воспользоваться своей подвижностью и поспешно стала отходить от Уцяны. Донося об этом прискорбном событии, ген. Арсеньев между прочим писал: «Из пяти батальонов удалось собрать только два» [2].

После полудня отряды Арсеньева и Казнакова, двигаясь концентрически на восток, сосредоточились в Давгели, покрыв за день 20 *км*, т. е. сделав нормальный пехотный переход, более или менее гарантировавший их от пехоты Бекмана и выдвигавшейся за Бекманом слева от него 88-й рез. германской дивизии.

Если отряд Арсеньева за день 11.9 сумел потерять три батальона из пяти и 20-*км* пространство, имея при этом перестрелку с немцами, то отряд Казнакова за день 11.9 не снимал с плеча ружей и не брал пик и шашек к бою, а о противнике Казнаков попрежнему ничего не знал. К счастью ген. Казнакова и его штаба, местные жители, бежавшие на восток, и соседи рассказали ему 11.9, что в районе Скодуцишки части конного отряда вели бой не с 10-й кав. дивизией немцев, а с 19-м драгунским, 5-м и 13-м уланскими и 8-м гусарским полками 9-й кав. дивизии, егерским батальоном, ½ ротой самокатчиков и батальоном 227-го кав. полка (последний сомнителен. — *Н. Е.*), о чем ген. Казнаков срочно и донес штабу 5-й армии, изменив прежнее свое донесение.

До сих пор в течение почти трех суток конный отряд ген. Казнакова действовал по директиве начальника штаба 5-й армии, требовавшей скорейшего соединения с Арсеньевым, т. е. отхода на северо-восток; только теперь начальник штаба 5-й армии осмыслил, наконец, оперативную сторону происходящих событий.

В 11 час. 11.9 начальник штаба 5-й армии приходит к выводу, что фронтальное сдерживание немцев для конницы — несвойственная задача, а потому отдает приказ: «держаться в тылу правого фланга противника и энергично действовать на его фланг и тыл. Прикрыть железнодорожную линию Ново-Свенцяны—Двинск от покушений мелких конных частей противника» [3].

---

[1] ВИА, д. № 21248, депеша № 220.
[2] ВИА, д. № 21248, депеша № 322.
[3] ВИА, д. № 21248, приказ № 3190.

Чтобы выполнить эту задачу, конный отряд Казнакова должен был, по крайней мере, вернуться назад в район Кукунишки, а еще лучше в район Любонары, откуда он мог действовать на правый фланг конницы Гарнье. Вместе с тем конный отряд должен был прикрыть железнодорожную линию Ново-Свенцяны—Двинск от покушения мелких конных частей противника, т. е. выставить конную завесу, закрыть заставами, караулами, дозорами и разъездами все дороги и тропы на протяжении более чем 100 *км*. Для этого нужно было, по меньшей мере, три дивизии кавалерии, которые бы занимались ловлей немецких разъездов, притом добрая половина разъездов могла свободно проникать через паутину кавалерийской завесы к железнодорожной линии и портить ее в любом месте, по усмотрению соответствующих начальников разъездов.

Таким образом, поняв опасность прорыва немцев к линии Свенцяны—Двинск штаб 5-й армии пытается локализовать эти действия немцев соответствующим применением своей стратегической кавалерии. Однако, как мы видели выше, штаб не сумел поставить ей эту задачу. Начальник штаба хотел, чтобы конный отряд держался на фланге и в тылу противника и в то же время прикрывал железнодорожную линию Свенцяны—Двинск. Такая постановка задачи распыляла усилия кавалерии в обширном пространстве по разным направлениям и по различному характеру ее боевых действий.

Самая добросовестная работа кавалерии не могла обеспечить сколько-нибудь терпимого выполнения той или другой из двух поставленных задач. Одну из них она могла выполнить успешно — действия на фланг и тыл прорвавшейся конницы противника, чем при успехе надежнее всякой завесы была бы прикрыта и обеспечена железнодорожная линия Свенцяны—Двинск. Но успех мог быть только в том случае, если бы эта конница была брошена не на правый, а на левый фланг германского конного корпуса Гарнье, т. е. не с юга на север, как этого требовал начальник штаба, а, наоборот, с севера на юг в направлении Давгели, Таурогина Любонары. Действия же в направлении с юга на север были целесообразны тогда, когда Казнаков был в районе Видзенишки, т. е. двумя днями раньше. Как же поступил начальник конного отряда ген. Казнаков, получивший две разнохарактерных задачи?

Не имея сведений о противнике вследствие отсутствия разведки, не осмыслив обстановки, начальник конного отряда принимает решение, в точности отвечающее требованиям данной ему директивы.

День 12.9 для частей конного отряда ген. Казнакова прошел спокойно. К этому времени Гинденбург узнал о развертывании новой русской армии (12-й армии) на Рижском направлении, что вызывало опасения немцев за их северный фланг, где русские переходом в наступление могли отрицательно повлиять на ход Виленской операции. Поэтому Неманской армии подтверждалась задача по обеспечению операции в Виленском районе активными действиями правого фланга и усиления внимания к новой армии [1]. Пехота же армейской группы Лауэнштейна (88-я рез. дивизия и пех. дивизия Бекмана) в этот день только преодолевала оставленное русскими пространство, равнявшееся целому

[1] Рейхсархив, т. 8, стр. 503.

пехотному переходу. Что же касается левофланговой ударной группировки 10-й армии немцев, то кав. корпус Гарнье (1-я, 3-я и 9-я кав. дивизии) продвигался в общем направлении севернее Маляты, а группа Эбена на Дубинки [1], т. е. не в направлении конного отряда Казнакова.

Спокойно передохнув в районе Давгели около суток, начальник конного отряда после полудня 12.9 выполнил вторую часть поставленной ему начальником штаба армии задачи, о чем донес ему: «Для прикрытия железной дороги на участке Свенцяны, Двинск нарядил ген. Арапова, 12 эскадронов и 8 орудий» [2]. Относительно же первой задачи, т. е. действий на фланг и тыл противника, начальник конного отряда ген. Казнаков представил свои особые соображения. Не зная, где находятся немцы, в каких силах и что они собираются делать, начальник конного отряда ген. Казнаков и начальник штаба отряда Матковский считают, что *«конница немцев устремится на тылы 5-й армии с целью преграждать пути отхода 3-му арм. корпусу»* [3]. А так как отряд Казнакова прижимался к флангу 3-го арм. корпуса, то следовало подразумевать, что пути отхода будут отрезаны и конному отряду. Ввиду этого 3-й арм. корпус и конный отряд Казнакова должны были продолжать и продолжали свой отход на северо-восток, первый к Ново-Александровску, а второй — к Дукшты. Германский конный корпус Гарнье направлялся на Свенцяны, а группа Эбена—на Дубинки. Так разошлись в пространстве левые фланги 5-й русской и 10-й германской армий.

Если даже исходить из того соображения, что левому флангу 5-й армии угрожал охват, то его уклонение на северо-восток привело бы только к более глубокому охвату. Чем более узкий фронт занимает обороняющийся, тем легче его охватить. Предпочтительнее же было конному отряду 5-й армии отходить на восток и юго-восток на более широкий фронт, чтобы заставить противника разбрасывать свои усилия в пространстве.

6. Боевые действия конного отряда Тюлина 10, 11 и 12.9

Мы оставили потрепанный и предоставленный самому себе конный отряд Тюлина отходившим к северо-востоку от р. Ширвинта.

Ввиду того что штаб и командующий 5-й армией открыли для наступления конного корпуса Гарнье и левого фланга германской армейской группы Эбена фронт сперва в 50, а затем в 70 *км*, где немцы могли беспрепятственно маршировать целой армией при пассивном поведении внешних флангов 5-й и 10-й русских армий, германское фронтовое командование и командующий 10-й германской армией изменяют направление наступления всей ударной группировки. Если еще 8 и 9.9 части группы Эбена (77-я рез. и 42-я пех. дивизии) готовились к наступлению совместно с арм. группой Гутьера и Лицмана в направлении Вильны против гвардейского, 5-го кавказского, 2-го и 5-го арм. корпусов, то уже 10.9 немцы меняют направление своего наступления, двигаясь всей ударной группой на северо-восток для флангового удара против северного фланга 10-й русской армии. В то время когда арм.

[1] Рейхсархив, т. 8, стр. 501—503.
[2] ВИА, д. № 21237.
[3] ВИА, д. № 21237, донесение № 851.

группа Эбена наступает в общем направлении на Дубинки и юго-восточнее, арм. группа Гутьера направляется на восток и северо-восток, в общем направлении южнее Дубинки, а группа Лицмана—на северо-восток в направлении Вильна [1].

Таким образом конному отряду Тюлина, состоявшему из бородатых казаков второй и третьей очереди и из семи рот ополченцев, выпала обязанность противостоять шести пехотным и четырем кав. *ударным* дивизиям немцев, в то время, когда германские ополченцы 14-й ландверной дивизии с бригадой ополченцев Езебека сковывали отборные войска русских, в частности гвардию на укрепленной Мейшагольской позиции.

Уже к вечеру 10.9 конный отряд Тюлина под ударом плотной группировки немцев отходит веерообразно. 54-й донской казачий полк отошел на Гедройцы, туда же отошла и 1-я кубанская казачья дивизия; гв. казачья бригада отошла на восток от Ромашканцы, сам Тюлин с бригадой 2-й кубанской казачьей и бригадой сводной казачьей дивизий отходил к озеру Оляны [2].

Вечером же 10.9 гв. корпус уже теряет всякую связь с начальником конного отряда [3], а северный фланг гвардии оказывается обнаженным.

В сложившейся обстановке командующий 10-й армией, не представляя себе истинного положения на правом фланге армии и стыке фронтов, писал: «Ген. Олохову потребовать от ген. Тюлина большей устойчивости его отряда и развить действия его конницы на фланги и тыл наступающих частей противника» [4]. Спустя несколько часов командарм продолжал, как мог, творить заклинания по адресу конного отряда и его начальника: «Совершенно не могу одобрить действий ген. Тюлина. Обеспечение фланга вовсе не требует неразрывности с этим флангом, конный отряд должен отходить не на Гедройцы, куда направляется, тем более, уже и пехота. Путь его отхода на Видзенишки, Маляты, Интурки, а задача—наблюдение и медленный отход с боем там, где нельзя удержаться, и самое энергичное, решительное наступление для удара во фланг и тыл там, где противник зарвется» [5].

Учитывая ранее изложенные нами действия конного отряда Казнакова в районе Видзенишки и северо-восточнее их, а также и действия ударной группы 10-й германской армии, направившейся в обход Вильна с севера, мы уже знаем, что задача, которую ставил командарм 10 конному отряду Тюлина, не соответствовала обстановке. Выдвижение в район Видзенишки, Маляты вывело бы Тюлина из-под фронтального удара под фланговый. Иное дело, если бы Тюлин и Казнаков были объединены в районе Видзенишки, поддержаны не шестью сотнями полувооруженных ополченцев, а хорошим пехотным соединением. В этом случае конница, опираясь на пехоту, могла развить действия на фланги и тыл немцев. В данной же обстановке о выдвижении к Видзенишки не могло быть и речи. Что же касается отхода на Маляты и Интурки, т. е. на восток, а не на юго-восток, эта часть директивы соответствовала обстановке, но такое направление отхода не могло локализовать

---

[1] Рейхсархив, т. 8, стр. 500—504.
[2] ВИА, д. № 322, лл. 23 и 27.
[3] ВИА, д. № 377959, л. 176.
[4] ВИА, д. № 402316, приказ № 9382.
[5] ВИА, д. № 402316, приказ № 9386.

прорыв немцев и в какой-нибудь степени прикрыть стык фронтов, тем более что кавалерия 5-й армии отходила на северо-восток, расширяя пространство для маневра немцев. Расстроенный происшедшими событиями на участке конного отряда ген. Тюлина, командарм 10 тогда же принял решение о парировании опасности правому флангу армии. Необходимость прикрытия фланга видел и командир гв. корпуса, но каждый из них по-своему беспокоился за обнаженный фланг армии и стык фронтов.

Командир гв. корпуса ген. Олохов так телеграфировал командарму свои соображения по обеспечению фланга: «Ген. Тюлин предполагает глубокий обход противника значительными силами в направлении Позельви, Гедройцы, а может быть и восточнее. Кроме того, движение неприятеля на Аванта может угрожать еще больше обходом. Ген. Олохов испрашивает указаний и вновь доносит о необеспеченности военной дороги на Свенцяны»[1].

В ответ на эти соображения, сигнализировавшие об опасности в направлении на Свенцяны, начальник штаба 10-й армии писал: «Командарм приказал ни в коем случае не допустить противника дальше линии Дуданцы, Эйцюны, хотя бы для этого вам пришлось израсходовать весь ваш резерв, имея в виду, что сегодня к вечеру армейский резерв—8-я сибирская дивизия—сосредоточится уже в районе Гедройцы. Командарм вновь подтверждает свое требование конному отряду ген. Тюлина проявлять большую стойкость и пользоваться всякой возможностью для энергичного перехода в короткое хотя бы наступление»[2].

Однако в ответе командарма нет главного: ответа на вопрос—кто же прикроет направление на Свенцяны? И командир гв. корпуса снова пишет: «Мне приказано ни в коем случае не допустить противника дальше линии Дуданцы, Эйцюны. Исполнить этого не могу, так как неприятелем уже заняты Орлики, Новоселки. Один полк погран. стражи с конницей вряд ли в состоянии удержать Гедройцы. С занятием Аванта неприятель ближе к Новосвенцянам, чем мы. Этим движением обходятся все наши укрепленные позиции. С занятием противником Гедройцы, что можно ожидать сегодня к вечеру, и подготовленная позиция: ф. Масалишки, Глинцишки, Корве будет обойдена»[3].

Переписка по этому поводу продолжалась. Вот ответ начальника штаба 10-й армии: «Командарм удивлен содержанием телеграммы генерала Антипова А450 и полагает, что отход конницы, хотя и излишне поспешный, отнюдь еще не создает обстановки, когда, имея целую дивизию в резерве на угрожаемом участке, приходилось бы спрашивать, что нужно делать. Как уже сообщено депешей 9376, командующий армией повторяет свое требование задержать наступление противника западнее Гедройцы, хотя бы для этого пришлось израсходовать весь ваш резерв. Беспокоиться за Свенцянское направление приходится, почему туда и направлен весь 3-й сибирский корпус, но бояться за Свенцянскую дорогу еще рано»[4].

---

[1] ВИА, д. № 377359, лл. 173, 174 и 175.
[2] ВИА, д. № 377359, лл. 226 и 227.
[3] ВИА, д. № 377359, лл. 180—182.
[4] ВИА, д. № 377359, л. 228.

Если командир гв. корпуса переписывался только с командармом, то командарму, кроме того, доводилось переписываться с командующим фронтом по вопросу обеспечения фланга армии и стыка двух фронтов. Командарм 10 так докладывал свои соображения наштафронта: «Энергичный нажим противника на отряд ген. Казнакова, заставивший этот отряд отойти в район Скодуцишки, а конный отряд ген. Тюлина — на Гедройцы, и данные разведки дают основание ожидать дальнейшего развития операции на Двинск и Свенцяны, т. е. на фронт совершенно обнаженный. Сосредоточение 3-го сибирского корпуса в районе восточнее Гедройцы в известной мере может обеспечить правый фланг 10-й армии, но тоже лишь до тех пор, пока войска противника, наступающие вдоль Двинского шоссе, не выйдут еще глубже за этот фланг. Казалось бы, если удержание Вильны и ныне занятого армией фронта желательно, то совершенно необходимо выдвижение нового корпуса целиком в район Уцян или Свенцян и согласованное с наступлением 10-й армии наступление хотя бы левого фланга 5-й армии» [1].

Но те или иные соображения и затеянная по поводу них переписка не могли приостановить продвижение немцев, которые тем временем вышли на фланг гвардии. Уже к вечеру противник занял Оляны и вел наступление на фронт Мигуце, Эйцюны и со стороны Оляны на юго-восток. Наступлению частей группы Гутьера была противопоставлена 2-я гв. пех. дивизия, развернувшаяся на фронте Кришен, Смоляк, Мигуце, Эйцюны, с вводом которой в бой командир гв. корпуса лишался резерва, а фронт его корпуса получил дугообразную форму [2].

В то время когда конный отряд Тюлина отходил под напором ударной группы 10-й германской армии, на остальном фронте 10-й русской армии шла обычная перестрелка [3].

Чтобы придать большую устойчивость конному отряду Тюлина, по приказанию командарма 10 командир гв. корпуса придал конному отряду два полка пограничников, которые, подобно ополченцам, не имели пулеметов, артиллерии, обозов, средств связи и в своем составе насчитывали по три роты каждый полк, а в общей сложности несколько более 1 000 штыков. Кроме того в состав 2-й кубанской казачьей дивизии была возвращена бригада из 3-го сибирского корпуса.

Для обеспечения же фронта и фланга гв. корпуса в район его обороны была выдвинута 8-я сибирская стр. дивизия 3-го сибирского корпуса, а другая дивизия того же корпуса и штаб корпуса были направлены в район Неменчин.

К рассвету 11.9 ген. Тюлин, утратив управление вверенным ему конным отрядом, отошел: 1-я кубанская казачья дивизия к Окмяны, бригада сводной казачьей дивизии и остатки ополченцев на фронт Минкели, Линчуны, г. дв. Гедройцы, 54-й донской казачий полк к Занянцы, а отряд ген. Потапова (6-й и 9-й сибирские казачьи полки) в район севернее Дубинки [4].

Отход отряда ген. Тюлина, а также угроза флангового удара в правый фланг гв. корпуса оказали сильное влияние на настроение коман-

[1] ВИА, д. № 322, лл. 21—22.
[2] ВИА, д. № 377359, л. 176.
[3] ВИА, д. № 322, лл. 23—27.
[4] ВИА, д. № 402316, оперативная сводка № 9434.

дира гв. корпуса ген. Олохова, который обратился с требованием к командарму 10 об отходе на юго-восток, о чем уже сделал частям корпуса предупреждение. Неожиданно для себя он встретил категорический отказ командарма, который приказал: «Категорически воспрещаю отход, предпринятый вами без моего разрешения и вопреки ясно поставленной вам задачи. Если отход начался, приказываю немедленно восстановить положение. Гв корпус сильнее всякого другого не только может, но и должен выдержать атаки противника не только сегодня, но и завтра и до тех пор, пока это потребуется. Повторяю, что я требую восстановить положение. Разрешаю два полка 8-й сибирской дивизии оставить в вашем резерве, но в резерве, а не для восстановления положения» [1].

Без сожаления покинув свой незадачливый пост и тяжелые обязанности начальника сводного конного отряда, разбитого немцами, уже порядочно одряхлевший старик Тюлин затерялся со своими штабами среди отступавших конных частей вверенного ему отряда. Обеспокоенный исчезновением ген. Тюлина и полным расстройством частей его отряда, еще до германского наступления плохо организованных, начальник штаба 10-й армии писал все тому же командиру гв. корпуса ген. Олохову: «Из телеграммы ген. Редько явствует, что части конного отряда ген. Тюлина проходят через Подберезье, а самого Тюлина до сего времени, вот уже почти сутки, никто найти не может. Командарм приказал собрать все прибывшие в район Подберезье части конного отряда, привести их в порядок, назначить общего начальника и двинуть в направлении восточнее Гедройцы для удара во фланг противнику. Подтверждается отданное вчера приказание базироваться конному отряду на Интурки, а для непосредственного обеспечения правого фланга оставить лишь гв. казачью бригаду» [2]. Спустя сутки ген. Тюлин был отыскан в районе Подберезье и во исполнение пяти приказов командарма 10 о переходе в наступление для удара во фланг и тыл наступающему противнику занял здесь исходное положение для перехода в наступление [3].

Однако предпринятое ген. Тюлиным наступление носило, по меньшей мере, странный характер. Из района Подберезье главные силы отряда продвинулись на восток на 15—20 *км* по пустому пространству и параллельно наступлению немцев, установив соприкосновение с которыми, отряд остановился в районе Минкели. В результате боевых действий 11.9 штаб 10-й армии установил: «Конница ген. Тюлина, удерживая противника, хотя и вразброд, но с боем отходила частью на восток, частью на юг; отряд ген. Потапова (6-й сибирский и 54-й донской казачьи полки, полубатарея и две роты пехоты), *повидимому*, имел бой в районе Дубинки и отходит в направлении на Интурку, Новосвенцяны, но это только лишь предполагается по некоторым отрывочным данным, так как связи нет. 9-й сибирский казачий полк имел бой у Янишки и отошел на Подбродзе, где был приведен в порядок прибывшим туда командиром 27-го сибирского стр. полка и выдвинут

[1] ВИА, д. № 402316, приказание № 9407.
[2] ВИА, д. № 402316, приказ № 9409.
[3] ВИА, д. № 371096, сводка № 9434.

вновь на фронт озера Спингла и Дубинки. 1-я кубанская казачья дивизия, пытавшаяся с утра наступать, с боем отошла к 5 час на г. дв. Сужаны, где продолжала бой... Два слабых пограничных пеших полка и два казачьих полка из сводной дивизии, сдерживая натиск противника от Гедройцы, с боем отошли на фронт, примерно, Варнишки, З. Варнишки. Между 1-й кубанской казачьей дивизией и пограничниками около 10 час. вечера еще находился 2-й лабинский казачий полк (бригады ген. Хитрово) у Поварня и две сотни кубанского полка у Варнишки, штаб ген. Тюлина в г. дв. Верусов, что 6 верст севернее Неменчин» [1]. Ночь с 11 на 12.9 застала рассеявшийся в обширном пространстве конный отряд ген. Тюлина в следующем положении: 6 полков расположились в районе Минкели, два полка у Варнишки, в последнем пункте находились и приданные отряду два полка пограничников. Что касается сибирской казачьей бригады ген. Потапова, то начальник конного отряда, его штаб и штаб армии сведений о них не имели. Этим расположением главных сил конного отряда ген. Тюлина было прикрыто развертывание 3-го сибирского корпуса.

Под утро 12.9 разъезды штаба армии опять отыскали старика ген. Тюлина и вручили ему новый приказ о наступлении большей частью сил его отряда все в те же фланги и тыл наступавшему противнику, но на этот раз в направлении на Дубинки, Янишки [2].

Опять ген. Тюлин пытается вести свои потрепанные казачьи полки в наступление. Как гласят документы штаба отряда, «вначале наступление развивалось успешно», т. е. пока казаки двигались по пространству, не занятому немцами, но затем, когда казачья лава сблизилась с немцами на расстояние пулеметного огня, наступательная энергия у казаков иссякла. Немцы сами перешли в наступление, и главные силы конного отряда отошли к Минкели, а затем на Тартаки. Оперативные сводки штаба 10-й армии так описывают события этого дня на правом фланге армии:

1. «За ночь и первую половину дня 12.9 выяснилось следующее: 9-й сибирский казачий полк отошел вчера на Подбродзе, где к нему присоединились две роты ополченцев, состоявших при отряде ген. Потапова. Отряду этому было приказано выдвинуться к Янишкам, но, ввиду того что Янишки оказались якобы занятыми противником, полк остался у Подбродзе. Туда же направлен 54-й донской казачий полк. Ген. Потапов потерял свой отряд, прибыл вчера в Свенцяны. Командующий армией приказал ген. Потапову организовать оборону ст. Ново-Свенцяны, использовав находящийся там гвардейский этапный батальон и отдельные прибывающие туда сотни. 1-я кубанская казачья дивизия и бригада ген. Хитрово (бригада 2-й кубанской дивизии) ночевали в районе Минкели. Остатки двух пограничных полков и полки сводной казачьей дивизии занимали промежуток между кубанцами и 8-й сибирской стр. дивизией. С утра ген. Тюлин направил шесть полков кубанцев на фронт Павлюканцы, Шмонишки. Наступление начало развиваться успешно, но о результатах его донесений еще не получено» [3].

---

[1] ВИА, д. № 371026, сводка № 9453.
[2] ВИА, д. № 402316, приказ № 9480.
[3] ВИА, д. № 371026, сводка № 9503.

2. «Конница ген. Тюлина в нескольких группах продолжала сдерживать наступающего противника, причем 9-й сибирский и 54-й донской казачьи полки, находившиеся у Подбродзе, принуждены были отойти от этой станции. 1-я кубанская казачья дивизия с бригадой Хитрово (бригада 2-й кубанской дивизии), перейдя утром в наступление, сначала продвинулась удачно, но затем, встреченная контратакой пехоты противника силою не менее пяти батальонов, начала отходить в направлении на Тартаки. Прочие части отряда ген. Тюлина удерживались, ведя бой на занятых вчера местах» [1].

Пока конный отряд ген. Тюлина сдерживал наступление немцев северо-восточнее Вильна, под его прикрытием развернулся 3-й сибирский стр. корпус фронтом на север и северо-восток, затнув дугой правый фланг 10-й русской армии.

Ночью 12.9 командарм 10, разочарованный действиями отряда Тюлина, переподчинил его командиру 3-го сибирского корпуса ген. Трофимову с приказанием: «Всю конницу, какую найдете возможным, оттянуть на ваш правый фланг и возложить на нее обеспечение правого фланга армии и тыловых путей фланговых корпусов...» [2].

Но этими событиями еще не закончились испытания, выпавшие на долю частей конного отряда Тюлина на стыке фронтов и на правом фланге 10-й армии.

7. Боевые действия в озерном районе северо-восточнее г. Вильна

После того как ген. Тюлин утратил управление частями своего конного отряда, а отряд ген. Потапова, по предположению ген. Тюлина и штаба 10-й армии, должен был вести бой в районе Дубинки, отряд Потапова 11.9 находился в Интурки, где беспечно расположился на отдых. В 10 час. 11.9 к Интурки подошли передовые части арм. группы Эбена и открыли огонь по сборищу сибирских казаков. Произошла паника, во время которой первым бежал из Интурки ген. Потапов, а за ним в разных направлениях вверенные ему части. Об этом происшествии Потапов доносил так: «В 10 час. утра Интурки были окружены противником, открывшим артиллерийский огонь. Я со взводом прорвался, но за мной была погоня разъездов, пришлось следовать без дорог, по лесам. Взвод растаял и со мной оказались лишь адъютант, офицер связи и четыре казака. Лошади покалечены, почему я остановлюсь за железной дорогой (!). Установил связь со Свенцянами, куда и прошу направить мое приказание и рассеявшиеся части отряда. Вчера 10.9, как я вам докладывал через офицера связи, по впечатлительности казаков я со взводом оказался в арьергарде 9-го полка под сильным обстрелом противника. Переправлялся через болота. Раненые были оставлены. Сегодня же, вследствие неумелого охранения сотни, я оказался в более тяжелом положении. По моему скромному мнению, командный состав сибирских полков крайне слаб, казаки же при доверии начальников могли бы быть хорошими частями» [3].

---

[1] ВИА, д. № 371026, сводка № 9526.
[2] ВИА, д. № 402315, сводка № 9520.
[3] ВИА, д. № 377959, лл. 516—518.

В общем более или менее правдивое описание событий в районе Интурки, изложенное ген. Потаповым, нуждается в уточнении. Чтобы читатель не подумал, что Интурки были окружены немцами и только Потапову с одним взводом казаков удалось прорваться из окружения, мы должны заметить: эта часть изложения ген. Потапова написана им, как он выражается, по впечатлительности. На самом же деле, попав под артиллерийский огонь немцев, казаки действительно обратились в бегство. При этом 9-й сибирский и 54-й донской казачьи полки бежали на Янишки и далее на Подбродзе. Сюда же бежали находившиеся при отряде две роты ополченцев [1]. Что же касается 6-го сибирского казачьего полка, то никаких документов о его путях отхода нет, но, судя по дальнейшим действиям этого полка, надо полагать, он бежал тоже на Подбродзе, а не на Свенцяны, но другими дорогами, приведшими его позднее в район Подбродзе, где он располагается в последующие дни.

Таким образом отряд ген. Потапова окружен в Интурки не был, а просто разбежался при обычной панике. Бежавших в Подбродзе сибирских и донских казаков и минских ополченцев пытались было еще раз направить для сдерживания наступления немцев из района Янишки, но казаки от выполнения задачи уклонились, донеся, что Янишки заняты 10-м егерским полком противника. После этого казаки были отправлены в Свенцяны в подчинение Потапова, но и туда они не попали, так как к тому времени Свенцяны были уже заняты немцами, и только после 15.9 отряд Потапова вновь собирается в районе Поставы, чтобы вскоре вторично разбежаться.

Паникой в Интурки закончилась боевая служба русской кавалерии по прикрытию стыка фронтов, в чем конница выказала себя не столь уже положительно, но много лучше, нежели штабы фронтов и армий.

После того как Казнаков отошел к Дукшты, Тюлин — к северо-востоку от Вильна, казаки Потапова—в Подбродзе, а сам Потапов с 4 казаками — в Свенцяны, на путях германской кавалерии к Свенцянам оставались лишь обозы и этапы, на которые, в конечном счете, и выпала теперь обязанность завершить борьбу на стыке северного и западного фронтов.

8. Оборона Свенцяны русским ополчением

После того, как 6-й германский кав. корпус Гарнье и арм. группы Эбена и Гутьера растолкали в разных направлениях конницу 5-й и 10-й русских армий, между левым флангом 5-й и правым флангом 10-й армий образовался разрыв более 60 *км* от Дукшты на Подбродзе. Путь на Свенцяны был совершенно открыт, и в образовавшийся прорыв устремилась германская кавалерия.

Русские ничего не могли противопоставить немцам на этом направлении. Единственной вооруженной силой из пяти десятков русских корпусов на угрожаемом направлении оказался один этапный батальон гв. корпуса, отбившаяся сотня забайкальских казаков и несколько разрозненных взводов разных ополченских частей. Обеспокоенные этим

[1] ВИА, д. № 371026, сводка № 9508 и 9520.

обстоятельством штабы 5-й и 10-й армий приняли каждый свои меры по обеспечению Свенцянского направления. Штаб 5-й армии, как уже нам известно, возложил эту задачу на конный отряд Казнакова, а Казнаков — на ген. Арапова с бригадой кавалерии и одной батареей. Штаб 10-й армии возложил эту задачу на ген. Олохова, командира гв. корпуса, расположенного с подчиненными ему войсками северо-западнее и западнее Вильна. При этом командарм 10 писал комкор гв. Олохову: «Крайне важное значение ст. Ново-Свенцяны вызывает необходимость прикрыть подступы к ней хотя бы небольшой конной частью, может быть 54-м донским полком или частью отряда ген. Потапова, что еще лучше, так как в этом отряде есть и пехота и пушки... Потребуйте от конницы энергических действий во фланг и тыл противника, причем потребуйте перебросить базирование отряда на Интурку. Задача конницы—не допустить противника к железной дороге и обеспечивать ваш фланг, поддерживая связь с конницей 5-й армии» [1].

Мы уже имели случай отметить, что командарм 10 занимался заклинаниями, которые не могли быть осуществлены. Атакованный плотными массами ударной группы 10-й армии, конный отряд ген. Тюлина не был в состоянии не только нанести решительный контрудар, но и, как мог видеть командарм 10, даже в течение более или менее продолжительного времени сдерживать немцев. Более того, отброшенный к северо-востоку от Вильна, расстроенный боями, утомленный, конный отряд ген. Тюлина не был в состоянии оторваться от немцев и перебросится к Свенцяны. Если бы даже конный отряд Тюлина так или иначе оказался на Свенцянском направлении, то и в этом случае мало вероятно, чтобы он смог закрыть 60-*км* разрыв между 5-й и 10-й армиями. Тем более это невозможно было для 54-го донского полка или конного отряда Потапова, как об этом помышлял командарм 10.

Во исполнение же приказа командарма, командир гв. корпуса приказал полк. Назимову, командиру гв. этапного батальона, «принять немедленно меры по обеспечению ст. Ново-Свенцяны от могущих появиться близ нее неприятельских разъездов и конных частей противника. Для поддержания вас делаются распоряжения о направлении в этот район наших казачьих частей» [2].

Но Назимов случайно получил сведения от сотника 1-го нерчинского казачьего полка Жуковского, что немцы заняли Кукунишки и двигаются по направлению к Ново-Свенцяны и что пути на эту станцию никем неприкрыты, так как «казаки на своем пути от Кукунишки не встретили ни одного русского солдата» [3]. Назимов задержал казаков в числе 80 чел., собрал две своих роты и находившихся в Ново-Свенцяны ополченцев и организовал оборону. Оказавшихся в Ново-Свенцяны вооруженных сил, объединенных полк. Назимовым, было: 80 чел. казаков, 300 чел. этапного батальона, вооруженных японскими винтовками и имевших по 60 штук патронов, около 200 чел. 367-й минской дружины, взвод 390-й минской дружины и три взвода 382-й минской дружины, воору-

---

[1] ВИА, д. № 377959, лл. 352 и 353.
[2] ВИА, д. № 377959, л. 354.
[3] ВИА, д. № 414211, лл. 144—146.

женных частью карабинами, в большинстве берданками, а частью вовсе без оружия [1]. Это сборище под командой Назимова и явилось в данное время последним средством обеспечения Свенцян. В соответствии со своим этапным положением Назимов выказал достаточные способности в роли строевого начальника. Ввиду усталости коней у казаков Назимов забрал лошадей из конского запаса, посадил на них казаков и направил их для разведки на Любонары и Маляты. Он выставил заставы и полевые караулы в северо-западном и западном направлениях, а этапники заняли позиции [2].

День 11.9 в Ново-Свенцяны прошел в организации разведки и обороны, а также эвакуации госпиталей и тыловых учреждений [3]. Утром 12.9 охранение Назимова вошло в соприкосновение с разведывательными частями конницы Гарнье. Подошедший к блок-посту № 37 (8 *км* юго-западнее Ново-Свенцяны) германский разъезд около 40 чел. был встречен огнем солдат 2-го железнодорожного батальона и отогнан, но разъезд удержался вне дальности выстрела, наблюдая за железнодорожниками. Такая же перестрелка произошла на посту № 38 [4]. Тогда же Назимов получил сведения и от конной разведки. Высланные им разъезды достигли д. Стырленко, встретили здесь значительные кавалерийские части противника, далее продвинуться не могли и под огнем отошли на Любонары. Здесь казаки встретились с разъездом гв. конного полка, который обнаружил движение двух полков германской кавалерии с пехотой и артиллерией в направлении Ново-Свенцяны. Другой казачий разъезд по дороге на Маляты встретил дозор немцев из 5 чел., зарубил трех немцев, забрал их коней с притороченными шинелями, на погонах которых стояла цифра «10».

В полдень 12.9 немецкий разъезд в 4 *км* северо-восточнее от Ново-Свенцяны обстрелял паровоз, но казаки отогнали и это разъезд. Тогда же немцами был обстрелян поезд юго-западнее Ново-Свенцяны. Около 15 час. было прервано сообщение в сторону Подбродзе. В 16 час. 2-й железнодорожный батальон погрузился и последним эшелоном ушел со ст. Ново-Свенцяны.

Около 17 час. перед цепями ополченцев появилась германская кавалерия, а за ней пехота и артиллерия. Завязалась перестрелка. Вскоре немцы охватили фланги ополченцев полк. Назимова, а германская артиллерия и пулеметы вели интенсивный огонь по ополченской цепи.

Через час-полтора Назимов начал отход. «Принимая во внимание, — пишет Назимов, — совершенно законченную эвакуацию станции и местечка и видя, во-первых, наступление весьма значительных неприятельских сил из трех родов оружия и созданную начавшимся охватом нашего левого фланга угрозу преградить отряду путь к г. Свенцяны, во-вторых, отсутствие телеграфной и телефонной связи, и полную неизвестность, подойдет ли поддержка строевых частей, и, наконец, в-третьих, явный недостаток в патронах при совершенной невозможности их пополнения, я был вынужден для спасения вверенных мне этапных рот и всего отряда, плохо и разнотипно вооруженного, начать отход в на-

[1] ВИА, д. № 377959, л. 354.
[2] ВИА, д. № 377959, л. 289.
[3] ВИА, д. № 414211, лл. 144—146.
[4] ВИА, д. № 377959, лл. 393—395.

правлении на Глубокое, согласно ранее данному мне указанию штабом армии. Начав отход под прикрытием казаков, все роты с мерами охранения двигались в полном порядке под сильным огнем неприятеля» [1].

Таковы подробности занятия немцами Ново-Свенцяны и последнего сопротивления русских на стыке фронтов. Теперь окончательно и надолго разорвалась всякая связь между флангами двух фронтов.

9. Выводы по боевым действиям на стыке фронтов

На примере обеспечения стыков и боевых действий прикрывавших стык двух конных русских отрядов (по существу двух конных корпусов) можно видеть: во-первых, недооценку значения стыков двух фронтов со стороны главного командования и командования фронтов, во-вторых, формальное отношение к обеспечению стыка, проявленное командующими 5-й и 10-й армиями и их штабами, в-третьих, неуменье распорядиться конными массами особенно штаба 5-й армии по прикрытию стыка фронтов, в-четвертых, неуменье вскрыть и своевременно предупредить опасность захвата и перерыва важнейшей железнодорожной рокады.

Нам кажется, что прикрытие стыков вообще целесообразно осуществлять, помимо войск, расположенных на общей линии фронта, группировкой на стыках фронтов и армий резервов, эшелонированных в глубину. В данной операции резервы командующего западным фронтом и командующего 10-й армией предпочтительнее было располагать не в Виленском, а в Свенцянском районе, откуда эти резервы могли быть введены в бой более эффективно и с активными задачами, а не так, как использовала свои резервы 10-я армия — для удлинения своего охваченного фланга.

Следует заметить, что по варианту «Г» плана стратегического развертывания русской армии, утвержденному 1 мая 1912 г., Свенцянам придавалось достаточно серьезное значение.

По этому плану предполагалось развертывание 4-й армии в районе Рига, Шавли, Свенцяны, Двинск и 1-й армии в районе Ковно, Сувалки, Вильна. За стыком этих армий в Свенцянах предусматривалось развертывание 3-й донской и уральской казачьих дивизий и 83-й пех. дивизии [2].

Однако в ходе войны значение Свенцян как бы выпало из поля зрения ставки и штабов фронтов, а между тем это значение не только не уменьшалось, но в процессе операций возросло по мотивам, приведенным выше.

Также представляется целесообразным объединение двух конных соединений, прикрывающих один объект, под командой одного начальника, подчиненного вышестоящей инстанции. В данном случае — объединение конных отрядов Казнакова и Тюлина под командованием одного из них (хотя они оба были слабы и для более скромной роли), с подчинением командующему западным фронтом. В этом случае объединенная конница не разошлась бы в разных направлениях, как это случи-

---

[1] ВИА, д. № 414211, лл. 144—146.

[2] *Зайончковский*, Подготовка России к мировой войне, стр. 263 и карта 14.

лось, а отошла бы более компактно в лучшем случае на Свенцяны, в худшем — к одному из армейских флангов, откуда могла продолжать более эффективно действовать или во фланг и тыл немцам со стороны Дукшты, или оказать больше сопротивления германскому наступлению на правом фланге 10-й армии, где конный отряд Тюлина при всей его организационной нелепости в общем более или менее дрался и сопротивлялся немцам. Разумеется, конная масса, призванная прикрывать стык, должна иметь впереди или на линии общего фронта только разведывательные и охраняющие части, имея главные силы в глубине в готовности к сокрушительному фланговому удару по прорвавшимся войскам противника. В условиях данного района действий конница, на худой конец, должна была организовать оборону озерных дефиле, чего она не могла сделать, будучи уведена начальником штаба 5-й армии на северо-восток, а отряд Тюлина вследствие этого принужден был драться фронтом на северо-запад, затем на север, наконец, на северо-восток и вследствие обхода его фланга отходить на юго-восток и юг.

Обязанность заботиться о стыке фронтов целиком лежит на вышестоящей инстанции, какой в данном случае являлись главком и его штаб, так как тот или другой командующий фронтом не всегда объективно будет относиться к событиям на стыке. Равно обеспечение стыков армий должно составлять заботу соответствующего штаба и командующего фронтом.

Мы видели формальное отношение к обеспечению стыка со стороны командармов 5 и 10, а в особенности их начальников штабов. Начальник штаба 5-й армии стремился прикрывать фланг своей 5-й армии, на фланг которой немцы не покушались, а затем не использовал свою конницу для удара на Свенцяны в тыл 6-му германскому кав. корпусу, начальник же штаба 10-й армии послал в помощь коннице заведомо небоеспособную пехоту, отлично сознавая, что она скорее явится помехой, ввиду своей малой подвижности, чем усилением кавалерии. Когда же выяснилась невозможность удержаться конному отряду на правом фланге армии, не следовало требовать от кавалерии сдерживающих действий, тем более, что это могла выполнить подошедшая пехота 3-го сибирского корпуса. Нужно было оторвать конницу от противника, дать ей передышку и вывести далее на восток, чтобы она могла осуществить маневр из глубины. В данной обстановке вывод конного отряда Тюлина на верхнюю Вилию был бы более целесообразным.

Уже в первый день операции штабы главкома и фронтов видели, что образовался разрыв между внешними флангами двух армий, и казалось, что в соответствии с прогнозом разведывательных отделов должны были быть приняты более эффективные меры по локализации прорыва, но предвзятые идеи начальника штаба главкома мешали мероприятиям по отражению наступления на стыке. Несомненно, смена руководства пагубно отразилась на руководстве действиями фронтов.

Разнотипное вооружение русских войск вообще, а ополченцев, в частности, как мы видели выше, поставило в затруднительное положение с патронами отряд Назимова в Свенцянах. Те возможности, какими располагал тыл гв. корпуса с некоторым запасом снарядов и 3-линейных патронов, не могли быть использованы для японских винтовок и винтовок «бердана». В будущем следует иметь в виду, что прорывы танковых и

конных частей на тылы могут иметь более широкую практику и наши тылы могут оказаться в положении отряда Назимова. Поэтому необходимо все без исключения тылы иметь вооруженными, в частности артиллерийские тылы вооружить противотанковыми орудиями, чтобы их боевая потенция получала в нужный момент необходимое применение. Кроме того, в расположении тыловых учреждений необходимо соответственно использовать естественные укрытия, а также создавать искусственные прикрытия, иными словами, должна практиковаться система закрепления занятого расположения. Заграждения дорог, засады на посадочных площадках, система артиллерийской ПТО и некоторая огневая способность должны стать принадлежностью всех тылов современных армий.

Что касается поворота войск 10-й армии на северо-восток, боев и маневрирования русских под Вильна, то выводы мы отнесем к концу следующей главы.

———

ГЛАВА III

МЕРЫ РУССКОГО КОМАНДОВАНИЯ ПО ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРОРЫВА

1. Оценка значения прорыва и распоряжения начальника штаба главнокомандующего (схема 4)

Ровно за 4 суток до начала операции 5.9 1915 г. в так называемой ставке верховного главнокомандующего руководство по ведению операций принял на себя бывший командующий северо-западным фронтом ген. Алексеев при номинальном коронованном главкоме, ничего не смыслившем в вопросах войны и военного дела, не имевшем оперативно-стратегического кругозора.

Выше мы уже имели случай рассмотреть ряд обстоятельств, приведших русского царя к решению взять на себя командование; здесь мы отметим только, как отразилось это решение на операциях осени 1915 г.

Мы уже упоминали о том, что между бывшим начальником штаба главкома ген. Янушкевичем, вернее, его ген.-кварт. ген. Даниловым, который, по существу, всем распоряжался, и будущим начальником штаба ген. Алексеевым имели место разногласия во взглядах на ведение операций, в частности, на Виленском направлении. Явившись из штаба фронта в штаб главнокомандующего, ген. Алексеев принес с собой убеждения и предвзятые воззрения на будущие операции, известные нам из гл. I и сводившиеся к недооценке Виленского направления и переоценке центра приложения боевых усилий немцев в направлении Белосток, Барановичи, Минск.

Нам также известны последующая неопределенность в оценке обстановки и колебания относительно важности направлений, выявленных новым начальником штаба главкома.

Кроме этих невыгодных для дела свойств нового начальника штаба, сама по себе смена ряда высокопоставленных лиц внесла элементы осторожности и неуверенности в деятельность штаба в столь ответственный период операций, каким была осень 1915 г. Всякие промахи в работе при обстановке смены главного командования могли иметь решающее влияние на положение фронта, что учли немцы, всего через 4 дня после молебнов о победах и вступления в командование царя перешедшие в наступление. К тому же только что закончившееся разделение фронтов также внесло новые осложнения в вопросы распределения сил, средств, полос и задач фронтов, с непременными при этом дрязгами, интригами и трениями между новыми фронтами, арбитром в которых должен был выступать начальник штаба главкома, хорошо

знавший, что коронованный главком является человеком бесхарактерным, легко поддающимся постороннему влиянию, способным отменять и изменять неоднократно свои решения, решения своих министров, своего начальника штаба, тем более что Алексеев в среде высокопоставленного генералитета не был старейшим, было много генералов старше него. Он не был близким придворным человеком и не происходил из старинных маститых княжеских фамилий. Еще полтора года назад он скромно подвизался на должности начальника штаба Киевского военного округа, а затем начальника штаба юго-западного фронта. Еще не установилось общего понимания и взглядов ни у главкома, ни у командующих фронтами на ведение операций, еще не установились нормы взаимоотношений с командующими фронтами, министрами и самим главкомом.

Все это, вместе взятое, несомненно отрицательно повлияло на качество управления фронтами в начавшейся серьезной операции.

Мы в свое время оставили ставку, предполагавшую перебросить в Свенцянский район три корпуса и одно арм. управление. Однако это было еще в конце августа; время шло, русские корпуса стояли в линии фронта, а немцы готовились к нанесению удара в Виленском районе.

Прорыв на стыке фронтов, казалось, предвидели, казалось, принимались какие-то меры, во всяком случае об этом сигнализировали разведывательные отделы штабов 10-й армии и западного фронта, и тем не менее прорыв «пал, как снег на голову».

Мы уже знаем, что накануне германского наступления начальник штаба главкома Алексеев дал ориентировку командующему западным фронтом о значительном ослаблении наступательной энергии немцев.

10.9, когда уже обозначился прорыв на стыке 5-й и 10-й армий, главком западного фронта доложил свои соображения начальнику штаба главкома: «Воздушная разведка 5-й армии выяснила наступление от Вилькомира на Двинск и от Аванты на Покольно в общем по протяжению колонн—корпус, на правом фланге 10-й армии противник развивает энергичное наступление; на фронте Шешоли, Келе развернулась дивизия. Независимо от этого от Позельви на Гедройцы двигается колонна пехоты. В общем на фронте Ширвинты, Позельви надо считать тоже корпус. Повидимому, противник отказался от лобовых ударов в болотисто-лесистом пространстве и, весьма вероятно, разовьет главный удар в направлении на Двинск, Свенцяны, откуда он может развивать операции как на Петроград, так и на Витебск, Москву, постоянным давлением на наш правый фланг, с целью отбросить в район минских лесов и лесистого пространства по Березине. Все наши оборонительные линии при этом падут. Для задержания развития наступления противника ген. Олохову [1] приказано не допустить продвижения противника далее линии Дуданце, Вицюны, не останавливаясь перед израсходованием всего его резерва (2-я гв. дивизия и егерский полк). К Подберезье к вечеру сегодня должны подойти 8-я сибирская дивизия и кубанская бригада, в Подбродзе перевозится 7-я сибирская дивизия, прибудет туда 12.9; к тому же времени должна прибыть 3-я гвардейская в Вильну или будет перевезена в Подбродзе. Все это будет на-

[1] Командир гв. корпуса.

правлено против надвигающегося противника, причем ген. Радкевичу [1] указано не вводить в бой частями, но весьма вероятно, что всего этого будет недостаточно. Представляется необходимым возможное усиление правого фланга фронта. Настоящее выдвинутое, растянутое положение 1-й, 2-й, 4-й и 3-й армий не дает возможности вывести что-либо в резерв. Считаю необходимым, оставляя 10-ю армию в ныне занимаемом положении, остальные армии отвести на линию Олькеники, Радунь, устье Шары и далее по р. Шаре. Постараюсь при этом из каждой армии сосредоточить по одному корпусу в резерв в район Барановичи, Новогрудок, Лида» [2].

Приведенная выше оценка обстановки командующего западным фронтом приблизительно верно определяет силы противника перед правым флангом 10-й армии, верно угадывает направление германского удара, но не на Двинск, а на Свенцяны, угадывая также вытекающие из этого осложнения как для общего стратегического, так и оперативного положения русских армий и армий западного фронта. Однако выводы командующего фронтом расходятся с его доводами. Чуя опасность на правом фланге фронта, командующий фронтом намерен «постараться» вывести всего по одному корпусу из каждой армии. Он также резонно предусматривает недостаточность трех дивизий для парирования германского удара на Свенцянском направлении, но вместе с тем не ставит серьезно вопроса об усилении правого крыла.

Коль скоро, по мнению командующего фронтом, немцы отказываются от лобовых ударов в лесисто-болотистом пространстве, то вызывает сомнение целесообразность добровольного отвода четырех армий, удаленных от возможного флангового удара немцев, с одной стороны, а также целесообразность оставления крупных русских сил на фронте в том же лесисто-болотистом пространстве против слабых здесь сил противника. Казалось бы целесообразным в этой обстановке продолжать оборонять занимаемый фронт, выводить в армейские и фронтовой резервы крупные силы и группировать их к угрожаемому прорывом правому флангу фронта. Что же касается отхода, то его при надобности можно было осуществить без какой-либо помехи со стороны немцев. Добровольный же отход четырех армий на восток не столько облегчал их оперативное положение, сколько облегчал немцам перегруппировку их сил с фронта, добровольно покидаемого русскими.

В ответ на этот доклад начальник штаба главнокомандующего того же числа телеграфирует: «Вытекающие из обстановки Ваши предположения будут одобрены. Не признаете ли более желательным выводимые резерв корпуса свести особую группу районе Лида, Ошмяны, переместив туда и управление 2-й армии, так как эта группа может получить самостоятельную задачу? Из 2-й армии желательно перебросить направлении на Свенцяны 1—2 дивизии кавалерии» [3].

Соглашаясь на отвод армий западного фронта и на вывод корпусов в резерв, начальник штаба главнокомандующего справедливо указывает на желательность сосредоточения их к правому крылу армий запад-

---

[1] Командарм 10.
[2] ВИА, д. № 381, лл. 3—6.
[3] ВИА, д. № 439, л. 63.

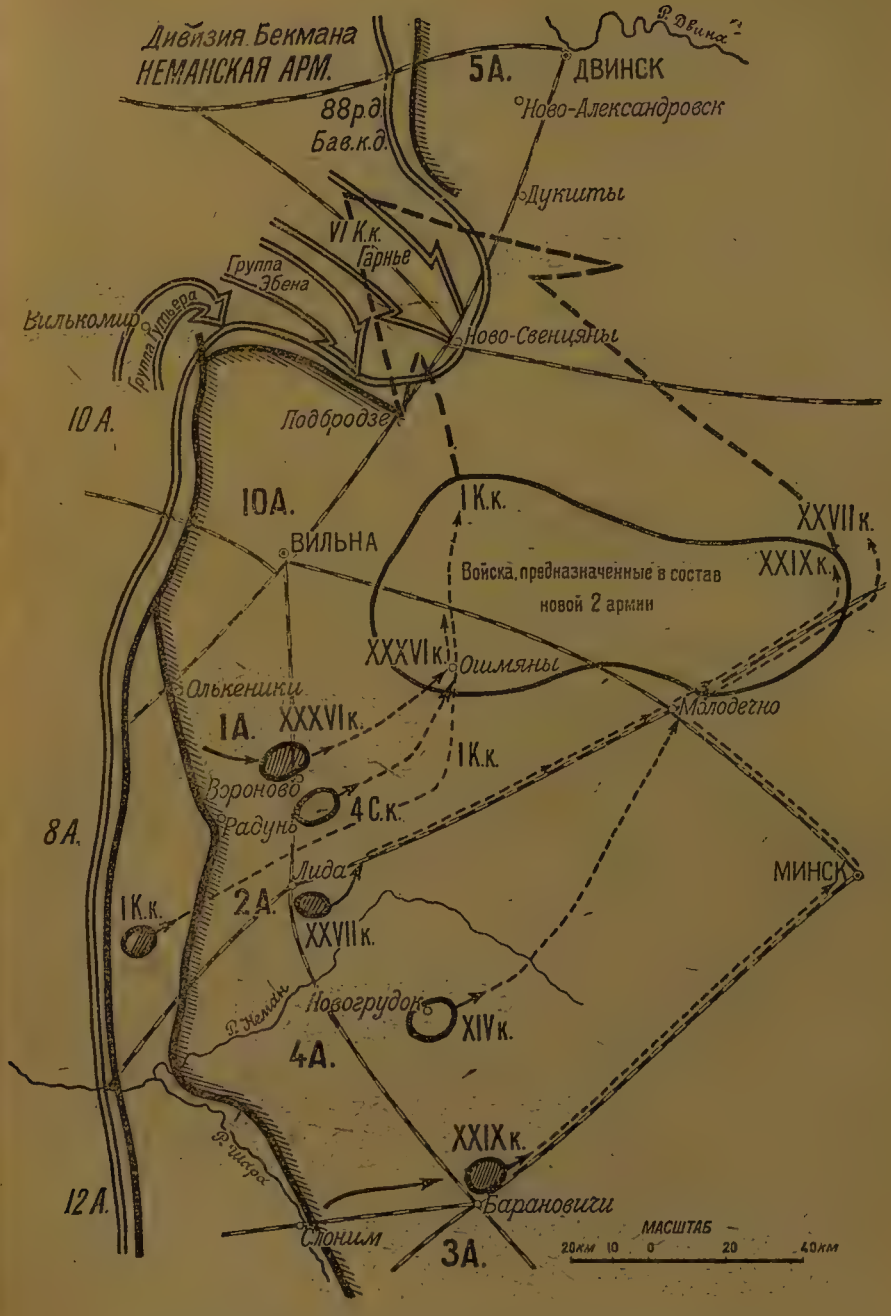

Схема 4. Перегруппировки армий западного фронта.]

ного фронта, а также желательность выделения управления 2-й армии, предвидя самостоятельную для нее задачу. Однако ответ начальника штаба главкома не носит характера директивы и приказа, а скорее является советом и пожеланиями, что показывает нежелание его брать на себя ответственность, а также предоставление широкой самостоятельности командующему фронтом.

11.9 продолжается обмен мнений в этом смысле между начальником штаба *главкома* с *комфронтом*. Последний писал: «Выводимые мною в резерв корпуса в зависимости от обстановки могут быть сведены и в отдельную армию, но для этого мне придется дать им определенный район тыла и совершенно ясно представить себе задачу этой группы... Создающаяся обстановка при условии наступления корпуса противника по шоссе Вилькомир, Двинск и по грунтовой дороге через Аванты на Двинск и направления корпуса противника на фланг 10-й армии ведет к тому, что разрыв между нею и 5-й армией увеличивается, и силою этой обстановки тяготение 10-й армии поневоле перейдет на Московское направление. Если же задача 10-й армии останется прежняя — войти в состав северного фронта и вместе с ним прикрывать Петроградское направление,—то ей придется искать соединения с 5-й армией, и потому необходимо скорейшее решение вопроса об окончательной задаче 10-й армии» [1].

По приведенному телеграфному запросу командующего западным фронтом начальнику штаба главкома можно установить, что ни тот, ни другой еще не представляли себе мер по ликвидации прорыва немцев, а также не представляли еще, каким образом поступить с 10-й русской армией и предположенной к сбору в ее тылу новой армией, в смысле их подчинения тому или иному фронту.

Вечером же 11.9 начальник штаба главкома отдал директиву о создании новой армии на стыке фронта и о задачах фронтов. В директиве было указано:

«1-е. 27-й арм. корпус энергично и быстро сосредоточить по железным дорогам Двинск; корпус этот включить состав 5-й армии. 2-е. Из состава армий западного фронта возможно быстро собрать в районе Свенцяны еще два корпуса из числа выводимых в резерв и имеющих более сильный состав по числу штыков. 3-е. Выбор корпусов и порядок их сосредоточения, преследуя цель быстроты сбора, предоставляется главкому западного фронта. 4-е. В этот же район перебросить одну из кав. дивизий западного фронта. 5-е. Ко времени сбора в Свенцянском районе двух корпусов переместить примерно в Глубокое полевое управление 2-й армии или иной армии западного фронта по усмотрению главнокомандующего в зависимости от удобства перевозки. 6-е. Окончательный состав предположенной к формированию армии будет указан в зависимости от обстановки, которая сложится ко времени сбора намеченных к переброске двух корпусов. 7-е. Вновь формируемая армия предназначена в состав северного фронта. 8-е. Разграничительной линией между северным и западным фронтами по сформированию намеченной армии назначается от Мейшагола на Неменчин, далее по р. Вилии до Михалишки, на Докшицы, Улла, Городок, Велиж, далее по верховьям

[1] ВИА, д. № 381, лл. 1 и 2.

Западной Двины на Ржев. Линия эта принадлежит северному фронту. 9-е. До передачи вновь формируемой армии северному фронту разграничения между этим и западным фронтом назначается от Вилькомира на Уцяны, Видзы, Друя, Себеж, Холм, р. Ловать. Линия эта принадлежит северному фронту. 10-е. По выводе двух корпусов для сбора в район Свенцяны, предоставить главкому западного фронта или сохранить ныне занимаемые позиции, или отвести армии на линию Олькеники, Радунь, р. Шара. 11-е. От штаба западного фронта ожидаются спешно соображения о назначении корпусов, порядке и примерных сроках сосредоточения их в районе Свенцян и назначении полевого управления для собираемой в этом районе армии. 12-е. Указанная в пункте девятом разграничения между фронтами будет осуществлена по сборе у Свенцян головного из корпусов. Точное определение этого времени будет указано дополнительно. До этого дня надлежит руководствоваться ныне установленной линией»[1].

Эта директива, наконец, определила развертывание новой армии на Свенцянском направлении, а также производство необходимых перегруппировок армий западного фронта.

На основании этой директивы командующий западным фронтом отдал приказ армиям фронта об отходе и выводе корпусов в резерв. Комфронта так оценивал обстановку на правом фланге фронта: «Противник сосредоточил значительные силы в районе Вилькомира и перешел в наступление, направляя по шоссе на Двинск около корпуса; не менее дивизии пехоты развернулось на фронте Шешоли, Келе, бригада пехоты направляется от Позельви на Какериху. Принимая во внимание, что на линии фронта активные действия развиваются лишь в районе Скидель и Ружаны, на остальном фронте противник пассивен и укрепляется, надо полагать, что главный удар он направит в район Двинск, Свенцяны с намерением, овладев районом Свенцяны, Двинск, Дрисса, Глубокое, развить дальнейшие действия или на Петроград, или на Москву, отбрасывая армии фронта в Полесье»[2]. Принимая во внимание выдвинутое положение 1-й, 2-й, 4-й и 3-й армий, необходимость скорейшего образования сильных резервов и переброски их на правый фланг, командующий фронтом приказал: «Командующему 10-й армией сосредоточить за своим правым флангом в районе Подбродзе, Подберезье все свои армейские резервы и направленную в армию 3-ю гв. пех. дивизию, перейти в наступление против противника, наступающего от Вилькомира в общем направлении на Гедройцы, Интурка, отбросить его к Вилькомиру. 2. 1-й, 2-й, 4-й и 3-й армиям отойти в два перехода на укрепляемую позицию на линию Олькеники, Радунь, Василишки, устье Шары и далее по Шаре до Добромысль, оставив 31-й корпус на занимаемой позиции, причем в ночь с 11 на 12.9 1-й армии отойти на линию Ораны, Новый Двор, Остринь, Домброва исключительно, а 2-й армии — Домброва включительно, Каменка, устье Зельвы; 4-й и 3-й армиям оставаться на местах, а в ночь с 12 на 13.9 левому флангу 10-й армии, 1-й, 2-й, 4-й и 3-й армиям отойти на указанную выше линию. Начало отхода главных сил как 11, так и 12.9 в 8 час. вечера.

[1] ВИА, д. № 439, лл. 67 и 68.
[2] ВИА, д. № 381, л. 32.

3. При расположении на указанной линии армиям занять участки: 10-й армии, уклонив свой левый фланг, занять укрепленный узел у Олькеники и далее по р. Ворсока до д. Ворсока включительно, 1-й армии от последней на Киванцы к северу от м. Радунь и далее по укрепленной позиции до ф. Рудава к северу от Василишки включительно. 2-й армии от ф. Рудава по укрепленной позиции до устья р. Шары, 4-й армии по р. Шара до устья р. Иссы. 3-я армия далее по р. Шара до Добромысль, оставив 31-й корпус на прежней линии и приняв меры к прочному удержанию путей на Бол. и Мал. Гать, получающих большое значение при наводнении Шары и выводящих в тыл 31-го корпуса. 4. Командующему 2-й армией немедленно направить конный корпус ген. Ораовского в пять переходов в район Свенцяны с общей задачей, действуя совместно с конницей ген. Тюлина и поддерживая связь с конницей ген. Казнакова, задержать наступление противника и прикрыть пути на Дриссу через Глубокое на Полоцк и через Докшицу на Витебск. 5. Одновременно с отходом на укрепленную позицию армиям выделить в мой резерв: 1-й армии — два корпуса, сосредоточив их в районе Ошмяны, Вороново, 2-й армии — два корпуса в район г. Лида, 4-й и 3-й — по одному корпусу в район ст. Новогрудок, Барановичи. Выделенным корпусам прибыть в указанные районы не позже вечера 15.9. Корпуса назначить отнюдь не из числа слабейших по составу. 6. При отходе оставить арьергарды и кавалерию, которым возможно дольше задерживать наступление противника, уничтожить все мосты, основательно портить гати и особенно шоссе. Все шлюзы на Шаре и Выгоновского озера инж.-полк. Бобровскому взорвать по получении на то распоряжения из штаба фронта через штаб 4-й армии» [1].

Таким образом главное и фронтовое командование принуждено было, наконец, принять, с большим опозданием, давно назревшее решение о выдвижении армии на Свенцянское направление. Однако в этом решении не принималось в расчет одно обстоятельство: немцы, овладевшие к тому времени районом Кукунишки, Яшуны, находились ближе к Свенцянам, чем русские корпуса, которые еще не были выведены из линии фронта, а по выделении их должны были маршировать от 100 до 200 *км* к правому флангу армий западного фронта. Наверстать упущенное время было трудно, так как железнодорожных путей было мало, да и те были перегружены перевозками на фронт всего необходимого для прожорливых армий, эвакуацией больных и раненых, эвакуацией беженцев и различного имущества, представлявшего ценность. Автотранспортом русские не располагали. Оставалось единственное средство наверстывать упущения главного командования — солдатские ноги, привычные утрамбовывать землю постылого отечества.

2. Работа штаба фронта по перегруппировке войск

Выполняя директиву начальника штаба *главнокомандующего*, командующий западным фронтом наметил план перегруппировок к правому флангу фронта для развертывания новой армии: 12.9 в Вороново должен был сосредоточиться 27-й арм. корпус в составе 1-й стр. бри-

[1] ВИА, д. № 381, лл. 32—37.

гады и 76-й пех. дивизии (15 000 штыков), который 13.9 мог садиться в Лида. Другими корпусами в состав новой армии командующий фронтом намечал: 36-й армейский — из 1-й армии, 4-й сибирский — из 2-й армии и 29-й армейский — из 3-й армии. Наиболее сильными были 27-й и 26-й арм. корпуса (по 15 000 штыков). Учитывая, что перед фронтом 2-й армии немцы проявляют активность, наступая в направлении Лида, а также учитывая на фронте 3-й армии меньшую активность противника, командующий фронтом предпочел назначить 29-й корпус в составе 45-й пех. и 3-й кав. дивизий (8 000 штыков). 36-й арм. корпус 15.9 должен был сосредоточиться у Воронова, а 29-й арм. корпус — в Барановичи.

Ввиду наличия для переброски войск с Лидского направления единственной железной дороги, комфронта решил части 36-го арм. корпуса направить походом через Ошмяны. 27-й и 29-й арм. корпуса направлялись по железной дороге, первый — с Лида на Молодечно, Глубокое, а второй — из Барановичи на Молодечно, с высадкой частей в Кривичи и Парафианово.

По согласованию с командующим северным фронтом, изъявившим желание иметь в своем подчинении ген. Смирнова, к 21.9 было предположено перебросить управление 2-й армии из Лида в Глубокое, где штаб 2-й армии смог бы уже управлять выделяемыми ему тремя корпусами [1]. При этом командующий фронтом требовал предоставления порожняка для переброски 27-го и 29-го корпусов по железным дорогам [2].

Для прикрытия развертывания новой 2-й армии выдвигался 1-й кав. корпус ген. Орановского (8-я и 14-я кав. дивизии). Орановский был подробно ориентирован командующим фронтом об обстановке на фронте 5-й и 10-й армий, как она сложилась к 13.9, и получил от него задачу: «Действуя совместно с конницей ген. Тюлина и ген. Казнакова, прикрыть пути на Дриссу, через Глубокое на Полоцк, через Докшицу на Витебск... овладеть районом Свенцяны и, действуя в связи с 1-й кубанской казачьей дивизией и поддерживая связь с отрядом ген. Казнакова, прикрыть сосредоточение 36-го и 29-го арм. корпусов до 20.9». Комкор 1-го конного переходил в непосредственное подчинение комфронта до 20.9, а с 20.9 переподчинялся ген. Смирнову (командарму 2), штаб которого предполагается к этому времени в районе Докшицы, Глубокое [3]. 1-й кав. корпус Орановского 11.9 должен был достигнуть Василишки, 12.9 Липнишки, 13.9 Ошмяны, 14.9 Михалишки и 15.9 Свенцяны [4].

После расчетов и пересчетов командующий фронтом доносил начальнику штаба главкома, что 36-й арм. корпус подойдет в район Свенцяны только к 20.9, а 29-й арм. корп. *при благоприятных условиях выдвинется на линию Поставы, Кобыльник к 24.9;* обстановка развивается быстро, а наступление немцев настолько энергично в незащищенном пространстве между Двинск и Вильна, что надо считать весьма бла-

---

[1] ВИА, д. № 664, л. 150.
[2] ВИА, д. № 664, л. 154.
[3] ВИА, д. № 664, л. 186.
[4] ВИА, д. № 381, л. 49-а.

благоприятным, если эти два корпуса успеют развернуться на линии Поставы, Кобыльник, Свирь [1]. Исходя из этого, командующий фронтом полагал крайне необходимым теперь же озаботиться дальнейшей переброской войск на правом фланге фронта и просил начальника штаба главкома ориентировать, сколько корпусов еще подготовить для переброски на правый фланг, чтобы заблаговременно подготовиться и направить войска к станциям посадок [2].

Тогда же командующему 2-й армией ген. Смирнову комфронта дал следующие указания: «В районе Докшицы, Глубокое, Свенцяны должна быть сформирована армия под Вашим начальством. В состав ее первоначально поступают конный корпус ген. Орановского, 36-й и 29-й арм. корпуса. Конный корпус, направленный к Свенцянам, 14.9 должен быть в Михалишках и получил задачу овладеть Свенцянами и, действуя в связи с конницей 10-й армии на своем левом фланге и конницей ген. Казнакова на правом, задержать наступление противника, прикрыть развертывание 29-го и 36-го корпусов на линии Поставы, Кобыльник, Свирь и пути на Дриссу, Полоцк, Витебск. 36-й корпус, следующий походом, выступает 15.9 из Воронова, ночлеги намечены: 15.9 Музники, 16.9 Ошмяны, 17.9 Солы, 18.9 Жодзишки, 19.9 Михалишки, 20.9 Ольшево. 29-й корпус перевозится из Барановичи по железной дороге, станции высадки намечены Кривичи, Парафианово. Головные эшелоны прибывают 17.9, сосредоточение заканчивается 21.9, дальнейшее движение намечается на фронт Кобыльник, Поставы. В 12 час. ночи с 17 на 18.9 все подчиненные Вам корпуса поступают в подчинение ген. Литвинова [3]. 18.9 должна быть произведена посадка Вашего штаба в Лида для перевозки по железной дороге в район Докшицы, Глубокое в пункты по Вашему выбору. Конный корпус до 12 час. ночи с 20 на 21.9 будет подчинен непосредственно мне, а затем поступает в Ваше распоряжение. 29-й и 36-й корпуса подчиняются Вам с 12 час. дня 15.9. Об окончательном составе Вашей армии и о времени прибытия корпусов, кои к Вам будут назначены, последует указание. Задача Вашей армии, согласно настоящей обстановке, намечается: *овладеть Свенцянским узлом, а затем или оказать содействие своим наступлением 10-й армии, или же, если к тому времени 10-я армия остановит наступление немцев на ее фланге, оказать решительное содействие 5-й армии, опершуя на фланг противника, наступающего на Двинск.* Окончательная задача будет определена 20.9 в зависимости от обстановки. Разграничения с 21.9 с 5-й армией Вилькомир, Видзы, Друя, Себеж, с 10-й армией Неменчин, Михалишки, Докшицы, Улла, Городок, Велиж» [4].

Этими мероприятиями исчерпывалась работа командующего и штаба западного фронта по перегруппировке армий в течение 11—13.9. Однако последующие события не оправдали тех благоприятных ожиданий, в которых сомневался командующий фронтом и о чем он осторожно намекал начальнику штаба главкома в своих представлениях. Эта осторожность также нашла свое отражение в директивах комкору 1 конного

[1] ВИА, д. № 381, л. 46.
[2] ВИА, д. № 377960, лл. 114—115.
[3] Командующий 1-й армией.
[4] ВИА, д. № 664, л. 188.

Орановскому и командарму 2 Смирнову. Командующий западным фронтом оказался прав: благоприятных условий не создалось.

3. Взаимодействие фронтов

В процессе изложения событий, имевших место на стыке северного и западного фронтов, на примере действий кавалерии мы уже коснулись боевого взаимодействия конницы 5-й и 10-й армий и оперативного взаимодействия двух армий, выразившегося в отводе кавалерии на северо-восток командармом и штабом 5-й армии и в отходе кавалерии 10-й армии под ударами немцев на юго-восток, что и привело к образованию разрыва между армиями и фронтами. Мы также касались вопроса взаимодействия штабов 5-й и 10-й армий в период прорыва. Однако небезынтересно проследить и работу штабов фронтов по взаимодействию, а также и роль в этом штаба главнокомандующего, тем более что этот вопрос приобретает в некоторой степени самостоятельный интерес.

Когда ополченцы полк. Назимова маршировали с берданками на плече к Глубокое, в ставке стало известно о занятии немцами Ново-Свенцян. Встревоженный этим прискорбным фактом, начальник штаба главнокомандующего телеграфировал командующим фронтами ген. Эверту и Рузскому: «Представляется крайне необходимым принять немедленно решительные меры обеспечению железной дороги Вильна, Двинск. Если верно сведение о захвате противником Новосвенцян, следует выбить его оттуда. Вообще необходимо усилиями обоих фронтов установить кавалерией, поддержанной пехотой, непосредственную связь впереди линии Солоки, Любонары, Дубинки, Подберезье для прикрытия фронта будущей 2-й армии, два корпуса которой должны прибыть в район Свенцяны 24—25.9. Особо туманными, разрозненными представляются действия конного отряда Тюлина, несмотря на значительный состав коего части противника, повидимому, глубоко проникли к железной дороге Вильна, Двинск» [1].

Представляется, что не надо быть начальником штаба главнокомандующего, чтобы писать такую директиву командующим фронтами. Начальник штаба главкома еще 9, 10, 11 и 12.9, если только он следил за картой и знал об отходе и действиях кавалерии, должен был давно уже обратить внимание, что конница обеих армий отходит в расходящихся направлениях под углом 80—90°, и тогда же принять крутые меры к установлению взаимодействия фронтов. Теперь же начальник штаба главкома высказывает скорее сожаление о случившемся, нежели дает приказ обоим фронтам с указанием, куда направлять их усилия. Прочитав директиву, командующие фронтами должны были сесть к аппаратам и вести прения по поводу взаимодействия их фронтов, т. е. установить, в каких направлениях бросать кавалерию, с какими задачами, в каких направлениях поддержать эти действия силами фланговых армий, какие части, на какие рубежи выбросить в образовавшийся разрыв, чтобы где-то восточнее Свенцян создать, по крайней мере, род завесы. Нам представляется, что, поскольку в директиве начальника штаба главкома ничего подобного нет, постольку в ней нет главного, и вообще ее могло

[1] ВИА, д. № 439, л. 95.

не быть, так как она ничего не давала, кроме пожеланий, которых, разумеется, было мало.

За трое суток до происшедшего прорыва штаб северного фронта 6.9 телеграфировал ставке: «Конница ген. Казнакова принимает более сосредоточенное положение в районе Скемяны, Аванта для прикрытия шоссе на Двинск и обеспечения левого фланга своей армии, не прерывая связи с 10-й армией» [1].

На другой день германского наступления, 10.9 штаб северного фронта вторично телеграфирует в ставку: «Задача отряда Казнакова прикрывать левый фланг своей армии и шоссе на Двинск и поддерживать прочную связь с 10-й армией» [2].

Как нам известно из директивы начальника германского генерального штаба и директивы командующего восточным германским фронтом Гинденбурга, Неманская германская армия имела задачу сковывать русских на Двинском направлении. Данные всех видов разведки штабов армий и западного фронта непрерывно указывали на сосредоточение крупных германских сил на Виленском направлении. В первые же дни начала германского наступления войска 5-й армии не отметили ни одной новой германской части перед своим фронтом. Перед 5-й армией попрежнему стояла группа Лауэнштейна. Однако, невзирая на это, командующий северным фронтом 11.9 адресуется к командующему западным фронтом с претензией. Узнав о контрмерах домандарма 10 и командующего фронтом по отражению охвата правого фланга 10-й армии севернее Вильна, командующий северным фронтом пишет начальнику штаба главкома: «Резерву 10-й армии приказано перейти в наступление против неприятеля, наступающего от Вилькомира в общем направлении на Гедройцы, Интурка, и отбросить его к Вилькомиру. Между тем германцы, наступающие в силах около корпуса по шоссе Вилькомир, Двинск и по дороге, параллельной этому шоссе, через Аванта, уже оттеснили отряд ген. Арсеньева [3], и этому отряду ген. Плеве [4] приказано упорно задерживаться у Давгели, а если не удастся, то у Дукшты. К утру 12.9 ближайший к шоссе Вилькомир, Двинск 3-й корпус успеет сосредоточиться только в районе Дусяты. Таким образом наступление резерва 10-й армии на Гедройцы, Интурка не окажет содействия по дальности расстояния задержанию дальнейшего наступления германцев на Двинск, что настоятельно необходимо, дабы германцы не предупредили нас на дальних Двинских позициях в районе Ново-Александровск, Иллукст. Ввиду этого, для оказания содействия отряду ген. Арсеньева и коннице Казнакова в задержании наступления германцев на Двинск от Вилькомира прошу Вашего распоряжения резерву 10-й армии развить свое наступление на Гедройцы и Интурку, не ограничиваясь этими пунктами, а распространив его далее на Вилькомир, Двинское шоссе» [5].

Достаточно было внимательно проверить по карте, чтобы отказаться подписывать столь несоответственный документ. Еще резервы 10-й

---

[1] ВИА, д. № 439, л. 55.

[2] ВИА, д. № 279254, л. 153.

[3] В отряде было первоначально 2 батальона и 1 кав. полк 1-й гв. кав. дивизии, а позднее 5 батальонов.

[4] Командующий 5-й армией.

[5] ВИА, д. № 279254, лл. 172—174.

армии в наступление не переходили, и результаты этого наступления заранее трудно было предвидеть. Расстояния были, действительно, огромные, и если бы резерв 10-й армии совершал обычный поход, то и в этом случае на преодоление пространства потребовалось бы более двух суток, а при наличии того или иного сопротивления это расстояние, в лучшем случае, можно преодолеть за четверо суток. В такой срок, с одной стороны, немцы могли дойти до Двинска, а, с другой—к 5-й армии могли подойти походом части 12-й армии, а, тем более, 3-й арм. корпус мог уже 12.9 прикрыть шоссе. Отсюда нельзя не заключить, что, по меньшей мере, комфронта подписал эту бумагу недостаточно обдуманно.

Помимо этого, документ показывает, что командующий северным фронтом не понимал оперативной стороны событий, считая, что немцы наносят фронтальный удар против Двинска, отказываясь от удара во фланг и тыл 10-й русской армии. По мнению командующего северным фронтом, резервы 10-й армии должны были наносить удар во фланг немцам, наступавшим на Двинск.

Командующий же западным фронтом ответил, что предпринятое наступление не только не привело к успеху, а, напротив, выдвинутые для наступления резервы 10-й армии под натиском противника отходят к югу от ранее занимаемого фронта [1]. Но и этого не мог или не хотел понять командующий северным фронтом.

13.9 командующий северным фронтом Рузский пишет жалобу начальнику штаба главнокомандующего на командующего западным фронтом Эверта. Излагая уже известные нам мероприятия ставки и командующего западным фронтом о выделении 27-го, 29-го, 36-го арм., 4-го сибирского и 1-го кав. корпусов в состав новой 2-й армии, а также сроки сосредоточения этих корпусов, комфронта Рузский жаловался: «Из всего здесь сказанного видно, что в северный фронт попрежнему направляются корпуса, состоящие преимущественно из частей, проявивших недостаточную стойкость в текущую войну, и притом с таким опозданием против требований современной обстановки, что нельзя даже сделать никаких предположений, удастся ли направляемым корпусам прибыть в предназначенные им районы сосредоточения, так как эти районы находятся под ударами германцев. Ввиду того что донесениями подтверждался захват ст. Новосвенцяны германцами в 8 час. вечера 12.9, приказано ген. Плеве, действуя совместно с соседними частями 10-й армии, очистить от неприятеля местность, прилегающую к участку железной дороги от озера Дисна до Новосвенцяны, и отбросить неприятеля от ст. Новосвенцяны. Прошу указаний ген. Эверту о необходимости совместных действий фланговых частей 10-й армии с теми частями 5-й армии, которым ген. Плеве будет поставлена задача для действий в районе Новосвенцяны» [2].

В нашу задачу не входит разбор персональной склоки между двумя главнокомандующими, но считаем долгом заметить прежде всего предвзятость командующего северным фронтом в отношении выделяемых войск.

---

[1] ВИА, д. № 381, лл. 44, 45.
[2] ВИА, д. № 439, лл. 92—94.

Как нам известно из мероприятий комфронта Эверта по перегруппировке армий, корпуса выделились из разных армий (всего шесть корпусов). Начальник штаба главкома выбирал, какие из них послать, причем исходил, надо полагать, из общей обстановки. Мы никак не можем заподозрить начальника штаба главкома в стремлении создать северный фронт из заведомо небоеспособных частей. Корпуса брались из числа тех, которые были ближе к району действий.

Иной вопрос относительно перегруппировки, проводимой Эвертом. Нам представляется, что она могла быть произведена иначе, путем принимания некоторых корпусов по фронту к правому флангу армий, с тем чтобы с правого фланга 1-й армии были освобождены два корпуса и брошены на север, так как это сократило бы время на сосредоточение.

Что же касается претензии относительно медленности сосредоточения, то она вовсе неосновательна, так как железные дороги и солдатские ноги были напряжены до крайности, и ускорить темп сосредоточения было невозможно.

13.9 одновременно с жалобой штаб северного фронта обращается к начальнику штаба западного фронта о взаимодействии: «Главком приказал ген. Плеве принять немедленно решительные меры обеспечения за нами железной дороги Двинск, Ново-Свенцяны и особенно очищения от неприятеля местности, прилегающей к участку железной дороги между озером Дисна и ст. Ново-Свенцяны, выбив неприятеля из этой станции. Для успешности выполнения такой задачи необходимо содействие со стороны ближайших к указанному району частей 10-й армии. Об оказании такого содействия ген.-ад. Рузский просит распоряжений главкома западного фронта. Ген. Плеве указано на необходимость взаимодействия частей 5-й армии с частями 10-й армии» [1].

Как мы знаем из распоряжений командарма и штарма 5, а также распоряжений начальника конного отряда Казнакова, решительные меры обеспечения железной дороги Двинск, Ново-Свенцяны и особенно очищения местности свелись к наряду ген. Арапова с бригадой кавалерии и одной батареей. Пожелания о взаимодействии исходили из того неверного предположения, что один сосед рассчитывал на другого, а сам не делал того, что мог сделать. Что касается задачи по очищению и овладению районом Ново-Свенцяны, то приведенные нами документы северного фронта о взаимодействии также являлись следствием заблуждения и полного непонимания обстановки. Коль скоро немцы из района Вилькомир, Коварск устремились на Ново-Свенцяны, атаковали Вильна с севера и обходили ее с востока, то было ясно, что центр приложения усилий немцев лежит совсем не на северо-запад, а на юго-восток, о чем давно предупреждали разведывательные отделы. Но штаб северного фронта не понимал этого. Наряжая ген. Арапова с уже известной нам целью, командарм 5 и командующий северным фронтом, надо полагать, считали, что противник ведет на Ново-Свенцяны и Вильна демонстрацию, а главный удар направил на Двинск.

Этим, однако, далеко не исчерпалось взаимодействие двух фронтов.

---

[1] ВИА, д. № 279254, л. 197.

ГЛАВА IV

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ВИЛЕНСКОМ РАЙОНЕ

1. Прогноз командующего и штаба 10-й армии

Еще 4.9 командующий 10-й армией Радкевич, ввиду установления воздушной разведкой движения крупных сил противника по шоссе Янов, Вилькомир, что являлось показателем сосредоточения значительных сил противника в районе стыка 10-й и 5-й армий, просил командующего фронтом «точно установить, какой из флангов 10-й армии признается имеющим большее значение» [1].

Тогда же начштарм 10 Попов ориентирует ген. Одешелидзе (начтарма 1): «... опрос пленных убеждает в вероятности сосредоточения 1—2 свежих корпусов в районе Вилькомир, Ширвинты с целью продолжать действия против Вильны... Эти данные заставляют думать, что ближайший главный удар надо ждать на Вилькомир-виленском направлении» [2].

Правильно оценивая назревавшие события на своем правом фланге, командующий и штаб 10-й армии не сумели сделать из этого правильных выводов. Казалось бы нормальным, ввиду угрозы правому флангу армии, принятие мер по его усилению, но штаб и командарм ограничились по преимуществу созерцанием событий, а не действием. Для усиления своего правого фланга штаб и командарм 10 ограничились тем, что из состава гв. корпуса вывели в резерв одну дивизию, выдвинули конницу Тюлина на смену части участка гвардии, придав Тюлину заведомо небоеспособные пехотные поддержки, репутация которых нам уже известна из предшествующего изложения [3].

Но надо отдать справедливость штабу и командарму 10 в своевременности пассивных мероприятий. 4 же сентября командарм 10 отдал приказ о перемене тыловых границ корпусов, переместив их из полосы, проходившей севернее Свенцяны, на полосу южнее Свенцяны, что имело большое значение с точки зрения сохранения сообщений [4].

На следующий день 5.9, продолжая созерцать назревавшую обстановку, командарм 10 отдал приказ командиру гв. корпуса Олохову: «Учитывая возможность развития противником новой операции против Вильны за счет вновь прибывающих войск на Вилькомирском направлении, необходимо теперь же подготовиться к надлежащему отпору, для чего: 1-е. Безотлагательно приступить к укреплению заня-

[1] ВИА, д. № 377958, л. 173.
[2] ВИА, д. № 377958, лл. 175 и 176.
[3] ВИА, д. № 377958, лл. 179, 200 и 201.
[4] ВИА, д. № 322, лл. 7 и 8.

тых позиций, переменив отдельные участки на более выгодные для обороны, если это необходимо по местным условиям, и обратив внимание на взаимную огневую поддержку отдельных участков, на развитие ходов сообщения и подготовку дорог для переброски резервов. 2-е. Оттянуть возможно сильные резервы, оставив в боевой линии только строго необходимое для удержания пока еще слабого противника перед своим фронтом. 3-е. Обратить особое внимание на разведку, широко пользуясь большим количеством находящейся в Вашем распоряжении конницы, возлагая на нее же и задачу тревожить тыл противника. Вывод одной из дивизий гвардии в Ваш резерв должен быть закончен к утру 6.9 и по сосредоточении этой дивизии в район Скруданы, 4-й стр. полк должен быть безотлагательно присоединен к своей бригаде в Шиланы. Помимо позиций, укрепленных в тылу попечением армии, необходимо теперь же подготовить в Вашем тыловом районе средствами корпуса позицию, уступную по отношению к Мейшагольской, примерно на линии Подберезье, Гаврилишки, Скруданы, теперь же эшелонировать обозы на Вашем тыловом пути, убрав все из Вильны и с Мейшагольского шоссе. Для сведения сообщаю, что имею в виду собрать за Вашей группой еще один корпус или по крайней мере дивизию и тогда возобновить наступление, до этого же надо удержать ныне занятое положение и не допустить противника южнее Мейшагольской позиции» [1].

Из этого видно, что командарм 10 принимает меры по укреплению своего правого фланга, он даже спускается до круга компетенции любого ротного командира, а именно до устройства ходов сообщения, но, к сожалению, командарм только имеет в виду собрать, может быть, корпус или «по крайней мере дивизию и тогда возобновить наступление». Вряд ли требовалось возобновление наступления 10-й армией, а что касается сбора на фланг армии корпуса или дивизии, то сбор одного корпуса для армии в восемь корпусов, а тем более одной дивизии для парирования германского удара надо считать мерой паллиативного свойства. Если в рамках дивизии полезно иметь не менее трети сил в резерве, в рамках корпуса одну дивизию, то в рамках армии, обороняющейся на широком фронте, имеющей открытым один из флангов, наличие резерва за этим флангом в составе дивизии мало, а если учесть, что в армии было восемь корпусов, то представляется, что и одного корпуса было недостаточно. Армейские резервы, кроме того, должны соответственно эшелонироваться, что не менее важно, нежели эшелонирование обозов, рекомендованное командармом командиру гв. корпуса.

Впрочем, командарм 10 не ограничился этими мерами. Командиру гв. корпуса было рекомендовано придать конному отряду Тюлина тяжелые пушки, как это практиковалось в германской кавалерии, но начальник штаба гв. корпуса уклонился от выполнения этого указания, мотивируя отказ плохим состоянием дорог [2].

Дни 4—7.9 на фронте 10-й армии прошли спокойно, если не считать отдельных участков, где имели место перестрелки, а также поиски разведчиков.

---

[1] ВИА, д. № 377958, лл. 272 и 273.
[2] ВИА, д. № 377958 лл. 279 и 280.

7.9 командарм 10 предпринимает имевшееся ранее в виду образование арм. резерва за своим правым флангом. Было приказано 8-й сибирской дивизии перейти в район Судерва, Шиланы, отряду ген. Потапова оставаться в районе Подбродзе, гв. стр. бригаде у Пикилишки — все в армейском резерве [1].

Таким образом в затылок гв. корпусу собирались в резерве три пехотные дивизии, считая и 2-ю гв. дивизию, и одна кав. бригада, из них в резерве командарма две дивизии и кав. бригада.

Также в порядке мер по обеспечению фланга велась переписка штабами 5-й и 10-й армий. Первый, как известно, тянул свой конный отряд на северо-восток, а второй просил оставить его в тесной связи с конным отрядом Тюлина.

8.9 командарм приказал сменить 2-ю финляндскую дивизию гв. стр. бригадой, перечислив 2-ю финляндскую дивизию в армейский резерв [2]. Смена должна была быть произведена к утру 9.9. Тогда же отряд Потапова был передан в состав конного отряда Тюлина [3].

Ночью 9.9 34-й арм. корпус сменил на позициях 7-ю сибирскую стр. дивизию, которая выводилась в район Ландварово, 8-я сибирская стр. дивизия сосредоточивалась в районе Подберезье, а штабу 3-го сибирского корпуса было приказано к 12.9 перейти в Гедройцы. На остальном фронте армии делались смены одних частей другими [4].

В результате указанных перегруппировок командарм 10 создал к началу германского наступления резерв за правым флангом армии из 8-й сибирской и 2-й финляндской стр. дивизий, куда должна была позднее подойти и 7-я сибирская стр. дивизия, а также штаб 3-го сибирского корпуса.

2. Боевые действия на правом фланге 10-й армии (схемы 5 и 6)

Опрокинув конный отряд Тюлина, германские армейские группы Эбена и Гутьера уже к 11.9 выдвигались в обход фланга 10-й армии. Гв. корпус вступил в бой фронтом на запад, северо-запад и север.

Еще 10.9 командарм требовал от командира гв. корпуса «остановить наступление немцев западнее Гедройцы». Уже в полдень 10.9 2-я гв. пех. дивизия развернулась поэтому правее 1-й гв. пех. дивизии, удлинив фланг корпуса на север от Ейционы до Митуцы, Кришени, чтобы прикрыть фланг армии с северо-запада [5]. К вечеру немцы прорвали расположение Гренадерского полка у Митуцы, но вводом в бой дивизионного резерва (Московского полка) положение было восстановлено [6]. Однако к этому времени немцы заняли Оляны и продвигались далее на восток, тесня Тюлина, т. е. продолжая обходить фланг 2-й гв. пех. дивизии.

Когда наступила ночь 10.9, правый фланг гвардии был обнажен, связь с Тюлиным утрачена, израсходованы резервы гв. корпуса, а сибирские стрелки еще не подошли.

---

[1] ВИА, д. № 322, л. 12.
[2] ВИА, д. № 377959, л. 50.
[3] ВИА, д. № 150, лл. 342 и 343.
[4] ВИА, д. № 322, лл. 13—17.
[5] ВИА, д. № 377959, л. 176.
[6] ВИА, д. № 377959, лл. 183, 185

В этой обстановке командарм и штаб армии еще колеблются, не зная, где противник атакует их утром. Поэтому командарм обращает внимание командиров 5-го кавказского и 5-го арм. корпусов, обороняющих фронт западнее Вильна, на необходимость усилить бдительность, а в район Ландварово бросает тяжелый дивизион тракторной артиллерии для придачи устойчивости кавказскому корпусу [1].

В эту ночь штабы западного фронта и 10-й армии, беспокоясь за стык фронтов, обмениваются мнениями об использовании 3-й гв. дивизии, перебрасываемой в Вильна. Снова и снова генерал-квартирмейстеры приходят к выводу, что немцы развивают наступление в стык фронтов в юго-восточном направлении; генерал-квартирмейстер штаба фронта высказывает свое мнение о высадке 3-й гв. дивизии не в Вильна, а в Свенцяны [2].

В свою очередь, начальник штаба 10-й армии Попов докладывает наштафронта: «...сосредоточение 3-го сибирского корпуса в районе восточнее Гедройцы в известной мере может обеспечить правый фланг 10-й армии, но тоже лишь до тех пор, пока войска противника, наступающие вдоль Двинского шоссе, не выйдут еще глубже за этот фланг. Казалось бы, если удержание Вильны и ныне занятого армиями фронта желательно, то совершенно необходимо выдвижение нового корпуса целиком в район Уцян или Свенцян и согласованное с наступлением 10-й армии наступление хотя бы левого фланга 5-й армии» [3]. Несмотря на совершенно правильную оценку положения начальниками штабов западного фронта и 10-й армии, ни тот, ни другой не выдвигают мероприятий, способных обеспечить стык фронтов. Более того, поражает философское отношение к данному вопросу ответственных оперативных руководителей, как генерал-квартирмейстеров, размышляющих, но не делающих. 3-я гв. дивизия в Свенцяны направлена не была, а высаживалась у Вильны.

День 10.9 на фронте прочих корпусов 10-й армии проходил в обычной перестрелке.

После полуночи с 10 на 11.9 командир гв. корпуса принимает решение отойти с занятых корпусом позиций, полагая, что 11.9 корпус не сможет выдержать новых германских атак, но был остановлен командармом, приказавшим в суровых выражениях оставаться на месте и без приказа не отходить [4].

К ночи подошли полки 8-й сибирской дивизии в Подберезье, и охранение уже в темноте заняло позиции по линии Взоранцы, Склевцы фронтом на север.

День 11.9 на правом фланге 10-й армии ознаменовался тяжелыми боями и очередными неудачами для русских войск. Под ударами правого фланга группы Эбена и всей грузной массы группы Гутьера войска правого фланга 10-й армии были отброшены. Части конного отряда Тюлина: 1-я кубанская казачья дивизия к Сужаны, два полка 2-й кубанской казачьей дивизии и полк пограничников к Гродзи, Веселовка, два

---

[1] ВИА, д. № 377959, л. 236.
[2] ВИА, д. № 377959, лл. 158—160.
[3] ВИА, д. № 322, лл. 21 и 22.
[4] ВИА, д. № 377959, лл. 261 и д. № 322, л. 33.

полка сводной казачьей дивизии и полк пограничников к Глинчишки, а затем к Подберезье. 8-я сибирская стр. дивизия, развернувшаяся под прикрытием казаков на фронте Взоранцы, озеро Муса, с отходом казаков должна была удлинить свой правый фланг на З. Бочулы, 2-я гв. дивизия, атакованная 77-й рез. и 42-й пех. дивизиями, еще днем была отброшена на фронт Помусе, Гервяты, ок. Константово, а в сумерках отошла на фронт Троки, г. дв. Мариамполь, г. дв. Подберезье, 1-я гв. пех. дивизия, атакованная 115-й дивизией и бригадой Езебека, была прорвана на участке Иода, Медзюки. Семеновский полк, бывший на этом участке, отступил к Миткушки, а вечером вся дивизия отошла на фронт Миткушки, Петровщизна [1].

За день боя 11.9 части гв. корпуса установили перед своим фронтом 31-ю, 42-ю и 77-ю пех. дивизии немцев. Исходя из этих данных, командующий 10-й армией на 12.9 отдал такой приказ: «Предусматривавшая этот маневр противника переброска наших резервов заканчивается. По сосредоточении всех намеченных для того сил я решил перейти в наступление с целью разбить противника и отбросить на Вилькомир. Для подготовки этого удара приказываю: ген. Олохову, прикрывая конницей с поддержкой пехоты подступы к железной дороге Ново-Свенцяны, Буданы, гвардией и 8-й сибирской дивизией упорно удерживаться на фронте Едайцы [2], Жукишки, Мейшагола. Всем прочим корпусам прочно закрепить за собой ныне занятое положение, выделив возможно сильные резервы, и обратить внимание на бдительность, имея в виду, что противник, нанося удар в одном районе, обычно тревожит демонстрациями другие участки. 7-й сибирской дивизии, по сосредоточении у Подбродзе, выдвинуться завтра 12.9 в район Янишки и установить связь с частями 3-й гв. дивизии у Неменчина. 3-ю гв. дивизию приказал сосредоточить у Неменчина» [3].

Отдельным приказом командарма штаб 3-го сибирского корпуса к утру 12.9 перебрасывался в Подбродзе, где имел задачей объединить боевые действия 7-й и 8-й сибирских, 3-й гв. пех. дивизий, 1-й кубанской, сводной казачьей дивизий (одна бригада 2-й кубанской и одна бригада сводной казачьей дивизий), бригады ген. Хитрово, отряд ген. Потапова (два сибирских казачьих полка, две роты ополчения, полубатарея) и два пограничных полка. Командиру 3-го сибирского корпуса ставилась задача: «Энергичное наступление с целью отбросить противника в направлении на Вилькомир» [4].

Едва перечисленные приказы были переданы корпусам, как из штаба фронта был получен приказ об отводе левого фланга армии к Олькеники, а остальных армий западного фронта — на рубеж Олькеники, Радунь, устье р. Шара, р. Шара до Добромысль. В связи с этим приказом командарм 10 отдал предварительное распоряжение левофланговым корпусам об отходе, вместо предполагаемого ранее прочного удержания занятого фронта [5].

Значение этого приказа командующего фронтом командарм и штаб

---

[1] ВИА, д. № 377959, лл. 272, 273; д. № 151, лл. 117—120.
[2] Едайцы на карте нет, очевидно Адамейцы. — *Н. Е.*
[3] ВИА, д. № 322, лл. 39 и 40.
[4] ВИА, д. № 322, лл. 41 и 42.
[5] ВИА, д. № 377959, лл. 363 и 364.

10-й армии не поняли. В связи с отходом представлялась возможность производства перегруппировки на левом фланге армии, что, казалось бы, должно было получить отражение в предварительном распоряжении

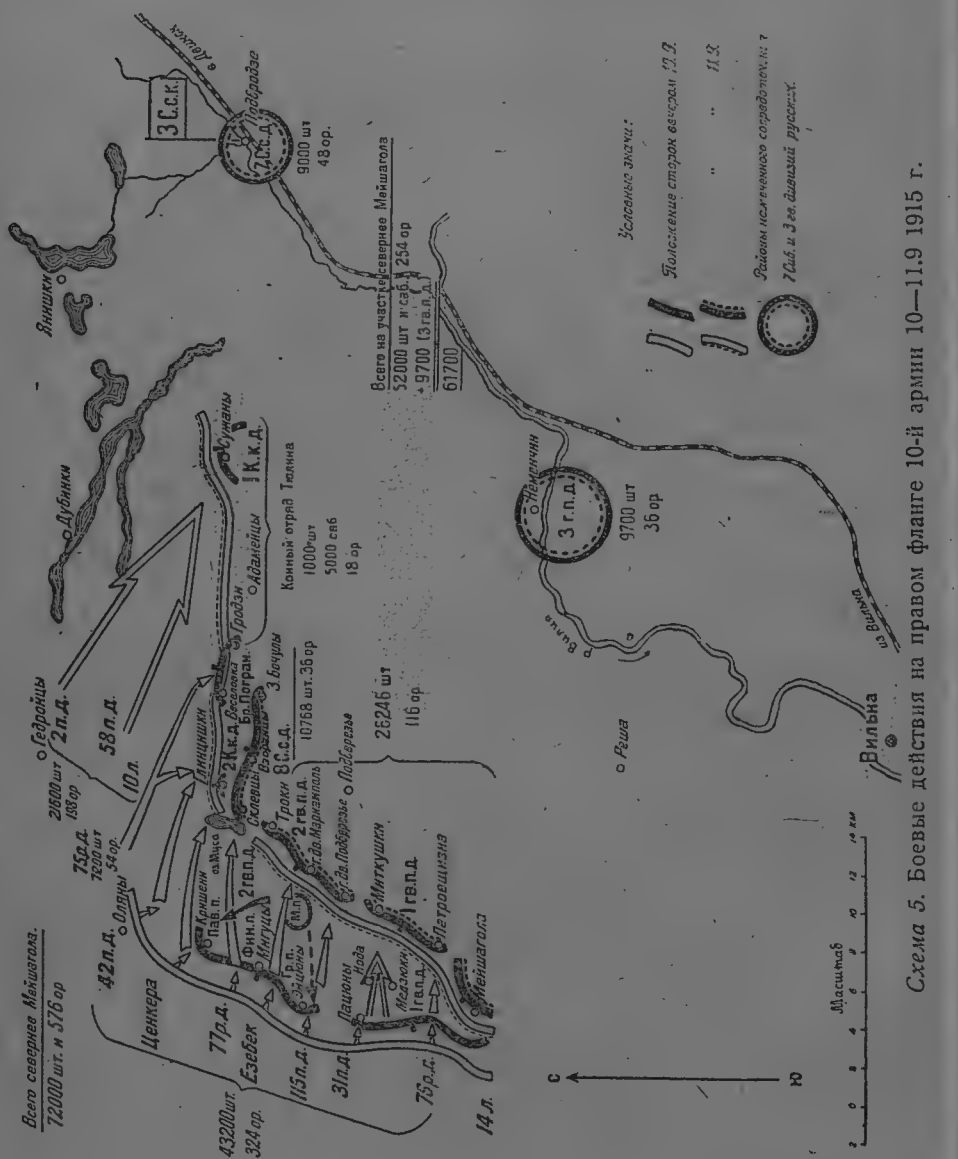

Схема 5. Боевые действия на правом фланге 10-й армии 10—11.9 1915 г.

в смысле подготовки новых позиций для одних корпусов и путей для маневра — других.

В лихорадочной работе по отводу гв. корпуса на новые позиции (Мейшагольские), в беспорядочном отходе частей конного отряда Тю-

лина и в подготовке отхода левофланговых корпусов на новые позиции провели войска 10-й армии ночь с 11 на 12.9.

Наступившее утро, связанное с надеждами на подход к правому флангу армии 3-й гв. пех. дивизии и 7-й сибирской стр. дивизии, принесло новые осложнения. За сутки 11 и 12.9 из состава 3-й гв. пех. дивизии прибыл только один эшелон Волынского полка [1]. Части конного отряда Тюлина в течение ночи и первой половины дня отошли: 1-я кубанская казачья дивизия на Тартаки, Дружели (устье Жеймяны), остатки 6-го сибирского казачьего полка к г. дв. Поварня, хоперский, оренбургский и кавказские казачьи полки к Минкели, лабинский и кубанский казачьи полки к Поварня, Варнишки [2].

Ранним утром немцы заняли Мейшагола, отбросив левый фланг 1-й гв. пех. дивизии к востоку, вследствие чего связь с правым флангом 5-го кавказского корпуса была прервана [3].

После полудня немцы заняли Подбродзе, продолжая охватывать правый фланг армии. Пытавшаяся перейти в наступление 1-я кубанская казачья дивизия была встречена пехотой противника и отброшена за р. Жеймяна. Ввиду этого командир 3-го сибирского корпуса вынужден был прибывающие части 7-й сибирской дивизии использовать для обороны переправ через р. Вилия от Буйвидзы до устья р. Жеймяна и далее до д. Рагуны [4]. 8-я сибирская дивизия, поддержанная на правом фланге двумя батальонами 3-й гв. пех. дивизии и частями конного отряда Тюлина, удержала ранее занятый фронт. На фронте гвардии и 5-го кавказского корпуса день прошел в перестрелке. В разрыв между этими корпусами из арм. резерва влилась 2-я финляндская стр. дивизия. На остальном фронте армии перемен не произошло. 3-я гв. пех. дивизия продолжала сосредоточение в районе Безданы, куда стягивались ее части, ранее высаженные в Вильна [5].

Таким образом в результате боя 12.9 правый фланг армии занял фронт от Буйвидзы, через устье р. Жеймяна, озеро Муса, г. дв. Мариамполь до Мейшагола, т. е. полукругом, причем крайний правый фланг фронтом на восток и северо-восток, 8-я сибирская стр. дивизия фронтом на север, а гвардейский и прочие корпуса армии фронтом на запад. Армейский резерв на этом фланге составляла неполная 3-я гв. пех. дивизия.

В сложившейся обстановке командарм 10 принимает решение о выводе с фронта некоторых частей в свой резерв, чтобы бросить их на восток для упрочения правого фланга армии. После полудня командарм отдал приказ 2-му и 26-му арм. корпусам об отходе на новый оборонительный рубеж Лейпуны, р. Вереска. Отход должен быть начат с $20^1/_2$ час. 12.9, и на новом оборонительном рубеже 26-я пех. дивизия выводилась в резерв в район Сорок Татар. Командирам корпусов было указано образовать сильные корпусные резервы [6]. Отдав этот приказ, командарм вечером донес командующему фронтом о сделанных распо-

---

[1] ВИА, д. № 151, л. 68.
[2] ВИА, д. № 377959, лл. 397—400.
[3] ВИА, д. № 377959, л. 412.
[4] ВИА, д. № 377959, лл. 425—427.
[5] ВИА, д. № 151, лл. 127—130.
[6] ВИА, д. № 322, лл. 46—49.

ряжениях. В этом донесении командарм указывает, что он имеет в виду вывести в резерв весь 2-й арм. корпус Флуга, начав это с 26-й пех. дивизии[1].

Предпринятая перегруппировка на левом фланге армии отличается большой, даже излишней, осторожностью. В течение трех суток противник мнет правый фланг армии, отвлекая внимание перестрелкой на левом фланге, а командарм все еще медлит с решительной перегруппировкой армии к своему правому флангу. По-бригадно в течение двух

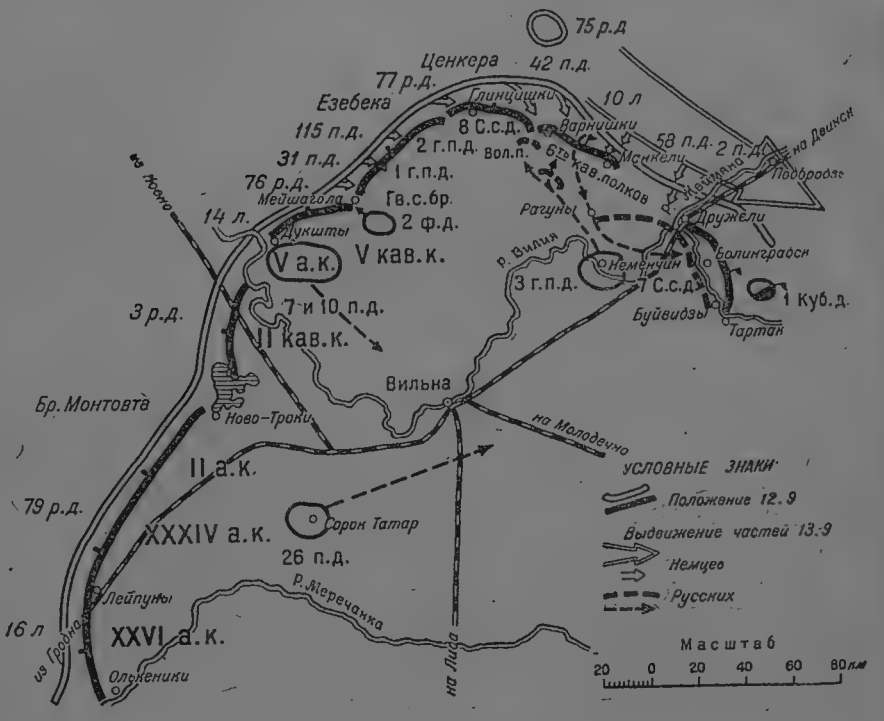

Схема 6. Боевые действия на правом фланге 10-й армии 12—13.9 1915 г.

суток он вытаскивает одну 26-ю пех. дивизию, в то время когда следовало решительно снять с западного участка несколько дивизий, повернуть их на северо-восток и бросить против наступавших немцев. Растянув два корпуса на фронте южнее Вильна и два севернее, командарм мог три-четыре корпуса вывести в свою ударную группу. В этом смысле ни командующий армией, ни командующий фронтом решений не приняли.

И 13.9 немцы продолжают обходить фланг 10-й армии. За ночь с 12 на 13.9 1-я кубанская казачья дивизия под нажимом группы Эбена откатилась к Магуны, Прены. Большая часть кавалерии Тюлина, отошедшая под прикрытие 8-й сибирской стр. дивизии, была брошена на Болин-

[1] ВИА, д. № 377959, л. 554.

градск для удлинения восточного фланга армии. 8-я сибирская стр. дивизия, поддержанная на обоих флангах полками 3-й гв. пех. дивизии, пыталась наступать, но была остановлена. В свою очередь немцы атаковали было 30-й стр. полк 8-й сибирской дивизии, но встреченные огнем залегли в 500 шагах от русских окопов. На участке гвардейского и 5-го кавказского корпусов целый день противник вел огонь, под которым некоторые части кавказского корпуса покидали занимаемые позиции. На фронте армии к югу от Вильна было спокойно.

Вечером 13.9 командарм 10 принимает решение вывести в свой резерв 7-ю и 10-ю пех. дивизии 5-го арм. корпуса, которые по-бригадно должны были смениться соседними частями. Полки 26-й пех. дивизии командарм тянул в Вильна [1].

Видя нерешительную перегруппировку 10-й армии, командующий фронтом, вместо конкретного распоряжения о более решительном характере перегруппировки, ограничивается указанием на нежелательность перемешивания частей армии, нарушающих организацию соединений, т. е. в деликатной форме дает понять командарму 10 необходимость более смелого вывода войск в резерв.

3. Деятельность ставки и командующего западным фронтом в ходе Виленского сражения (схема 4)

В то время, когда командарм 10 продолжал удлинять правый (восточный) фланг своей и без того растянутой армии, начальник штаба главкома и командующий фронтом обменивались мнениями о дальнейшем плане операций.

Подробно излагая ход событий и обстановку на правом фланге 10-й армии, командующий западным фронтом заключал: «Как видите, это положение угрожает глубоким обходом правому флангу 10-й армии. Коннице Орановского приказано было захватить Свенцяны, завтра она прибудет к Михалишки, приказываю ей, выполняя свою задачу, оказать содействие правому флангу 10-й армии, *но нужно быть готовым, если наступление противника со стороны Подбродзе на юго-восток действительно производится такими значительными силами и остановить не удастся собираемыми резервами, то 10-й армии придется отходить на Виленскую позицию.* 36-й корпус выйдет на линию Михалишки, Свирь только 20.9, перевозка по железной дороге 27-го и 29-го корпусов едва ли будет итти так успешно, как бы желательно. Ввиду такой обстановки я уже отдал приказание находящимся в моем распоряжении 4-му сибирскому и 14-му арм. корпусам продолжать движение, первому на Ошмяны, куда он может подойти форсированным маршем 17.9, а 14-й направляю в Молодечно тоже форсированным маршем, куда он прибудет 23-го. Прибытием их положение несколько упрочится, тем не менее полагаю, что *36-й и 29-й корпуса сосредоточатся к Свенцянам, если удастся, то только с боем. На выдвижение кавалерии Орановского и 5-й армии на линию Солоки, Любонары, Подберезье*, как Вы указали в телеграмме 3987, только что полученной, *не рассчитываю.* Считаете ли Вы допустимым отход 10-й армии на Виленскую позицию, если завтра правый фланг не удастся твердо обеспечить»...

---

[1] ВИА, д. № 151, лл. 163—163.

Командующий фронтом вполне отчетливо понимал сложившуюся на своем правом фланге обстановку и принимал, на наш взгляд, вполне правильные меры, направляя еще два корпуса.

В ответ на доклад командующего фронтом начальник штаба главкома передал: «Я готовил Вам ответ относительно необходимости немедленного движения еще двух корпусов. Одного на Молодечно, другого для быстроты к Вильне, если можно выдвинуть Михалишки, чем быть может ближе достигалось бы упрочение правого фланга, но занятие Ошмян создаст для нас более надежное, чем теперь, положение. Если обстановка потребует, то, конечно, нужно будет занять Виленскую позицию, обеспечивая особенно тщательно правый фланг, который приобретает исключительно важное значение как прикрывающий пути на Минск и на Глубокое. Думаю, что 26-ю дивизию нужно собрать ближе к правому флангу, так как события на фронте 2-го и 26-го корпусов не могут иметь того решающего значения, как на правом. 26-я дивизия уже находится в резерве у Сорок Татар, поэтому я и думал, что ее можно одним переходом перебросить за правый фланг армии. Можно растянуть вправо расположение 1-й армии и из 26-го корпуса вытянуть еще что-нибудь для усиления того же правого фланга. Обстановка на левом фланге 31-го корпуса тоже еще неясна. Обход слева тоже еще возможен. Поэтому я, со своей стороны, опасался бы взять еще один корпус, третий по счету корпус, один из состава 2-й, 4-й и 3-й армий для направления в район Глубокое, хотя и сознаю настоятельной необходимостью усиление войск в данную минуту именно в районе между Вилейкой и Двинском. Переброску этого корпуса можно будеть начать, как только немного выяснится вопрос, как использует противник свои дивизии, которые в настоящее время не обнаруживаются на Вашем фронте. Пока все, что я могу сказать»,— закончил начальник штаба главкома.

Начальник штаба главнокомандующего обратил свой взор на 26-ю пех. дивизию из числа 200 дивизий, составлявших подчиненные ему фронты. Если в своем месте мы критиковали за излишнюю осторожность командующего 10-й армией, в частности, по поводу той же 26-й пех. дивизии, то теперь нам остается удивляться тому, что начальник штаба главкома на представление командующего фронтом не мог дать другого ответа, кроме переброски 26-й пех. дивизии на правый фланг, что делалось и без него. Сам же начальник штаба боится принять решение относительно третьего корпуса и ждет, когда «немного выяснится вопрос, как использует противник свои дивизии».

Выяснив положение с 26-й пех. дивизией, командующий фронтом докладывал начальнику штаба главкома: «Приказал подготовить к выделению корпус из 2-й армии, но более сильный корпус затрудняюсь...» [1].

На этом закончился разговор. Командующий фронтом правильнее оценивал сложившуюся обстановку, чем начальник штаба главкома, поведение которого было нерешительным, выжидательным и даже мелочным. Получив одобрение своих предположений, командующий фронтом тотчас же приказал: «1-е. Ген. Орановскому, выполняя поставленную задачу, вместе с тем оказать энергичное содействие правому флангу 10-й армии, задержать наступление противника в обход этого

[1] ВИА, д. № 439, лл. 99—109.

фланга. 2-е. Ген. Радкевичу собрать все свои резервы за свой крайний правый фланг, с той же целью задержать развитие наступления противника в этом направлении и добиться от конницы ген. Тюлина более энергичных и самоотверженных действий, приказать ей перейти в наступление, поддержать ее пехотой. 3-е. 4-й сибирский корпус направить в четыре перехода в Ошмяны, куда ему прибыть 17.9. 4-е. 14-му корпусу выступить 16.9 со ст. Новогрудок и следовать через г. Новогрудок, Николаево, Ивье, Юрцишки, Вишнево, Воложин, Молодечно, куда и прибыть к 23-му числу. 5-е. 2-й армии подготовить выделение одного корпуса в резерв фронта. В оперативном отношении корпуса остаются в моем непосредственном подчинении...» [1].

Кроме того командующий фронтом приказал из состава 4-й армии направить 13-ю кав. дивизию через Дворец, Новогрудок, Трабы, Крево, Нароч, куда прибыть 20.9. С 18.9 дивизия подчиняется командующему 2-й армией» [2].

Вместе с тем командующий фронтом высказал крайнее неудовольствие по поводу действий кавалерии 10-й армии. «Действия эти вялы и разрознены, разведка слаба, широкого освещения на Вашем правом фланге не имеется, сведения о противнике неполны. Настойчиво требуйте самой энергичной живой службы на флангах противника и в его тылу, самой широкой и полной разведки, пора перестать коннице уходить за пехоту... если начальники не соответствуют своему назначению, отчислите их, а о действиях ген. Потапова произведите расследование и представьте с Вашим заключением», — писал командующий фронтом командарму 10 [3].

В эти дни снова возникает вопрос о взаимодействии фронтов. В свое время начальник штаба главкома указал на необходимость взаимодействия путем наступления левофланговых частей 5-й и правого фланга 10-й армии в направлении на Свенцяны с целью выбить противника из Свенцян. В соответствии с указаниями о взаимодействии фронтов 14.9 командующий северным фронтом пишет командующему западным фронтом: «Ген. Алексеев сообщил о необходимости принять немедленно решительные меры обеспечения железной дороги Вильна, Двинск. При этом выражено требование выбить противника из ст. Новосвенцяны и усилиями северного и западного фронтов установить кавалерией, поддержанной пехотой, непосредственную связь... Для достижения поставленной таким образом задачи со стороны северного фронта могут принять участие незначительные силы конницы, которую едва ли даже удастся поддержать пехотными частями. Вследствие такого недостатка в силах со стороны северного фронта в решении поставленной задачи мог бы принять участие конный корпус Ореховского, передвигаемый в направлении на Свенцяны, и другие силы 10-й армии...» [4].

Как видите, командующий северным фронтом взаимодействие с соседом рассматривает в том смысле, чтобы сосед направил свои усилия на ликвидацию прорыва, а что касается участия собственных сил, то

---

[1] ВИА, д. № 381, лл. 55—58.
[2] ВИА, д. № 38, л. 64.
[3] ВИА, д. № 37, л. 60.
[4] ВИА, д. № 279254, л. 201.

командующий северным фронтом давал им оценку: «незначительные», да, кстати сказать, и тех не направил.

В ответ на предложение такого рода взаимодействия двух фронтов командующий западным фронтом отозвался таким образом: «...Положение в этом районе может быть восстановлено лишь сосредоточением двух корпусов, направленных мною сверх тех, кои назначены во исполнение повеления государя...»[1].

Помимо обращения за «взаимодействием» к командующему западным фронтом, командующий северным фронтом писал начальнику штаба главкома: «При создавшейся обстановке от активных действий у Якобштадта приходится, конечно, отказаться, о чем уже было сообщено Плеве... Состав армий фронта, качество и сила тех подкреплений, которые прибыли и вновь предназначены к тому же с большим промедлением во времени, в связи с предполагаемым расширением района фронта, указывают, что в общем задачам фронта придается третьестепенное значение сравнительно с другими фронтами, но я обязываюсь вновь утверждать, что неустойчивость слабых армий, не имеющих резервов, столь необходимых при крайне растянутом расположении, может оказать тяжкие последствия в отношении основной задачи прикрытия путей к Петрограду...»[2].

Таким образом командующий северным фронтом отказывается от активных действий, жалуется на слабость сил фронта и крайне пессимистически взирает на будущее, имея перед своим фронтом демонстрацию немцев.

На этот раз начальник штаба главкома дал отпор притязаниям командующего северным фронтом, указав ему: «Состав 5-й и 12-й армий выделяются корпуса, имеющие наиболее сильный численный состав. Необходимо принять во внимание, что после галицийских боев войска 3-й армии перешли западный фронт в более чем слабом составе и немного пополнились за счет основных армий этого фронта. Свыше двух месяцев армии фронта вели упорные бои, не получая совершенно укомплектований, кроме выздоравливающих. Вам известно, что когда возникла срочная потребность пополнить войска ген. Плеве, то пришлось взять 120 рот от юго-западного фронта. Ваше заключение, что западный фронт весьма силен, не отвечает истинному положению дел: он численно слаб, почему не представляется возможным брать от него корпуса, когда он нес на своих плечах все силы австро-германцев. Это, полагаю, и было причиной постепенного, а не одновременного усиления северного фронта, которому третьестепенного значения не придавалось. Что и в данную минуту положение западного фронта нелегкое, указывают события как под Вильной, так и на Пинском направлении, и до настоящей минуты главный удар развивается противником в направлении Вильны, обходом правого фланга 10-й армии, от которой всецело зависит сохранность нашей живой силы 1-й, 2-й, 3-й и 4-й армий, т. е. значительной части вооруженных сил государства, с поражением которых и линии и прикрытие путей утратят свое значение. Считаю долгом повторить, что как раньше, так и теперь при назначении войск на

[1] ВИА, д. № 439, лл. 122 и 123.
[2] ВИА, д. № 439, лл. 110—113.

северный фронт не имелось совершенно в виду направить войска, проявившие ранее недостаточную стойкость...». Далее начальник штаба главкома указывал, что перед фронтом 12-й армии действуют слабые силы немцев и что это дает возможность за счет 12-й армии усилить 5-ю армию, которая должна предпринять наступление от Двинска навстречу наступающей 10-й армии [1].

После отповеди начальника штаба главкома начальник штаба северного фронта докладывал: «Из тщательного изучения действий германцев в Двинском районе твердо уверен, что германцы, выставив заслон против Двинской группы 5-й армии, хотят ударить во фланг армиям западного фронта. Если бы в Двинске иметь теперь достаточные силы, то можно было бы или сбить заслон, или ударить во фланг германцам, обходящим 10-ю армию. Твердо понимаю и вполне сознаю, что удар от Двинска при сложившейся обстановке привел бы к весьма благоприятным результатам. Считаю своим долгом выразить В.-В.-превосходительству эти мои соображения, которые вполне разделяет и ген. Рузский. Меры для наблюдения за участком Двины от Двинска до Дриссы включительно принимаются, причем указано удержать за нами переправы на этом участке и обеспечить железную дорогу, идущую правым берегом р. Двины. К сожалению, при самой тщательной экономии — сил на это очень мало» [2].

Сам же командующий фронтом написал начальнику штаба главкома: «Прошу ускорить сосредоточение 27-го корпуса к Двинску. По прибытии его в Двинск я предполагаю частями 27-го и 3-го корпусов и конницы ген. Казнакова развить действия во фланг и тыл противника, охватывающего фланг 10-й армии, если это окажется возможным по общему положению дел к тому времени. Было бы крайне желательно образовать в районе Двинска более сильный кулак для решительного наступления в желательном направлении» [3].

Надо думать, что начальник штаба главкома затратил больше нервной энергии на тяжбы с командующим северным фронтом, чем на борьбу с немцами. Командующий фронтом упорно не желал сделать перегруппировку к своему левому флангу тех войск, какими он располагал, всячески домогаясь получения дополнительных сил от начальника штаба главкома. Этот саботаж со стороны командующего северным фронтом осуществления взаимодействия с соседом только облегчал немцам выполнение их задач.

4. Боевые действия и отход 10-й армии 14.9 (схема 7)

Как мы видели выше, 10-й армии предстояло в течение еще нескольких дней вести борьбу, рассчитывая только на собственные силы и не ожидая помощи от своего северного соседа, робко прижавшегося к Двине.

Пока между русским высшим командованием велась известная нам переписка, немцы направили конный корпус Гарнье тремя дивизиями

---

[1] ВИА, д. № 439, лл. 117 и 118.
[2] ВИА, д. № 439, лл. 119 и 120.
[3] ВИА, д. № 439, л. 121.

в направлении озера Свирь, Вишнево, с задачей прервать железнодорожное сообщение на линиях Вильна, Молодечно и Лида, Молодечно, Полоцк, 2-я германская пех. дивизия ген. Фальк получила приказ наступать на Михалишки, Солы. В линию фронта между группой Эбена

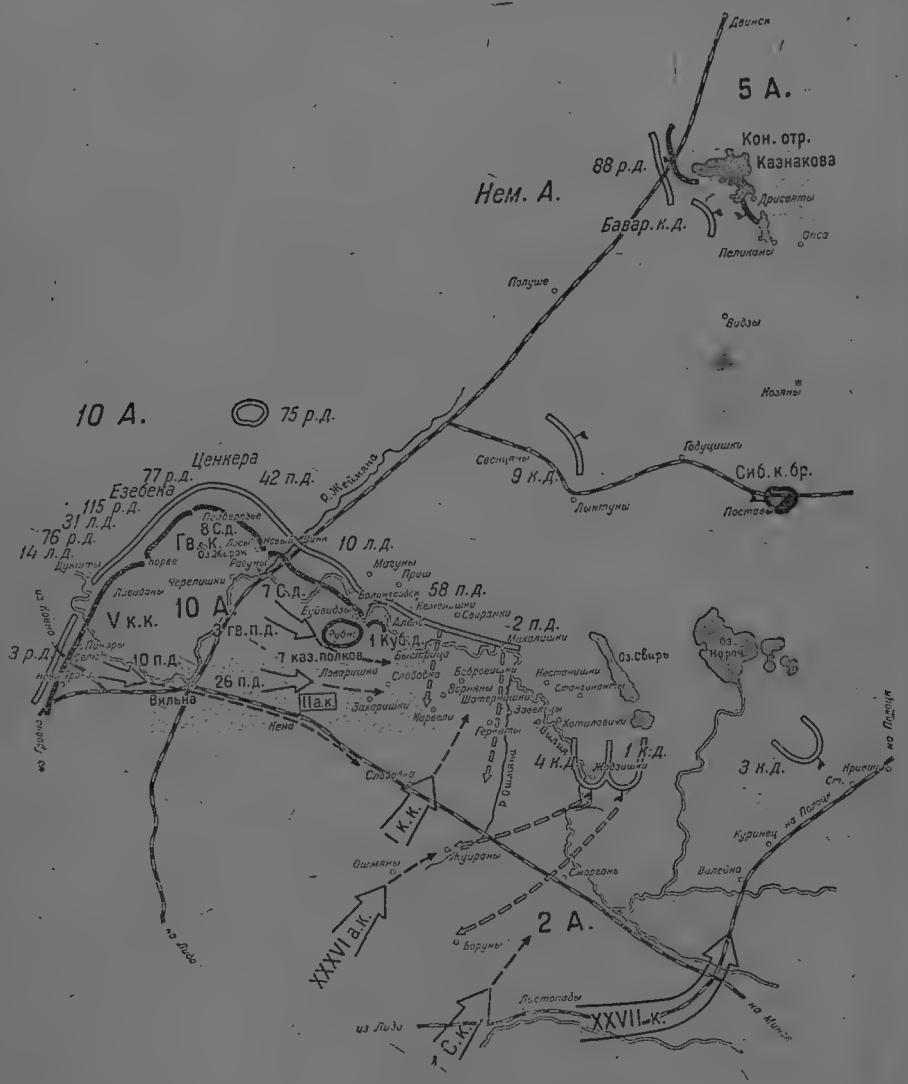

Схема 7. Боевые действия на правом фланге 10-й армии 14.9 1915 г.

с дивизией Ценкера и 10-й ландверной дивизией вливалась 42-я пех. дивизия. В общем 6 пех. дивизий немцев вышли к этому времени на фланг и тыл 10-й русской армии [1].

[1] Рейхсархив, т. 8, стр. 502—505.

14.9 командарм 10 отдал приказ: «...задача вверенной мне армии сводится к удержанию противника возможно дальше к северу до сосредоточения частей 2-й армии на Свенцянском направлении, для чего ближайшей задачей ставлю себе, удерживая, по возможности, занятые позиции, образовать сильный резерв за правым флангом армии, сначала для того, чтобы задержать дальнейшее обтекание противником нашего правого фланга, а затем перейти самим в наступление и отбросить противника к северо-западу. Для этого приказываю ген. Трофимову (комкор 3-го сибирского), удерживаясь 7-й дивизией севернее Вилии и возложив на всю конницу ген. Тюлина, поддержанную не менее как одним полком пехоты, обеспечение Вилии от переправы противника на участке Михалишки, устье р. Жеймяны, собрать всю 3-ю гв. пех. дивизию уступом за своим правым флангом примерно в районе Рубно, чем обеспечить большую стойкость конницы и парировать попытки противника продолжать обход правого фланга армии; 8-ю сибирскую дивизию разрешаю отвести на фронт Новый Шинк, Подберезье до высоты 76,6 зап. Подберезье включительно, для того чтобы оттянуть часть ее в резерв и обеспечить большую прочность расположения в стыке 7-й и 8-й дивизий. Одну бригаду 26-й дивизии с дивизионом артиллерии направляю завтра 14.9 [1] в район Лаваришки, Слободка, а другую с остальной ее артиллерией в район Нововилейска. В связи с отводом 8-й сибирской дивизии приказываю осадить 2-ю гв. пех. дивизию на фронт от высоты 76,6 до г. дв. Казимержево, причем оттянуть один ее полк в резерв, 1-й гв. пех. дивизии оставаться на занятой позиции, осадив лишь левофланговый полк на южную оконечность озера Корве, з. Линзинишки с целью сокращения его фронта. 2-ю финляндскую дивизию отвести к ф. Галин. 5-му кавказскому корпусу разрешаю осадить на фронт Линзинишки, Левидианы, г. дв. Эльнокумпе, оттянув возможно сильные резервы» [2]. Прочим корпусам было приказано оставаться на занятых позициях, оттянув возможно сильные резервы, продолжать укреплять позиции. Командиру 26-го корпуса (ген. Гернгросс) было приказано вступить в командование 64-й и 84-й дивизиями, а командиру 2-го корпуса (ген. Флуг) переместиться со штабом на ст. Кена и вступить в командование группой в составе 3-й гв. и 26-й пех. дивизий.

С утра 14.9 группа Эбена и левофланговые дивизии группы Гутьера продолжали теснить восточный фланг 10-й армии. 1-я кубанская казачья дивизия была отброшена за р. Вилия у Алекса. Прочие части конного отряда Тюлина под прикрытием 7-й и 8-й сибирских и частей 3-й гв. пех. дивизий вышли из боя и отошли в район Буйвидзы. На фронте 3-го сибирского корпуса 10-я германская ландверная дивизия была потеснена к северу частями 7-й сибирской стр. дивизии; на фронте 8-й сибирской дивизии и двух погран. полков атаки, предпринятые 42-й германской пехотной и пех. дивизией Ценкера, были отражены. На фронте гв. корпуса — 77-я, 115-я и 31-я пех. дивизии немцев пытались вести атаки, но всякий раз отражались огнем. На фронте 5-го кавказского корпуса (участок 4-й финляндской и два полка погран. дивизии)— 76-я германская резервная и 14-я ландверная пех. дивизии немцев не-

[1] Ошибка, видимо 15.9.
[2] ВИА, д. № 322, лл. 53—56.

сколько продвинулись вперед, но к вечеру их продвижение было приостановлено вводом частных резервов.

Таким образом за день боя 14.9 немцы имели успех на участке левого фланга группы Эбена (2-я и 58-я пех. дивизии), а на остальном фронте бой протекал без особых успехов сторон. К этому времени конный корпус Гарнье выдвинулся: 9-я кав. дивизия продолжала занимать район Свенцяны, прикрывая операцию со стороны 5-й русской армии, 3-я кав. дивизия выдвинулась восточнее озера Нароч, 1-я и 4-я кав. дивизии овладели районом Жодишки [2]. Передовые разведывательные части германской кавалерии в это время появились уже на железнодорожных линиях Полоцк — Молодечно и Молодечно — Вильна.

Вместе с тем к флангу 10-й русской армии спешили фронтовые резервы: голова 27-го арм. корпуса подходила к Молодечно, 36-й арм. корпус — к Ошмяны, 1-й конный корпус Орановского — к западу от Сольг. В то время, как к русским подходили фронтовые резервы, резервы немцев уже растаяли, оставалась одна 75-я рез. дивизия, все части их растянулись по охватывающей дуге, без сколько-нибудь выраженной ударной группировки.

5. Выводы

Изложенное в настоящей главе позволяет сделать следующие выводы:

1. Командующий 10-й русской армией и его штаб предвидели, что главного удара немцев следует ожидать на правом фланге армии. Этот удар немцев предполагалось встретить контрударом, для чего командарм собирал в резерв армии 3-й сибирский корпус и 3-ю гв. пех. дивизию, передаваемую в его подчинение командующим фронтом. Если принять во внимание, что в составе 10-й армии было 20 дивизий, то представляется, что ударная группа армии по численности своей была слаба. Кроме того и эти силы вводились в бой разновременно, по частям и употреблялись для удлинения правого фланга армии, пристраиваясь к которому дивизии арм. резерва неизменно переходили к обороне, притом на широком фронте. В таких условиях предположения командарма и штаба 10-й армии не имели существенного значения, а намерение встретить удар немцев контрударом не было организационно обеспечено. Иное дело, когда два-три корпуса были бы брошены для удара не только против арм. группы Эбена, но и против германского конного корпуса Гарнье. Но для этого у командарма 10 не было собрано необходимых сил.

2. На охват фланга и угрозу удара в тыл существенно повлияло неглубокое эшелонирование арм. резервов. Арм. резервы опаздывали удлинять свой фланг. Войска, выводимые в резерв армии из центра и с левого фланга, бросались на правый фланг, чтобы последовательно удлинять его и прикрывать от охвата. По этой причине фронт 10-й русской армии последовательно принимает форму дуги, причем продолжение такой системы подпорок русскими и охватов немцами могло привести к окружению русских, и этого не произошло только потому, что на вы-

[1] ВИА, д. № 151, лл. 169—172.
[2] Рейхсархив, т. 8, стр. 504—507.

ручку 10-й армии успели подойти 1-й конный, 27-й и 36-й арм. и 4-й сибирский корпуса.

3. Командарм 10-й германской, организовав удар и охват фланга русских, не сумел ни смять гвардейский и 3-й сибирский корпуса, ни окружить хотя бы часть 10-й армии. В то время когда севернее Подберезье части 10-й армии маршировали по свободному пространству, большая часть той же армии вела фронтальные атаки и в течение четырех суток топчется перед окопами гв. корпуса, вместо смелой перегруппировки к северу и последующего наступления на восток. Такая осторожность, видимо, являлась следствием опасений, что русские сами перейдут в наступление и, опрокинув заслон, выйдут на тыл частей 10-й германской армии, которые осуществляли охват. Даже в этом случае нельзя не упрекнуть командарма 10-й германской, который мог бы вывести в свой резерв части арм. группы Гутьера, чтобы приобрести свободу их применения или для охвата, или для продолжения фронтальных атак. Отсутствие же резервов в последующее время оказало отрицательное влияние на закрепление успехов 6-го конного корпуса Гарнье, 1-я кав. дивизия которого в ожидании подхода своей пехоты истекла кровью в бою под Смортонь. Во всяком случае оперативные качества командарма 10-й германской оказались не лучше, чем командарма 10-й русской. Оба организовывали маневр одинаково несмело, с той лишь разницей, что у немцев была необходимость маневрировать по кривой линии, а русские могли это делать по прямой, т. е. более короткой, но русские войска не умели маневрировать.

4. Обладая преимуществом двойного превосходства в пехоте и артиллерии перед гв. корпусом и 8-й сибирской стр. дивизией, немцы не смогли 11, 12 и 13.9 разбить русских, в частности фланговым ударом. При этом политико-моральное состояние русских было не столь уж устойчивым, а патронташи и зарядные ящики часто были порожними. Более высокие политико-моральные качества немцев, их артиллерия, патроны и снаряды много преобладали над русскими. Однако немцы не разбили и даже не потрепали русских. Почему? На этот счет немецкие авторы райхсархива весьма сдержаны, что и дает нам право усмотреть в этой сдержанности слабость противника. Слабость эта заключается в том, что фронт гвардии и сибирских стрелков атаковывался разрозненно, по-дивизионно. Германские дивизии имели много случаев прорыва фронта русских в разное время и в разных пунктах растянутой дуги, но русские закрывали эти прорывы, причем небольшими частями (батальонами Московского полка во 2-й гв. пех. дивизии, Волынским полком в 8-й сибирской стр. дивизии). Отсутствие же вторых эшелонов и резервов у немцев не позволяла развить успеха ни одной из их атак.

5. Существенно важным за этот отрезок времени является успешное продвижение германской кавалерии в тыл 10-й армии, что и повлекло печальные оперативные последствия. Нацеливание кавалерии бесспорно хорошо произведено, но конный корпус излишне разбросался в огромном пространстве, в частности 9-я и 3-я кав. дивизии могли быть более эффективно использованы западнее Молодечно, разрушения железнодорожных линий могли выполнять обычные разъезды, а на худой конец — разведывательные отряды. Что же касается обеспечения армии с северо-востока, то эту задачу успешно выполняла Неманская армия.

ГЛАВА V

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ВЕРХНЕЙ ВИЛИИ И ПОД г. ВИЛЬНА

1. Работа штаба главнокомандующего и командующих фронтами

Появление германской конницы на тылах 10-й армии крайне обеспокоило начальника штаба главкома, который только теперь понял, какое серьезное значение имеет развитие действий в стыке фронтов. Если до сих пор начальник штаба главкома допускал мысль о восстановлении боевой связи между фронтами силами конницы 5-й и 10-й армий, а позднее вмешивался в компетенцию командарма 10 по поводу использования 26-й пех. дивизии, то теперь он окончательно растерялся, утратив управление фронтами, и разменялся на мелочи. Не представляя себе, что нужно предпринять для парирования немецкого удара на стыке фронтов, начальник штаба главкома 15.9 издал следующую директиву: Начальнику штаба западного фронта «Неприятельскими разъездами учинено нападение на ст. Кривичи. В Вашем распоряжении такое число дружин для охраны железных дорог, что прочное занятие станций наиболее важных и угрожаемых дорог составляет ныне Вашу главнейшую заботу и должно быть достигнуто под ответственностью судом дружинных и ротных командиров». Другая директива в тот же адрес гласила: «Нельзя ли через ген. Медведева установить связь с ген. Потаповым и получить от него вместо бессвязных, ничего не дающих донесений толковое сообщение, сколько же неприятельских войск двигается на Глубокое? Сообщите об этом 5-й армии для развития конницей действий во фланг и тыл» [1].

Но отсутствие должного кругозора начальника штаба главкома интенсивно восполнял командующий западным фронтом ген. Эверт, у которого 15.9 произошел обмен мнений с начальником штаба главкома относительно ведения операции. Командующий фронтом между прочим докладывал: «...При настоящем положении я считал бы желательным развернуть 36-й и 4-й сибирский корпуса в районе Михалишки, озеро Свирь, 29-й корпус высадить в Вилейка или Молодечно и направить между озерами Свирь и Нароч, а 14-й корпус уступом за правым флангом 29-го корпуса, с тем чтобы особенно развить наступление правым флангом этой армии, имея в виду общую цель овладеть Свенцянами и отбросить противника на запад»... «Участок Молодечно, Полоцк нельзя считать вполне обеспеченным. 27-й корпус придется свернуть на Минск,

[1] ВИА, д. № 439, лл. 124 и 125.

Оршу, тогда он садится в Лиде, а 29-й корпус, садящийся сегодня в Барановичах, вести в Молодечно, что замедлит перевозку обоих. Не признаю ли будет целесообразным в Двинск направить 29-й корпус, а 27-й оставить во 2-й армии?» [1]. По получении этих соображений, командующий северным фронтом, уже известный нам некоторыми своими качествами, ген. Рузский не замедлил проявить себя в прежнем стиле и направлении, высказав свои соображения по ведению операций, а именно: «...По моему мнению,—писал Рузский,—предпочтительнее 29-й корпус направить к Двинску ввиду важного значения этого пункта и развивающегося напора со стороны противника в этом направлении. Корпуса 36-й, 14-й и 4-й сибирский полагал бы сосредоточить примерно в районе Михалишки, Годуцишки, Кобыльник. Поставы под прикрытием конницы ген. Орановского и Казнакова, которой поставить задачей очистить этот район от противника. *Иметь корпус в резерве у Молодечно, на мой взгляд, излишне.* Плеве указал Казнакову войти в связь с Орановским и совместными действиями прикрыть район сосредоточения корпусов 2-й армии, отбросив неприятеля к западу...» [2]. Начальник штаба главкома, отвечая на соображения командующего фронтами, вместо маневра из оперативной глубины со своей стороны полагал: «лично предпочел бы... сбор хорошей группы из трех корпусов на Вилии в районе Михалишки и развитие удара через Свенцяны навстречу 5-й армии...» [3]. Но после дальнейшего разъяснения Эверта присоединился к его плану действий, предоставив ему целиком распоряжаться войсками *по его усмотрению и в зависимости от обстановки, не останавливаясь перед переменой корпусов.*

Получив одобрение своего плана от начальника штаба главкома, командующий западным фронтом мог распоряжаться по своему усмотрению, что имело огромное значение, так как ни начальник штаба главкома, ни командующий северным фронтом не были компетентны в ведении данной операции.

2. Работа главкома германского восточного фронта и 10-й германской армии

В то время когда начальник штаба русского главкома вмешивался в компетенцию командующего 10-й армией, давал указания об охране железнодорожных станций и занимался обменом мнений с командующими фронтами, предоставив руководство операциями на стыке фронтов командующему западным фронтом, на противной стороне — у немцев — главнокомандующий восточным фронтом Гинденбург занимался деятельностью иного свойства.

По свидетельству авторов германского государственного архива, германский главком 15.9 корректировал работу командармов по руководству боевыми действиями германских войск. На 16.9 главком поставил 10-й германской армии задачу резко повернуть войска против Вильна и в этом смысле дал указания и советы командарму 10 ген.-полк. Эйхгорн [4]. Кроме того главком по радио дал указания командиру 6-го гер-

[1] ВИА, д. № 439, лл. 130—133.
[2] ВИА, д. № 439, л. 134.
[3] ВИА, д. № 439, лл. 135 и 136.
[4] Рейхсархив, т. 8, стр. 507.

манского кав. корпуса Гарнье «во всяком случае не очень изменять» план операции, 9-ю кав. дивизию направить в район Полуше, где она, соединившись с баварской кав. дивизией Неманской армии, имела задачей совместными силами атаковать действовавшие здесь две русских кав. дивизии [1]. «А из оставшихся трех дивизий кав. корпуса 3-й кав. дивизией к 15.9 достигнуть района Кривичи и разрушить железную дорогу Полоцк — Молодечно, 1-й и 4-й кав. дивизиям оставаться для наступления против тыла Виленской группы русских, перейти и прервать железную дорогу Молодечно—Вильна на участке к северо-западу от Сморгонь. При этом 1-й кав. дивизии дойти и серьезно драться южнее Жуйраны, в то время когда 4-я кав. дивизия под командой ген.-майора Гофман должна тотчас же обратиться против неприятеля, который удерживает р. Ошмянка на фронте Жуйраны, Солы» [2]. «Для группы Эбена, — продолжают авторы государственного архива, — главком дал направление свернуть левый фланг от Михалишки, юго-западнее Ворняны, и осесть на этом рубеже. 2-й пех. дивизии ген.-лейт. Фалк закрепить этот район, сблизиться вечером на расстояние 3 *км*»... «Левому флангу 58-й пех. дивизии перейти Вилию» [3].

Тогда же было приказано 42-ю пех. дивизию группы Гутьера продвинуть вперед на юго-восток под Жеймяны. Прочим частям группы Гутьера было приказано под покровом темноты сблизиться до 2 *км* с позициями русских. Таким образом, если верить авторам государственного архива, главком германского восточного фронта, так же как и начальник штаба русского главкома, вмешивался в компетенцию даже корпусных командиров, корректируя направление действий отдельных дивизий. Однако в этом мы усматриваем не отрицательную, а положительную сторону его деятельности, так как 10-я германская армия включала почти половину всех войск фронта, с одной стороны, а ее задача по окружению Виленской группы (10-й русской армии) являлась крайне сложной и ответственной,— с другой; наконец, 6-й германский кав. корпус ген. Гарнье являлся не столько средством командарма 10-й германской, сколько средством командующего фронтом, ибо задачи корпуса по характеру и большому пространству выходили за рамки операции 10-й германской армии.

Вместе с тем те же германские авторы, излагая ход Виленского сражения, к сожалению, сохраняют полное молчание по поводу действий 8-й и 12-й германских армий, указывая лишь, что эти армии были слабого состава вообще, а 12-я армия, в частности, и что германские батальоны имели всего по 600 штыков [4]. Однако это молчание, видимо, неслучайно. Дело в том, что русские без помехи со стороны немцев снимали свои корпуса, действовавшие перед фронтом этих германских армий, и перебрасывали их на Виленское и Двинское направления. Также хранится молчание по поводу руководства главкома действиями этих армий, если не считать того, что начальник штаба фронта Людендорф занимался вопросами упорядочения подвоза в 8-й и 12-й армиях. Освещение же действий 8-й и 12-й германских армий предста-

[1] Конный отряд Казнакова.
[2] Рейхсархив, т. 8, стр. 508.
[3] Рейхсархив, т. 8, стр. 508.
[4] Рейхсархив, т. 8, стр. 509.

вляет большой интерес, так как от их действий зависело сковывание русских армий севернее Полесья, с чем, по нашему мнению, воспитанники Шлифена справились в такой степени, что об этом их историки предпочитают умолчать; это впрочем вполне соответствует принятым обычаям в каждой себя уважающей армии, а тем более в германской, да еще при жизни фельдмаршала и президента Гинденбурга, бывшего главкома восточного фронта.

3. Боевые действия войск 10-й армии 15.9 (схема 8)

Еще 14.9 командарм 10 отдал приказ командиру 3-го сибирского корпуса: «Обеспечивая правый фланг армии, не допустить переправы противника через Вилию между Михалишками и устьем Жеймяны, для чего с выходом конного корпуса ген. Орановского к Михалишкам перебросить конницу ген. Тюлина на правый берег Вилии с задачей, заняв район Кемелишки, активно обеспечивать участок Вилии от Михалишки до Быстрица от переправы противника, поддерживая связь с конным корпусом ген. Орановского»[1]. Оборону Вилии между Быстрица и устьем Жеймяны командарм приказал возложить на части 3-й гв. и 26-й пех. дивизий, а конницу ген. Тюлина поддержать направляемыми по железной дороге Гудогай 39-м и 40-м пех. полками 10-й пех. дивизии. Ген. Флугу (командиру 2-го арм. корпуса) по прибытии на ст. Кена было приказано вступить в командование 3-й гв. и 26-й пех. дивизиями и конным отрядом ген. Тюлина. Прочим корпусам было приказано «огнем и короткими контрударами удерживать возможно большие силы противника и тем задержать их переброску к востоку, имеющую целью обход правого фланга нашей армии до сосредоточения в Свенцянском районе войск 2-й армии». Кроме того командарм выводил в свой резерв 2-ю финляндскую дивизию и приказывал корпусам: «Вытягивать все, что возможно, в резерв».

Через несколько часов того же числа корпусам были уточнены поставленные задачи, а именно: «3-му сибирскому корпусу в ночь с 14 на 15.9 отвести 7-ю сибирскую дивизию на левый берег Вилии и, заняв с бригадой казаков и двумя погран. полками участок от Буйвидзы до Черемишки, имея резерв в районе Безданы, 8-й дивизией занять правый участок Мейшагольской позиции от Черемишки до озера Желосы. Гв. корпусу в связи с этим осадить свой правый фланг на линию озер Желосы и Корве и выделить за счет получающегося таким образом сокращения фронта не менее двух полков в резерв. 5-му кавказскому корпусу оставаться на занятых позициях, продолжая их укрепление. 5-му арм. корпусу осадить правый фланг на линию г. дв. Понары, озеро Селют, за счет чего выделить в резерв два полка 10-й дивизии и завтра 15.9 двинуть их походным порядком в два перехода в район Кена». Прочим корпусам было приказано удерживать занятое расположение и укреплять позиции, а командиру 2-го корпуса (ген. Флуг), «вступив в командование 3-й гв. и 26-й дивизиями и конницей ген. Тюлина, поддержанной двумя полками 10-й дивизии, отбросив противника за Вилию, оборонять ее от Михалишки до Буйвидзы, поддерживая связь с конным корпусом

[1] ВИА, д. № 322, лл. 57 и 58.

ген. Орановского и ведя энергичную разведку восточнее Вилии в районе Михалишки, озеро Нароч, Жодзишки...» [1].

Получив этот приказ, командующий фронтом высказал командарму 10 свое недовольство постановкой пассивных задач войскам армии, в частности войскам, подчиненным командиру 2-го корпуса ген. Флуг и дивизиям 3-го сибирского корпуса. Командующий фронтом писал: «...Вам следует, сосредоточивая за своим крайним правым флангом сильные резервы, действовать активно и самым энергичным образом теснить противника к северу. Отводом Трофимова (комкор 3-го сибирского) за Вилию и данной ген. Флугу (комкору 2) лишь оборонительной задачей за этой рекой Вы облегчаете противнику возможность давить на Ваш правый фланг и его охватывать». Далее командующий фронтом предложил изменить данную директиву, если она еще не приводится в исполнение, а впредь в столь важных вопросах вызывать его к аппарату [2].

Исполнение приказания командующего фронтом потребовало бы дачи в третий раз боевых заданий войскам, что порождало неизбежную неуверенность и дергало бы армию в столь трудной обстановке боевых действий в условиях полуокружения. Приказ командарма 10 более не менялся.

Начальник штаба главкома и командующие фронтами никак не могли сговориться по поводу плана операций; такая же несогласованность существовала между командующим западным фронтом и командармом 10, но по вопросу руководства боевыми действиями на правом крыле 10-й армии. В нижестоящих инстанциях эта разноголосица носила еще более тяжелый и печальный характер. 14.9 произошел конфликт между командирами гв. корпуса Олоховым и 3-го сибирского Трофимовым, так как ни тот, ни другой не хотели взять на себя ответственность за боевые действия 8-й сибирской дивизии, отбивавшей в это время атаки дивизии Ценкера [3]. Тогда же начальник 1-й кубанской дивизии ген. Кузьмин-Караваев, подчиненный командиру 3-го сибирского корпуса, не выполнил поставленной ему задачи, о чем командир 3-го корпуса доносил командарму: «Вследствие упорного уклонения ген. Кузьмина-Караваева поддерживать со мной связь и не оправдываемого обстановкой отвода его дивизии к Магуны и Прены наступление на Подбродзе сегодня вряд ли удастся выполнить...» [4]. О ген. Потапове и его действиях, как и о других, мы расскажем ниже.

Тем временем боевые события шли своим чередом.

Утром 15.9 передовые разведывательные части германской кавалерии внесли ужас и панику в тылы 10-й армии и без того неустойчивые. Со ст. Кривичи, Вилейка, Молодечно, Солы посыпались тревожные вести о приближении немцев. Тыловые и местные государственные учреждения бежали, бросая имущество и запасы, а чаще всего предавая их огню вместе с деревнями и селами, учиняя целые погромы, заставляя местное население оставлять свой скарб и уходить на восток, таща за собой стариков и младенцев, как во времена татарских набегов. Все дороги были загружены бежавшими войсковыми тылами и беженцами (местными жителями).

---

[1] ВИА, д. № 322, лл. 59—62.
[2] ВИА, д. № 381, лл. 65 и 66.
[3] ВИА, д. № 377960, донесение № 13458.
[4] ВИА, д. № 377960, донесение № 4766 ген. Трофимова.

Утром к ст. Солы подошел разъезд 4-й германской кав. дивизии в 50 коней с 2 орудиями и обстрелял собравшиеся здесь многочисленные обозы. Около полудня дивизион 8-го конно-егерского полка (2 эскадрона) с одним орудием и 2 пулеметами занял ст. Кривичи, разобрал железнодорожные пути и устроил крушение воинского поезда, в котором следовали восемь рот 3-го и 4-го стр. полков (1-й стр. бригады 27-го арм. корпуса). Роты во главе с офицерами бежали на юго-восток от Кривичи. Конница ген. Тюлина (четыре полка, оставшихся в его подчинении) с 26-м сибирским стр. полком, попав под удары 2-й и 58-й пех. дивизий группы Эбена, отошли от Вилии из района Михалишки, а стрелки — из района устье р. Жеймяны. Те же части немцев оттеснили казаков от Быстрицы, иными словами, противник продолжал сбивать русские заслоны и обходить правый фланг 10-й армии. Подошедший накануне в Гервяты, Ворняны 1-й конный корпус Орановского с утра предпринял наступление на фронте устье р. Ошмянка, Кемелишки. Бригада 14-й кав. дивизии двинулась в направлении на Михалишки, один полк той же дивизии на Нестанишки с целью обхода на Михалишки, две сотни кубанцев были брошены в наступление от Гервяты на Хотиловичи, Станчиненты. 8-я кав. дивизия развернулась у Ворняны и начала наступление на север в общем направлении на Свиранки [1]. Донося о предпринятом наступлении, командир 1-го конного корпуса докладывал командарму 10 свои соображения о наиболее целесообразных действиях корпуса: «Мое движение на восток от Гервяты в тыл, полагаю, было бы лучшим парированием этого глубокого вторжения, но боюсь открыть тыл 10-й армии». Спустя некоторое время комкор 1-го конного снова повторяет командарму 10 свой план действий: «Желал бы двинуться в тыл немцам, но предупреждаю, что сегодня весь день противник нажимает с севера, и если я уйду, то он несомненно продвинется на юг...» [2], т. е. на тылы 10-й армии.

Командарм 10 Радкевич, понимая целесообразность предложений командира 1-го конного корпуса ген. Орановского, без замедлений ответил ему так: «Полагаю, что выход Вашего конного корпуса в тыл немцам, наступающим на юг в направлении Вилейка или Сморгонь, желателен, если только слухи о том справедливы, что я считаю вполне правдоподобным [3]. 1-ю кубанскую казачью дивизию могу оставить в Вашем распоряжении для обеспечения связи с войсками ген. Флуга. Конницу Тюлина оставлю в распоряжении Флуга для обеспечения его фланга. О Вашем решении прошу телеграфировать» [4]. Однако, несмотря на столь исчерпывающий ответ командарма 10, командир 1-го корпуса, до этого столь ретиво стремившийся в тыл к немцам, немедленно передумал и донес: «Без указаний фронта решения принять не могу, ибо не знаю общих соображений главнокомандующего» [5].

Тем временем полки конного корпуса вошли в соприкосновение с частями 2-й германской пех. дивизии ген. Фальк, наступавшей от Миха-

[1] ВИА, д. № 377960, донесение № 1712.
[2] ВИА, д. № 84657, донесение № 1720.
[3] Речь идет о корпусе Гарнье, двинувшемся на Молодечно, Сморгонь, Солы. — *Н. Б.*
[4] ВИА, д. № 84657, телеграмма № 9665.
[5] ВИА, д. № 84657.

лишки. Германская пехота оказалась не менее маневроспособной, чем кавалерия Орановского. Спешенные части 14-й кав. дивизии были охвачены с флангов пехотой немцев и отошли на фронт Шатернишки, ф. Зеленки, Коренишки, а ввиду отхода 14-й кав. дивизии отошла и 8-я кав. дивизия, которую, по донесению начальника 8-й дивизии ген. Киселева, тоже «обошла пехота силою до двух батальонов и под огнем артиллерии 2 легких и 1 тяжелой батарей» [1]. Но комкор и комдивы 1-го конного корпуса не знали, какие части немцев теснят корпус. Не знал этого и штаб 10-й армии. Поэтому начальник оперативного управления штаба 10-й армии запрашивает командира 1-го конного корпуса: «Благоволите сообщить для доклада командарму, какие части немцев действуют против Вашего корпуса». Тогда командир 1-го корпуса пишет командиру 8-й дивизии: «Необходим захват пленных, мы до сего времени не знаем, какие части противника действуют против нас». Но начдив 8-й кавалерийской Киселев тоже не знал, с кем дерется 1-й конный корпус и его 8-я дивизия, а потому ответил: «Против нас до 4 батальонов пехоты и 3 эскадронов кавалерии, три батареи, одна тяжелая» [2]. Единственным источником разведки в 1-м конном корпусе, к сожалению, оказался полицейский урядник Ворнянской волости И. Синявский, честно продолжавший свою полицейскую службу на территории своей волости, но его данные были, по преимуществу, не оперативно-тактического, а скорее полицейского характера. Он доносил, что в Михалишки прибыло 3 эскадрона германской кавалерии, что немцами арестованы земский начальник и становой пристав, а такие сведения вряд ли могли послужить командиру 1-го конного корпуса для оперативной ориентировки. Неуспех на фронте, незнание, какие части и силы противника теснят корпус, дополнялись тревожными донесениями из тыла. Из Солы вахмистр Стрельцов, старший обоза штаба 1-го конного корпуса доносил: «Доношу, что по приезде в м. Солы, которое обстрелял неприятельский разъезд орудийным и пулеметным огнем, наводя большую панику в обозах, которых было очень много, я свой обоз вывел благополучно». Из г. дв. Солы от кап. Богувского (подпись не совсем разборчива): «Дивизионный обоз 8-й сибирской стр. дивизии стоит в лесу восточнее г. дв. Солы (рядом с ним). Едва держусь. Против меня 2 орудия, 2 пулемета и 100—200 чел. пехоты. Я едва держусь, патронов нет. Прошу выручки, иначе пропадет обоз». Из Ошмяны от штабс-ротм. Гарниева (подпись неразборчива): «Сего числа с 7 час. утра обозы 2-го разряда произвели панику в г. Ошмяны и отступление продолжалось до 3 часов дня. Предполагаю ночевать к югу от Ошмяны в 12 верстах г. дв. Анелин».

Кто же, однако, наступал против 1-го конного корпуса, оставалось невыясненным. Ночью командир 1-го конного корпуса собственноручно сочинил реляцию, в которой излагал фантастические картины восьми конных атак вверенного ему корпуса, писал о горах трупов неприятеля, отражениях германских атак, но ни единым словом не обмолвился ни о номере, ни о названии германской части [3]. Поэтому назойливый начальник оперативного управления 10-й армии снова насел на командира

[1] ВИА, д. № 84657, донесение № 1798 (ген. Киселева).
[2] ВИА, д. № 84657, телеграммы № 9670 и 1726.
[3] ВИА, д. № 84657, донесение № 1730.

Схема 8. Боевые действия 10-й армии 15.9 1915 г.

корпуса, вопрошая, какие же все-таки части немцев наступают против 1-го конного корпуса. Делать нечего, пришлось ответить: «Противник сегодня силами около дивизии пехоты теснил обе кавалерийские дивизии» [1].

В то время, когда 1-й конный корпус отходил под давлением 2-й германской пех. дивизий, у Быстрица 3-я гв. пех. дивизия успешно отражала наступление 58-й германской пех. дивизии; 26-я пех. дивизия выдвигалась южнее Быстрица в направлении на Слободка и Лаваришки, т. е. в пространство между 1-м конным корпусом и 3-й гв. пех. дивизией, а бригада 10-й пех. дивизии сосредоточилась в Гудогай, выбросив 1-й батальон 40-го пех. полка на м. Солы. Конный отряд ген. Тюлина разбился на отдельные отряды, перемешавшиеся с 1-м конным, 2-м армейским и 3-м сибирским корпусами, на флангах которых конные части отряда заполняли прорывы в боевых порядках пехоты. 3-й сибирский и гв. корпуса отошли на новые позиции, согласно известному нам приказу командарма 10; на их фронте, как и на фронте прочих корпусов армии, день прошел спокойно.

На этот раз авторы германского государственного архива вспомнили поучения своего знаменитого земляка Клаузевица по поводу изложения военно-исторических событий и признали, что группа Гутьера, сближавшаяся под прикрытием ночи с 14 на 15.9 с оборонительным расположением русских на расстояние 2 *км*, 15.9 решительно атаковала пространство, еще ночью покинутое гвардейским и 3-м сибирским корпусами, при плохом наблюдении и разведке с германской стороны и искусном отрыве русских. Хотя Гинденбург и Эйхгорн требовали быстроты действий, тем не менее войска группы Гутьера днем 15.9 упустили случай атаковать отступивших русских и продолжали в этот день сближение [2].

Для удлинения восточного фланга 10-й русской армии и обеспечения железной дороги Вильна, Молодечно из Вильны на восток была выдвинута гв. казачья бригада [3].

Итогом дня мы имели продолжающийся обход немцами правого фланга 10-й армии, спокойствие на северном и юго-западном ее участках, неуклюжие действия 1-го конного корпуса против 2-й германской пех. дивизии и совершенную неясность о силах противника на его фронте, добровольный отход гвардейского и 3-го сибирского корпусов за Вилию, неожиданный и для немцев, невообразимый хаос в тылах армии и прекращение немцами железнодорожного движения на линиях Вильна—Молодечно, и Молодечно—Полоцк.

Но несмотря на столь прискорбные факты и обстоятельства, командарм 10 писал: «Приказываю сообщить всем доблестным частям 10-й армии, что их упорство и настойчивость в трудном положении уже достигают цели. Завтра 16.9 к нам на правый фланг подходит корпус, а послезавтра — другой, а еще правее прибывает третий. Снаряды с каждым днем прибывают, и скоро в них недостатка не будет. С подходом новых сил всем фронтом доблестной 10-й армии перейдем в наступление на зарвавшегося врага, причем необходимо развить стремительность и безудержный натиск. Пусть каждый помнит, что немцы боятся за свой тыл и фланги и при дружном нашем ударе бегут, в чем убедилась гвардия

[1] ВИА, д. № 84657, донесение № 1732.
[2] Рейхсархив, т. 8, стр. 508.
[3] ВИА, д. № 84657, донесение № 1730.

при своем коротком наступлении. Пусть каждый знает, что 10-я армия обходов не боится и что у наступающего с решимостью разбить врага фланги и тыл обеспечены его смелостью и сокрушительным ударом...» «конице ограничусь пока указанием главнокомандующего фронтом, данным мне сегодня, а именно: конице надо брать пример с энергичной, мужественной, беззаветной деятельности немецкой кавалерии; считаю, что этого пока достаточно, чтобы напомнить конным частям и особенно казакам и их начальникам былую доблесть их предков, точная дерзкая разведка на носу и особенно в тылу у противника, полная свобода хозяйничанья в его батареях и обозах, налет с тыла и с флангов на уставшую пехоту...» [1]. Вдохновляя подчиненные войска, командарм предлагал прочесть его приказ во всех ротах, эскадронах, батареях, парках и обозах. Мы могли бы всесторонне раскритиковать этот приказ командарма 10, который, в сущности, был только иронией над действительностью, но, предположив, что он взывал по суворовскому обычаю к солдатскому и унтерофицерскому сердцу и что воззвание это составлял плохой агитпроп, оставим документ в стороне. Можно предположить, что командарм 10 знал, что грешит против правды, но делал это сознательно на пользу армии. Ограничимся только замечанием, что доблестные войска напрасно покидали свои позиции, потомки некогда доблестных казаков волею командарма направлялись в лоб, а не во фланг и тыл противнику; когда немцы неделю бьют правый фланг армии, а на остальном ее фронте царит спокойствие, сдается, что дело не только в доблести войска, но и в некоторых качествах командарма 10, обязанного упрочить правый фланг.

Вечером командарм 10, установив факт продолжающегося обхода армии немцами, приказал: «Ген. Флугу отбросить противника за Вилию, действуя самым решительным образом, не заботясь о сохранении резервов». Прочие же корпуса армии должны были сменяться, частично перегруппировываться и удерживать занятое расположение [2]. В результате этих частичных перегруппировок 3-й сибирский корпус собирался к востоку от Вильны, а 5-й арм. корпус подготовился к переброске с западного фланга на восточный фланг армии, т. е. делалось то, что должно было быть сделано еще 10—12.9. Теперь же эта перегруппировка слишком опаздывала.

В своем месте мы уже отмечали предположения командира 1-го конного корпуса относительно действий на тылы немцев к востоку от Гервяты и привели его переписку с командармом 10 по этому поводу. Переписка закончилась тем, что командарм 10 предложил командиру 1-го конного корпуса Ораовскому еще одну (1-ю кубанскую казачью) дивизию для этой цели. Но Ораовский не решился на это, задуманное им самим, предприятие. Если действия многих корпусов армии имели пассивный характер, то активные действия 1-го конного корпуса в связи с действиями правого фланга 10-й армии приобретали особый интерес и особую важность в ходе операции. Командир 1-го конного корпуса это усвоил хорошо, он, пожалуй, даже не ошибся в выборе направления удара, но, как мы видели выше, *не решился* на это. Движение же его

[1] ВИА, д. № 322, лл. 64—63.
[2] ВИА, д. № 322, лл. 69—72.

корпуса с 1-й кубанской казачьей дивизией на восток привело бы к тому, что 1-й конный корпус фланговым ударом смял сперва 4-ю, а затем 1-ю германскую кав. дивизии, действовавшие на юг и юго-запад, и тем положил предел охвату армейского фланга. Разбросанные на большом пространстве от Поставы через озеро Нароч до Жодзишки кав. дивизии Гарнье не смогли бы оказать содействие друг другу, вследствие их разобщенности. Эти действия лучше всего обеспечили бы и сосредоточение корпусов 2-й армии на фронте Молодечно, Ошмяны и более надежно прикрыли бы железную дорогу Молодечно, Солы, Вильна. Но для этого нужно было, чтобы части 10-й пех. дивизии и гв. казачья бригада сменили конный корпус на фронте Гервяты, Ворняны и преградили путь 2-й германской пех. дивизии на Солы.

4. Боевые действия на верхней Вилии 16.9 (схемы 9—11)

Еще 15.9 восемь рот 1-й стр. бригады 27-го арм. корпуса, следовавших через Молодечно на Кривичи, после крушения поезда бежали в направлении Борисов. Об этом обстоятельстве штаб 27-го корпуса не знал и полагал, что в Кривичи находятся 3-й стр. полк и 1-й батальон 4-го стр. полка. Командир 1-й стр. бригады с батальоном 4-го стр. полка и одной батареей в это время находился в Молодечно и вследствие перерыва связи с Кривичами точных данных об обстановке не имел. Ему было известно от железнодорожников, что в районе Вилейка появилось около 1 000 чел. немцев. Ввиду этого командир 1-й стр. бригады принужден был остаться в Молодечно, организовать разведку на фронте Вилейка, Сморгонь и оборону железнодорожного узла Молодечно. Разведку командир 1-й стр. бригады не организовал, а для охраны железнодорожных мостов через рр. Уша и Вилия им были высланы ополченцы, железнодорожники и рота стрелков 1-й стр. бригады. Тем временем командир и штаб 27-го арм. корпуса, также не осведомленные о событиях в Кривичи, хлопотали о разгрузке Молодечненского железнодорожного узла с целью скорейшего пропуска частей 27-го арм. корпуса через Молодечно. К этому времени 1-й и 2-й стр. полки 1-й стр. бригады успели благополучно проскочить на Полоцк [1].

Далеко за полночь с 15 на 16.9 в штабе 27-го корпуса было выяснено, что немцы угрожают железнодорожному узлу Молодечно, что связи с Кривичами нет, что в район Заскевичи проникают германские разъезды. Это обстоятельство поставило штаб корпуса перед новой задачей. В район сосредоточения корпуса вторглись немцы. Поэтому командир корпуса приказал выгрузить 304-й полк 76-й пех. дивизии в Молодечно и выслать батальон с двумя орудиями на ст. Вилейка [2]. Но утром 16.9 вместо батальона 304-го полка на ст. Вилейка были выдвинуты сотня амурского казачьего полка, батальон 4-го стр. полка и 2 орудия, а 304-й пех. полк, запасный батальон и железнодорожники приняли оборону Молодечно [3].

16.9 9-я германская кав. дивизия, выдвигаясь в направлении Свенцяны, Поставы, имела задачей обеспечивать операцию с востока и се-

[1] ВИА, д. № 151, лл. 262 и 263.
[2] ВИА, д. № 151, лл. 332 и 333.
[3] ВИА, д. № 151, л. 286.

веро-востока, в частности иметь в виду защиту от возможных действий конного отряда Казнакова [1]. 3-я кав. дивизия имела задачей, овладев Вилейка, выдвигаться на Молодечно, выбросив разведывательные части для разрушения железнодорожных линий Молодечно — Лида и Минск — Смоленск [2], 1-я кав. дивизия выдвигалась через Сморгонь на Боруны, Ошмяны и 4-я кав. дивизия через Солы на Жуйраны в тыл

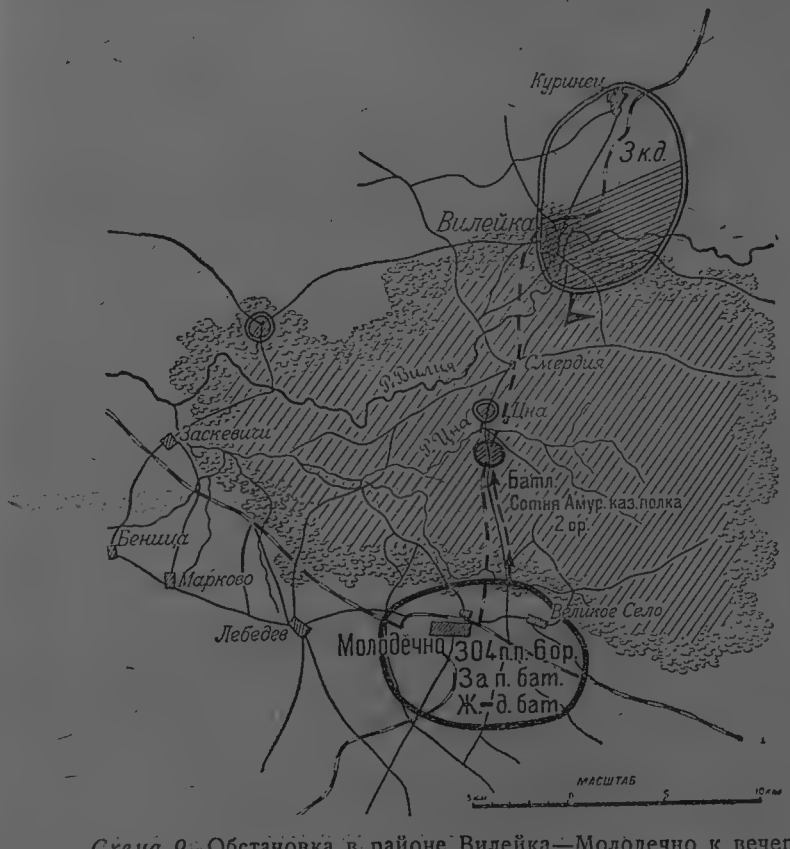

Схема 9. Обстановка в районе Вилейка—Молодечно к вечеру 16.9 1915 г.

10-й русской армии (в немецком тексте Виленской группы) [3]. Таким образом части 3-й германской кав. дивизии могли встретить сопротивление на пути выполнения поставленных им задач 6 батальонов 27-го арм. корпуса, собранных к тому времени у Молодечно. 9-я кав. дивизия вместе с баварской кав. дивизией при пассивности частей 5-й русской армии и конного отряда Казнакова могли успешно прикрывать операцию с северо-востока, а с востока перед разведывательными частями этой дивизии отходил этапный батальон гв. корпуса

[1] Рейхсархив, т. 8, стр. 509 и 510.
[2] Рейхсархив, т. 8, стр. 509.
[3] Рейхсархив, т. 8, стр. 508—510.

и бежал, напуганный еще в русско-японскую войну, отряд ген. Потапова (6-й и 9-й сибирские и 54-й донской второочередные казачьи полки). Части же 1-й и 4-й кав. дивизий, наступавшие на фронт Сморгонь, Солы, устремлялись пока в пустое пространство и только значительно южнее этого фронта могли встретить головные части 4-го сибирского и 36-го арм. корпусов.

Перед рассветом 16.9 на всем фронте 1-го конного корпуса было спокойно, а с рассветом части 2-й германской пех. дивизии и левофланговые части 58-й пех. дивизии перешли в наступление против 1-го конного корпуса на фронте Соколойцы, Гайголы, Бобровники, Ворняны. Первым был атакован приданный корпусу батальон 40-го пех. полка. После короткой перестрелки батальон отошел на юг от Бобровники. Затем были атакованы части 8-й кав. дивизии, которые после перестрелки с опорожненными патронташами также отошли от Ворняны. Вскоре начала отход и 14-я кав. дивизия, ощущавшая недостаток в патронах [1].

Высланный накануне в Завельцы, Нестанишки 14-й драгунский полк достиг места назначения, где установил наличие значительных сил пехоты, конницы и артиллерии, а также и присутствие в районе южнее Нестанишки значительных сил немцев. По данным, собранным от местных жителей и помещиков, германская конница крупными силами с пехотными и артиллерийскими поддержками наступает на юг. Подобные сведения донесли и две сотни кубанцев, посланные командиром 1-го конного корпуса на восток от Гервяты [2].

К полудню части 1-го конного корпуса под напором немцев отошли на фронт Гудзеники, Гервяты, Чижовщина, Столбуры, Корвели [3].

Не лишены интереса тактические подробности боевых действий частей 1-го конного корпуса. Начальник 14-й кав. дивизии ген. Петерс, как бы в опровержение известного нам воззвания командарма 10, в ходе боя доносит командиру корпуса: «Дер. Соколойцы уже занята немцами. Таким образом мой правый фланг обойден. 4-й эскадрон уланского полка прислал донесение, что на него наступают немцы и он отходит на дер. Гайголы. Если это так, то я буду окружен» [4].

Начальник 8-й кав. дивизии ген. Киселев доносил: «В 7 ч. 45 м. утра противник повел энергичное наступление на фронте дивизии». Далее ген. Киселев сообщал, что противник густыми колоннами наступает по направлению на Будзивалы: «Пехота (40-го полка) против превосходных сил противника не может устоять и отступает. Обход противника (почти бегом) в направлении на Дубники; левый участок ввиду этого будет отходить» [5]. Так, обе дивизии отошли ввиду охватов фланга. Но, суммируя приведенные выше донесения, командир 1-го конного корпуса изображал события несколько иначе: «С рассветом передовые части противника перешли в наступление, и к 7 час. показались колонны, которые подходили одна за другой и стремительно атаковали батальон 40-го полка между Коренишки и Бобровники и 8-ю дивизию на фронте

[1] ВИА, д. № 151, лл. 258, 259, 343 и 344.
[2] ВИА, д. № 151, лл. 345 и 346.
[3] ВИА, д. № 151, лл. 347 и 348.
[4] ВИА, д. № 84657, донесение № 1660.
[5] ВИА, д. № 84657, донесение № 8051.

Бобровники, Ворняны. Первоначально главный удар противник повел восточнее Бобровники и быстро оттеснил батальон 40-го полка. Затем стремительно атаковал значительными силами пехоты Ворняны и занял местечко. Батальон и 8-я дивизия будут задерживаться на фронте Грибалы, Будзивалы и Дубники. Идет атака и на фронте 14-й дивизии, где немцы «заняли Соколойцы» [1].

К вечеру 1-й конный корпус отошел на фронт Рындзюны, Гервяты. Корвели, Дубники, где и заночевал.

Во исполнение приказа командарма от 15.9 группа командира 2-го арм. корпуса Флуга должна была перейти в наступление на восток, что по обстановке, сложившейся к утру 16.9, выводило группу

Схема 10. Боевые действия 16.9 1915 г.

Флуга во фланг 58-й и 2-й германской пех. дивизиям, наступавшим на юг против 1-го конного корпуса. К утру в распоряжении Флуга собрались 26-я пех. дивизия, три полка 3-й гв. пех. дивизии, бригада 10-й пех. дивизии, бригада 8-й сибирской стр. дивизии, 1-я и 2-я кубанские казачьи дивизии, занимавшие район Кена, Корвели, Слободка, Захаришки [2].

В соответствии с обычаями и традициями русских военачальников первым делом Флуг начал хлопотать не об организации наступления вверенных ему войск, но, подобно Рузскому, о соседе своем — 1-м конном корпусе. Флуг написал Ореховскому: «Прошу Вас приказать Вашему левому флангу во что бы то ни стало удерживаться в районе

[1] ВИА, д. № 84657, донесение № 1835.
[2] Точнее 3-я гв. пех. дивизия без Кексгольмского полка.

Схема 11. Положение сторон 16.9 1915 г.

Ворняны, так как в противном случае наступательная задача, возложенная на меня, становится невыполнимой. Направляю в Ваше распоряжение еще один батальон с артиллерией от Гудогай на Мали» [1].

Эта бумага на наш взгляд неосновательна. Казалось бы, чем южнее продвинутся немцы на юг против Орановского, тем глубже пришелся бы удар группы Флуга. Но Флугу нужно, чтобы Орановский удерживался у Ворняны, а он пристроил бы к нему свой фланг. Таким образом Флуг рассчитывал, что может вести более или менее надежно фронтальное наступление, а без этого он считал наступательную задачу невыполнимой.

К полудню части 26-й пех. дивизии выдвинулись: 104-й пех. полк на фронт Корвели, Дубники, где завязал бой с немцами, занимавшими кладбище у м. Ворняны. 102-й пех. полк занял фронт ф. Воронка, з. Боровка, 103-й пех. полк выбил немцев из г. дв. Ворона.

В то же время полки 3-й гв. пех. дивизии развернулись и, не встречая сопротивления немцев, успешно наступали: Петроградский полк от Ковалевка на Кулишки, Литовский полк на Нидзяны, а Волынский полк в резерве у Слободка за стыком 26-й и 3-й гв. пех. дивизий.

Бригада 8-й сибирской стр. дивизии подходила к Захаришки, где в резерве Флуга был и 101-й пех. полк 26-й пех. дивизии [2]. До вечера войска группы еще продвинулись немного на восток, ими были заняты ф. Столбуры, ф. Чижовщина, ф. Воронка, Нидзяны, но на этом фронте наступление замерло. И каково было удивление и возмущение командарма, когда, проснувшись утром 17.9, он прочел донесение Флуга о том, что «на фронте корпуса ночь прошла спокойно» [3].

На фронте 3-го сибирского корпуса немцы переправились было через р. Вилия у Буйвидзы, потеснили находившихся здесь казаков, но подошедшими резервами немцы были опрокинуты за р. Вилия.

На фронте гвардейского и 5-го кавказского корпусов немцы пытались наступать и в некоторых пунктах потеснили было русских, но вводом в бой частных резервов положение всюду было восстановлено.

На фронте прочих корпусов 10-й армии продолжались демонстрации немцев и артиллерийский огонь [4].

5. Бой у Жуйраны и Солы 16.9 (схема 12)

— Бригада 10-й пех. дивизии, прибывшая 15.9 в Гудогай, была направлена: 39-й пех. полк в Жуйраны, батальон 40-го пех. полка в м. Солы, а два батальона того же полка в подчинение командира 1-го конного корпуса. Через Солы на Сморгонь была выдвинута гв. казачья бригада. Части 10-й пех. дивизии с утра 16.9 вошли в соприкосновение с конными частями 4-й германской кав. дивизии по р. Ошмянка. В районе Жуйраны и севернее между частями 10-й русской пех. дивизии и 4-й германской кав. дивизии велась перестрелка. При этом ни русская пехота, ни германская конница не проявили активности в своих дей-

---

[1] ВИА, д. № 84657.
[2] ВИА, д. № 371015, лл. 8—11.
[3] ВИА, д. № 371015, л. 402.
[4] ВИА, д. № 151, лл. 357—360.

ствиях и благополучно удерживались по обоим берегам р. Ошмянка, в ожидании подхода подкреплений.

Тем временем в м. Солы располагался батальон 40-го пех. Колыванского полка. После известной нам паники в русских обозах батальон колыванцев в м. Солы организовал оборону.

С утра 16.9 части 4-й германской кав. дивизии и приданный ей батальон 254-го рез. пех. полка завязали бой с батальоном 40-го пех. полка. Батальон до вечера упорно сопротивлялся, но понес тяжелые потери, в числе их командир батальона и пять офицеров; оставшиеся от батальона 180 бойцов, лишенные поддержки соседей, отошли к Мендрики [1].

Двигавшийся на Солы командир гв. казачьей бригады ген. Орлов, получив сведения о бое в м. Солы, не проявил никакого желания ускорить свое движение, но, напротив, замедлил его. А когда вечером храбрый батальон 40-го пех. полка был разбит, у ген. Орлова отпало всякое желание двигаться на Солы и Сморгонь, о чем он сообщил командиру 1-го конного корпуса Орановскому: «Получил сведения, что наша пехота выбита из Солы, по этой причине и за наступлением темноты, а также для согласования наших действий с пехотой наступать буду завтра утром. В случае успеха двинусь в сторону Сморгони. Бригада на ночь располагается в д. Трокели, штаб бригады ф. Трокели. Свиты ген. Орлов» [2].

Возмущенный этим сообщением Орановский ответил Орлову: «Ваши сведения о занятии противником м. Солы ошибочны. Колыванцы продолжают занимать местечко и даже продвинулись вперед. Считаю Ваше расположение с бригадой на ночлег в Трокели несоответственным. Вашей бригаде для выполнения поставленной задачи надлежит быть в Солы и разведывать на восток» [3].

Но ген. Орлов, получив указание командира 1-го конного корпуса о выдвижении на Солы и Сморгонь, снова пишет ему о том, что Солы заняты немцами. Очевидно, ген. Орлов считал возможным пойти в Солы только в том случае, если бы там не было противника. Тогда комкор 1-го конного уже ночью, убедившись, что Орлов уклоняется от выполнения поставленной ему задачи, выдвигает бригаду ген. Красовского к Даукшишки для действий на Солы, а незадачливому ген. Орлову пишет нравоучительную бумагу, перечисляя в ней элементарные воинские добродетели. Но и после этого Орлов не пошел в Солы [4].

Тем временем на р. Ошмянка произошли не лишенные интереса события. Занятие рубежа р. Ошмянка приобретало для обеих сторон не тактическое, а оперативное значение, так как этот рубеж был в тылу 10-й армии и от тактических действий на нем зависело замыкание путей отхода 10-й русской армии. Оставив часть сил для блокады батальона 40-го полка в м. Солы, 4-я германская кав. дивизия устремилась на р. Ошмянка для поддержки своих передовых частей, занявших восточный берег. Подойдя к реке и установив, что русская пехота не имеет

---

[1] ВИА, д. № 84657, донесение № 10 комбата 3/38 Тобольского пех. полка кап. Гоминовского.

[2] ВИА, д. № 84657, сообщение № 202/с.

[3] ВИА, д. № 84657, приказание № 1757.

[4] ВИА, д. № 84657, документ № 1757.

патронов и дерется только штыками, германские кавалеристы решили атаковать русскую пехоту в конном строю, для чего строились в густых сомкнутых строях. Лишенная патронов русская пехота ожидала трагического конца. Но едва немцы изготовились к конной атаке, как неожиданно для немцев и русских по сомкнутым строям германской кавалерии с дистанции ружейного выстрела был открыт губительный беглый огонь

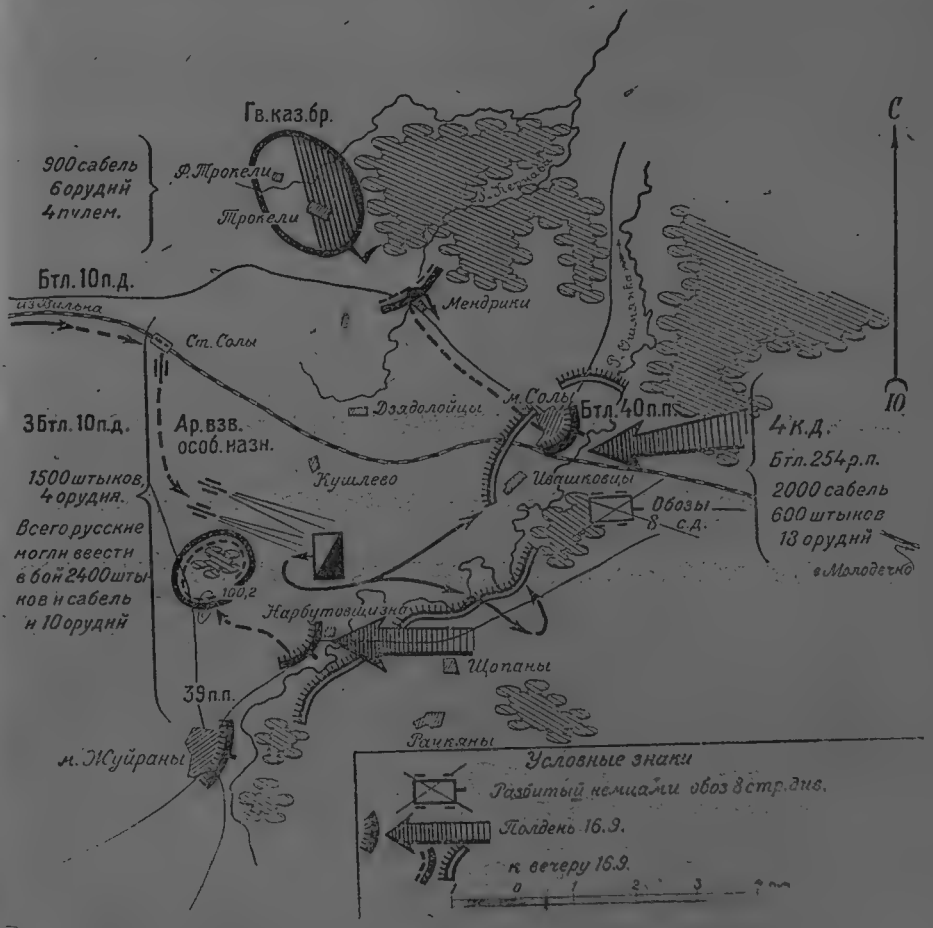

Схема 12. Бой у Жуйраны и Солы 16.9 1915 г.

четырьмя легкими орудиями. Германская конница после нескольких очередей шарахнулась врассыпную в общем направлении на восток, отказавшись от удара в тыл 10-й русской армии и от истребления 39-го пех. полка. Столь неожиданному повороту событий русские были обязаны артиллерийскому взводу особого назначения (4-орудийная батарея, имевшая 300 снарядов, предназначенная для отправки во Францию и состоявшая из отборных бойцов и офицеров), направленному наштакором 2 на поддержку 39-му пех. полку. Командир батареи, обка-

ружив немцев, с хода развернул свои пушки и по принципу стрельбы из револьвера решил исход боя в пользу русских [1].

Это обстоятельство имело серьезное значение. 4-я кав. дивизия немцев, вместо действий в тыл 1-му конному корпусу, отошла к Солы, что облегчило действия 1-го конного корпуса, работу стесненного тыла по подвозу и эвакуации 10-й армии, а также облегчало подход авангардов 36-го арм. корпуса.

На этот раз авторы германского государственного архива, излагая события 16.9, к сожалению, приводят только данные о приезде в Ковно кайзера, Фалькенгайна (начальника германского генерального штаба) и их встрече с главнокомандующим восточным фронтом Гинденбургом и его начальником штаба Людендорфом, в чем они нисколько не погрешили против правды [2].

6. Боевые действия 17.9 (схема 13)

Наступление 3-й германской кав. дивизии и приданных ей батальона 5-го гв. полка и 3-го егерского батальона, предпринятое с рассветом 17.9 от Вилейка на Молодечно, привело к боевым столкновениям с частями 27-го арм. корпуса. Оттеснив батальон и сотню 1-й стр. бригады, немцы овладели северным берегом р. Уша, но дальнейшее их наступление было приостановлено подошедшими поддержками. Однако, немцы подошли к Молодечно на расстояние 3—4 *км*, что позволило им развернуть свою артиллерию и в течение целого дня громить станцию и местечко артиллерийским огнем. Собравшиеся к тому времени девять батальонов и пять батарей (30 орудий) 27-го корпуса пассивно сидели в Молодечно и м. Беница вместо контрнаступления против 3-й кав. дивизии в направлении на Вилейка. В свою очередь, немцы ограничились обстрелом Молодечно и фронтальными боями с русской пехотой. Встретив сопротивление у Молодечно, немцам следовало обойти Молодечно с востока и юга, что могло для русских кончиться весьма печально. Части 27-го арм. корпуса, окруженные в Молодечно, могли к вечеру же сдаться.

Разъезды же 3-й кав. дивизии в этот день маршировали к железнодорожной линии Минск — Смоленск, наводя панический ужас в тылах армий западного фронта.

1-я кав. дивизия немцев в этот день, разогнав изрядное число обозов и тыловых учреждений 10-й армии, вышла в район Боруны, Крево, выбросив на железнодорожную линию Лида — Молодечно свои разъезды. Эти разъезды подошли к ст. Листопады и м. Войгяны (10 *км* западнее), потревожили в местечке командира 27-го корпуса и его штаб, но были оттеснены частями 27-го корпуса.

В этот день в зону боевых действий подошли головные части 2-й армии. 1-я отдельная кав. бригада и 13-я кав. дивизия вышли в район Богданово, Вишнев, выбросив разведку на фронт Пруды, Сморгонь, 36-й арм.

---

[1] Со слов бывшего наштакора 2-го армейского, ныне преподавателя Военной академии им. М. В. Фрунзе, Н. Г. Семенова.

[2] Рейхсархив, т. 8, стр. 510 и 511.

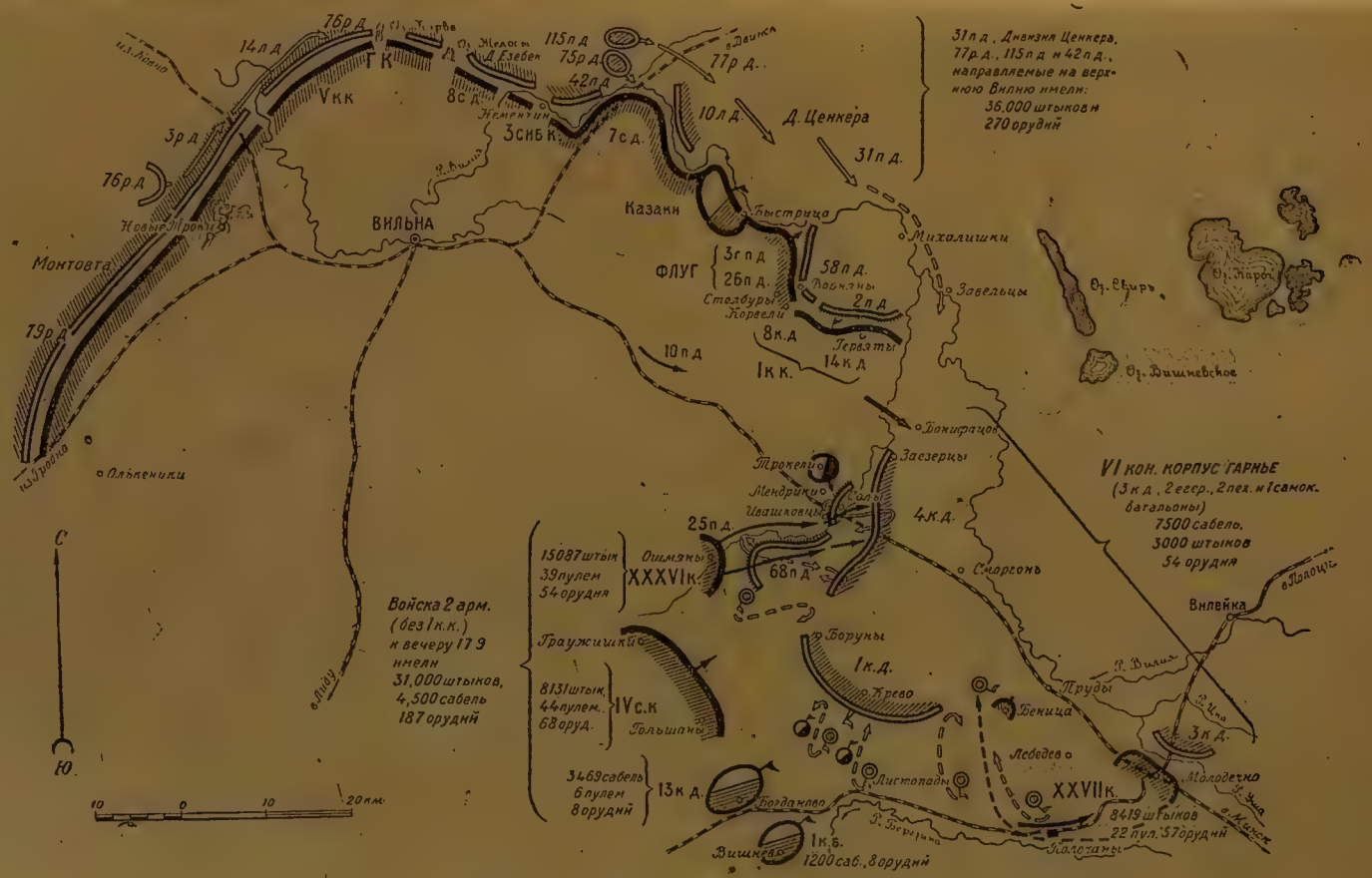

Схема 13. Боевые действия 17.9.1915 г.

корпус вышел в район Ошмяны, где вошел в соприкосновение с частями 1-й и 4-й германской кав. дивизий [1].

Боевым действиям этого дня на восточном фланге 10-й армии предшествовали очередные трения между высшими начальниками, на что потребовалось порядочно усилий. Ещё рано утром командарм 10 высказал командиру 2-го корпуса Флугу неудовольствие по поводу того, что минувшая ночь на участке его корпуса прошла спокойно, и потребовал развивать всю энергию и пользоваться каждой минутой для оттеснения противника на восток и на север и вновь подтвердил приказание «продолжать самое энергичное наступление». Обиженный этим, ген. Флуг ответил: «Возложенную на меня задачу я понимал таким образом, чтобы, развивая самые решительные действия, не доводить, однако, войска сразу до полного истощения, почему после напряженного дневного боя не требовал продолжения наступления ночью. Сейчас отдается начальникам дивизий и ген. Тюлину категорическое приказание развивать самое решительное наступление как днем, так и ночью, не останавливаясь перед какими бы то ни было потерями и напрягая силы войск, хотя бы до полного истощения...» [2].

Если днем раньше Флуг доказал свою неграмотность в оперативно-тактическом отношении, то этим своим ответом он выказал, на наш взгляд, и прочие качества типичного русского генерала, не обращающего внимания на потери и выматывающего силы у подчиненных ему войск.

Этим переписка далеко не закончилась. Начальник штаба 10-й армии снова подтвердил Флугу требования командира, разъясняя ему, как надо выполнять задачу, беречь снаряды, но о сбережении людей, как и полагалось русскому генералу, также ничего не сказал [3].

Пока между командиром 2-го корпуса и начальником штаба 10-й армии велась переписка, 58-я германская пех. дивизия перегруппировалась фронтом на запад, против войск, собранных под командой Флуга, и организовала упорную оборону, а на некоторых участках перешла в наступление и потеснила некоторые части 26-й пех. дивизии. Что же касается угроз ген. Флуга *наступать и днем и ночью, не считаясь с потерями,* то они остались только угрозой. На всем фронте от Корвели, Столбуры до Быстрицы целый день велась оживленная перестрелка войск Флуга с 58-й германской пех. дивизией [4]. Войска Флуга не наступали.

На 17.9 1-й конный корпус, оставленный нами в районе Гервяты, получил от командарма 2 подтверждение прежней задачи, т. е. содействие правому флангу 10-й армии [5], а кроме того и ответ на свое предложение, сделанное 15.9, о движении на германские тылы. Штаб 2-й армии через двое суток удосужился дать ответ командиру корпуса на запрос большой оперативной важности. Впрочем, как мы знаем, командир 1-го конного корпуса даже при наличии согласия не мог покинуть

---

[1] ВИА, д. № 152, лл. 60—64.
[2] ВИА, д. № 371015, лл. 309 и 310.
[3] ВИА, д. № 371015, л. 416.
[4] ВИА, д. № 152, лл. 84—86.
[5] ВИА, д. № 84657, директива № 13567.

фронта Гервяты, Ворняны, где сдерживал наступление 2-й германской пех. дивизии. Поэтому неопределенность самого ответа не имела значения. А ответ сам по себе явно неопределенный: «С Вашими соображениями командующий армией вполне согласен и приказал Вам движение на восток для ликвидации глубокого вторжения конницы противника начать тогда, когда фронт Гервяты, Ворняны будет занят частями 10-й армии». В этом же приказании дана ориентировка, что 36-й корпус 17.9 будет выбивать немцев от Ошмяны на Сморгонь, а 27-й корпус из Молодечно на Заскевичи [1].

Ораовскому этот ответ давал большой козырь, он мог позднее козырять, что его-де не допустили для разгрома германских тылов, что он и поспешил сделать, сообщив командармам 2 и 10, что «*время уже упущено*» [2].

Кроме директив от командарма 2, командир 1-го конного корпуса получил от командующего фронтом ответ на сочиненную и изрядно вымышленную реляцию о боях 15.9, талантливо написанную лично им в ночь с 15 на 16.9. Командующий фронтом телеграфировал командиру корпуса: «Благодарю полки конного корпуса за молодецкие бои 15.9 и жалую по две георгиевских медали на каждый эскадрон и батарею» [3].

Вдохновленные наградой конные части 1-го корпуса Ораовского с утра 17.9 предприняли наступление для поддержки соседа слева — войск группы Флуга, а также по обеспечению своего правого фланга со стороны Солы.

Боевые действия начала гв. казачья бригада Орлова. Рано утром Орлов написал Ораовскому: «Ваше приказание атаковать только что получено. Сейчас делаю распоряжение о подготовке атаки. В случае неуспеха отойду обратно в район Трокели» [4].

Ген. Орлов как будто не знал, что ему надо атаковать Солы. Еще дело не дошло до атаки, а он заранее собирается отходить.

Предприняв наступление на Солы, гв. казачья бригада целый день вела перестрелку с немцами, не переходя в атаку. С целью подтолкнуть наступающих командир 1-го конного корпуса приказал бригаде 8-й кав. дивизии (бригада ген. Красовского) наступать севернее Солы. В результате дневного боя гв. казачья бригада не выполнила своей задачи, и Орлов в 20 ч. 45 м. донес: «Взять Солы и Ивашковцы не мог, отхожу в Трокели» [5]. Бригада 8-й кав. дивизии переправилась через р. Ошмянка, заняла ф. Бонифацов, но далее также не продвинулась [6]. Едва Орлов и саженного роста чубатые казаки его бригады расположились в Трокели, а его донесение об отходе было передано в штаб 10-й армии, как к м. Солы подошли пять рот 100-го островского пех. полка под командой подполк. Цибульского. Усталые пехотинцы с хода

---

[1] ВИА, д. № 84657, телеграмма № 13559. Читатель только по одним номерам бумаг штаба 2-й армии может судить о тщательной деятельности штаба армии.
[2] ВИА, д. № 84657, документ № 1682.
[3] ВИА, д. № 84657, телеграмма № 6094/12985.
[4] ВИА, д. № 84657, донесение № 204/с.
[5] ВИА, д. № 84657, донесение № 76/с.
[6] ВИА, д. № 84657, донесение № 52.

развернулись, бросились в атаку, выбили части 4-й кав. дивизии немцев и заняли м. Солы [1], не в пример гвардейским казакам.

Узнав об этом из прочитанного донесения начальника штаба 25-й пех. дивизии, комбриг Орлов, сидя в ф. Трокели, написал: «Сотни вверенной бригады около 10 час. вечера выбили противника из м. Солы, заняли его и передали 100-му островскому полку, а сами отошли на ночлег в ф. Трокели» [2].

Вряд ли нужны какие-либо комментарии к этим документам, рисующим в столь жалком виде их авторов. Тем временем, тюка в районе Солы топталась гв. казачья бригада, конные части 1-го корпуса предприняли наступление на фронте Гервяты, Корвели и местами продвинулись на 1 *км*, но встреченные огнем окопавшейся пехоты 2-й германской дивизии части корпуса остановились и вели сколько могли перестрелку [3].

День 17.9 на остальном фронте 10-й армии прошел спокойно, кроме участка 3-го сибирского корпуса, части которого были потеснены несколько на юг от р. Вилия. Прочие корпуса 10-й армии отошли на новые позиции [4].

В этот день были даны приказы об отходе и оставлении Вильна войсками 10-й армии.

На этот раз 8-й том германского архива осведомил нас о действиях 8-й армии в направлении Радунь, где 17.9 было взято в плен 1 000 русских и 4 пулемета [5].

7. Выводы

Излагая события, мы подвергали критике действия сторон, теперь же сделаем и некоторые выводы.

1. Сравнивая деятельность германского и русского фронтового командования, а также командования 10-й русской и 10-й германской армий, мы находим много общего, с той лишь разницей, что у немцев начальник генерального штаба не решал вопросов, подлежащих компетенции командармов, чем занимался начальник штаба русского главнокомандующего. Вмешиваясь в мелочи второстепенного свойства, начальник штаба русского главкома не руководил по существу деятельностью фронтов, предоставив командующему западным фронтом полную самостоятельность в ведении операций, не дав отпора излишней притязательности командующему северным фронтом и снисходительно относясь к невыполнению директив главного командования.

2. Предположения начальника штаба русского главкома о нанесении контрудара непосредственно правым флангом 10-й армии с целью парировать охват ее фланга нельзя признать основательными, так как войска, прикрывавшие этот фланг, с трудом удерживали его и по мере обхода немцами удлиняли собственный фронт, а подход двух-трех дивизий слабого состава в лучшем случае мог дать частный успех, не остановив охвата фланга. Чем далее на север продвигались бы русские, тем легче

---

[1] ВИА, д. № 84657, донесение № 4845 пштадива 25-й пехотной.
[2] ВИА, д. № 84657, донесение № 48/с ген. Орлова.
[3] ВИА, д. № 84657, донесение № 1780.
[4] ВИА, д. № 152, лл. 84—86.
[5] Рейхсархив, т. 8, стр. 511.

было немцам осуществить их маневр по охвату и даже окружению. Другое дело, если бы русские бросили для контрудара два-три корпуса, прорвали бы фронт немцев, изолировав группу Эбена и конный корпус Гарнье от остальных частей 10-й германской армии, но корпусов для этого не было. Кроме того с выходом германской кавалерии на глубокий тыл 10-й армии возникала опасность ее уничтожения, так как деятельность конной массы в тылу прерывала подвоз огнеприпасов, без которых борьба была бы крайне осложнена, тем более что подвижные запасы были скудные.

3. 10-я русская армия в период боев 14—16.9 выказала достаточную устойчивость, в особенности гвардейский и 3-й сибирский корпуса, фронтальные атаки против которых со стороны превосходных сил немцев успеха не имели. Эти корпуса, удерживая северный участок фронта армии, заставляли немцев совершать обход по большой дуге, создавали у них немало опасений за ход и исход их маневра и приковывали к себе добрую половину дивизий ударных групп 10-й германской армии.

4. Действия конницы сторон резко различаются по характеру их оперативного предназначения. Если у немцев вся стратегическая конница была брошена на тылы русских, то у русских их конные массы выполняли обязанности заместительницы пехоты, для удлинения флангов и заполнения разрывов. Более того, в отношении конницы проявлялось своеобразное крепостничество. Конная масса Тюлина непрерывно оставалась в подчинении корпусных командиров. Что же касается 1-го конного корпуса, то он выполнил роль барьера, остановив наступление 2-й германской пех. дивизии на Солы, чем облегчил положение правого фланга 10-й русской армии.

5. Сама же конница в ряде случаев не выказала сколько-нибудь положительных боевых качеств, в частности, 1-я кубанская казачья дивизия на Вилии, а особенно гв. казачья бригада Орлова под м. Солы. В то время когда отдельные слабые батальоны пехоты без патронов ведут бои против германской конницы, русская конница не проявляет стремления встретиться с противником и помочь пехоте. Несравненно лучшие качества показала артиллерия, помогавшая пехоте, в частности 39-му пех. полку против 4-й германской кав. дивизии.

6. Насколько оперативное использование германской конницы было правильным, настолько слабо было ее тактическое применение. Германская конница оказалась не в состоянии захватить слабо занятый железнодорожный узел или, по крайней мере, изолировать его (3-я германская кав. дивизия под Молодечно). 4-я германская кав. дивизия, вместо истребления огнем русской пехоты на р. Ошмянка, напрасно предприняла действия в конных строях. Оставив наблюдение за 39-м пех. полком, немцам следовало устремиться в тыл 1-му русскому конному корпусу, дравшемуся в то время против 2-й германской пех. дивизии. Эффект таких действий не замедлил бы сказаться более положительно, так как облегчил бы продвижение 2-й германской пехотной дивизии на юг к линии железной дороги Вильна — Молодечно, что решило бы и судьбу 39-го пех. полка [1].

[1] Балк в своем труде „Развитие тактики в мировую войну" одобряет атаку 4-й германской кав. дивизии под Жуйраны, очевидно не зная, чем кончилась другая атака там же.

7. Уже к 16.9 назрел кризис операции обеих сторон. Силы немцев растянулись более или менее равномерно на длинном фронте без перспективы подхода каких бы то ни было резервов, в то время как к правому охваченному крылу русских спешила целая армия. Возникает вопрос: стоило ли русским отходить из-под Вильны? Правильно ли командующий западным фронтом настаивал на отводе 10-й армии и других армий фронта? Представляется, что решение русских было правильно, так как 10-я армия ввиду вторжения на ее тылы германской конницы была поставлена в тяжелые условия снабжения и эвакуации. Подход же 2-й армии и ее боевые действия на верхней Вилии могли сказаться не сразу, а спустя известное время, в течение которого войска 10-й армии, лишенные патронов и снарядов, могли не выдержать и Виленская дуга могла получить излом, последствия которого могли привести к катастрофе для северных корпусов армии (3-й сибирский, гвардейский, 5-й кавказский). При наличии подвижных запасов на три-четыре дня боя, в особенности огнеприпасов, 10-я армия должна была оставаться на месте, сдерживая немцев до тех пор, пока войска 2-й армии не опрокинули бы германскую конницу и тем обеспечили подвоз. В этом случае положение 10-й германской армии могло оказаться не менее тяжелым. Против 2-й русской армии требовались силы, а их можно было взять только с фронта 10-й русской армии, положение которой, таким образом, улучшилось бы и она сама со временем могла атаковать северный участок 10-й германской армии и прорвать его.

Но это было вопросом времени. Время оказалось решающим фактором, как всегда.

ГЛАВА VI

РАЗВЕРТЫВАНИЕ 2-й И ОТХОД 10-й РУССКИХ АРМИЙ

1. Оценка обстановки начальником штаба главкома и командования западным фронтом (схема 14)

Еще 16.9 начальник штаба главкома, вопреки оперативным фактам и данным разведки, так оценивал сложившуюся обстановку на западном фронте: «На правом фланге 10-й армии неприятель, переправив свою пехоту на левый берег Вилии, в районе Михалишки, Быстрица сдерживает наступление 1-го кав. корпуса. Под прикрытием этого обеспечивающего отряда неприятельская конница, силою, повидимому, не менее дивизии, действовала 15.9 в районе Жодзишки, Данюшево, а отдельные ее отряды и разъезды производят нападения на наши железные дороги, ведущие от Молодечно к Полоцку и Вильне. Другая кавалерийская, колонна, поддержанная пехотой, двигается от Свенцян на Глубокое. Имеются сведения, что в районе м. Свирь 15.9 находились значительные силы пехоты, которые двигались в юго-восточном направлении вдоль озера Свирь и Вишневское. Сведения о силе, составе неприятельских войск на р. Вилии у Данюшево, Свири, особенно колонны, двигающейся на Глубокое, скудны, крайне неопределенны.

В районе 5-й армии неприятель настойчиво атакует войска, занимающие Двинскую укрепленную позицию, но, повидимому, с главною целью сковать свободу действий этих войск.

Действия против армий западного фронта пока не имеют решительного характера, кроме крайнего левого фланга, где энергичными атаками против Полесского отряда ген. Мищенко неприятель вынудил начальника отряда принять невыгодное для общего нашего положения решение отвести подчиненные ему войска за Ясельду на участок Твордовка, Островичи».

Из всего предыдущего нам уже известно, что решительный характер операции носили не на левом, а на правом фланге западного фронта, где, как было известно и начальнику штаба главкома, немцы настойчиво сбивали правый фланг 10-й армии, а германская конница громила тылы западного фронта. Конечно, отход отряда Мищенко за р. Ясельда был фактом отрицательного свойства, но вряд ли можно было придавать ему преимущественное значение сравнительно с неустойчивым положением на стыке северного и западного фронтов.

Начальник штаба главкома, подчеркнув этот факт, продолжает оценку обстановки, снова вернувшись к зияющему Свенцянскому про-

рыву: «Наш 29-й корпус кружным путем через Оршу перевозится в Двинск. Войска 36-го, 4-го сибирского, 27-го и 14-го корпусов и 13-й кав. дивизии передвигаются на фронте Молодечно, Ошмяны для атаки неприятеля совместно с 10-й и 5-й армиями в общем направлении на Свенцяны». На основе данного выше анализа обстановки начальник штаба главкома давал следующие указания командующим фронтами: «Изыскать меры выделить из 1-й и 4-й армий еще две пех. дивизии, направив их в район Неменчина, где нужно создать прочное положение, дабы отсюда можно было развить сильный удар на Свенцяны. Путем сокращения позиций 10-й армии усилить собственными войсками правое крыло армии на важнейшем направлении. Северному фронту стремиться временно усилить себя в районе Двинска для решения здесь участи операции...» [1].

Тогда же начальник штаба главкома снова пытается корректировать руководство командующего западным фронтом в области ведения операций на стыке фронтов. Он пишет: «Позволяю высказать свое личное мнение, что прибывающий 16.9 головной эшелон в Ошмяны, 36-й корпус, быть может, было бы выгоднее направить в Михалишки, Быстрица, чтобы, сбив здесь противника, нанести затем удар через Камелишки на Подбродзе, направляя одновременно удар и от Неменчина, куда 10-я армия должна собрать возможно больше сил. Этот удар, совместно с наступлением 5-й армии на Новосвенцяны, может обеспечить лучше всего сбор 2-й армии. 4-й сибирский корпус, быть может, выгоднее по прибытии в Ошмяны направить в Гервяты, 27-й и 14-й на Свирь, дабы избежать разброски сил слабых корпусов и скорее ввести их в дело, обеспечивая справа движением 13-й кав. дивизии между озерами Свирь и Нароч. Моя мысль сводится к тому, чтобы сузить размах движения, собрать возможно больше сил для удара от Неменчина и Двинска навстречу один другому. Дело нашей кавалерии северного и западного фронтов найти и разбить неприятельскую кавалерию» [2].

Соображения начальника штаба главкома не вполне отвечали обстановке, и если бы следовать его личному мнению, то слабые корпуса 2-й армии, направленные на фронт Свирь, Неменчин, перемешались бы с войсками 10-й армии, большая часть корпусов которой к тому времени уже сгруппировалась на фронте Солы, Неменчин, т. е. на сравнительно небольшом пространстве, притом тылом друг к другу. Кроме того части испытывали недостаток в снарядах, подвоз которых был расстроен, скудные запасы их расстреляны, а бои шли с переменным успехом.

И командующий западным фронтом в ответ на личные пожелания начальника штаба главкома ставит вопросы об оставлении Вильны и отводе армий фронта на восток, притом в убедительной и весьма настойчивой форме.

Речь шла теперь не о направлении 26-й пех. дивизии, не о двух дивизиях, не о том, какие еще силы собрать для удара на правом фланге 10-й армии. И на прямо поставленные вопросы начальник штаба главкома отвечает: «Еще сегодня утром я докладывал царю о необходи-

[1] ВИА, д. № 439, лл. 142 и 143.
[2] ВИА, д. № 439, л. 175.

мости сократить фронт позиций 10-й армии, дабы получить возможность вывести до корпуса в резерв для действий на правом фланге этой армии, хотя и имел в виду, но не решился пока доложить, что ради этой цели теперь возможно отойти и от Вильны. Но относительно отвода всех армий пока не докладывал и потому ответа на поставленный вопрос я сейчас дать не могу и желал бы выслушать Ваше мнение...» Далее начальник штаба главкома предлагает высказать мнение по вопросам: какие силы выступают против 10-й армии; какие силы совершают глубокий обход; когда комфронта предполагает начать отход 1-й, 4-й и 3-й армий; возможно ли остановить 4-ю и 3-ю армии на линии Новогрудок, Барановичи; удобно ли штабу 10-й армии оставаться в Вильне, а штабу 1-й — на ст. Войгяны.

Командующий фронтом первоначально доложил последние события на правом фланге 10-й армии и перед фронтом вновь развертываемой 2-й армии. «По всему видно,— заключает свой доклад командующий фронтом,— что операция затеяна серьезная», почему он затрудняется выполнить приведенные выше директивы начальника штаба главкома и со своей стороны предлагает: «...сократить фронт 10-й армии, с тем чтобы вывести еще корпус, при условии, что он уже вывел на правый фланг $1^1/_2$ корпуса, возможно лишь с отходом на Виленскую позицию, но оставаться на ней продолжительное время нельзя, во-первых, южный ее участок между Сорок Татар и Эйшишки невыгоден, во-вторых, участок, прилегающий к Вильне, идет вдоль железной дороги, и, следовательно, путь подвоза через Лиду будет прекращен, а ввиду перерыва сообщения Вильна, Молодечно армия останется без подвоза; поэтому отход 10-й армии должен быть связан с решением дальнейшего отхода...». «Относительно начала движения 1-й, 4-й и 3-й армий полагал бы, что они должны быть связаны с движением 10-й, столпление между болотами, Березиной и Слуцком постараюсь избежать: во-первых, часть 10-й армии должна войти во 2-ю с целью прикрывать отход с севера, часть корпусов 1-й армии с отходом на Новогрудок переброшу на левый берег Немана...». «Относительно приостановки 4-й и 3-й армий на линии Новогрудок, Барановичи, полагаю, что левый фланг 3-й армии, т. е. 31-й корпус, можно оставить на месте, он слишком оторван и может действовать самостоятельно, хотя и очень слаб. Но самые позиции Новогрудок, Барановичи весьма невыгодны, противник несомненно полезет по Слуцкому шоссе и на Барановичи и возможно допустить, что 3-я армия его не сдержит...» «в общем картина нерадостная,—говорит командующий фронтом,— *и так как отход наших слабых сил рано или поздно надо сделать, то лучше раньше, чем с риском опоздать*».

Но начальник штаба главкома боится итти с докладом о необходимости отхода всех армий западного фронта. Он еще цепляется за возможность какой-нибудь отсрочки, он передает: «отход 10-й армии, этот вопрос решен в положительном смысле и отход ее нужно сообразовать только с положением дела, я говорю относительно движения 1-й, 4-й и 3-й армий, так как о них придется делать большой доклад и предстоит принимать решение большой важности. Когда полагали бы Вы назначить начало движения для них». Но командующий фронтом настаивает на своем: «Отход 10-й армии не может быть начат без уверенности отхода остальных, отход остальных сил может быть начат на

другой день после начала отхода 10-й армии. Если 10-я армия отведет левый фланг сегодня, то вечером с 17 на 18.9 может начаться отход других» [1].

После приведенного нами разговора начальника штаба главкома с командующим фронтом последний получил только разрешение относительно отвода 10-й армии. Спустя несколько часов начальник штаба главкома подтверждает это телеграммой, в которой спрашивает командующего фронтом, куда он двинет гв. корпус и когда начнет эвакуацию Минска [2]. А еще через несколько часов телеграфирует: «Все указания и утверждение директивы испрошу завтра утром и к полудню сообщу Вам, но прошу теперь же начать разработку распоряжений по выполнению отхода армий на намечаемые линии и по обеспечению справа этого маневра частями 10-й и 2-й армий, главным же образом по переброске обозов и парков. Прошу распоряжения об отправке из Молодечно тех местных парков, кои находились на этой станции» [3]. И опять начальник штаба главкома беспокоится относительно обозов и парков, в частности местных парков в Молодечно, давно опорожненных. Однако важно, что начальник штаба главкома решился пойти к царю с горестным докладом о необходимости отхода. Он хорошо знал, что с его недавним назначением на новый пост господствующие классы России связывали самые радужные военные надежды. Еще 8.9 он считал, что наступательная энергия немцев ослабела, о чем докладывал царю и оповестил армию. Еще несколько часов тому назад он считал, что две дивизии, подброшенные к правому флангу 10-й армии, могут восстановить положение в стыке фронтов. А теперь стоял вопрос об отходе целого фронта. Тяжело быть начальником штаба главнокомандующего, предвидя только на сутки вперед! Но еще не наступило утро 17.9, когда, коротая бессонную ночь, начальник штаба главкома был вынужден снова вернуться к событиям на стыке фронтов.

В ночь с 16 на 17.9 командующий фронтом задерживает одну дивизию 29-го арм. корпуса и вместо северного фронта бросает ее на Молодечно для усиления этого направления [4]. Это обстоятельство опять отвлекает начальника штаба, он снова и снова вмешивается в компетенцию командующего фронтом, указывая ему, что другую дивизию того же корпуса надо поставить на Полоцкое направление [5].

Однако пойти с докладом о необходимости отступления было неизбежно. И утром 17.9 начальник штаба докладывает коронованному главкому положение на западном фронте, глубоко охваченном немцами:

«В течение 15 и 16.9 на правом фланге 10-й армии 1-й кав. корпус вел упорный бой не менее как с дивизией пехоты, переправившейся через Вилию на участке Тартак, Маркусы. Конный корпус отходил на линию Гиры, Жабщизна, Новики, Гуры (все пункты западнее Михалишки.—*Н. Е.*). М. Нестанишки на правом берегу Вилии занято сильным отрядом противника из трех родов войск, деревни южнее местечка заняты мелкими частями и обозами. Установлено, что от Жодзишки

[1] ВИА, д. № 439, лл. 155—173.
[2] ВИА, д. № 439, л. 174.
[3] ВИА, д. № 439, л. 176.
[4] ВИА, д. № 439, лл. 144 и 145.
[5] ВИА, д. № 439, л. 182.

Схема 14. Отходы армий западного фронта.

и далее на юг в район Вилейки и Молодечно прошло не менее дивизии конницы, по показаниям жителей (этим источником не пренебрегал и начальник штаба главкома) значительные силы пехоты из района м. Свирь наступают в юго-восточном направлении. М. Глубокое 16.9 занято противником, у Вилейки идет бой. Наша сильная разведка не могла проникнуть за Вилию и силы противника, наступающего восточнее этой реки в обход правого фланга 10-й армии, остаются невыясненными, но, повидимому, значительны» [1].

Архивы не отметили деятельность самого главнокомандующего, поэтому нам трудно судить, как он реагировал на доклад и предложения своего начальника штаба, но, зная его оперативные и волевые качества, надо думать, что после некоторых не вполне связных разговоров и рутани по адресу своего дяди и бывшего начальника штаба Янушкевича, ранее руководивших действиями русских армий, он дал согласие по предложениям начальника штаба. В результате этих предложений последовала директива: «Государь император, принимая во внимание общее положение армий западного фронта, повелел:

«1. Отведя 10-ю армию на Виленскую позицию, сосредоточить возможно большие силы на ее правом фланге для нанесения энергичного удара переправившимся в районе Михалишки и на левый берег Вилии войскам противника, развивая затем этот удар по обстановке.

«2. По мере сосредоточения войск 10-й армии правому своему флангу освободить, по мере возможности, конный корпус для действий против конницы противника.

«3. 2-й армии продолжать энергично сосредоточение своих сил для атаки противника, двигающегося в направлении Вилейка, Сморгонь, отбросить противника и обеспечить предстоящий маневр армий западного фронта, равно пользование железной дорогой от Молодечно на Вильну и Лиду.

«4. 29-й корпус сосредоточить в Полоцке для действий против частей неприятеля, наступающего от Глубокое.

«5. 10-й, 1-й, 4-й и 3-й армиям западного фронта отойти на линию Михалишки, Ошмяны, Новогрудок, Барановичи, район озера Выгоновского, приняв самые энергичные меры к овладению участком Свенцяны, Михалишки, для установления непосредственной связи с северным фронтом.

«6. 5-й армии оказать энергичное содействие достижению той же цели, северному фронту усилить, по мере возможности, эту армию.

«7. Выполнение маневра, указанного в пункте пятом, армиям западного фронта начать ночью с 17 на 18.9 и выполнить в течение трех суток...» [2].

В этот день, развивая и дополняя директиву об отступлении армий западного фронта, начальник штаба главкома опять высказал «личное мнение» командующему западным фронтом о желательности вывести в резерв фронта 21-й корпус, привести его в порядок и направить на Полоцкое направление, туда же направить все, что можно взять еще из состава армий западного фронта [3].

[1] ВИА, д. № 439, л. 184.
[2] ВИА, д. № 439, л. 185.
[3] ВИА, д. № 439, лл. 186 и 187.

2. Работа командующего западным фронтом по организации отвода армий

Еще утром 16.9 командующий фронтом вызвал к прямому проводу командарма 10 и приказал ему разработать соображения для отхода армии на меридиан Сморгонь при условии обеспечения с правого фланга. Командующий фронтом указал: «...Вам необходимо будет усиливать правый фланг и во что бы то ни стало отбросить его за Вилию и к северу от озера Свирь. 2-я армия получит то же самое назначение наступлением обеспечить отход фронта. Завтра к 12 час. доставьте соображения на два первые перехода до меридиана Ошмяны» [1].

Еще до получения директивы начальника штаба главкома, командующий западным фронтом отдает приказ о границах для тылов, чтобы избежать беспорядочного их передвижения на правом фланге фронта, где перекрещивались пути 2-й и 10-й армий [2].

После полудня командующий фронтом отдал приказ армиям об отходе, в котором писал: «...командующему 2-й армией ставлю первоначальной его задачей решительным наступлением корпусов его армии отбросить противника к северу за озерное пространство и овладеть линией Кобыльник, Нестанишки, выдвигая вперед свой правый фланг. Всю кавалерию в составе трех дивизий направить на свой правый фланг с целью отбросить конницу противника к западу от линии Придруйск, Поставы, Кобыльник, очистив от его разъездов все пространство к югу от этой линии, прикрыть железную дорогу Вилейка, Полоцк и войти в связь с конницей ген. Казнакова. 10-й армии, продолжая развитие наступления группой ген. Флуга, отбросить противника за Вилию, овладеть ее левым берегом от Быстрица до Нестанишки; для усиления группы ген. Флуга командующему 10-й армией одновременно с отходом вывести возможно более сильные резервы, направить их преимущественно на правый фланг ген. Флуга. От всех войск 2-й армии и группы ген. Флуга с их начальниками требую проявления наибольшей энергии, решительности и самоотверженности при выполнении возложенной на них ответственной задачи. Отход остальных войск на линию Михалишки, Ошмяны, Новогрудок, Барановичи и район Выгоновского озера приказываю выполнить согласно следующим указаниям: в ночь с 17 на 18.9 отойти на линию Буйвидзы, Рубно, Павлово, Вороново, Жирмуны, Лидская позиция, Белицы, Вензовец, Рогатно, Полонка, Скобелевский лагерь, Выгоновское озеро, р. Ясельда. 19.9 Быстрица, Шумск, Музинки, Липнишки, р. Гавья, р. Неман, Новоельня, Молчадь, Полонка, Скобелевский лагерь, Выгоновское озеро, р. Ясельда. 20.9 отойти на линию Ворняны, Слободка, Ошмяны, Трабы, Ивье, Новогрудок, Новая Мышь, Остров, Выгоновское озеро. Для установления стыков между армиями разграничительные линии назначаю: между 10-й и 1-й армиями Вороново, Ядуце, Семенки, Першай, все включительно для 10-й армии. Между 1-й и 4-й армиями р. Неман, Волица, Логотна (к югу от Новогрудок), Турец, р. Ячерка, все включительно для 1-й армии. Между 4-й и 3-й армиями Слоним, Детковичи, Могиляны, Подлесье (западнее Ведьма Лань), южнее

---

[1] ВИА, д. № 278919, л. 127.
[2] ВИА, д. № 381, лл. 82—84.

Несвижа, все для 4-й армии включительно. Время выступления главных сил 17.9 в 9 час. вечера, а в последующие дни в 6 час. утра. Имея в виду, что фронты армий суживаются, число путей уменьшается, переходы кроме первого, невелики, приказываю с началом отхода выделить в резерв возможно больше дивизий и вести их в полупереходе впереди на важнейших путях. Отход совершить под прикрытием сильных арьергардов и всей кавалерии, которым отходить под натиском лишь превосходных сил противника» [1].

Поздно вечером командующий фронтом вызвал к прямому проводу командарма 1 тен. Литвинова и предложил ему: «Опасаюсь, что связь будет порвана не только со мной, но у Вас с армией. Отчего Вы не поедете в Лиду? При создавшейся обстановке Ваш штаб будет вне района армии. В Молодечно Вы можете не прорваться на поезде, а если не переедете теперь же в Лиду, то с отходом армии и там проехать будет трудно. Ввиду же давления на наш правый фланг весьма возможно, что отход армии будет южнее, надо будет просачивать в узком пространстве 2-ю и 10-ю армии. Вашей армии придется верно проходить через Минск, вот почему Вам лучше переехать на Лиду и установить свой штаб прочно и безопасно как для штаба, так и для связи. Вы уже верно получили задание разработать отход армии на два перехода, считайте, что Ваш левый фланг будет у Новогрудка на втором переходе...» [2].

3. Работа командарма 10 по организации отступления 10-й армии

В основу своих соображений об отступлении армии командарм 10 положил два условия: во-первых, отход должен быть совершен лишь по мере очищения тылового района, так как при занимаемом оборонительном положении, когда части армии имели фронт полукругом, все тылы группировались в наслойку по узкому коридору; во-вторых, отход возможен по мере и в зависимости от продвижения войск 2-й армии на север, чтобы избежать перекрещивания и неизбежного в этом случае беспорядка. Отход на рубеж Лаваришки, Вороново командарм 10 считает возможным не раньше выхода 27-го, 36-го и 4-го сибирского корпусов на фронт Вилейка, Гервяты, а правого крыла 10-й армии соответственно на фронт Гервяты, Быстрица. Отход на рубеж Сморгонь возможен по выходе 2-й армии (27-го, 36-го и 4-го сибирского корпусов) на фронт озеро Нароч, озеро Свирь, а правого фланга 10-й армии на фронт озеро Свирь, Михалишки. «Выполнить эти два перехода, — писал командарм 10, — теперь же и непосредственно один за другим полагаю было бы очень трудно, потому что даже те скромные результаты наступления корпусов 2-й армии и правого фланга 10-й армии, которыми обусловлен каждый из переходов, едва ли смогут развиваться столь быстро, а между тем для большей успешности спокойного в порядке отхода необходимо и более значительное продвижение правого фланга к северу. Намечаемый отход не дает возможности выделить бы-

[1] ВИА, д. № 381, лл. 85—92.
[2] ВИА, д. № 278919, лл. 147—150.

стро значительные резервы, так как переход в тыл резерва будет почти равен переходу всего фронта. Между тем, казалось бы, только этими резервами можно энергично теснить противника, постепенно обходя его фланг, а потому необходимо дать и время на их переброску, т. е. и с этой точки зрения с отходом торопиться нежелательно. Детали отхода могут быть вероятны лишь с указанием, будут ли оба перехода выполнены один за другим или же с промежутком, в общих же чертах отход этот полагал бы выполнить так: оставляя группу Флуга выполнять задачу оттеснения противника за Вилию и выдвижения правого фланга к северу, гв. корпус иметь в резерве, пока за уступом группы для обеспечения исходящего угла. 5-й кавказский корпус отвести на фронт Недзвядка, группу ген. Мехмандарова — на Мицкуны, через д. Швейцары до Павлова и 26-й корпус от Павлова до Биняконы, передав гв. корпус, если к тому времени он не будет уже взят в бой, для усиления группы, имеющей задачу вытолкнуть правый фланг к северу. Второй переход полагал бы отвести группу ген. Мехмандарова, включая в нее 2-й кавказ. корпус примерно на линию Березовка, что северо-западнее Больники, до Рыдзюны, а 26-й корпус на фронт Рыдзюны, Антоны, Режкутяны, перебросив 3-й сибирский корпус в резерв за правый фланг. Если бы продвижение к северо-востоку наступающей группы развивалось медленно, а выдвижение частей 2-й армии было бы задержано, то 10-й армии пришлось бы осаживать войска, занимающие исходящий угол на юго-восток, и этим путем, сокращая фронт, выделить резервы для усиления правого фланга, но в худшем случае фронт армии, выпрямляясь отходом, вытягивался бы в направлении с северо-востока на юго-запад и далее быть может даже с востока на запад, т. е. не по меридиану Ошмяны или Сморгонь, а по их параллели» [1].

Приведенные соображения командарма были одобрены, однако его оптимистическое предложение о целесообразности не спешить с отходом не было принято во внимание, и армии было приказано начать отход, не выжидая развития наступления 2-й армии и правого фланга 10-й армии.

По получении предварительного распоряжения командующего фронтом командарм отдал приказ подготовиться к отходу в ночь с 17 на 18.9, ориентировал корпуса, что отход предположен на рубеж Быстрицы, Лаваришки, Павлово, Жирмуны. Этим приказом командарм снова требовал от войск группы ген. Флуга «самыми решительными и самоотверженными действиями теснить противника с целью, отбросив его за Вилию, выдвинуть возможно скорее правый фланг армии к северу. Гв. корпусу перейти в район Лаваришки, Захаришки, куда сосредоточиться к полуночи и оставаться в арм. резерве. 5-му кавказскому корпусу подготовиться к отходу в 11 час. вечера 17.9, с тем чтобы, отойдя за Вилию, занять фронт Недзвядка, Мицкуны. Группе ген. Мехмандарова (комкор 2-го кавказского) подготовиться к отходу на фронт Мицкуны, Павлово, с тем чтобы отход совершался в полном соответствии с отходом соседей и со всеми мерами скрытности его. 26-му корпусу подготовиться к отходу на фронт Павлово, Любарты». Кроме того было указано кор-

[1] ВИА, д. № 371015, лл. 406—413.

пусные резервы вывести в районы Рукойни, Трокели, Погиры, обдумать и подготовить отход, донести намеченные распоряжения, а самый отход начать по особому приказу [1].

К вечеру последовал приказ об отходе, подтверждавший корпусам задачи, поставленные в предварительном распоряжении. Гв. корпус передавался в подчинение ген. Флуга. Штабам групп было приказано перейти: группы Флуга в Шумск, группы Мехмандароза в Медники, штабу 26-го корпуса в Жадов, штаб армии переходил в Медники, а с 18 на 19.9 в Ошмяны или Граужишки [2].

4. Замыслы командующего 10-й германской армией

В то время когда русские организовывали отход армий из западной части Белоруссии, а войска 2-й армии и правофланговые корпуса 10-й русской армии получили задачи отбросить с Вилии германские войска, охватывавшие правый фланг 10-й армии и всего западного фронта, командующий 10-й германской армией также организовывал перегруппировку своей армии.

Оставив прежнее направление для действий групп и конного корпуса Гарнье, командарм 10 снимает из центральных групп часть дивизий и направляет их к своему левому флангу для упрочения положения группы Эбена и конницы Гарнье.

17.9 было приказано 31-й пех. дивизии и пех. дивизии Ценкера, ранее выведенным в резерв, приготовиться к обходному движению для удлинения левого фланга армии. 9-й кав. дивизии было приказано продвигаться вдоль железной дороги на Полоцк, сближаясь с 3-й кав. дивизией, действовавшей в районе Вилейка.

Командующий 10-й германской армией, предвидя перелом в ходе операции и считая вероятным отход русских из района Вильны, подготавливает всю группу Гутьера рокировать на левый фланг армии, группируя их севернее и северо-восточнее Быстрица.

Со своей стороны, командующий фронтом дал указания Неманской армии обеспечивать тыл и фланг 10-й армии со стороны Двины и Двинска [3].

Авторы германского государственного архива, к сожалению, не дают нам достаточного материала по вопросу о планах завершения операции. Но если принять во внимание, что боевые действия в течение 14—16.9 не привели к окружению 10-й русской армии; что при ряде крупных недостатков в оперативном руководстве русских последним все же удалось приостановить продвижение немцев на пути отхода 10-й русской армии; что конница Гарнье также встретила сопротивление в глубоком тылу 10-й армии, а в перспективе для конницы Гарнье предстояла борьба с подходившими корпусами 2-й русской армии, — то очевидно, что перед германским командованием вставал вопрос перехода к оборонительной операции, ограничившись выигранным пространством.

---

[1] ВИА, д. № 322, лл. 82—84.
[2] ВИА, д. № 322, лл. 85—88.
[3] Рейхсархив, т. 8, стр. 511, 512 и 513.

5. Боевые действия авангардных частей 2-й армии (схема 15)

16.9 командарм 2 отдал первый боевой приказ подходившим разновременно войскам своей армии. 1-му конному корпусу было приказано продолжать выполнение ранее поставленных задач (поддерживать правый фланг 10-й армии). 36-му арм. корпусу, продолжая следовать по указанному ему маршруту, развернуться на фронте от Нефеды, к югу от озера Вишневского до Завельцы на р. Вилии для прикрытия сосредоточения армии. 27-му корпусу по высадке у Молодечно выдвинуться для той же цели на фронт к северу от Вилейки, Куринец до Цинцевичи. Промежуток между 36-м и 27-м корпусами наблюдать корпусной конницей этих корпусов, 36-му корпусу — до Новоселки включительно, 27-му корпусу — до этой деревни исключительно. Командиру 36-го корпуса принять меры по соглашению с ген. Флугом для обеспечения промежутка Завельцы, Михалишки. 4-му сибирскому корпусу от Гольшаны следовать через Боруны, Крево и 19.9 перейти в район Сморгонь. 14-му корпусу и 13-й кав. дивизии продолжать движение по указанному им маршруту, причем для ускорения движения 13-й кав. дивизии дневку ее 19.9 в Крево командарм отменил и приказал ей в этот день перейти в м. Нароч. Пути от Крево до Сморгонь для устранения возможных задержек между частями 4-го сибирского корпуса и 13-й кав. дивизии приказал распределить командиру 4-го сибирского корпуса. О связи и тыловых границах от штаба армии должно было последовать дополнительное указание [1].

Приведенный приказ командарма 2, помимо прочего, страдает двумя крупнейшими погрешностями оперативного свойства. 36-й корпус должен был развернуться на фронте, давно занятом войсками противника, о чем в первом пункте приказа писал сам командарм. 27-й корпус должен был развернуться также в районе, занятом противником, а, кроме того, фронт его развертывания должен находиться севернее Вилейки от Куринец до Цинцевичи, т. е. облически относительно фронта армии. Было известно, что сосредоточение 27-го корпуса расстроено, в корпусе осталась одна дивизия и три батальона от 1-й отдельной стр. бригады. Командиры же корпусов должны были сами решать, что им делать по получении приказа, а именно: можно было или наступать теми частями, какие были уже в сборе, или ждать сосредоточения.

Имея этот туманный приказ, корпуса армии начали боевые действия. В течение 18.9 собравшиеся в Молодечно девять батальонов 27-го корпуса с пятью батареями предприняли наступление на север от Молодечно и оттеснили части 3-й германской кав. дивизии настолько, что немцы не могли громить станцию и местечко артиллерийским огнем, а части 27-го корпуса закрепились на фронте Великое село, мост через р. Уша, ф. Огородники. К корпусу подошел 9-й сибирский казачий полк из отряда Потапова. Ввиду того что железнодорожная линия Лида, Молодечно была забита поездами, движение которых прекратилось, части 76-й пех. дивизии, следовавшие в поездах, были высажены

[1] ВИА, д. № 665, л. 85.

на тех станциях, где они стояли, и двинуты на Молодечно походным порядком. 1-я отдельная кав. бригада (корпусная конница 14-го корпуса) была выдвинута на Беница, Заскевичи, а разведывательные части ее на р. Вилия. 27-му корпусу было поставлено задачей оттеснить немцев за р. Цна, а 1-й отдельной кав. бригаде с батальоном пехоты и батареей овладеть ст. Пруды, м. Заскевичи, м. Беница [1].

В полдень 18.9 к м. Лебедево подошел батальон с эскадроном и двумя орудиями немцев и был встречен сперва артиллерийским огнем, а затем цепями пехоты 27-го корпуса. За день боя было установлено, что с севера на Молодечно действует 5-й гв. пех. полк [2].

4-й сибирский корпус достиг района Крево, Попелевичи, выбросив охранение на фронт и фланги на 4—6 *км* от Крево, Попелевичи на север. На 19.9 корпус имел в виду дойти до рубежа Оленец, Сморгонь [3].

36-й арм. корпус занял район Солы, оттеснив спешенные части 4-й кав. дивизии немцев и серьезно потрепав 17-й и 18-й драгунские полки.

14-й арм. корпус выступил из Ивье на Воложин.

13-я кав. дивизия достигла района Крево, Вербушки [4].

В этот день командующий западным фронтом приказал для усиления правого фланга 2-й армии направить 6-ю кав. дивизию из 1-й армии и уральскую казачью дивизию из 4-й армии в Изяславль (севернее Минска), куда 6-я кав. дивизия должна была прибыть 21.9, а уральская— 22.9. В состав 2-й армии временно включалась и 1-я отдельная кав. бригада.

Таким образом войска 2-й армии на своих флангах теснили противника на север, а в центре корпуса еще маршировали в разных удалениях от рубежа боевых действий армии.

6. Боевые действия 10-й армии (схема 15)

За день 18.9 на фронте 1-го конного корпуса 2-я пех. дивизия немцев несколько потеснила части корпуса. Командир 1-го конного корпуса Орановский, ввиду подхода в район Солы 124-й пех. дивизии и частей 36-го арм. корпуса, а также ввиду усиления группы Флуга частями 5-го арм. и гв. корпусов потребовал от командарма 10 смены его частей. «Мне крайне необходимо освободить свои полки от пассивной задачи и развить операцию ударом во фланг и тыл противнику, отступающему под давлением левого фланга 2-й армии», — писал комкор 1-го конного Флугу, начальникам штабов 2-й и 10-й армий [5].

Однако затеянная по этому поводу переписка затянулась. Командарм 10 в ходе операции воспользовался подошедшим и вступившим в бой 1-м конным корпусом и теперь без особой охоты соглашался на смену корпуса. Командарм 10 писал Флугу: «По слагающейся обстановке крайне желательно поддержать отряд ген. Орановского всеми возможными средствами. Если бы Вы нашли возможным передать временно

[1] ВИА, д. № 278931, л. 20.
[2] ВИА, д. № 152, лл. 42—44. 3-й кав. дивизии был придан батальон 5-го гв. пех. полка.
[3] ВИА, д. № 278931, л. 25.
[4] ВИА, д. № 152, лл. 67—69.
[5] ВИА, д. № 371015, л. 477.

в распоряжение ген. Орановского 124-ю пех. дивизию, то это, видимо, удовлетворило бы желание ген. Орановского. Что касается конницы ген. Тюлина, то ее можно бы поддержать частью 10-й дивизии, притом, если действия ген. Тюлина Вас не удовлетворяют, чему полагаю есть много причин, то отстраните его моим именем и поручите командование большей частью конницы, с поддержкой от 10-й дивизии, ген. Надежному»[1].

Пока велась переписка, занявшая целый день 18.9, конный корпус Орановского продолжал стоять против частей 2-й германской пех. дивизии, которые со своей стороны перешли к обороне против корпуса Орановского и войск группы Флуга[2].

Тем временем на фронте войск группы Флуга шел бой с переменным успехом все на тех же местах, где он определился к 16.9. Две пех. дивизии (26-я и 3-я гвардейская) и четыре кав. дивизии (1-я и 2-я кубанская, 8-я и 14-я кав. дивизии) сдерживались 2-й и 58-й германскими пех. дивизиями, на поддержку которых в это время с северо-запада маршировала 31-я пех. дивизия, имевшая задачей развернуться восточнее 2-й пех. дивизии южнее Завельцы, и дивизия Ценкера, выдвигавшаяся к Михалишки, а также 77-я и 115-я дивизии, находившиеся еще северо-западнее Быстрица. Части 3-й гв. пех. дивизии проявляли значительную наступательную активность. Полки этой дивизии, в особенности Вольнский, лишенные патронов, дрались штыками и имели частные успехи, не имевшие, однако, существенного значения для общего положения войск группы Флуга и 10-й армии.

3-й сибирский корпус без бригады 8-й дивизии, атакованный с севера 42-й, 10-й ландверной и 75-й рез. пех. дивизиями немцев, отошел на фронт Быстрица, Новосады, подле р. Вилия. На поддержку 3-го сибирского корпуса была выдвинута 2-я бригада 2-й гв. пех. дивизии и один полк 8-й сибирской стр. дивизии, подход которых придал устойчивость сибирцам.

Гв. корпус стягивался в резерв в район Лаваришки, где должен был собраться к полуночи, но ввиду загроможденности исходящего угла 10-й армии, стеснявшего маневрирование, задержался на 10 час., т. е. на полсуток, и мог собраться только к утру следующего дня. Прочие корпуса армии ночью благополучно отошли на новые позиции, оставив Вильна. Противостоявшие западному флангу 10-й русской армии 76-я рез., 14-я ландв., 79-я рез., 16-я ландв., 89-я и 87-я рез. пех. дивизии (т. е. шесть дивизий) корпусов Лицмана и Карловица не учинили при этом ни малейшей помехи отходу русских, несмотря на то, что силы сторон на этом фронте к тому времени более или менее уравновесились, а также и на то, что немцы имели намерение атаковать. Перейди немцы этой ночью в атаку против западного крыла 10-й русской армии, отход ее мог быть превращен в катастрофу, но замышлявшие окружение 10-й армии прославленные операторы арийского происхождения забыли, что для окружения требуется не только давление на тот или иной фланг, но и активные наступательные действия хотя бы и слабейших сил

[1] ВИА, д. № 371015, предписание № 9813.
[2] Рейхсархив, т. 8, стр. 513.

с фронта, чтобы по крайней мере лишить противника возможности совершать перегруппировки.

Таким образом уже 18.9 войска 10-й русской армии успешно выполнили первую и наиболее трудную задачу по отходу из полукольцевого охвата, созданного немцами.

Утром 18.9 командарм 10 отдал приказ о дальнейшем отходе армии с 6 час. 19.9. Тогда же командарм приказал перебросить в распоряжение Флута бригаду 43-й пех. дивизии [1].

Командующему группой ген. Флугу было дано приказание: «Сегодня же направить гв. корпус на Ваш правый фланг для усиления наступающей группы и ускорения выхода ее к северу, что является главнейшей задачей, так как необходимо освободить тыл. Весь 5-й корпус должен быть теперь же введен в дело на этом фланге. Бригада 7-й дивизии, прибывшая утром в Рукойни, передается в Ваше распоряжение, и, дав ей отдых, двиньте ее тоже на присоединение к 5-му корпусу (7-я и 10-я пех. дивизии). Если бы наступление правого фланга развивалось медленно, усиливайте его за счет левого Вашего фланга, переброской 3-й гв. дивизии тоже на правый фланг, по возможности на соединение с гв. корпусом. В крайности, сибиряков можно и осадить, так как важнейшей задачей, повторяю, является выдвижение к северу Вашего правого фланга. Если решите отводить сибиряков, непременно требуйте для этого осадить и правый фланг группы ген. Мехмандарова. Разграничивающей линией между группами Вашей и ген. Мехмандарова назначается Недзвядка, Кондраты. Прошу безотлагательно сообщить мне Ваше решение» [2].

Кроме того командарм 10 передал уже известное нам пожелание относительно усиления конного корпуса Орановского, о смене Тюлина, а сверх того сообщил, что «36-й корпус очень успешно продвигается, прочие подходят» [3].

7. Взаимодействие фронтов в первые дни боев на верхней Вилии и под г. Вильна

В то время когда на верхней Вилии и под Вильна войска западного фронта, охваченные с северо-востока, вели бой, а армии северного фронта были скованы демонстрациями Неманской армии, командующий северным фронтом требовал от соседа слева, командующего западным фронтом и начальника штаба главкома выделения войск для усиления его фронта.

Согласно директиве начальника штаба главкома от 17.9 северный фронт должен был оказать содействие западному фронту. Выполняя эту директиву, командующий фронтом приказал: «5-й армии: 1-е. Прочно закрепить и удерживать за собой Двинский район. 2-е. С целью еще большего накопления сил в районе Двинска немедленно перевезти в этот район 78-й пех. полк, с тем чтобы вся 20-я пех. дивизия была здесь сосредоточена. 3-е. Для обеспечения района Двинска от обхода с севера прочно удерживать плацдарм на левом берегу Двины впереди Якоб-

[1] ВИА, д. № 371015, л. 437.
[2] ВИА, д. № 371015, лл. 482—484.
[3] ВИА, д. № 371015, лл. 489, 490, 563.

Схема 15. Отход 10-й и наступление 2-й русских армий 17 и 18.9 1915 г.

штадта и Глазманки и не допускать переправы германцев между Якобштадтской и Двинской группами; для обеспечения района Двинска от обхода с юга удерживать переправы и наблюдать левый берег Двины на участке от Двинска до Дриссы включительно. 4-е. С целью противодействовать накапливанию сил противника против Двинского района и отвлечения на себя двигающихся в этот район германских подкреплений 12-й армии возможно скорее перейти в одновременное связное решительное наступление возможно большими силами 7-го и 2-го сибирских стр. корпусов, обеспечив за собой Рижский укрепленный район, и не допускать переправы германцев на правый берег Двины на участке между Рижским укрепленным районом и правым флангом 2-го сибирского корпуса...». «28-й корпус и конница ген. Трубецкого остаются в подчинении командующему 5-й армией. Время перехода в наступление Двинской группы будет указано дополнительно» [1].

В половине сентября 1915 г. на фронте от Балтийского моря до Двинска армии северного фронта имели шесть корпусов (12 пех. и 8½ кав. дивизий) (на фронте около 250 *км*). Фронт простирался по р. Двине, крупной водной преграде, оборона которой не требовала сколько-нибудь значительных сил. Казалось бы, если командующий фронтом мыслил сколько-нибудь оперативно, он должен был из этих войск собрать к Двинску по крайней мере большую часть своей кавалерии и бросить ее в тыл 10-й германской армии. Однако командующий фронтом этого не сделал. Его кавалерия, сведенная в три конных отряда (Трубецкого, Граббе и Казнакова), была равномерно распределена по фронту для заполнения разрывов между пехотой.

Замысел наступления войсками 12-й армии также не соответствовал обстановке и требованиям начальника штаба главкома. Наступление правого крыла северного фронта в удалении на 200 *км* от района решительных операций не могло оказать никакого влияния на ход событий под Вильной и на верхней Вилии.

Нас поражает не только несоответствие решений командующего северным фронтом, но и терпимое к этому отношение начальника штаба главкома, директива которого по сути дела саботировалась командующим фронтом.

Как-то иронически звучит пункт директивы командующего северным фронтом о перевозке в Двинский район 78-го пех. полка. Мы уже видели начальника штаба главкома, который пытался командовать 26-й пех. дивизией и местными парками в Молодечно, но командующего фронтом, распоряжающегося полками, видим впервые. Вряд ли в истории мировой войны есть еще подобный прецедент.

Не менее любопытен другой документ о взаимодействии фронтов, 19.9 части 5-й армии заняли Двинский район, и командарм 5 Плеве донес командующему фронтом: «Доношу Вам, что по занятии войсками Двинского района новых позиций после отхода их вчера 19.9 позиции эти оказываются слишком растянутыми, общая линия, за включением озер, не менее 50 верст, она занята войсками в числе около 35 000 штыков, не считая 3 000 ополченцев. В моем резерве только два батальона Тенгинского полка, усиливаю его батальонами Кабардин-

[1] ВИА, д. № 279254, лл. 236—239.

ского полка, которым, однако, нужно пройти около 35 верст — Плеве».

Эту телеграмму командующий фронтом передал начальнику штаба главкома с просьбой «о скорейшем прибытии в Двинск направленных туда подкреплений»[1].

Если принять во внимание, что позиции проходили по линии большого числа крупных озер района западнее Двинска, составлявших не менее четверти общего протяжения фронта, то за вычетом этого пространства плотность обороны достигала около 1 000 штыков на 1 версту или 1 чел. на 1 *м* фронта, т. е. являлась предельной плотностью тогдашней линейной тактики. Несмотря на это, хорошо зная, что восточнее Вильны решается исход операции, командующий фронтом вновь напоминает начальнику штаба главкома о скорейшей присылке ему подкреплений, которые более всего требовались не под Двинском, где пять германских резервных дивизий[2] вели демонстрацию против 5-й русской армии, а в районе Молодечно, т. е. на правом фланге западного фронта. В общем командующий северным фронтом таким «взаимодействием» неплохо содействовал поражению своего царя.

8. Боевые действия 2-й и 10-й армий 19 и 20.9 (схема 16)

За день боя 19.9 в районе Молодечно русские выбили немцев из Лебедево и дд. Мороски и Домаши. Распоряжавшийся боевыми действиями командир 1-й стр. бригады ген. Карцев, помимо развития наступательных действий частей 27-го корпуса, организовал энергичную разгрузку Молодечно и пропуск железнодорожных поездов сплошным потоком на Минск, с целью разгрузки узла и пропуска поездов, шедших с Лиды. За день 19.9 к Молодечно стянулись части 76-й пех. дивизии, несколько батальонов 1-й стр. бригады и разные части (железнодорожный батальон, запасный батальон, ополченские дружины). С их подходом 27-й корпус усилил нажим на немцев, и к вечеру 20.9 были заняты д. Заболотье, ф. Огородники. В бою 20.9 русским удалось серьезно потрепать 7-й конно-егерский, 23-й и 24-й драгунские и 4-й уланский полки. Были захвачены три десятка пленных, в том числе два офицера, захвачено шесть пулеметов и одно орудие. Этот успех поднял настроение русского войска, не избалованного успехами и победами[3].

Тем временем 4-й сибирский корпус преодолевал пространство и к вечеру 19.9 достиг района Зарудичи, не имея боевых столкновений. Этому способствовало то обстоятельство, что впереди 4-го сибирского корпуса маршировала 13-я кав. дивизия, части которой уже успели оттеснить германские разведывательные части, а 13-й уланский полк в районе Шведы удачно атаковал разведывательный отряд немцев, серьезно потрепал его и захватил 2 пулемета[4]. С рассветом 20.9 дивизии корпуса развернулись и повели наступление. 10-я сибирская стр. дивизия на Заскевичи, а 9-я сибирская стр. дивизия на Смортонь. 36-й арм.

---

[1] ВИА, д. № 439, лл. 218 и 219.

[2] 1-я, 36-я, 78-я и 88-я рез. пех. дивизии и рез. пех. дивизия Бекмана, см. Рейхсархив, т. 8, стр. 500—539.

[3] ВИА, д. № 278931, лл. 23, 24, 16—19.

[4] ВИА, д. № 196782, донесение № 29.

корпус продолжал теснить немцев на север и северо-восток в течение 19.9. При этом правофланговая 68-я пех. дивизия подошла к Сморгонь на 150—500 шагов, но атака дивизии была отражена, а части 25-й пех. дивизии овладели фронтом Липни, Светляны, Марковцы.

В это время был сменен и 1-й конный корпус (20.9) [1].

Таким образом к утру 20.9 первый эшелон войск 2-й армии развернулся на фронте севернее Молодечно, Заскевичи, Сморгонь, Марковцы, начав вытеснять германскую конницу корпуса Гарнье.

Во втором эшелоне армии следовали еще более мощные подкрепления: 14-й корпус в Воложине, 45-я пех. дивизия в районе Бровки, Мацюковщина, 1-й конный корпус за левым флангом в районе Кушляны, 6-я кав. дивизия в Першай, уральская казачья в Новогрудок [2].

Около 15 час. 20.9 части 10-й сибирской, 68-й и 25-й пех. дивизий, по почину подпоручика Первушина, временно командовавшего батальоном, атаковали Сморгонь и выбили 2-й егерский батальон немцев. Однако этот батальон, поддержанный частями 1-й германской кав. дивизии, перешел было в контратаку и потеснил русских, но «вводом резервов положение было восстановлено» [3].

В то время когда войска 2-й армии успешно вытесняли германскую конницу на верхней Вилии, командующий правофланговой группой 10-й армии ген. Флуг отдал приказ: «Гв. корпусу с подчиненной ему конницей ген. Тюлина по сосредоточении на линии Рындзюны, Мацки решительно наступать на север к востоку от линии Мацки на Михалишки, перебросив часть пехоты на восточный берег Ошмянки для наступления уступом за правым флангом на фронте г. дв. Новоселки, Рындзюны. 5-му корпусу продолжать энергично теснить противника, наступая на фронт Михалишки включительно Сосонишки. 26-й дивизии и 3-му сибирскому корпусу обеспечивать фланг наступающих корпусов, удерживая противника на своем фронте. Бригаде ген. Орлова до переброски пехоты на восточный берег Ошмянки действовать между рр. Вилия и Ошмянка, ведя разведку на фронте Сыроватка, Нестанишки, после чего выдвинуться на восточный берег Вилии для выполнения особой задачи. 26-ю дивизию и 3-й сибирский корпус, если не последует особых указаний армии, предположено ночью отвести на фронт Корвели, ф. Олесин, Палош...» [4].

Через три часа после отдачи этого приказа немцы атаковали 26-ю пех. и 8-ю сибирскую дивизии и принудили их к отходу на линию ок. Одокляны, ф. Олесин, Мешкуты. 7-я сибирская дивизия была оттеснена от Бол. Якентаны [5].

На остальном фронте армии войска без особой помехи со стороны немцев благополучно отошли на фронт Шумск, Медники, Цешканы, Кудейши.

Но к вечеру 19.9 немцы решили наверстать упущенное и атаковали левый фланг группы Флуга и группу Мехмандарова. Атаки немцев были

---

[1] ВИА, д. № 152, лл. 140—141.
[2] ВИА, д. № 152, лл. 106, 108, д. № 278931, лл. 6, 8 и 9.
[3] ВИА, д. № 152, л. 146 и д. № 196784, донесение наштакора 36-го армейского за № 1547.
[4] ВИА, д. № 371015, лл. 516—518.
[5] ВИА, д. № 371015, л. 505.

отражены только в районе Быстрицы; плотная группировка дивизий Гутьера оттеснила русских из исходящего угла, чем ускорила выравнивание фронта.

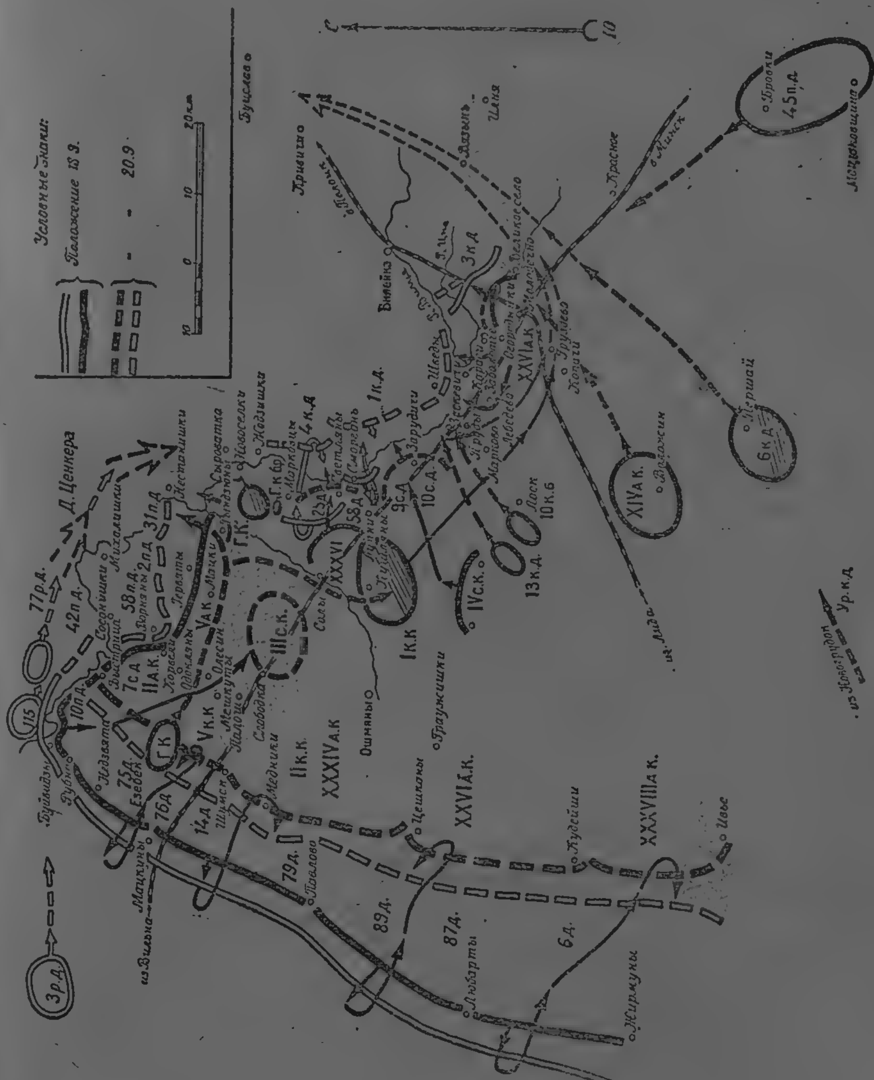

Схема 16. Наступление 2-й армии 18—20.9 1915 г.

Что касается наступления правого фланга 10-й армии, то в этот день гв. корпус выдвинулся в район севернее Солы, оттеснив части 31-й пех. дивизии немцев.

В результате двухдневных боевых усилий 2-й и 10-й армий, первая вышла на верхнюю Вилию, освободив для 10-й армии пути отхода на восток. Эти дни были началом перелома в ходе операций. 10-я, 1-я,

4-я и 3-я русские армии отходили на восток, правый фланг 10-й армии и 2-я армия наступали на север для вытеснения немцев и восстановления положения в стыке западного и северного фронтов. Немцы добились отхода русских из Виленского района и фронтального отступления на всем западном фронте. Началась вторая фаза операции, когда немцы, продвигаясь с фронта за отходившими русскими войсками, в стыке 10-й и Неманской армий были вправе ожидать нового Свенцянского прорыва на этот раз русских с востока на запад.

9. Выводы

1. Следует отметить, что отход войск западного фронта был достаточно толково организован всеми командными инстанциями, а отрыв частей от немцев в тактическом отношении был выполнен безукоризненно. При этом немцы *не выказали* достаточной сдительности, обычной в условиях непосредственного соприкосновения противника. Благодаря вышеприведенным обстоятельствам русским удалось отлично отойти, особенно из исходящего угла 10-й армии.

2. Перегруппировка немцев на северо-восток, непрерывное образование вторых эшелонов и маневрирование ими для обхода 10-й русской армии представляются заслуживающими внимания. Однако этот маневр осуществлялся нерешительно и медленно, точнее он не отвечал замыслу и темпу операции. Собираясь окружить 10-ю русскую армию, командующий 10-й германской армией и командующий германским восточным фронтом (Гинденбург, Людендорф) создали на северном фланге 10-й германской армии плотную ударную группировку, которая к наиболее решительному этапу операции растянулась более или менее равномерно по линии фронта. В наиболее важном пункте на путях отхода 10-й русской армии у немцев оказались только 2-я и 58-я пехотные дивизии, которые не только не были в состоянии наступать в тыл 10-й русской армии, но, встретив сопротивление сперва 1-го конного корпуса, а затем слабых полков 26-й пех. дивизии (6 075 штыков, 23 пулемета и 26 орудий), вынуждены были перейти к обороне, а на некоторых участках даже были оттеснены. Это означало, что замысел об окружении Виленской группы русских рушился; глубоко охваченные с северо-востока русские благополучно уходили.

3. Вялые действия 26-й пех. и 3-й гв. пех. дивизий группы Флута заслуживали упрека, но вместе с тем и некоторого снисхождения, так как обе дивизии с марша ввязывались в бой, притом ввиду недостатка в патронах и снарядах призваны были действовать только штыками. К тому же соотношение в штыках 58-й пех. германской дивизии и пяти полков 3-й гв. и 26-й пех. русских дивизий не давало преимущества русским. Против 7 000 штыков 58-й германской дивизии бригада 3-й гв. пех. дивизии имела около 3 000 штыков и три полка 26-й пех. дивизии 4 000 штыков, т. е. равное число штыков.

4. Если принять во внимание, что германская конная масса была в общем распылена (из четырех кав. дивизий только две в конечном счете вышли на пути отхода 10-й русской армии, т. е. в решительное время и в решающий пункт), то в этом отношении замыслу германского командования не отвечает группировка конницы, как не отвечала и группи-

ровка пехоты. Если же учесть, что германская конница встретила развернувшиеся войска 2-й русской армии, под ударами которой германская конница оказалась в изолированном положении, без надежды получить своевременную поддержку от пехоты, то и в этом отношении германское командование допустило ошибку. Иное дело, если бы весь корпус Гарнье оказался в районе Солы, Ошмяны, а за ним маршировал арм. корпус Эбена.

5. Действия германских кавалерийских дивизий на верхней Вилии заслуживают одобрения. Сравнительно слабыми силами германская конница сдерживает на широком фронте авангардные части 2-й русской армии. Кавалеристы широко используют благоприятную для обороны местность и шаг за шагом ведут упорную оборону. Однако с тактической стороны они заслуживают и упрека. Оборона германской конницы имела бы еще большую эффективность в том случае, если бы часть спешенных кавалеристов вместе с егерями и приданной пехотой упорно оборонялась, другая большая часть конницы, используя подвижность, наносила удары в конных строях. Немцы же спешивались почти поголовно и в этом видели наибольшую эффективность своих действий. Можно еще раз упрекнуть германскую кавалерию за то, что она отдавала предпочтение пешему бою в условиях, когда конным атакам благоприятствовало отсутствие у русской пехоты патронов и ее невысокое моральное состояние.

6. Действия авангардных частей 2-й русской армии хотя и не отличаются необходимой энергией, но тем не менее не заслуживают особого упрека, так как войска армии были измотаны недельным форсированным маршем, притом были малочисленны (27-й арм. корпус — 8 000 штыков, 4-й сибирский корпус — 7 000 штыков, 36-й арм. корпус — 15 000 штыков), а всего на фронте Молодечно, Солы развернулось 30 000 штыков против 10 000 штыков (31-я герм. пех. дивизия и пять егерских батальонов) и 7 000 сабель (1-я, 3-я и 4-я германские кав. дивизии).

ГЛАВА VII

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ У ОЗЕРА НАРОЧ И МЕЖДУ РЕКАМИ ВИЛИЕЙ И БЕРЕЗИНОЙ

1. Руководство операциями начальника штаба главнокомандующего

После подписания директивы об отступлении армий западного фронта деятельность начальника штаба главкома ознаменовалась директивой, требовавшей «развить шире разведку, как войсковую, так и агентурную, особенно через местное население, чинов полиции, священников для выяснения сил противника»... «Возможно скорее сменить конный корпус ген. Орановского пехотными частями, возложив на него разведку, обеспечение правого фланга 2-й армии и установление связи с Двинской группой 5-й армии. Ускорить всеми способами прибытие Полоцк 21-го корпуса, дабы образовать в этом пункте достаточно сильную группу как для обеспечения направления на Витебск и Невель, так и для содействия 2-й армии наступлением на Глубокое. Принять энергичные меры к быстрому сбору в Витебск при штабе Двинского округа укомплектований для дивизии 29-го корпуса, для 21-го корпуса, сосредоточиваемых в Полоцке, назначив их как из запасных батальонов западного фронта, так и распоряжением мобилизационного отдела. Развить надлежащую энергию по подготовке укрепленных позиций по линии Дрисса, Лепель, р. Березина и Полоцк, Сенно, Могилев, Рогачев или по р. Друть. При первой возможности, в зависимости от развития действий 2-й армии, прочно укрепить линию от Дисны на Поставы и далее на Ошмяны или на Вилейку, Вишнев». Были одобрены распоряжения командующего западным фронтом о направлении на Молодечно 6-й кав. и уральской казачьей дивизии. Однако через несколько часов командующий западным фронтом доложил начальнику штаба главкома, что отправлению 21-го корпуса в Полоцк он вполне сочувствует и отправил бы его немедленно, но не имеет на это средств. При этом приводит такой факт: «Штаб 2-й армии второй день уже переезжает от Лиды и приедет в Минск не ранее завтра вечера, так забиты пути; другую дивизию 29-го корпуса только что начали сажать в Барановичах, поэтому переброска в Полоцк 21-го корпуса по боевым соображениям вследствие требования военного времени едва ли осуществима, но он так ослаблен, что я с радостью воспользуюсь высказанным Вами предложением и прикажу ему двигаться походом на Минск, а затем при первой возможности направлю Полоцк»[1].

Таким образом важнейший пункт директивы отпадал: 21-й корпус, вместо ускоренного продвижения «всеми способами» в Полоцк, должен

[1] ВИА, д. № 439, л. 191.

был продвигаться первобытным способом — пешком, восполняя солдатскими ногами отсутствие предвидения высших начальников и их штабов. Что касается прочих пунктов директивы, то они не имели особых препятствий к выполнению и были переданы в виде директив низшим инстанциям. При этом командующий западным фронтом, передавая директиву начальника штаба главкома о развитии всех видов разведки, вычеркнул из директивы слово священников, чтобы не дискредитировать духовную профессию.

Кроме выше перечисленных указаний, начальник штаба главкома заинтересовался подробностями события под Молодечно и Вилейка. Он запросил начальника штаба западного фронта: «... где находятся и что делают казачьи полки ген. Тюлина, известно ли, где находится 9-й сибирский казачий полк, направленный Потаповым на Вилейка, выяснено ли, где находятся стрелки, занимавшие ст. Кривичи и ведшие там бой с неприятельской кавалерией, наступавшей от Сватки, какие приняты меры для установления связи с этими стрелками и железнодорожными ротами, благополучно занявшими железную дорогу от Полоцка до Будслава, сосредоточит ли командир 27-го корпуса свои наличные силы, ныне совершенно разбросанные» [1].

На этот раз запрос начальника штаба главкома о подробностях второстепенного свойства был более, чем уместен, в чем мы убедимся ниже.

Следующее утро принесло новые беспокойства начальнику штаба главкома. Командующий западным фронтом писал: «Распоряжение делаю, сомневаюсь о достаточном количестве пополнений для трех дивизий 21-го корпуса и двух дивизий 29-го корпуса, особенно ружей, тем более что мне необходимо укомплектовать также 38-й корпус, особенно 61-ю дивизию, имеющую в строю к 14.9 577 штыков, дивизию эту вывожу также в Минск». Далее командующий фронтом деликатно опротестовывает разведывательную сводку штаба северного фронта, в которой было написано: «на Двинском направлении противник стремится отбросить нас за Двину, дабы получить свободу действий южнее Двинска». Командующий фронтом приводит донесение ген. Бендерева (командир 1-й отдельной кав. бригады), который на убитом немце нашел приказ, где указывается что: «вся армия должна наступать, имея общую задачу по возможности глубокое продвижение внутрь страны» [2].

Опять начальник штаба главкома встречал затруднение с выполнением своей директивы и, *главным образом, потому, что не было ружей.* Русский империализм хотел без ружей, снарядов и патронов завоевывать Дарданеллы, Галицию, Армению. Дорогой и горький хлеб доводилось есть начальнику штаба русского главкома.

Кроме того между фронтами был не только оперативный, но и «идейный прорыв», устранение которого во многом ложилось на начальника штаба главнокомандующего. Командующий северным фронтом попрежнему в оперативных и разведывательных сводках сгущает краски, обрисовывая положение на Двинском направлении. Это обстоятельство заставило начальника штаба главкома 20.9 отдать новую директиву северному фронту: «Начальствующие лица, коим вверена оборона Двинской

---

[1] ВИА, д. № 439, л. 190.
[2] ВИА, д. № 439, лл. 202—204.

укрепленной позиции, лично ответствуют перед его величеством за выполнение во что бы то ни стало возложенной на них задачи и должны проявить то упорство, поднять на ту высоту дух подчиненных им войск, без которых нельзя вести борьбу. Вообще мы утратили постепенно способность к свободному маневрированию, стали признавать возможность боя лишь плечо к плечу длинными растянутыми линиями, опасаясь до болезненности прорыва, охвата и потому прорыв роты или батальона считаем законным предлогом для отступления корпуса. Штабу 2-й армии скорее установить связь со всеми частями армии, объединить их работу. Его величество ожидает от начальников 2-й и 10-й армий действий смелых, *решительных*, предприимчивых, проникнутых в то же время пониманием общей обстановки и согласованных с нею. Его величество изволил выразить взгляд, что объединение начальствования в одних руках над пятью или пятью с половиной конными дивизиями, которым предстоит действовать на широком фронте, едва ли приведет к желанным результатам, основываясь на опыте действий такой же массы нашей конницы в районе Шавли. Решение этого вопроса предоставляется командующему армией, сообразно с задачами, целями и личными свойствами исполнителей» [1].

Директива начальника штаба главкома в основном была направлена по адресу командующего северным фронтом и командующих армиями, погрешности которых она перечисляла. Речь шла о погрешностях, относящихся главным образом к управлению войсками, чем, впрочем, не мог особенно похвастаться и сам начальник штаба. Это доказывает, что в руководстве текущими операциями фронтов ведущая роль принадлежала командующему западным фронтом, а не начальнику штаба главкома.

21.9 начальник штаба главкома, ознакомившись с оперативными донесениями о боевых действиях 10-й армии, снова пытается овладеть руководством операциями и пишет командующему фронтом: «Государь... остановил свое внимание на опасном положении ее правого крыла, увеличившимся еще более с отходом назад 5-го и 2-го кавказских корпусов. Особенно сделается тревожным это положение, если правому флангу не удастся выдвинуться на линию Завельцы, Гервяты, на что возлагать надежды нельзя, судя по предшествующим действиям. Государь полагает, что необходимо осадить фронт 5-го и 2-го корпусов, хотя бы на линию Солы, Ошмяны, развивая действие частями 2-й армии и шире применяя при этом охваты и обходы» [2].

Царь и начальник его штаба снова и снова пытаются руководить, преподавая курс тактики командующему западным фронтом и разъясняя ему полезность применения охватов и обходов.

Получив приведенную нами директиву, командующий западным фронтом снова выказал сопротивление как отводу 5-го и 2-го корпусов, так и курсу тактики, предложив в ответ следующий план: «Отвод правого фланга 10-й армии на линию Солы, Ошмяны с оставлением всех армий фронта на занимаемой линии я полагал бы нежелательным. Нам необходимо не уклонять правый фланг, а по возможности его выдви-

[1] ВИА, д. № 439, л. 211.
[2] ВИА, д. № 439, лл. 227, 228.

гать. Только при этом условии возможно выдвинуть 2-ю армию и поставить ее на свой операционный путь. Уклоняя правый фланг, мы предоставляем противнику возможность более быстрого стягивания его сил против 2-й армии и крайнего правого фланга 10-й армии, снова он приобретает возможность давить на наш фланг, угрожая тылу остальных армий. Задача 2-й армии затруднится, едва ли она будет в состоянии выдвинуться в озерное пространство и ее действия сведутся к охвату противника, атакующего правый фланг 10-й армии, а угроза дальнего обхода попрежнему будет висеть над нами. Настоящее положение 10-й армии не имеет уже того угрожающего характера при условии, что она занимает линию Якентаны, Гуры, Слобода, Граужишки, Субботники, имея в м. Слободке 26-ю дивизию в резерве. Полагал бы желательным оставить поставленную мною задачу, выйти на линию Завельцы, Забрезье, м. Слободка, Ошмяны, оставляя остальные армии на занятом фронте. В случае же необходимости уклонить еще более правый фланг на м. Солы, Ошмяны, я считал бы необходимым отвести и остальные армии на линию Богданов, Любча, Каремицы, Крошки, Медзедичи. Борисовичский узел очищен». «Меня беспокоит, — продолжает комфронта, — также давление противника на стык 10-й и 1-й армий, где противник занял Субботники и где резервы и корпуса боевой линии весьма слабы по составу»[1].

Таким образом очередная попытка овладеть руководством операциями со стороны начальника штаба главкома не увенчалась успехом, а в ответ на уроки из области тактики командующий западным фронтом преподал начальнику штаба главкома урок из курса ведения операций. При этом урок командующего западным фронтом был настолько убедительным, что начальник штаба главкома должен был отказаться от своих указаний и ответить командующему западным фронтом: «Завтра доложу Вашу телеграмму государю; полагаю, он согласится с Вашими соображениями, принимая во внимание сообщения из 2-й армии. Лично полагаю, что при настоящем ходе дела можно сохранить положение правого фланга, но упрочив позицию у Субботники; прорыв там создает тоже тяжелое положение»[2].

В итоге директив и обмена мнениями между начальниками штабов главкома и командующего западным фронтом 19 — 21.9 сохраняется и несколько уточняется ранее принятый план операций командующего западным фронтом, известный нам из предшествующего изложения. Что же касается перегруппировок корпусов с западного на северный фронт, а также их укомплектования, то первые тормозились слабой провозоспособностью малочисленных железнодорожных линий, а вторые — недостатком подготовленных контингентов и, главным образом, недостатком винтовок.

2. Еще о взаимодействии фронтов

Командующий западным фронтом назойливо продолжает поучать начальника штаба главкома и штаб главкома по курсу ведения операций. 20.9 командующий западным фронтом телеграфирует начальнику

[1] ВИА, д. № 439, лл. 224—226.
[2] ВИА, д. № 439, л. 229.

штаба: «Согласно директиве 4083 Полоцк, а равно части западного фронта, туда направленные, должны были подчиняться 5-й армии. Согласно телеграмме ген. Пустовойтенко № 4177 Полоцк находится в подчинении западного фронта до перехода 2-й армии в подчинение северного фронта. Из телеграммы ген. Рузского 682Б видно, что он считает район этот у себя в подчинении и что там находится ген. кн. Белосельский-Белозерский, прибывший в Загатье, видимо, распоряжением северного фронта. Прошу определенного указания, кому подчинен Полоцк, и если он остается в ведении западного фронта, то не признается ли возможным оставить до развертывания конницы 2-й армии кн. Белосельского с казаками в районе Полоцка, на которого я и полагал бы возложить впредь до прибытия штаба 21-го корпуса руководство прикрытия Полоцкого района с подчинением ему стрелкового полка и казаков ген. Потапова и с подчинением его командующему 2-й армией».

По меньшей мере неловко через десять суток с начала операции выяснять, кто несет ответственность за Полоцкое операционное направление. Кажется странным, что этого не знали ни в штабе главкома, ни в штабах фронтов.

Что касается командующего северным фронтом ген. Рузского и его оперативно-стратегических воззрений, установившихся в течение десятилетий, то они за эти дни, разумеется, нисколько не изменились. Верный до конца своим воззрениям, в ответ на директиву начальника штаба Рузский писал: «Повеление государя передано войскам. Считаю долгом сообщить для доклада е. в., что по занятии войсками Двинского района новых позиций после отхода их вчера 19.9 эти позиции также следует считать по своему протяжению несоответствующими силе занимающих их войск, так как общее протяжение, за выключением озер, не менее 50 верст, для обороны которых имеется около 3 000 ополченцев. В резерве ген. Плеве только два батальона. При таких условиях признаю положение Двинской группы неустойчивым и вновь ходатайствую о скорейшем прибытии в Двинск предназначенных туда подкреплений» [1].

Такой ответ Рузского на категорический приказ о личной ответственности за удержание Двинских позиций вряд ли можно считать нормальным. Кстати, командующий фронтом Рузский считает протяжение позиций 5-й армии 50 верст, «*за выключением озер*», а его начальник штаба в тот же день писал «*включая озера*», составлявшие не менее четверти общего протяжения фронта. Даже в таком пустяке сказался характер главнокомандующего северным фронтом и Балтийским флотом!

Короче говоря, попрежнему не только отсутствовало взаимодействие между обоими фронтами, но и не было взаимопонимания между командующими фронтами. Командующий северным фронтом упорно не хотел понять и не понял своей задачи. Усилия начальника штаба главкома, выразившиеся в даче командующему северным фронтом указаний оперативного и тактического свойства, не могли восполнить пробел в подготовленности Рузского руководить фронтом.

---

[1] ВИА, д. № 439, лл. 214—215.

3. Боевые действия войск 2-й армии на р. Вилии и отход 10-й армии 20 и 21.9 (схема 17)

Командарм 2, выполняя указания командующего фронтом, 19.9 отдал приказ, содержащий следующие задачи: а) 1-му конному корпусу, 6-й, 13-й кав. и уральской казачьей дивизиям форсированными переходами выйти на правый фланг армии, отбросить конницу противника к западу от линии Придруйск, Поставы, Кобыльник, «*очистив от его разъездов все пространство к югу от этой линии, прикрыть железную дорогу Вилейка, Полоцк, восстановить связь с 5-й армией и развить самые энергичные действия в тыл противника, наступающего на фронт р. Вилии и против Двинска*». Для выполнения этих задач предписывалось всем перечисленным частям арм. конницы, следуя кратчайшими путями в направлении на Молодечно, Речки, выйти в район Кривичи, Будслав, куда прибыть: 6-й кав. дивизии 21.9, уральской казачьей дивизии 24.9, 13-й кав. дивизии в два перехода и 1-му конному корпусу в три перехода, после смены 13-й кав. дивизии 1-й отдельной кав. бригадой и конного корпуса — частями 10-й армии. б) Начальствование над всеми частями арм. конницы командарм 2 возложил на ген. Ореховского, а до его прибытия в район Кривичи, Будслав — на старшего из начальников кав. дивизий. в) Частям арм. конницы по мере прибытия в район Кривичи, Будслав «немедленно приступить к выполнению поставленных задач, обратив особое внимание на скорейшее выяснение сил противника в районе озер Нароч и Свирь и м. Поставы». г) 27-му арм., 4-му сибирскому, 36-му и 14-му арм. корпусам продолжать выполнение директивы командарма за № 1003, в частности: 27-му корпусу 19.9 решительным энергичным наступлением отбросить противника к северу от Молодечно, дабы предохранить этот важный железнодорожный узел от артиллерийского огня противника; 4-му сибирскому корпусу 19.9 выйти за линию Сморгонь, Заскевичи, войти в связь с соседними корпусами и оказать содействие продвижению правого фланга 36-го корпуса. Распоряжением командира 4-го сибирского корпуса сменить 1-й отдельной кав. бригадой 13-ю кав. дивизию, которой немедленно после этого двинуться на правый фланг армии. В заключение приказа командарм писал: «напоминаю войскам армии исключительную важность выполняемых ими задач и требую от всех чинов полного напряжения сил, безостановочно стремительного наступления для нанесения врагу решительного удара» [1].

Приведенный нами приказ командарма характерен в том отношении, что пять дивизий кавалерии, собираемых на правый фланг армии, объединяются под одним командованием комкора 1-го конного. Однако, собирая конную массу на фланг армии, командующий 2-й армией не мог сказать, зачем он это делает и чего он хочет добиться от боевой службы подчиненной конницы.

В перечне задач, возлагаемых на эту конную массу, скорее перечислена сумма желаний командарма, нежели разъяснена поставленная задача. По получении такого приказа по армии кав. начальник может делать, что угодно: или драться с конницей германцев и прорываться

---

[1] ВИА, д. № 665, л. 178.

на их тылы или заниматься ловлей германских разъездов в своем тылу. Кстати командарм 2 указал коннице развить удары в тыл немцам, действующим на Вилии и против Двинска. Если по тылам первых следовало вести действия в юго-западном направлении, то по тылам вторых — в северо-западном направлении. Таким образом командарм 2, очевидно, или слабо представлял себе противника, или вовсе не был компетентен в вопросах применения кавалерийской массы, предполагая распылить ее силы веерообразно, т. е. по расходящимся направлениям.

Однако скорее можно предположить второе, хотя бы потому, что командарм 2 в тот же день издал и еще один приказ, касающийся конницы, в котором мы найдем подтверждение наших предположений относительно слабой компетенции командарма 2 в вопросах применения кавалерии. Командующий 2-й армией писал: «по показаниям жителей сегодня в д. Корень, что в 8 верстах к северу от м. Гайна, ночевал конный отряд неприятеля в 200 коней при 2 орудиях и автомобильной пушке, направившийся на ст. Витгенштейновскую или Юрьево. Приказываю выдвинуть 4 сотни 9-го сибирского казачьего полка для розыска и пленения неприятельского отряда» [1].

Приведенный приказ вряд ли нуждается в комментариях и критике.

20 и 21.9 командарм и штарм 2 пытались ускорить марш подчиненных им войск и действия уже начавших наступление корпусов. Наступление развивалось медленно. К вечеру 20.9 войска 27-го корпуса продвинулись до р. Цна и заняли Карасы, ф. Пруды, что в 2 верстах северо-западнее ст. Пруды. 4-й сибирский корпус продвинулся до р. Вилия, имея левый фланг в м. Сморгонь. Части 36-го корпуса, после атаки батальона 279-го Новоржевского полка под командой подпоручика Первушина, захватив 100 пленных, 8 офицеров и 9 пулеметов, далее продвигались крайне медленно, встречая сопротивление подошедшей германской пехоты. Уже вечером 9-я сибирская дивизия в бою у Клидзишенты захватила 350 пленных и 3 пулемета [2], 1-й конный корпус 20.9 вышел в район Груздово, Копачи, 14-й арм. корпус в район Хажево, Мачиновщизна (схема 17). 21.9 наступавшие корпуса 2-й армии также медленно продвигались вперед, затратив много времени на переправу через р. Вилия. Тем временем (20 и 21.9) войска Флуга, несмотря на многочисленные приказы о наступлении, не наступали, во всяком случае правый фланг группы попрежнему вел наступление все на тот же фронт Завельцы, Гервяты. Положение войск 10-й армии к полудню 21.9 представлялось так: гв. и 5-й арм. корпуса вели наступление с фронта Рыжее, Забродье на фронт Сыроватки, Гервяты; 3-й сибирский корпус удерживал фронт Гуры, Полоша; группа Мехмандарова на фронте Полоша, Граужишки; 26-й корпус на фронте Граужишки, ф. Якунь; 26-я пех. дивизия в резерве группы Флуга у Слободка, т. е. за сутки западное крыло армии отошло на восток и почти не продвинулось на север [3].

На фронте группы Мехмандарова и 26-го корпуса немцы пытались было атаковать отходившие войска, но их атаки были всюду отражены. Бес-

---

[1] ВИА, д. № 278931, л. 2.
[2] ВИА, д. № 152, лл. 138—140.
[3] ВИА, д. № 322, лл. 89—91.

Схема 17. Наступление 2-й русской армии и отход 10-й русской армии 21—24.9 1915 г.

покойство начальника штаба главкома, командующего фронтом и командарма 10 относительно стыка 10-й и 1-й армий было неосновательно; на этом стыке немцам удалось только вцепиться в хвосты арьергардов 26-го корпуса, что стесняло их отход.

22.9 в 18 час. командарм 10 отдал боевой приказ об отходе на следующие рубежи: группе Флуга отойти на фронт Ратофла, озеро Рыжее, м. Солы, Жуйраны, Новоселки, выделив одну дивизию в арм. резерв в район Венславента; группе Мехмандарова отойти на фронт Новоселки, Плебанцы, что южнее Ольшаны; группе Герингросса (26-й корпус, усиленный конницей) — на фронт Плебанцы, Михаловщизна, ф. Якунь. Отход начать в 2 часа ночи с 22 на 23.9. Командарм 10 тогда же указал и следующий рубеж отхода. С рассветом 24.9 корпуса армии должны были отойти на фронт Данюшево, Сморгонь, Миксы, Дуды, Вишнев, р. Черная Заводня, з. Шулойцы. Штарм 10 переходил в Молодечно. На этом рубеже фронт 10-й армии стабилизовался.

4. Вытеснение мелких конных частей противника из тылов западного фронта

Мы в свое время оставили 3-ю кав. дивизию немцев в районе Вилейка, Кривичи развернувшейся для наступления на Молодечно и выбросившей несколько разведывательных отрядов на юго-восток для разрушения железной дороги Полоцк — Смоленск с целью расстройства службы тыла.

Разведывательные отряды 3-й германской кав. дивизии явились причиной значительного беспокойства и нервозности командования, штабов, в тылу и войсках западного фронта.

В свое время восемь рот 3-го и 4-го стр. полков, подвергшиеся внезапному нападению при крушении поезда у Кривичи, после перестрелки, охваченные паникой, стали отходить на Борисов, куда прибыли 18.9. Бывший за старшего, полк. Данилевский доносил: «После упорного боя с сильнейшим противником у ст. Кривичи первые эшелоны 3-го и 4-го стрелковых полков в количестве восьми рот отходят в г. Борисов, куда прибудут 18.9. Жду распоряжений в Борисове» [1]. Получив эту телеграмму, наштарм 10 написал: «Необходимо дать им перевести дух, а затем вновь направить к Кривичам». Что касается характера боя, то, по донесению ген. Тихменева, опрашивавшего участников этого боя, после крушения поезда и перестрелки «два батальона рассеялись, потеряв 13 чел. ранеными» [2].

Преследуя эти два батальона, дивизион 8-го конно-егерского полка немцев достиг ст. Смолевичи и взорвал здесь мост на железнодорожной линии Минск — Борисов.

Прикрывавшие Полоцкое направление этапный батальон гв. корпуса, в свое время защищавший Свенцяны, и конный отряд Потапова, в свое время разогнанный еще паникой у Интурки [1], бежали не переводя духа. Гв. этапный батальон, 15.9 прибыв в Сеславина, захватил здесь 64 вагона, самовольно погрузился и направился в Полоцк [3].

---

[1] ВИА, д. № 196782, донесение Данилевского.
[2] ВИА, д. № 196782, телеграмма № 2341/425б.
[3] ВИА, д. № 196780, донесение № 2237/252.

Конный отряд ген. Потапова после бегства из Интурки был собран в Поставы, откуда начальник отряда 13.9 телеграфировал: «Ввиду израсходования патронов и снарядов в пятидневных боях и наступления противника в превосходных силах с пехотой, артиллерией и кавалерией, не могу оказывать сопротивления и, задерживаясь, насколько возможно, отхожу на Глубокое. Под моей командой находятся 6-й и 9-й сибирский и 54-й донской казачьи полки, поршневая полубатарея, пехоты нет» [1].

Между 14 и 15.9 из состава отряда отделился 9-й сибирский казачий полк, который двинулся на Вилейка, был в районе Вилейка до появления германских разъездов, а с их появлением направился на Борисов, но по распоряжению командармов 2 и 10 был найден и направлен в Молодечно. Потапов с оставшимися двумя казачьими полками отходил при появлении разъездов 9-й германской кав. дивизии. Что отряд Потапова отходил перед германскими разъездами, подтверждается тем, что 9-я дивизия немцев оставалась до 18.9 у Свенцян, а 16.9 Потапов сжег уже ст. Глубокое и отступил через Подсвилье на Давыдки и далее на Камень [2]. Ни сам Потапов, ни его части не знали, какие войска противника действуют на Полоцком направлении. Ввиду бегства отдельных частей с железной дороги Молодечно, Полоцк, охрану и прикрытие ее взяли на себя роты 2-го железнодорожного батальона, вытеснившие германские разъезды из ст. Будслав и ряда других. Этими фактами в свое время и был обусловлен запрос начальника штаба главкома начальнику штаба западного фронта о Потапове, ротах 3-го и 4-го стр. полков и ротах железнодорожного батальона.

Германские разъезды и разведывательные отряды терроризировали тылы 2-й, 10-й и 1-й армий, а иногда и впечатлительных строевых начальников.

Опасаясь германской кавалерии, командиры корпусов хлопотали об усилении их войсковой конницей. Так 18.9 комкор 36 ген. Короткевич жаловался, что «17-й Томашевский конный полк почти весь израсходован на службу связи. Не признает ли возможным командующий армией ходатайствовать о придаче корпусу бригады конницы из состава конного корпуса ген. Орановского» [3]. В 17-м Томашевском конном полку было около 600 сабель. Приведенный нами документ свидетельствует не только о боязни командира, но и о том, как он понимает назначение стратегической конницы. Германские разъезды беспокоили пехоту со всех сторон. Комкор 4-го сибирского, объясняя медлительное продвижение корпуса, писал, что его беспокоит германская кавалерия. Тот же комкор 18.9 писал командарму: «Ходатайствую о подчинении одного или двух кав. полков. Ближайшие конные части 13-й кав. дивизии наступают от Богданова на Лоск, Крево и бригада ген. Бендерева, ночевавшая у Богданово» [4]. Кроме того германские разъезды беспокоили и штабы армий.

Так за 19.9 командарм и наштарм 2 вынуждены были отдать приказы, касавшиеся германской конницы:

---

[1] ВИА, д. № 377960, на донесении резолюция наштарма: „Это было давно. Я не помню, когда это было". Поршневая—пушка обр. 1877 г.
[2] ВИА, д. № 377960, лл. 478 и 583.
[3] ВИА, д. № 196782, донесение № 2133.
[4] ВИА, д. № 196783, донесение № 363.

а) Начдиву 45 «...для охраны железнодорожной станции и моста в Борисове оставить только батальон 45-й дивизии с батареей...» [1].

б) Начдиву 6-й кавалерийской «Возле ст. Уша конные части с пехотой неприятеля. Станция эта занята батальоном стр. бригады. 45-я дивизия сегодня от Минска направляется на Молодечно. Командующий армией приказал Вам ускорить Ваше движение, направляясь на эту станцию и далее вдоль р. Рыбченки, к м. Речки» [2].

в) Начальнику 45-й пех. дивизии. «Возле ст. Уша появились конные части неприятеля с пехотой. Командующий армией приказал ускорить движение Вашей дивизии, дабы предохранить от возможной порчи железную дорогу Минск — Молодечно. Необходимо хотя бы небольшую колонну направить вдоль полотна дороги. Ст. Уша сейчас занята батальоном 1-й стр. бригады» [3].

г) Ген.-кварт. ставки командиру корпуса Орановскому: «Разъезды неприятеля и даже довольно крупные конные отряды его с артиллерией все более проникают глубоко в тыл нашего правого фланга, поэтому присутствие больших масс нашей конницы вне этого фланга становится с каждым днем настоятельным» [4].

Выдвижение войск 2-й армии на фронт Молодечно, Сморгонь и конных масс на правый фланг 2-й армии позволило вытеснить германских кавалеристов, до этого хозяйничавших в тылу армий и дезорганизовавших его.

5. Сосредоточение вторых эшелонов 2-й армии и боевые действия на р. Вилии (схема 18)

Командарм 2 не успокоился, отдав распоряжения своей коннице. 21.9 он разослал командиру корпуса и всем начальникам дивизий следующую директиву: «ген. Потапов доносит, что 9-я кав. германская дивизия, находившаяся в районе Глубокое, двигается, повидимому, в юго-восточном направлении. Сегодня ночью в Антонополе около Юрьево ночевал конный отряд противника силой около полка с 2 орудиями и пулеметами. Для исполнения указаний, данных мною в директиве 1019, и общей задачи арм. конницы, приказываю завтра 21.9: 1-е. Из 6-й кав. дивизии выделить один полк с 2 орудиями и направить его на Антонополь для захвата упомянутого выше конного отряда неприятеля. Командиру этого полка войти в связь и подчинить себе 4 сотни 9-го сибирского казачьего полка, направленных для этой же цели из Молодечно. Сего числа из Борисова на Кривичи выступили 3-й и 4-й стр. полки под общим начальством полк. Данилевского, с которым командиру выделенного из 6-й кав. дивизии полка, если представится случай для совместных действий, войти в соглашение. Остальным частям 6-й кав. дивизии перейти в д. Козлы, что к югу от м. Илия. 2-е. 13-й кав. дивизии перейти в район Вязынь, Понятичи. 3-е. По сосредоточении 6-й и 13-й кав. дивизий в указанные районы начальство над ними поручаю ген. кн. Туманову, которому обеспечивать правый фланг

[1] ВИА, д. № 665, л. 179.
[2] ВИА, д. № 152, лл. 103 и 104.
[3] ВИА, д. № 152, лл. 104 и 105.
[4] ВИА, д. № 278931, л. 1.

армии, осветив вместе с тем разъездами район Вилейка, Сосенка, Стайки, Кременка. 4-е. 1-му конному корпусу перейти из района Груздова, Копачи, в район м. Илия. 5-е. Связь со штабом армии держать ген. кн. Туманову через телеграфную станцию штаба армии на железнодорожной ст. Уша, ген. Орановскому через штаб 27-го корпуса и начальнику уральской казачьей дивизии через телеграфную станцию штаба армии в Изяславле, полку 6-й кав. дивизии, направленному в Антонополь, через ближайшую правительственную телеграфную станцию» [1].

Командарм 2, сидя в Минске, несомненно был под впечатлением взрыва под Смолевичами, иначе, надо думать, не издавал бы приведенного нами приказа. В этом приказе даны указания о сведении 6-й и 13-й кав. дивизий под начальство ген. Туманова, которому поставлена как бы самостоятельная задача по обеспечению фланга армии. Во всяком случае и 1-й конный корпус и конница Туманова как будто уже не объединяются командиром 1-го конного корпуса.

Этот документ еще раз свидетельствует, что командарм 2 не знал тактики конницы.

21.9 командарм 2, негодуя на медленное развитие наступательной операции, отдал новый приказ: «По данным разведки на фронте Вилейка, Сморгонь, Солы около трех кавалерийских дивизий противника, поддержанных несколькими егерскими батальонами и мелкими частями самокатчиков; по сведениям от пленных около дивизии пехоты противника обнаружено в районе м. Жодзишки. 21.9 гв. и 5-му арм. корпусам 10-й армии приказано энергично наступать на фронт Сыроватка, м. Гервяты, обеспечивая промежуток между гв. и 36-м корпусами конницей, поддержанной 124-й дивизией. Приказываю сегодня 21.9 27-му арм. корпусу с 45-й пех. дивизией, 4-му сибирскому и 36-му арм. корпусам решительно и энергично теснить противника, овладеть линией Вилейка, Баровцы, Рацевичи, Городзиненты, Данюшево, Марковцы и с выходом на эту линию закрепиться на ней. 14-му арм. корпусу с занятием частями 27-го корпуса Вилейка перейти и сосредоточиться к северу от Молодечно. Арм. коннице действовать согласно директиве 1043» [2].

Согласно этому приказу корпуса «решительно и энергично» не двинулись с места, если не считать того, что из подошедшей 45-й пех. дивизии была направлена бригада с дивизионом артиллерии на Ольшанка для овладения Вилейкой [3].

Причиной медленного продвижения войск 2-й армии была уже не германская конница, а подошедшие ей на смену части пехоты из группы Гутьера, силы которых, примерно, равнялись силам русских корпусов.

Беспокойный командарм 2 не ограничился одной директивой и того же 21.9 дал подчиненной коннице еще одну: «Сведения о противнике и обстановке указаны в телеграмме штаба армии 1056. Приказываю приданной армии коннице отбросить конницу противника к западу от линии озеро Дрисвяты, Поставы, Кобыльник, очистив от его разъездов все пространство к югу и востоку от этой линии, прикрыть железную

---

[1] ВИА, д. № 278931, лл. 32—34.
[2] ВИА, д. № 665, л. 246.
[3] ВИА, д. № 152, лл. 183—185.

дорогу Вилейка — Полоцк, восстановить связь с 5-й армией и развить самые энергичные действия в тыл противника, наступающего на фронт р. Вилии; для выполнения этого: 1) конному корпусу ген. Ораовского следовать на Крайск, Докшицу, Поставы, сводному конному корпусу ген. кн. Туманова из 6 и 13 кав. дивизий на Кривичи, Ст. Габы, Кобыльник; 2) очищать от конницы неприятеля полосы: конному корпусу к востоку и северу от линии Сосенка, Будслав, Волколата, Подоляны, сводному корпусу — к западу и югу от этой линии; 3) по выполнении указанной задачи коннице выйти на фронт конному корпусу — Поставы, Подоляны включительно, сводному корпусу — Подоляны исключительно до озера Нароч» [1].

Командарм 2 неправильно представлял себе деятельность подчиненной ему кавалерии: ему казалось, что конница, первым долгом, развернется по всему пространству, чтобы очистить огромные районы от разведчиков противника, затем уже предпримет наступление, о чем упоминает командарм 2: «по выполнении указанной задачи», т. е. после очистки района от разведчиков противника. Было бы допустимо, если бы эту задачу командарм 2 возложил на 9-й сибирский казачий полк или на отряд Потапова, но не на два кавалерийских корпуса.

Командующий западным фронтом, получив директивы командарма 2, высказал ему свои огорчения как по поводу задач арм. корпусов («закрепление на указанных линиях»), так и по поводу туманной постановки задач коннице. Но командующий 2-й армией так мотивировал эти свои директивы: «...указанием закрепиться на линии Данюшево, Вилейка я лишь хотел напомнить войскам о необходимости закреплять за собой каждый завоеванный фронт». Свои же мероприятия относительно конницы он объяснял так: «Одна из главных задач, поставленных коннице,— очищение района между 2-й и 5-й армиями от прорвавшейся конницы неприятеля. Все сведения, имеющиеся об этой коннице, сводятся к указанию, что в районе Глубокое находится 9-я германская кав. дивизия, состоящая из 6 полков с 36 орудиями и поддержанная пехотой; в районе Юрьево обнаружен полк или бригада конницы с артиллерией и два-три разъезда, отмеченные в разных местах. Таким образом объект действий нашей конницы не представляется распылившимся на мелкие партии, а, наоборот, сосредоточенным в двух значительных группах. Такая обстановка требует сосредоточенных усилий всей конницы, выдвигаемой на мой правый фланг, так как рассчитывать на успех действий против массы неприятеля, находящейся у м. Глубокое, можно лишь при условии сосредоточения против нее трех-четырех кав. дивизий, а это требует объединения работы этих дивизий в одних руках. Конечно, такое объединение наиболее желательно было бы в руках начальника, которому была бы поручена вся задача конницы и который находился бы непосредственно с ней. Но раз этого, ввиду директивы верховного главкома 4181, сделать нельзя, я считал обязанным себя выполнять эту роль, ограничиться теми общими указаниями, которые я дал коннице в своей директиве 1019; дополнять ее указаниями, соответственными очерченной выше обстановкой, я не считал возможным, так как она каждый день будет, несомненно, меняться и я рисковал бы,

[1] ВИА, д. № 665, л. 284.

Схема 18. Боевые действия 2-й русской армии 21—23.9 1915 г.

что мои приказания ей оказались бы совершенно не удовлетворяющими...» [1]. Далее командарм дает такие же путаные объяснения относительно отряда Потапова, полка 6-й кав. дивизии и четырех сотен 9-го сибирского казачьего полка. Трудная работа у командарма, когда приходится распоряжаться пятью кавалерийскими дивизиями, одним полком и четырьмя казачьими сотнями. Следует заметить, что для ответа командарму потребовалось не менее двух часов времени — так длинно и неубедительно он написан.

Возникли и другие вопросы организации действий армии. 36-й корпус действовал, седлая р. Вилия. Командарм 2, видя неудобство этого, просил командующего фронтом дать границу между 2-й и 10-й армиями р. Вилия. Просьба резонная, но обиженный неумелыми распоряжениями командарма и вялыми действиями армии, командующий фронтом оставил прежнюю границу [2].

Корпуса 2-й армии и правого фланга 10-й армии продолжали бой на прежнем фронте с частями 3-й, 1-й и 4-й кав. дивизий немцев, поддержанных шестью батальонами пехоты и последовательно подходившими им на смену 42-й, 58-й, 77-й, 75-й и 115-й пех. дивизиями 10-й германской армии [3]. Впрочем, несмотря на медлительность русских, немцы также опаздывали с поддержкой своей конницы, увлекшись фронтальными атаками против 3-го сибирского корпуса. На Полоцкое же направление спешила поддержка 10-й германской армии с севера из состава Неманской армии, Баварская кав. дивизия и 3-я пех. дивизия с юга из 12-й армии [3].

И командарм 2 снова писал директиву: «...Поставленная армии задача и обстановка требуют смелых, решительных, настойчивых и быстрых действий. Между тем наступление 27-го, 4-го сибирского и 36-го корпусов развивается крайне медленно, вяло и с чрезмерной осторожностью, несмотря на то, что корпуса эти имеют дело, по большей части, лишь со спешенной конницей неприятеля, поддержанной сравнительно небольшими частями пехоты, и с малым числом артиллерии. Обстановка вполне допускает маневр, для него необходимы сильные резервы, между тем в корпусах их мало, а где таковые имеются, они оставляются праздными зрителями, что приводит к вводу в бой недостаточных сил, отчего, конечно, пропадают энергия и быстрота наступления. Армия должна выполнить для выхода на фронт Нестанишки, Кобыльники захождение вперед своим правым флангом, что требует постоянного продвижения вперед правофлангового 27-го корпуса, между тем наступление его развивается далеко не с той быстротой, которая позволила бы выполнить это в кратчайший срок. Отмечая с крайним огорчением приведенные недочеты, обращаю вновь внимание командиров корпусов на крайнюю необходимость вдохнуть в подчиненные им войска требуемые энергию, решительность и предприимчивость, дабы оправдать доверие государя» [4].

Через час после посылки корпусам приведенного документа командарм написал еще один приказ: «22.9 27-му арм., 4-му сибирскому и

[1] ВИА, д. № 665, л. 278.
[2] ВИА, д. № 278931, лл. 66 и 67.
[3] Рейхсархив, т. 8, стр. 546—552.
[4] ВИА, д. № 278931, лл. 68 и 69.

36-му арм. корпусам продолжать настойчивое, энергичное наступление и овладеть линией: 27-му корпусу (с 45-й дивизией) Андрейки, Колотки включительно, 4-му сибирскому корпусу м. Колотки, Нефеды, Курчи включительно, 36-му корпусу Курчи исключительно, Жодзишки включительно, 14-му корпусу перейти и сосредоточиться севернее Вилейка. Выделить возможно сильные корпусные резервы. Арм. коннице выполнять задачу согласно директиве 1057. Уральской казачьей дивизии перейти в м. Городок и связь со штабом армии держать через телеграфную станцию штаба армии на железнодорожной ст. Уша»[1]. И опять корпуса стояли на прежнем фронте, а кое-где продвинулись на 1—2 *км*[2].

Мы не разделяем сетований командарма 2 на части 27-го корпуса. Медленное наступление последнего, по нашему мнению, зависело не столько от доблести частей, сколько от широкого фронта, данного командармом 2 для наступления этому корпусу. Замышляя удар правым флангом армии, командарм 2 создал более плотную группировку не на правом, а на левом фланге армии.

6. Боевые действия конной массы на верхней Вилии (схема 18)

21.9 к 21 часу конная масса закончила сосредоточение на правом фланге армии: 6-я кав. дивизия в бою с немцами на фронте Старинки, Сосенка, 13-я кав. дивизия в районе Понятичи, Вязынь, 8-я кав. дивизия в Ярмоличи с авангардом у Рыбчена, 14-я кав. дивизия в Бояры, Колодчина.

Поскольку части 6-й кав. дивизии вели бой с немцами на фронте Старинки, Сосенка, начальник 14-й кав. дивизии послал один полк своей дивизии для поддержки, но начальник 6-й кав. дивизии ген. Роop приказал этому полку вернуться к дивизии, а сам продолжал вести бой. Впрочем ген. Роop был прав, вернув полк 14-й кав. дивизии. В д. Сосенка оборонялся всего один эскадрон (80 чел. с 2 пулеметами и 1 орудием), который, однако, отбил наступление 6-й кав. дивизии и удержал занятую им деревню[3].

Закончившая сосредоточение конная масса была в готовности с утра 22.9 начать свои боевые действия.

Но тут случилась заминка. У Орановского, Туманова и начальников дивизий были противоречивые директивы командарма 2. По одной директиве Орановский объединяет начальствование над всей конницей, по другой директиве 1-й конный корпус имеет одну самостоятельную задачу, а 6-я и 13-я кав. дивизии, составляя сводный корпус Туманова,— другую. Произошло недоразумение. Пришлось запрашивать командарма 2, подчиняется ли Туманов Орановскому. На запрос, посланный еще днем, ответа не было и до вечера, когда командир 1-го конного корпуса отдает боевой приказ на 22.9: «14-й кав. дивизии выйти на фронт Костеневичи, Городиловичи и далее на фронт ст. Кривичи, Нивки, заняв г. дв. Сервечь, обеспечивая направление на Долгиново. 8-й кав. дивизии

[1] ВИА, д. № 278931, лл. 70 и 71.
[2] ВИА, д. № 152, лл. 212—215.
[3] ВИА, д. № 196979 и д. № 84616, документы № 44 и 1844.

наступать через Рабунь на Слицки, на фронт Городиловичи, Речки, Липневичи и далее на фронт Нивки, Устиновичи. 13-й кав. дивизии наступать через Кривое село на фронт дом Лесной стражи, Сухари. По занятии их развить действия в тылах неприятельских войск, занимающих ст. Вилейка. По занятии Вилейка нашей пехотой всеми силами выдвинуться в район Кузьмичи, Сухари, Судейки. 6-й кав. дивизии наступать через Старинки и Сервечь на фронт Годзевичи, Жары и далее на фронт ст. Кривичи, Церешки» [1].

Как заметит читатель, командир 1-го конного корпуса 6-ю и 13-ю кав. дивизии направил таким образом, чтобы они не были взаимно связаны и чтобы при необходимости объединить их под командой Туманова было затруднительно это выполнить.

В течение дня 22.9 все кав. дивизии ведут бой на переправах через р. Вилия с частями германской конницы. К вечеру 22.9 13-я кав. дивизия с боем заняла Малевичи, Чижевичи, г. дв. Косуты, овладев переправами через р. Вилия. 8-я кав. дивизия овладела Рабунь. 14-я кав. дивизия овладела д. Сосенка, но противник отбросил контратакой 14-ю дивизию на левый берег Вилии. 6-я кав. дивизия заняла д. Стайка, но овладеть переправами не могла. В итоге дня боевой работы конницы ей удалось овладеть переправами через р. Вилия от Рабунь до Чижевичи, т. е. на фронте 15 *км*.

Когда бой конницы был в самом разгаре, командарм 2 прислал известную нам злосчастную директиву, где между 1-м конным корпусом и сводным корпусом Туманова прокладывалась условная линия, от которой один должен действовать восточнее, а другой западнее, а в задании конной массе содержался перечень всех пунктов, изложенных в § 6 строевого кав. устава 1913 г. Перед конницей, уже захватившей переправы, выигравшей фланг у немцев и получившей возможность действовать на тылы противника, стояла теперь задача произвести перегруппировку, т. е. вместо 6-й кав. дивизии поставить 8-ю кав., а на ее место 6-ю кав., чтобы дивизии сводного корпуса Туманова находились не на разных флангах, но рядом. Единственная надежда на то, что Орановский не исполнит директивы командарма 2 и вместо перегруппировки выдвинет кавалерию в той группировке, как она сложилась в ходе боя в северо-западном направлении, не оправдалась. Орановский, игнорируя обстановку, добросовестно стал исполнять директиву командарма. Едва стих гул боя, командир 1-го конного корпуса приказал: «14-й кав. дивизии сменить 6-ю кав. дивизию, 6-й кав. дивизии сменить 8-ю кав. дивизию и перейти в подчинение ген. кн. Туманова, а 8-й кав. дивизии выступить на Бояры, Огоровцы, Маслова, Затемы, Токари, Крайск» [2].

В дополнение директивы и на запрос Орановского командарм 2 разъяснил: «Ген. Орановскому и ген. кн. Туманову оказать содействие наступлению арм. корпусам скорейшим направлением сильных *разъездов* в тыл противнику, действующему на фронте Данюшево, Вилейка». «1-му конному корпусу и сводному конному корпусу действовать в полной связи. Сводный конный корпус и уральская казачья дивизия подчиняются непосредственно командующему армией».

---

[1] ВИА, д. № 84657, приказ № 1838.
[2] ВИА, д. № 84616, приказ № 1860.

Командарм 2, разъясняя свои задания конной массе и уточняя взаимодействие конной массы с арм. корпусами о применении сильных разъездов в тыл немцам, еще раз выказал слабую компетентность в основных способах использования конницы. Из конной массы в 10 000 сабель для действий на германские тылы должны были направляться сильные разъезды [1].

Смена кав. дивизий, предпринятая в ночь с 22 на 23.9, затянулась. К тому же начальник 8-й кав. дивизии ген. Киселев в районе Маслова заблудился в ночной темноте и попал не на те переправы, куда следовало попасть, а время шло. Только-только закончилась перегруппировка дивизий, как была получена новая директива командарма 2, согласно которой вся конница снова подчинялась Ореновскому [2]. Итак командарм 2 своими директивами по использованию конной массы невольно содействовал поражению своего царя, оставаясь его верноподданным.

7. Продолжение наступления 2-й армии на р. Вилии

Только 23.9 корпуса 2-й армии снова начали наступление. Около 14 час. 23.9 части 45-й пех. дивизии и 304-й пех. полк 76-й пех. дивизии переправились через Вилию и охватили Вилейку с востока и запада, а артиллерия начала подготовку атаки. Около 17 час. два полка (Виндавский и Венденский) 45-й пех. дивизии и 304-й пех. полк бросились в атаку. Несмотря на отчаянное сопротивление немцев, штыковая атака увенчалась успехом. Немцы были выбиты из Вилейки, оставив 4 гаубицы, зарядные ящики, пулеметы и 100 пленных. Пристроившийся к правому флангу 2-й армии 14-й арм. корпус, сменивший конницу на участке Рабунь, Косуты, Малмыги, атаковал противника и овладел фронтом Нестерки, г. дв. Косуты, Кочанки, Грицуки, Клыни. Во время боя у Чижевичи и Малмыги, когда немцы начали отход, казачьи разъезды хорунжих Вульцева и Кибирева из 43-го донского казачьего полка бросились в конную атаку и захватили 2 орудия, 6 зарядных ящиков, затем, продолжая атаку, ворвались в отходившие германские обозы и захватили перевязочный пункт. В то же время 9-й Белевский и 70-й Ряжский пех. полки в штыковой атаке захватили 2 орудия, 4 пулемета, много пленных, причем пытавшийся прикрыть отход немцев, выехавший навстречу русской пехоте бронеавтомобиль был встречен огнем из захваченных германских орудий. Поручик 69-го белевского пех. полка Егоров, захватив орудия, со своими солдатами сел за орудия и артиллерийским огнем заставил германскую бронемашину покинуть поле боя. Некоторый успех обозначился и на участке 4-го сибирского корпуса, где русские овладели фронтом Кузмишки, Мацевичи, Холмы севернее Уляны, южной окраиной Остров и высотой в 1 *км* севернее Чернешки, захватив в бою 50 пленных.

36-й арм. корпус овладел фронтом Городзиненты, излучина реки у южной окраины м. Данюшево, д. Ратафла. Части же 25-й пех. дивизии не продвинулись вперед. Перед фронтом корпуса в этот день во мно-

[1] ВИА, д. № 84616, документы № 1057 и 1071.
[2] ВИА, д. № 84616, директива № 1084.

гих местах уже появились укрепленные участки с проволочными заграждениями [1].

Сменившись на занимаемом участке авангардными частями 14-го арм. корпуса, конная масса, предполагая в районе Крайск присутствие германской кавалерии, около полудня двинулась для уничтожения германской кавалерии в районе Крайск. Сводный конный корпус следовал в район Сосенка, Старинки, Корытница, Стайки, откуда имел задачей развить свои действия на Докшицы и Сморква, разбить находящегося здесь противника, не допуская переправы его у Сосенка. 1-й конный корпус двумя эшелонами наступал на Крайск, в первом эшелоне 8-я кав. дивизия, а во втором — 14-я.

Когда подошли к Крайск, обнаружилось, что никакого противника в Крайск и его окрестностях нет. Это обстоятельство немало удивило командира 1-го конного корпуса, напомнив ему о необходимости разведки. Ввиду этого командир 1-го конного корпуса распорядился расположиться на ночлег в районе: 13-й кав. дивизии — Ратозин Сачевки, Скороды; 8-я Гриневичи, Крайск, 14-я Ходаки, Деревка, Старый а 6-й — оставаться в районе Рабунь, Сосенка [2].

Таким образом, если до сих пор никак не вязались действия арм. корпусов, то теперь разладились действия конной массы, немощно бродившей вслепую на фланге 2-й армии.

8. Установление взаимодействия фронтов

22.9 начальник штаба главкома отдал директиву, послужившую началом взаимодействия фронтов «...Смело, широко, предприимчиво использовать силы нашей конницы и из района озера Нароч, Годуцишки развить удары по тылу немецких войск, уничтожить обозы, парки, прерывать связь,— писал начальник штаба главкома.— Найти и разбить 9-ю кав. дивизию, находящуюся, *по слухам,* в районе Докшицы»... «Северному фронту действия своей кавалерии сообразовать с указаниями пункта первого, установить связь с конницей западного фронта и прикрыть направление на Полоцк и Витебск» [3].

Командующий северным фронтом пытался было использовать конный отряд Потапова, находившийся в Полоцке, для действий на фланге 5-й армии, подчинив его командиру 3-й донской казачьей дивизии Белосельскому, но начальник штаба главкома запретил это, указав: «освещение на Лепель, Витебск и Борисов должно составить заботу полков Потапова, с использованием которых исключительно в целях кн. Белосельского согласиться нельзя» [4].

В дополнение и разъяснение этого начальник штаба главкома приказал: «При современной обстановке в промежутке между 5-й и 2-й армиями, когда производится очень сложный и притом медленно выполняемый маневр смыкания обоих фронтов в присутствии деятельного противника, стремящегося поддержать эту разобщенность фронтов и продвинуться глубже на юг или восток, кавалерия северного и западного

[1] ВИА, д. № 152, лл. 286—290, 291—294.
[2] ВИА, д. № 84616, приказ № 1867.
[3] ВИА, д. № 439, лл. 234, 235.
[4] ВИА, д. № 439, л. 241.

фронтов не должна буквально руководствоваться установленной разграничительной линией. Было бы большой ошибкой, если бы кавалерия того или другого фронта упустила случай выбить противника из района, примерно, Мядзиолка, Кобыльник, Свенцяны только потому, что эти районы считались бы за разграничительной линией своего фронта. При настоящей обстановке кавалерия обоих фронтов обязуется искать непосредственной связи между собой, стремиться к занятию тех, лежащих между 5-й и 2-й армиями, пунктов, кои являются важными в военном отношении. Поэтому большую часть кавалерии 5-й армии надлежит держать на пути Глубокое, Свенцяны и южнее, до подхода в этот район конницы 2-й армии. Прикрепление конницы к пунктам, как Лужки, Подсвилье, быть может отвечающее частным интересам, не отвечает общему положению дел...»[1].

Впрочем начальника штаба главкома подтолкнул на отдачу этого приказа его оперативный поводырь — командующий западным фронтом, который писал Рузскому и Алексееву: «Из сводок северного фронта видно, что 4 кав. дивизии противника, поддержанные сильной пехотой, наступавшие через Поставы на Глубокое, направились оттуда на Докшицы и далее на юго-восток. Из сводки 7428 видно, что конница ген. Казнакова, очистив район Видзы, Поставы, Глубокое, считает свою задачу выполненной. Не признаете ли Вы для общего дела полезным, чтобы конница ген. Казнакова продолжала развивать действия на тыл противника, направившегося на Докшицы, и тем оказала бы могущественное содействие нам, прекратив подвоз противнику довольствия и снарядов»[2].

Помимо того начальник штаба главкома вынужден был отдавать свои директивы не только командующему северным фронтом, но и непосредственно командующему 5-й армией и его начальнику штаба о выдвижении конницы 5-й армии на юг, имея в виду, что первый саботировал все директивы начальника штаба главкома, а последние скорее могли принимать к исполнению его приказы и директивы, нежели при посредничестве командующего северным фронтом.

9. Указания командарма 2 и боевые действия 2-й армии 24.9

23.9 командующий 2-й армией снова отдал ряд противоречивых приказов. В 13 ч. 20 м. коннице под командой Ораовского был отдан приказ: «...донесение ген. Белюсельского указывает, что пехота противника успела занять Докшицы и направляется на Минск, что при продолжении медлительности нашей приведет нас к новому удлинению нашего фронта, обращенного на север. Наконец, донесения гражданских властей указывают на присутствие разъездов и даже довольно крупных конных частей неприятеля в районе между р. Березиной и железной дорогой Борисов, Минск, Вилейка, Полоцк. Долгое безнаказанное пребывание этих отрядов в указанном районе, держа население в постоянной тревоге и мешая правильной работе тыловых учреждений и обозов, крайне нежелательно и требует быстроты очищения его. Таким образом дей-

[1] ВИА, д. № 439, лл. 242 и 243.
[2] ВИА, д. № 381, л. 146.

ствия всех частей армии, а подчиненных Вам конных частей, в особенности, должны быть доведены до крайней степени решительности, быстроты и настойчивости. Только при этих условиях мы можем добиться выполнения поставленной нам задачи, ибо каждый час промедления нашего, позволяя противнику усиливаться, делает нашу задачу труднее, а при настоящей медлительности нашей задача эта может оказаться и неисполнимой. Поэтому приказываю: 1. Развить крайнюю степень быстроты и решительности в Ваших действиях, для чего не следует ни в коем случае втягивать свои войска при встречах с неприятелем исключительно лишь в фронтальные длительные бои в спешенном строю, а применять в самых широких размерах обходы, не жалея сил лошади и не останавливаясь даже перед необходимыми в таких случаях жертвами в конском составе. Разбросанность неприятеля и Ваше превосходство в силах дают полную возможность такого способа действий и частого применения атак неприятеля в конном строю. 2. Организовать самую широкую и дальнюю разведку неприятеля» [1].

Через час после передачи вышеприведенной инструкции командарм 2 приказал: «сводный корпус ген. кн. Туманова из 6-й и 13-й кав. дивизий направить на Будслав, Парафианово, Красни, с тем чтобы выйти на фронт Подоляны, Кобыльник. Соответственно с этим изменить и разграничительную линию полос, данных корпусам для очищения от неприятеля. Таковой назначается линия Илия, Докшицы, Подоляны, причем район к востоку и северу от нее должен быть очищен корпусом ген. Ораовского, к западу и югу — корпусом ген. кн. Туманова. Сводный корпус ген. кн. Туманова остается в подчинении ген. Ораовского лишь до выполнения задачи, указанной в директиве 1084, т. е. пока не будет разбита конница неприятеля, действующая в районе наступления частей обоих корпусов» [2].

Подобные же неудачи преследовали командарма 2 и в отношении постановки задач 14-му корпусу. После первых успехов 14-го корпуса при преодолении Вилии, командарм 2 приказал командиру 14-го корпуса изготовиться к встрече и разгрому 115-й германской пех. дивизии, которая, по его данным, двигалась навстречу 14-му корпусу. Спустя некоторое время командарм приказал корпусу следовать за правым флангом 27-го арм. корпуса. Затем опять передумал и приказал: «14-му корпусу с фронта Сосенка, Холопки сбить находящегося перед ним противника и продолжать энергичное наступление, содействуя достижению поставленной ниже 27-му корпусу задачи ударами во фланги противнику, действующему перед его фронтом» [3].

Как бы то ни было, а войска армии 24.9 продолжали наступать. Конная масса наступала на Долгинов. Выполняя приказ командарма 2 «решительно действовать», 3-я сотня 2-го оренбургского казачьего полка у д. Косуты ходила в конную атаку на германскую пехоту, много изрубила противника, захватила 29 чел. в плен и 1 пулемет. Но этим и ограничились самые энергичные, решительные и быстрые действия конной массы. До вечера конница тянулась из района Крайск, после

---

[1] ВИА, д. № 278931, лл. 113—117.
[2] ВИА, д. № 278931, л. 118.
[3] ВИА, д. № 665, л. 362.

намерения уничтожить там германскую кавалерию, и только вечером собралась снова к переправам через Вилию.

14-й арм. корпус продолжал свое наступление и к 14 час. 24.9 овладел фронтом Нестерки, Клоусы, Кривое село, Иванцевичи, отбрасывая немцев на северо-запад. 27-й корпус с трудом продвинулся на фронт Вилейка, Порсы, Волковщина, Баровцы. Части 4-го сибирского и 36-го арм. корпусов, столкнувшиеся с подошедшей группой дивизий Эбена и правофланговыми дивизиями Гутьера, не продвинулись вовсе [1].

Но прорыв был ликвидирован. 10-я армия Эйхгорна, оторванная от Неманской армии и разбросанная в огромном пространстве от Глубокое до Зап. Березины, утратила наступательные свойства, имея слабо прикрытый стык с Неманской армией. Нужно было переходить к немедленной обороне и продолжать перегруппировку войск к левому флангу, т. е. на Полоцкое направление.

10. Выводы

1. Руководство операциями на стыке фронтов попрежнему нес командующий западным фронтом, весьма успешно справляясь с тяжелыми обязанностями командования фронтом в такой обстановке, когда во главе некоторых армий стояли неподготовленные командармы. В отношении оперативного руководства русский командующий западным фронтом выказал значительно больше дарований в оценке событий и больше уменья в организации маневра, чем прославленные «идейные наследники» Мольтке. Во всяком случае командующему русским фронтом удалось вырвать у немцев инициативу, опередить их в развертывании на Вилии и заставить перейти к обороне, имея слабый высший начсостав, крайне ограниченное боевое снабжение, примерно равное число штыков и слабое политико-моральное состояние бойцов.

2. Несколько замедленный темп наступления 2-й русской армии на Вилии нужно отнести за счет слабого руководства ведением операции со стороны командарма 2, особенно неудачно руководившего конницей и правофланговыми корпусами армии, потратившими меньше времени на боевые действия, нежели на перегруппировки, явившиеся следствием неудачных распоряжений командарма 2. Кроме того командарм первоначально создал группировку, не соответствовавшую его замыслу, как он выражается «захождения правым плечом вперед», имея на этом фланге менее плотную группировку, чем на левом фланге. Только подходом 45-й дивизии и 14-го арм. корпуса ошибка командарма была выправлена в соответствии с его замыслами.

3. Боевые действия кавалерии на правом фланге 2-й армии протекали слабо по причинам, зависевшим от качеств армейского руководства (командарм 2) и качеств вождения кавалерийской массы (марш на Крайск, перегруппировки, блуждания и пр.). Что касается низших инстанций, то *храбрые* младшие офицеры неплохо руководили боевыми действиями сотен, эскадронов и взводов и били немцев при равенстве сил. Однако это не могло восполнить оперативно-тактических ошибок командарма 2 и комкора 1-го конного.

---

[1] ВИА, д. № 278931, лл. 175—179 и Рейхсархив, т. 8, стр. 520—521.

4. Подход 14-го арм. корпуса и 45-й пех. дивизии к правому флангу 2-й армии изменил соотношение сил в пользу русских, и хотя в 14-м корпусе было всего 10 860 штыков, этот корпус успешно громит части 58-й и 77-й рез. пех. дивизий немцев. При этом отдельные подразделения и полки 14-го корпуса выказывают высокую тактическую подготовленность, мужество и находчивость личного состава, выгодно отличающихся от других русских частей. Однако частные успехи 14-го корпуса не были развиты вводом конной массы для преследования, что могло привести русских к более существенным результатам их боевой работы.

5. В боях на Вилии ярче всего проявилась ошибка Гинденбурга и Людендорфа с промедлением в перегруппировке 10-й армии к северному ее флангу. Германские пехотные дивизии, последовательно принимая по фронту на северо-восток на смену своей порядочно измотанной кавалерии, последовательно же попадали под удары русских, которые в общем почти не превосходили немцев в силах, а били их потому, что они втягивались в бои пакетами.

6. Боевые действия на стыке 2-й и 10-й русских армий в конечном счете привели к тому, что 2-я, 31-я пех. дивизии и дивизия Ценкера были серьезно потрепаны и отброшены несколько на север, но это только облегчало положение на стыке русских армий, до этого уже стесненных в узости между рр. Вилия и Березина, а также облегчало отход центра и левого фланга 10-й русской армии.

7. Германская кавалерия продолжала добросовестно нести свою службу, на этот раз по прикрытию стыка между 10-й и Неманской армиями и по обеспечению перегруппировки 10-й армии, продолжая прежнюю тактическую практику упорной обороны пешком, в том числе и против русской кавалерии.

8. Некоторые германские авторы, а за ними и некоторые наши отмечают усталость и измотанность германских кав. дивизий к периоду боев на верхней Вилии. Мы можем с этим согласиться добавив от себя, что русские кав. дивизии (6-я, 8-я, 13-я, 14-я и уральская) были еще более измотаны форсированными маршами, питались с перебоями, часто были без патронов и снарядов, о чем подробнее расскажем дальше.

ГЛАВА VIII

ДЕЙСТВИЯ РУССКИХ КОННЫХ МАСС НА СТЫКЕ СЕВЕРНОГО И ЗАПАДНОГО ФРОНТОВ

1. Действия конницы 5-й армии на стыке фронтов до 25.9

(схема 19)

В свое время мы оставили конный отряд Казнакова отступившим в район Дукшты для прикрытия фланга 5-й армии от предполагаемого глубокого обхода или охвата германскими кавалерийскими массами, которые, как известно, направились не на северо-восток, чего более всего опасались начальник конного отряда Казнаков, командующий и штаб 5-й армии, а на юго-восток. В период с 13 по 18.9 конному отряду Казнакова представлялся удачный случай двинуться на Свенцяны в тыл 6-му германскому конному корпусу, разбить прикрывавшую Свенцянский район 9-ю германскую кав. дивизию, разбросанную в огромном пространстве и выделившую значительное число отрядов для разведки в Полоцком направлении, под давлением которых отряд ген. Потапова из трех казачьих полков, как известно, бежал в Полоцком направлении. Однако командующий северным фронтом ген. Рузский упорно настаивал на необходимости своеобразного взаимодействия фронтов, которое, по его мнению, должно было осуществляться конным корпусом Орановского, а северный фронт для этого мог лишь выдвинуть «очень малые силы кавалерии», чего, впрочем, тоже не сделал, хотя и имел 8½ кав. дивизий. Пока велась тяжба по вопросу организации взаимодействия между командующим северным фронтом и начальником штаба главкома, разрыв между Неманской армией и 10-й германской армией, а также фланг и тылы конного корпуса Гарнье успешно прикрывались 9-й германской кав. дивизией. Тем временем конный отряд Казнакова, занимая район Дукшты, был связан демонстрациями баварской кав. дивизии и правофланговыми батальонами 88-й рез. дивизии.

Этой деятельностью Казнаков занимался бы и далее, но 16.9 начальник штаба главкома отдал серьезную директиву о наступлении 2-й, 5-й и правого фланга 10-й армий и об отходе прочих армий западного фронта. Кроме того он в этот и последующий дни использовал все средства давления на командующего северным фронтом, понудив его, в конечном счете, отдать приказ о выдвижении кавалерии 5-й армии на юг для содействия 2-й и 10-й армиям.

17.9 конный отряд Казнакова (1-я тв., 5-я кав. дивизия и уссурийская конная бригада, всего 58 эскадронов, 36 орудий) предпринял наступление на Видзы и после боя с шволежерской бригадой баварской кав.

дивизии [1] овладел местечком. Об этом первом успехе конницы Казнакова начальник штаба 5-й армии ген. Миллер доносил: «...Конный отряд Казнакова в районе Видзы, где противник ввел в дело бригаду конницы и шесть рот пехоты и ночью очистил Видзы. При преследовании отрядом Казнакова взято в плен 3 фурманки и 6 чел. прикрытия. Сегодня частями нашей конницы занята Тверечь и высланы сильные разведывательные партии...» [2]. Наштарм 5 ген. Миллер не постеснялся хвастаться такими скромными трофеями!

Но «сильные разведывательные партии», высланные конным отрядом Казнакова, представляли собой обычные разведывательные эскадроны, которые достигли линии Гуторы, Жудки и Новоселки и здесь 19.9 были остановлены германской кавалерийской завесой [3], выставленной баварской кав. дивизией, передвигавшейся на юг в район озера Нароч [1].

20.9 конный отряд Казнакова перешел в наступление на Козяны частями уссурийской конной бригады и на Свилы частями 5-й кав. дивизии. Это наступление было выполнено успешно [4], однако этот успех объяснялся особыми причинами. Бывший начальник штаба 1-го конного корпуса М. Позек пишет, что «19.9 действовавшая в этом районе баварская кав. дивизия ушла к озеру Нароч, и после ее отхода между 10-й армией и правым флангом Неманской армии образовался широкий разрыв, создавший опасность прорыва русских, в первую очередь, конницей» [5]. Иначе говоря, наступление конного отряда Казнакова как раз пришлось в разрыв, о котором пишет Позек.

20.9 в районе Полоцка (на ст. Загатье) высадилась 3-я донская казачья дивизия, переброшенная с юго-западного фронта. Начальнику 3-й донской дивизии Белосельскому был подчинен конный отряд Потапова из состава западного фронта и проскочивший в свое время в Полоцк 2-й стр. полк (1-й стр. бригады 27-го арм. корпуса). Таким образом на Полоцком направлении образовалась конная группа из шести казачьих и одного стр. полков. Этой группе командующий северным фронтом того же числа (20.9) поставил задачу: «прикрывать подступы к Двине на участке Полоцк, Дрисса». Тем же приказом конному отряду Казнакова было приказано «прикрывать подступы к Двине на участке Дрисса, Двинск» [6].

Следовательно, 20.9 конный отряд Казнакова двумя дивизиями выдвинулся в разрыв между Неманской и 10-й армиями немцев, не имея перед собой ни одной части противника. Казалось бы, представился исключительный случай для действий русской конницы на тылы, но, как известно, того же числа конному отряду Казнакова дается задание не развивать удара по тылам противника, но прикрыть подступы к Двине на фронте в 100 *км*.

День 21.9 и ночь на 22.9 части конного отряда Казнакова провели спокойно, занимая: 1-я гв. кав. дивизия — Видзы, уссурийская конная бригада — Козяны и 5-я кав дивизия в движении на Старая и Новая Шар-

---

[1] *М. Позек*, Германская конница в Литве и Курляндии, стр. 159.
[2] ВИА, д. № 195784, донесение № 3491.
[3] ВИА, д. № 196979, донесение № 3550.
[4] ВИА, д. № 196979, донесения № 3531 и 3550.
[5] *М. Позек*, там же, стр. 164.
[6] ВИА, д. № 196980, приказ № 3542.

Схема 19. Действия конницы 5-й армии 17—25.9 1915 г.

ковщизна. На 22.9 начальник конного отряда поставил своей коннице задачу: 1-й гв. кав. дивизии перейти в Козяны, обеспечивая отряд с запада и северо-запада, уссурийской конной бригаде овладеть Поставы, 5-й кав. дивизии овладеть Воропаево, Дуниловичи, а 3-й донской казачьей (именуемой отрядом Белосельского) овладеть районом Глубокое [1].

22.9 1-я гв. кав. дивизия благополучно перешла из Видзы в Козяны, не имея соприкосновения с противником. Уссурийская конная бригада атаковала Поставы и после боя с 19-м драгунским полком овладела местечком, захватив 44 пленных и 4 ручных пулемета [2]. 5-я кав. дивизия оттеснила разъезды немцев и заняла Глубокое. 3-я донская казачья дивизия также вытеснила разъезды немцев и достигла Лужки и Подсвилье [3].

Казалось, что конная масса вот-вот обрушится на фланг и тыл 10-й германской армии, спешно переходившей к обороне и находившейся под ударом 2-й русской армии. Но в это время 2-я германская кав. дивизия, переброшенная из района Ассери через Абели на правый фланг Неманской армии, была направлена за линию железной дороги Ново-Свенцяны — Дукшты с целью предварительного заполнения разрыва на фронте в 60 *км*. 2-я германская кав. дивизия достигла 22.9: 8-й кав. бригадой — Годуцишки, лейб-гусарской бригадой — Видзы, 5-й кав. бригадой — р. Дрисвята, до озера Дрисваты, оттеснив завесу русской конницы. При этом 2-й эскадрон 2-го драгунского полка атаковал русских в конном строю в районе севернее Видзы [4].

Выдвижение 2-й германской кав. дивизии для предварительного заполнения 60-*км* разрыва крайне обеспокоило командарма 5, его штаб и командующего северным фронтом. Поэтому утром 24.9 конному отряду Казнакова было приказано немедленно вернуться на север, о чем наштарм 5 донес по всем инстанциям: «Ввиду начавшегося движения неприятельской кавалерии на Дрисвяты, Видзы с угрозой левому флангу армии, отряд Казнакова оттягивается на север» [5].

День 24.9. 5-я кав. дивизия маршировала из Глубокое в Усяны (80 *км*), уссурийская конная бригада — из района Поставы в район Ахримовцы, Гурки (60 *км*) и 1-я гв. кав. дивизия — из Козяны в Пеликаны (около 40 *км*). Прибыв в район Усяны, Пеликаны уже вечером, начальник конного отряда Казнаков получил здесь приказ командарма 5: «Разбить 2-ю германскую кав. дивизию и скорее двигаться на юг для нападения на тылы немцев в районе озера Нарочь» [6].

С утра 25.9 конный отряд перешел в наступление на фронте озеро Богинское, озеро Дрисвяты. Оборонявшая этот участок 5-я кав. бригада с ротой самокатчиков после полудня была отброшена на запад, оставив Гавранцы, Дрисвяты и Подкруше. Во время атаки на Дрисвяты русские захватили 44 пленных [7]. Однако, по свидетельству Позека, по-

---

1 ВИА, д. № 196980, документ № 3566.
2 ВИА, д. № 196784, д. 727 (номер же полка сомнителен).
3 ВИА, д. № 196981, донесение № 3602.
4 *М. Позек*, стр. 165.
5 ВИА, д. № 196981, донесение № 755.
6 ВИА, д. № 196999 приказ № 3658.
7 ВИА, д. № 196975, донесения № 3681 и 3691.

дошедшая лейб-гусарская бригада 2-й германской кав. дивизии перешла в контратаку, и части конного отряда Казнакова были отброшены за р. Дрисвята.

26.9 фронт разрыва между Неманской и 10-й армиями был завешен подошедшими с севера 8-й германской кав. дивизией и 3-й пех. дивизией в районе Поставы и 1-й кав. дивизией, прибывшей с фронта 10-й германской армии, южнее Поставы. Таким образом разрыв был закрыт 1-й, 2-й и 8-й кав. дивизиями и 3-й пех. дивизией. Но в этот день уссурийская конная бригада южнее озера Дрисвяты в районе Свекшаны прорвала завесу 2-й германской кав. дивизии и произвела набег на Дукшты, что порядочно взбудоражило немцев и произвело известный тактический эффект, которым, однако, русские не воспользовались, и бригада, произведя панику в германских тылах, вернулась назад. Этой единственной удачей закончилась самостоятельная работа конницы 5-й армии по обеспечению армейского фланга и стыка фронтов.

2. Действия конницы 2-й армии с 26 по 29.9 (схема 20)

Мы оставили кавалерию Ораовского в движении на Долгинов, предпринятом 24.9. Затратив время на бесцельный марш в Крайск, конница 2-й армии подошла к Вилии только в полдень 24.9. К этому времени небольшие конные части противника с пехотными поддержками организовали оборону переправ по правому берегу реки на фронте Погост, Костыки. Вечером разведывательные части русской конницы пытались продвинуться на правый берег реки, но были отражены. На ночь конница расположилась: 14-я кав. дивизия в районе Избище, 8-я и 13-я кав. дивизии — на фронте Погост, Костыки и 6-я кав. дивизия — в районе Нестаневичи.

25.9 еще до рассвета три эскадрона 13-го нарвского гусарского полка атаковали немцев на переправе у Каменка, сбили их и овладели переправой, а две сотни 2-го оренбургского казачьего полка после полудня овладели г. дв. Каролин. Утром же части 14-й кав. дивизии, отбросив мелкие конные части немцев, овладели переправами у Б. Чисти, Солоное и Мильча. В 12 час. части 8-й кав. дивизии овладели переправами у Погост и Стахи. В бою на северном берегу реки части 8-й кав. дивизии в конной атаке 12 эскадронов (две сотни 8-го донского казачьего полка, два эскадрона 8-го астраханского драгунского полка, четыре эскадрона 8-го вознесенского уланского полка и четыре эскадрона 8-го лубенского гусарского полка) разгромили 18-й драгунский и 3-й конно-егерский германские полки, оставившие на поле боя много убитых и раненых, а также пленными 65 солдат, 6 офицеров и в качестве трофеев 2 пулемета [1].

Тем временем части 6-й кав. дивизии, наступавшие на фронте Етинцы, Костыки, встретили упорное сопротивление германской пехоты, и наступление дивизии успеха не имело.

К вечеру 14-я кав. дивизия передовыми частями овладела районом Речки, Румянки, выбросив 2 эскадрона на г. дв. Вытковщизна [2]. Части

[1] ВИА, д. № 278931, лл. 211—213.
[2] ВИА, д. № 278931, лл. 217—219.

же 8-й кав. дивизии заняли Гришкевичи, но контратакой были отброшены за реку, также не получив поддержки от соседей.

Пока кавалерия 2-й армии дралась на переправах, для ее смены были направлены головные части 20-го арм. корпуса, выдвигаемого командующим западным фронтом на правый фланг 2-й армии.

Днем 25.9 командарм 2 приказал комкору 20-го армейского «энергичным, решительным ударом выбить конницу противника и овладеть переправами на р. Вилии. Коннице ген. Ораловского по мере подхода передовых частей 20-го корпуса, не втягиваясь впредь в тягучий стрелковый бой, обходить фланг противника и выйти ему в тыл и, кроме того, возможно скорее войти в непосредственную боевую связь с частями северного фронта. Доносите чаще о положении дел армейской конницы» [1].

Но командир 20-го армейского корпуса для «энергичного и решительного удара» и смены кавалерии направил всего одну пех. бригаду, которая, в силу малочисленности и медлительности, своевременно сменить конницу не смогла. Командир 1-го конного корпуса не решился бросить переправы и двинуться на север до подхода пехоты, вследствие чего конница задержалась на целые сутки. Возмущенный этим обстоятельством, командарм 2 писал командиру 20-го корпуса Евреинову: «...приказываю отрешиться от медлительности, точно исполнять мои приказания и донести, почему приказание, сообщенное телеграммой № 1142, Вами не было исполнено» [2].

Только к утру 26.9 конница частично была сменена и получила возможность продолжать выдвижение на север. На 26.9 командир 1-го конного корпуса поставил подчиненной коннице следующие боевые задачи: 14-й кав. дивизии с бригадой полк. Мамонтова (6-й кав. дивизии) наступать из Солоное, Речки на Долгинов; 8-й кав. дивизии оставаться на переправах до смены частями 29-й пех. дивизии (20-го корпуса), а после смены сосредоточиться у Избище и следовать через Мотеево, М. Чисти в район Сивцы; сводному конному корпусу к 11 час. сосредоточиться в Избище, Соковичи, Драгомичи» [3]. Командир корпуса имел в виду всей конной массой наступать на фронт Парафианово, Будслав и далее на северо-запад, где предполагалось наличие германской кавалерии. Однако в 11 ч. 20 м. 26.9 командир 1-го конного корпуса получил сообщение, что части 3-й донской казачьей дивизии и конный отряд Потапова еще 25.9 заняли Докшицы, имея впереди разведывательные части у Будслав и севернее [4]. Кроме того командир 1-го конного корпуса получил сообщение от командира 20-го арм. корпуса, что части 29-й пех. дивизии имеют задание атаковать фронт Будслав, Долгинов. Таким образом, имея выдвижение соседа справа к Докшица, а соседа слева на фронт Будслав, Долгинов, надо было расположить конную массу 2-й армии уступом назад относительно ее соседей, причем пространство между соседями, т. е. перед фронтом корпуса, было свободно от противника.

Ввиду благоприятно сложившейся обстановки командир 1-го конного корпуса изменил поставленные задачи частям конницы и приказал:

---

[1] ВИА, д. № 278931, л. 199.
[2] ВИА, д. № 665, л. 435.
[3] ВИА, д. № 84616, приказ № 1966.
[4] ВИА, д. № 279254, л. 340.

«Сводному конному корпусу занять Будслав, двигаясь через Избище, Мильча, Сивцы, Бубны, Колячи и по всем дорогам к югу от них. 8-й кав. дивизии следовать на Вороны и ночевать в районе Парафианово. 14-й кав. дивизии по занятии Долгинов пехотой перейти в район Турки» [1].

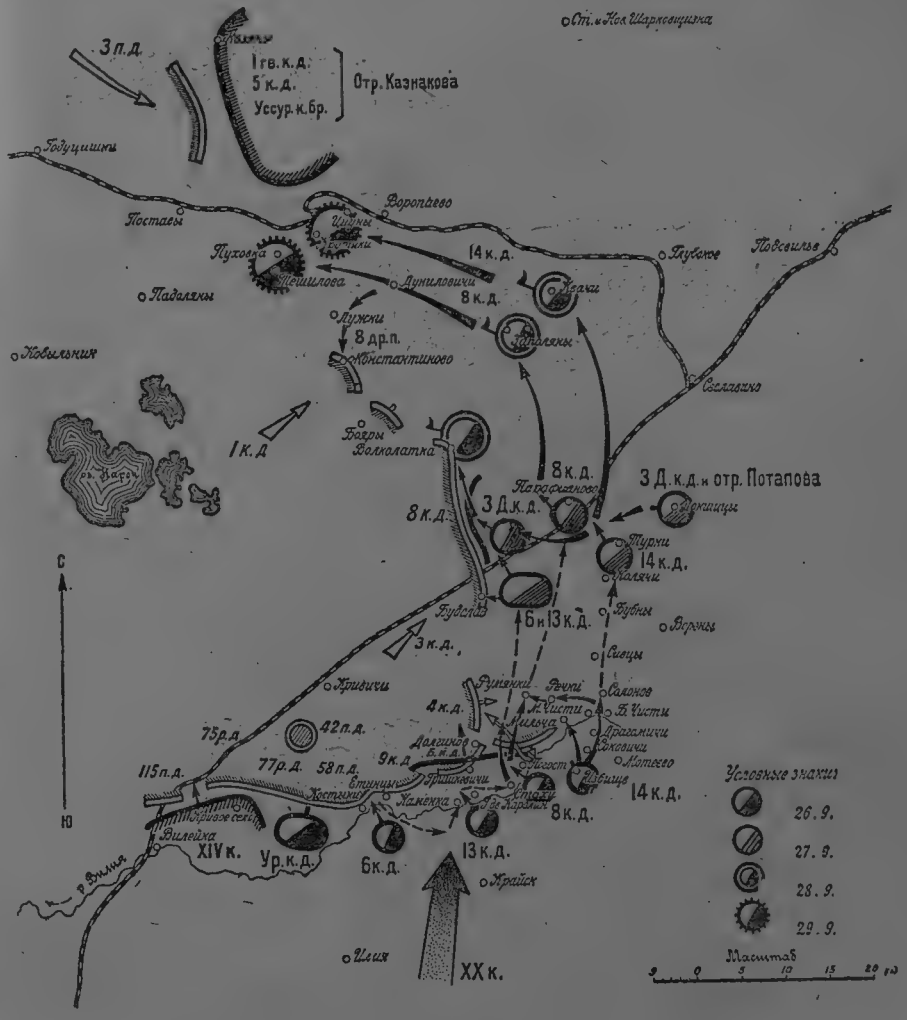

Схема 20. Действия кавалерии 2-й и 5-й армий 26—29.9 1915 г.

Выполняя поставленную задачу, конные части 2-й армии только поздно ночью и на рассвете вышли: 8-я кав. дивизия — в Парафианово, 14-я кав. дивизия — в Турки, оставив 14-й гусарский полк в районе Долгинов для содействия 29-й пех. дивизии, а сводный конный корпус собрался в районе восточнее Будслав.

[1] ВИА, д. № 84616, прикав № 1912.

С утра 27.9 части сводного конного корпуса повели наступление на фронт Волколатка, Будслав, причем подошедшие в этот район части 3-й донской казачьей дивизии опередили конницу 2-й армии и вели наступление северо-западнее Будслав на Веребы. Выслав для поддержки 3-й донской казачьей дивизии 13-й гусарский полк, сводный корпус продолжал наступление в северо-западном направлении на фронт Волколатка, Будслав и южнее и к полудню части 6-й кав. дивизии заняли Дземидки и Волколатка, вытеснив из этих пунктов разведывательные части 8-й германской кав. дивизии, о чем, впрочем, русские не знали [1]. Пока 3-я донская каз. дивизия и сводный конный корпус наступали на фронт Волколатка, Будслав, части 8-й и 14-й кав. дивизий выступили в направлении на Дуниловичи, и к вечеру 8-я кав. дивизия достигла Заполяны, а 14-я кав. дивизия — района Квачи (15 *км* юго-восточнее Дуниловичи), не встретив противника.

В этот день командир 1-го конного корпуса получил следующую директиву: «Гос. имп. благоугодно было указать, что коннице ген. Ореновского предпочтительно действовать на Поставы, Козяны» [2].

Получив это «благоугодное» указание, командир 1-го конного корпуса на 28.9 поставил коннице задачей: 14-й кав. дивизии наступать из района Квачи на Циуны и овладеть районом Циуны, Крутики; 8-й кав. дивизии из района Заполяны, Христово наступать на Дуниловичи, Тешилова и овладеть районом Пуховка, Тешилова. Так как сводный конный корпус своей задачи к тому времени все еще не выполнил, продолжая вести бой в районе Будслав, а также ввиду неопределенности дальнейших отношений к сводному конному корпусу, командир 1-го конного корпуса задания ему не дал, а для того, чтобы обеспечить свой левый фланг, привлек 3-ю донскую казачью дивизию. По согласованности с начальником 3-й донской дивизии она должна была наступать на Волколата, Бояры. Кроме того был выслан эскадрон 8-го астраханского драгунского полка в направлении Константиново, Бояры для разведки на левый фланг.

Приступив к выполнению этого приказа, части 14-й и 8-й кав. дивизий, оттеснив разъезды германской кавалерии, благополучно заняли районы: 14-я кав. дивизия — Циуны, Крутики, 8-я кав. дивизия — Пуховка, Тешилова. Ввиду того что по донесению посланного в направлении Константиново, Бояры разведывательного эскадрона у Константиново и Бояры были обнаружены конные части немцев, был направлен через Лужки астраханский драгунский полк с двумя орудиями, имевший задание выбить немцев из занимаемых ими деревень, чего, впрочем, полк не выполнил.

В результате четырехдневной работы 5½ кав. дивизий были вытеснены конные части немцев с Полоцкого направления, причем ни одна из пяти дивизий не знала, какие части немцев действуют на этом направлении, если не считать того, что 8-я кав. дивизия 25.9 потрепала два полка 4-й кав. дивизии (18-й драгунский и 3-й конно-егерский) у переправ через р. Вилия.

---

[1] ВИА, д. № 278931, лл. 254—257.
[2] ВИА, д. № 84657, указание № 1187.

3. Действия конницы 5-й армии с 26 по 29.9 (схема 19)

Получив донесение наштарма 5 об отводе конницы 5-й армии в район озера Дрисвяты для уничтожения 2-й германской кав. дивизии, начальник штаба главкома с недовольством телеграфировал командующему северным фронтом: «Из телеграммы ген. Миллера 24.9 видно, что конница 5-й армии перешла 23.9 Пеликаны, Усяны, Ахримовцы, Гурки. Район, важность которого гос. имп. отмечена в телеграмме 23.9 № 4249, предоставлен на волю противника, хотя Ваши указания требовали продвижения конницы южнее направления Глубокое, Свенцяны. Полагаю, что задача, возложенная на конницу 5-й армии, имеет столь важное значение для всей русской армии, что жертвовать этой задачей во имя частных интересов не следует» [1].

Эта телеграмма принудила командующего северным фронтом и командарма 5 повернуть конницу 5-й армии на юг. Оставив заслоны южнее озера Дрисвяты, конный отряд Казнакова 27.9 двинулся на Поставы.

Если верить начальнику штаба конного отряда Матковскому, то 28.9 части конного отряда успешно выбивали противника из Поставы, а «немцы перешли в контратаку, направив две роты на Козяны, поддерживая их огнем тяжелой артиллерии; что за ними (т. е. за ротами. — *Н. Е.*), пока не выяснено. Наступление это встречено наступлением 5-й кав. дивизии, направленной на Годуцишки. Предположено оставить заслоны и итти далее на юг в район Кобыльник, Мядзиол». Так писал начальник штаба конного отряда Казнакова [2].

Однако «успешное» выбивание немцев из Поставы успехом не увенчалось. Как пишет Позек: «2-я кав. дивизия, усиленная 4-м ландверным полком, одним эскадроном и одним отделением полевой артиллерии 3-й пех. дивизии, отбросила 28.9 фронтальной атакой противника и достигла р. Лучай. Отряд Мумма (8-я кав. бригада) выдвинулся даже до Курсевичей. 28.9 у Козяны противник отбросил слабые охраняющие части 5-й кав. бригады, но при участии 3-й пех. дивизии были заняты Козяны и Головск и высота восточнее них» [3].

В итоге боевой службы конного отряда Казнакова за день 28.9 «около шести рот немцев, поддержанных тяжелой и легкой артиллерией, оттеснив левый фланг бригады 5-й кав. дивизии на линию между Козяны, Боровые, заняли частью сил западную окраину Козяны, направив остальные на г. дв. Головск. Часть гвардии действует с юга во фланг наступающему противнику. Против Поставы оставлен уссурийский полк, а ген. Крымов (командир уссурийской бригады) с приморцами и кирасирами ее величества идет на Мядзиол...» [4]. — Так сообщает в донесении начальник штаба отряда.

Сопоставляя данные двух начальников штабов: германского конного корпуса полк. Позека в его труде «Германская конница в Литве и Курляндии» и конного отряда 5-й армии полк. Матковского в его официальных донесениях штабу 5-й армии, мы невольно обращаем внимание на их существенную разницу, при этом разница скорее не в пользу русских, хотя и Позек не свободен от погрешностей.

---

[1] ВИА, д. № 439, л. 256.
[2] ВИА, д. № 278931, л. 291.
[3] *М. Позек*, стр. 167.
[4] ВИА, д. № 278931, л. 297.

Однако суть не в этом. С выходом конного отряда Казнакова в район Поставы, Козяны, а конницы 2-й армии в район Дуниловичи, Будслав была, наконец, установлена боевая связь между северным и западным русскими фронтами, утраченная с утра 9.9, когда Казнаков отходил на северо-восток, а Тюлин — на юго-восток.

4. Объединение русской конницы на стыке фронтов и ее боевые действия с 29.9 по 6.10 (схемы 21, 22 и 23)

28.9 начальник штаба северного фронта телеграфировал начальнику штаба главкома: «Конные отряды Казнакова, Белосельского, Орановского, Туманова вошли в соприкосновение друг с другом, части их сталкиваются на одних и тех же путях. Эти конные отряды получают приказания от командующих армиями разных фронтов. Едва ли можно рассчитывать на то, что начальники этих конных отрядов согласятся между собой для дальнейших действий, так как сообщение между ними медленно. Во избежание путаницы от недостатка управления прошу сообщить, какие задачи и районы для действий даны отрядам Орановского и Туманова, дабы в соответствии с этим можно было поставить задачи и указать районы отрядам Казнакова и Белосельского» [1].

Этими обстоятельствами можно объяснить хлопоты командира 1-го конного корпуса, командармов 2 и 5, командующих обоими фронтами, пытающихся объединить действия конной массы в одних руках. На этом основании, отказавшись от уже известной нам точки зрения о нецелесообразности объединения 4—5 кав. дивизий под начальством одного лица, начальник штаба главкома отдал директиву: «Гос. имп. повелел на ближайшее время операций впредь до дальнейшего распоряжения объединить под начальством ген. Орановского действия 1-го кав. корпуса, сводного корпуса ген. Туманова, конного отряда ген. Казнакова, 3-й донской дивизии и отряда ген. Потапова. Задача конницы — отбросить действующие против нее силы немцев, прорвать их расположение на Свенцяны, Подбродзе для последующих действий или в тыл Двинской группы противника или более глубокое вторжение на Поневеж, Вилькомир...» [2].

Таким образом была создана целая конная армия в составе трех конных корпусов, 1-я гв., 5-я кав. дивизии и уссурийская конная бригада отряда Казнакова, 8-я и 14-я кав. дивизии 1-го конного корпуса, 6-я и 13-я кав. дивизии сводного конного корпуса Туманова, 3-я донская казачья дивизия и конный отряд ген. Потапова, а всего 41 конный полк или 246 эскадронов и сотен с 17 конными батареями (117 орудий).

Вечером 28.9 командир 1-го конного корпуса получил сведения о действиях конного отряда Казнакова в районе Поставы, а кроме того извещение от начальника уссурийской конной бригады ген. Крымова. Он довольно точно ориентировал командира 1-го конного корпуса, что на фронте Мядзиол, Козяны действуют три кав. и одна пех. дивизии [3]. Передовыми частями корпуса и разведкой конного отряда Казнакова

---

[1] ВИА, д. № 279254, лл. 396 и 397.
[2] ВИА, д. № 381, лл. 207, 208, 210—214.
[3] ВИА, д. № 84657, записка ген. Крымов

было установлено движение крупных колонн пехоты и конницы с артиллерией от Поставы на Погарцы (восточнее Поставы) и от Маньковичи на Тешилова. Передовые части 1-го конного корпуса еще вечером 28.9 были потеснены наступавшими в этом направлении немцами. Это маршировали 3-я и 4-я кав. дивизии немцев [1].

Ввиду этого командир 1-го конного корпуса приказал на ночь занять оборонительные участки: 8-й кав. дивизии от Мацуры до озера Лучай, 14-й кав. дивизии от г. дв. Старый до Мацуры, 3-й донской казачьей дивизии обеспечить левый фланг корпуса и занять фронт Константиново, Красна, Кузьмичи, Бояры [2]. Однако обнаруженные неприятельские ко-

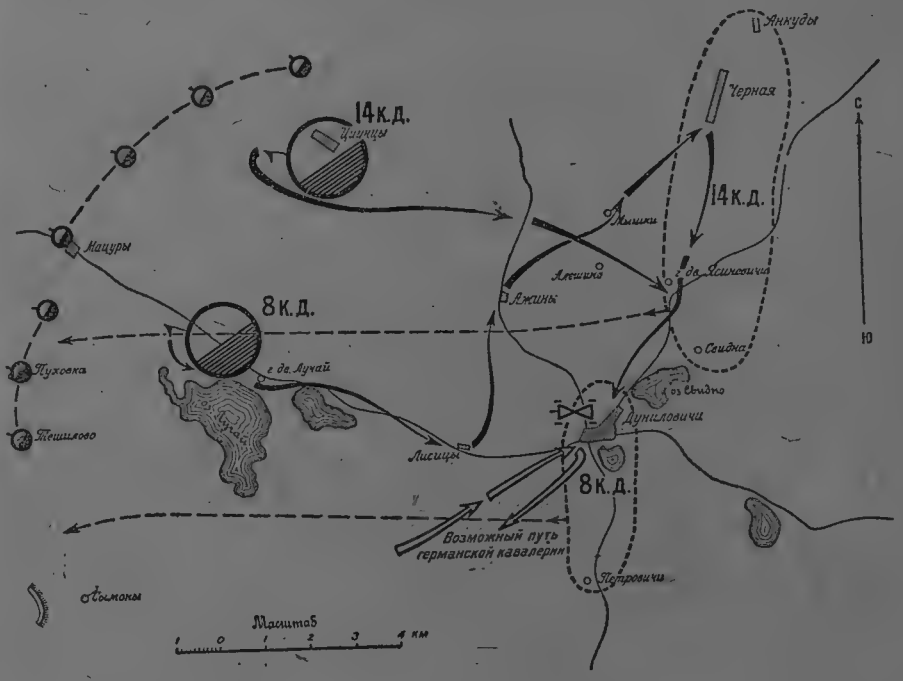

Схема 21. Деятельность 1-го конного корпуса 29.9 1915 г.

лонны следовали на смену завесе 1-го конного корпуса Рихтгофена, который с частями своего корпуса принимал к северу, и на Поставское направление вышли части 6-го конного корпуса Гарнье [3]. В занятом оборонительном положении 1-й конный корпус, конный отряд Казнакова, 3-я донская казачья дивизия находились до полудня 29.9, когда произошел неприятный эпизод.

В 11 час. 29.9 в м. Дуниловичи вошла, «возможно случайно забрела» [4], германская кав. бригада, которая частью рассеяла, а частью

[1] *М. Позек*, стр. 167.
[2] ВИА, д. № 84657, приказ № 1945.
[3] *М. Позек*, стр. 167 и 168.
[4] ВИА, д. № 84616, заметка наштакора 1-го конного в журнале военных действий.

и захватила расположенные здесь обозы 8-й кав. дивизии. Узнав о постигшем обозы 8-й кав. дивизии несчастьи, командир 1-го конного корпуса лично скачет в штаб 8-й кав. дивизии в д. Лучай и отдает устный приказ начальнику 8-й дивизии ген. Киселеву «собрать дивизию и через Лисицы наступать на Дуниловичи с запада». Одновременно начальнику 14-й дивизии было приказано с частями дивизии наступать с фронта ф. Алешино, г. дв. Ясиневичи, действовать на Дуниловичи с севера. Начальник 8-й кав. дивизии ген. Киселев лично на рысях двинулся с дивизией на Лисицы, здесь свернул на северо-восток на Ажины и далее на Мышки и Черная, т. е. в обход м. Дуниловичи с севера, открывая германской коннице дорогу в западном направлении на соединение со своими частями. Пока 8-я кав. дивизия двигалась на Черная, т. е. 10 *км* севернее объекта действий, немцы ушли и увели с собой часть захваченных обозов. Автор журнала военных действий 1-го конного корпуса так объясняет это происшествие: «Неприбытие дивизии Белосельского (3-й донской казачьей) и уход с назначенного направления 8-й кав. дивизии, зашедшая, возможно — случайно, конница противника ушла безнаказанно»[1].

Мы оставляем на совести командира 1-го конного корпуса его утверждение, что в Дуниловичи прорвалась германская кав. бригада, но во всяком случае М. Позек не преминул бы написать об этом в своей работе «Германская конница в Литве и Курляндии в 1915 г.». Можно допустить, что какой-нибудь германский эскадрон мог действительно появиться в Дуниловичи, вызвать здесь панику и исчезнуть, что же касается целой бригады, да еще с захваченной частью обозов 8-й кав. дивизии, то, сдается, что такое соединение не могло быстро появиться и бесследно исчезнуть. Не подлежат сомнению следующие факты: что в Дуниловичи имела место паника, что начальник 8-й кав. дивизии ген. Киселев заблудился с дивизией, наконец, что 1-й конный корпус в полном составе принял участие в поисках бесследно исчезнувшей германской кав. бригады. Как бы то ни было, а этими печальными событиями началась деятельность молодой конной армии ген. Орановского.

После долгих поисков германской кав. бригады на своих тылах конный корпус поздно ночью, а некоторые части только к утру, закончили бесплодные розыски и расположились в окрестностях Дуниловичи: 14-я кав. дивизия в районе Свидица, Анкуды, г. дв. Ясиневичи, 8-я кав. дивизия — в районе Дуниловичи, Петровичи, штакор 1-го конного — Сороки.

На 30.9 командир 1-го конного корпуса приказал наступать: 14-й кав. дивизии — вдоль железной дороги на Поставы, а 8-й кав. дивизии — южнее, в общем направлении на Маньковичи. Предпринятое поздно утром наступление к 13 час. привело 1-й конный корпус на рубеж Пуховка, Тешилова, Симоны, где части корпуса встретили окопавшегося противника и далее продвинуться не могли.

Тем временем конный отряд Казнакова имел боевые столкновения северо-восточнее Поставы, а сводный конный корпус Туманова в районе Сергеевичи, Гули (схема 22) вел успешные бои с конницей немцев, потрепал 4-й кирасирский полк, захватил свыше 100 повозок из обо-

[1] ВИА, д. № 84616, журнал военных действий 1-го конного корпуса.

за 3-й германской кав. дивизии и 50 пленных. С подходом к Волколата и Будслав передовых пехотных частей, сводный конный корпус перешел в район южнее 1-го конного корпуса в дд. Вороны, Поселово и ф. Смыч[1].

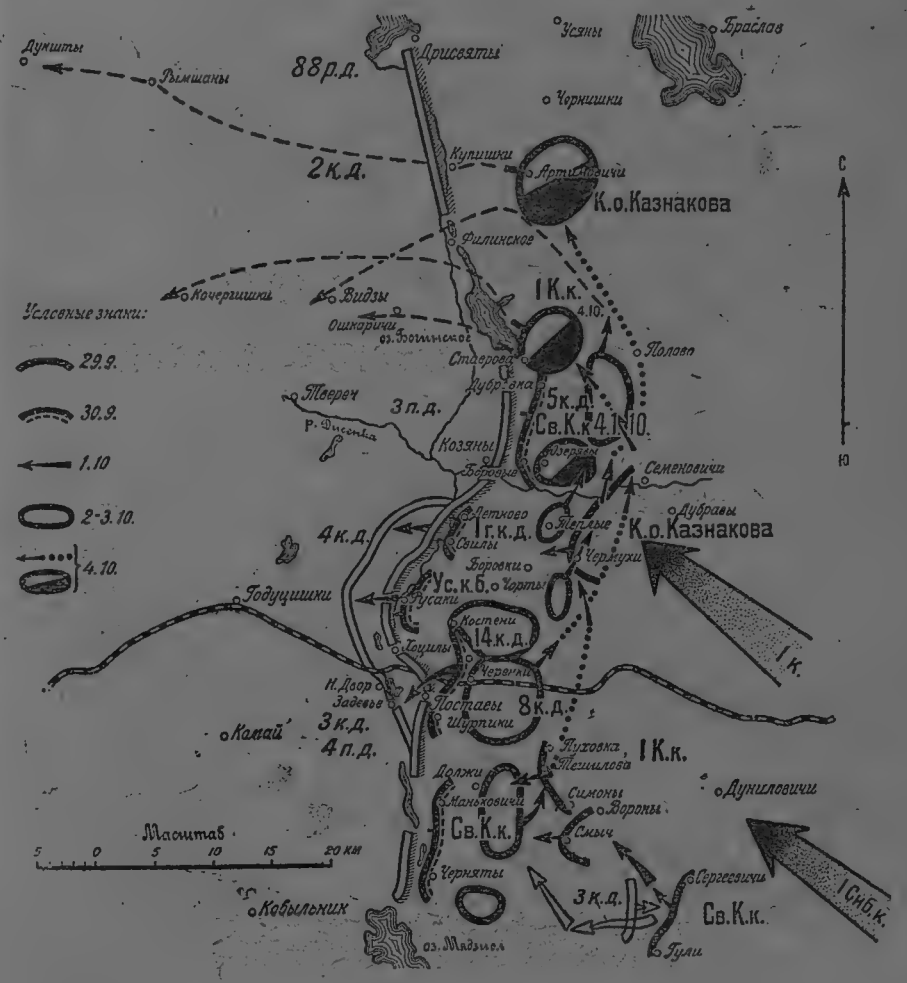

Схема 22. Боевые действия 29.9—4.10 1915 г.

Вечером 30.9 командир 1-го конного корпуса, взваливший на себя непосильную ношу командования, отдал приказ о наступлении 1.10. Сводному конному корпусу с 3-й донской казачьей дивизией было приказано наступать на фронт Шурпики, Черняты, «стремясь прорвать расположение противника и отбросить его на запад». 14-й кав. дивизии с от-

[1] ВИА, д. № 278931, л. 353—358.

рядом Потапова (всего 7 конных и 1 стр. полк) наступать к северу от железной дороги на Поставы и «выйти на линию Хоцилы, Новый Двор». 8-й кав. дивизии наступать южнее железной дороги на Поставы, «содействуя сводному конному корпусу на Задевье». Конному отряду Казнакова, гв. кав. дивизией и уссурийской конной бригадой «форсировать р. Мядзиолку на фронте Свилы, Хоцилы, а бригадой 5-й кав. дивизии удерживать наступающего противника от Козяны» [1].

Всем конным частям было приказано: «выбросить 9 разведывательных эскадронов для производства беспорядков в тылу противника» [2].

Таким образом конная армия Орановского 8½ дивизиями кавалерии атаковала фронт около 30 *км*, не имея сколько-нибудь выраженного направления главного удара, более или менее равномерно распределив полосы наступления подчиненных войск.

Перед фронтом наступавшей конной армии Орановского оборонялись на участке конного отряда Казнакова части 3-й пех. дивизии, 3-я кав. дивизия оборонялась у Поставы, а 4-я кав. дивизия — на участке р. Дисна, Чорты. 30.9 немцы имели приказ по армии, «ставивший 3-й и 4-й кав. дивизиям задачу выступить на Лучай навстречу русскому кав. корпусу Казнакова, обнаруженному севернее. Приказ этот не мог быть выполнен ввиду большого расстояния и плохих дорог» [3]. Почтенный автор, видимо, чего-то не договаривает, как и журнал военных действий 1-го конного корпуса. Расстояние до места расположения отряда Казнакова определялось не далее орудийного выстрела, во-первых; во-вторых, в районе Лучай находился не конный отряд Казнакова, а целая конная армия Орановского, чего не знали немцы по причине плохо организованной у них разведки, как и у русских. Вероятно, для невыполнения дивизиями приказа о наступлении были иные причины, как увидим ниже.

Едва рассвело, как на всем фронте конной армии русские перешли в наступление. К полудню, преодолевая сопротивление немцев, части 5-й кав. дивизии овладели Озерявы и Боровые, 1-я гв. кав. дивизия заняла Детково, Свилы, а уссурийская конная бригада — Русаки, отбросив части 4-й германской кав. дивизии. Тем временем части 14-й кав. дивизии и конного отряда Потапова успешно преодолевали лесной массив западнее Костени, Черенки, а 8-я кав. дивизия достигла восточной окраины Поставы и Шурпики, встретив здесь до 1½ батальонов пехоты и спешенные части 3-й германской кав. дивизии. Сводный корпус ген. Туманова также продвигался на своем участке, оттеснив передовые части немцев с фронта Маньковичи, Черняты.

В то время когда на всем фронте конной армии шел бой, к полю боя подходили передовые части 1-го арм. и 1-го сибирского корпусов, выдвинутые из резерва западного фронта. Появление пехоты вызвало дополнительно приказ Орановского «действовать более решительно и по форсировании р. Мядзелка и перешейков между озерами энергично продвигаться вперед» [4]. К вечеру 30.9 части конного отряда Казнакова очистили от немцев пространство восточнее р. Мядзиолка, но на запад-

[1] ВИА, д. № 84 57, приказ № 1969.
[2] ВИА, д. № 84616, журнал военных действий.
[3] *М. Позек*, стр. 168.
[4] ВИА, д. № 84657, приказ № 1978.

ный берег речки им продвинуться не удалось, так как по западному берегу речки проходила хорошо укрепленная и упорно обороняемая позиция немцев. К вечеру дивизии 1-го конного корпуса были на расстоянии 800 шагов от м. Поставы, упорно обороняемого пехотой и спешенной конницей немцев. Части 14-й кав. дивизии охватили местечко с се-

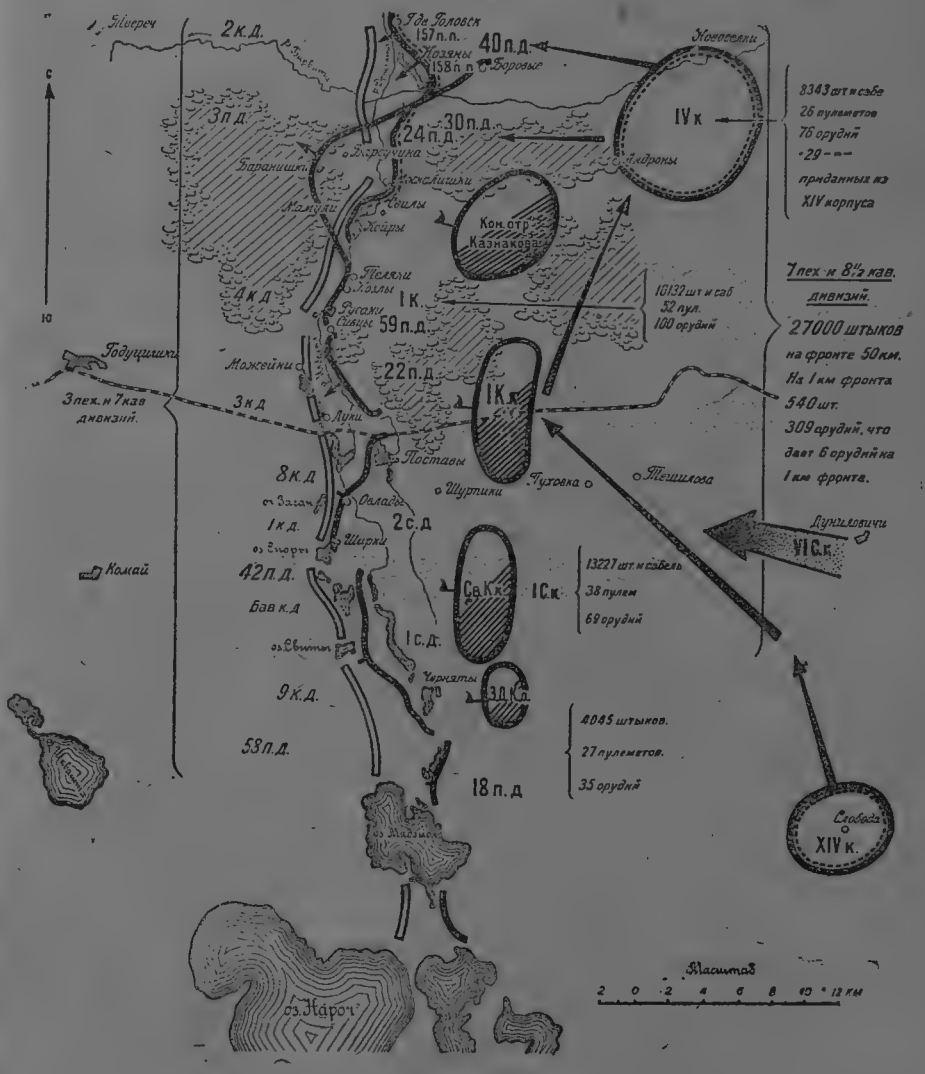

Схема 23. Боевые действия 1-й армии на Полоцком направлении

веро-востока, а 8-я кав. дивизия — с юго-востока. Сводный конный корпус тем временем был контратакован частями баварской и 9-й кав. дивизии и оставил Черняты, но контратака немцев на Маньковичи была русскими отражена. Подошедшей пехоте командующий западным фронтом приказал сбить немцев, а коннице Ораловского — развить успех

пехоты и продолжать выполнение ранее поставленных задач. В течение ночи в боевые порядки спешенной кавалерии влились части 24-й пех. и 2-й сибирской стр. дивизий.

На рассвете 1.10 части 24-й пех. дивизии и конного отряда Казнакова атаковали немцев на фронте Козяны, Русаки, переправились на западный берег р. Мядзиолка и прорвали фронт немцев. Но конница Казнакова, вследствие усталости, медлительности и отсутствия инициативы начсостава, не использовала успеха атаки и даже не преследовала немцев.

После огневой подготовки части 1-го конного корпуса в 7 час. 1.10 атаковали Поставы и овладели местечком после упорного уличного боя [1]. Но успех атаки на Поставы, как и успех 24-й пех. дивизии, не был использован, противник не преследовался. Вместо того чтобы преследовать отброшенные и расстроенные боем германские части, русская конница начала приводить себя в порядок и занялась передачей своих боевых участков подошедшей пехоте, чем воспользовались немцы для организации сопротивления на восточной опушке лесного массива за р. Мядзиолка и по высотам западнее Поставы.

Напрасно Орановский приказывал Казнакову броситься с конницей на Москалишки, Барсучина, Болотовельцы, Годуцишки для действий в тыл противнику. Конный отряд и его начальник не двинулись с места. Не двинулись вперед и части 1-го и сводного конных корпусов.

К вечеру пехота заняла исходное положение для наступления, сменив части конной армии, которые, воспользовавшись этим, по старой привычке отошли на восток за свою «вонючую пехоту» [2], расположившись: гв. кав. дивизия — Теплые, уссурийская конная бригада — в районе Боровки, 5-я кав. дивизия — Дубровка, 1-й конный корпус — Костени и южнее, сводный конный корпус — в районе Должи, 3-я донская — восточнее Черняты.

В этом положении конница провела два следующих дня, ожидая прорыва германского фронта пехотой.

Вечером 2.10 командующий западным фронтом с упреком писал командарму конной Орановскому: «Действия конницы за минувшие три дня до крайности вялы и нерешительны. От семи дивизий можно было ожидать, что они разобьют отходившие разрозненные конные дивизии противника, прорвутся в направлении Свенцяны... Пехотные корпуса уже догнали Вашу конницу...» [3].

Командарм конной вынужден был написать длинное объяснение по поводу постигших его конницу боевых невзгод, ссылаясь на условия местности, превосходство противника, его артиллерии, и притом неизменно тяжелой, которая во всех случаях была «козлом отпущения», хотя артиллерии тяжелых калибров могло и не быть. Чтобы смягчить гнев командующего фронтом, Орановский заключил свое объяснение традиционным заклинанием: «Все помыслы кавалерийских начальников направлены к тому, чтобы проникнуть в тыл к противнику, и они приложат к этому все усилия». Если говорить объективно, то одного желания

---

[1] ВИА, д. № 665, лл. 603, 631, 627.

[2] Так называл пехоту ген. Крымов, за что Орановский сделал ему упрек приказом по конной армии (ВИА, д. № 440, л. 126) и что вызвало большую склоку между генералами включительно до начальника генерального штаба.

[3] ВИА, д. № 84657, телеграмма № 6734.

русских кав. начальников было далеко недостаточно для удара по германским тылам. И если уж говорить правду, то в германских тылах русским генералам вообще не часто доводилось бывать [1].

На 3.10 командующий фронтом поставил задачу 1-му арм. и 1-му сибирскому корпусам прорвать фронт Тверец, Гелуты, Годуцишки, Комай, озеро Большая Швакшта. Этот удар для прорыва фронта почти в 50 *км* двумя слабыми корпусами заранее был обречен на неудачу. Предпочтительно было атаковать фронт 8—10 *км* с расчетом на успех прорыва, но этого не сделал ни командующий фронтом, ни низшие инстанции. Таким образом дивизии, построившись равномерно на отведенном фронте, пошли в наступление. Конные части содействовали этому наступлению на всем фронте атаки от Волоцки до Черняты, оказывая поддержку огнем конных орудий.

К этому времени фронт немцев севернее озера Мядзиол заняли уже 42-я и 58-я пех. дивизии, вперемежку с частями 3-й, 4-й, 9-й и баварской кав. дивизий, а южнее озеро Дрисвяты оборонялись 88-я рез. и 3-я пех. дивизии и 1-й конный корпус Рихтгофена, т. е. соотношение сил было почти соответственное с превосходством в коннице на стороне русских на две кав. дивизии. Таким образом наступление русских 3.10, в общем, успехом не увенчалось, если не считать отличных действий отдельных полков 24-й пех. дивизии [2].

Ночь с 3 на 4.10 конница провела во втором эшелоне своей пехоты на линии Василина, Детков, Ляпоси, Сивцы, Поставы, Черняты.

Вечером 3.10 командующий фронтом дал следующие указания командарму конной Орановскому: «Если Вы не рассчитываете прорваться в направлении на Свенцяны, то считаю соответственным собрать Вам большую часть Вашей конницы на правом фланге 1-й армии и отсюда развить действия в тыл Двинской группе противника, что окажет влияние на оборону Двинска и обеспечит правый фланг 1-й армии, если противник начнет перебрасывать силы с Двинского направления на Полоцкое» [3].

Выполняя это указание, командарм конной вечером же отдал приказ на 4.10, дав коннице следующие задания: конному отряду Казнакова перейти в район Ок. Артимовичи, 1-му конному корпусу — сосредоточиться в районе Ставрово, сводному конному корпусу —двигаться через Черемухи и сосредоточиться 6-й и 13-й кав. дивизиям Боровые и 3-й донской — южнее Боровые. Штарм конной — в г. дв. Полово [4]. Весь день 4.10 конные корпуса маршировали в указанные им районы, перерезая тылы 1-го сибирского и 1-го арм. корпусов. Так как маршировать конница была более обучена, чем драться, то марш прошел успешно.

Вечером 4.10 командарм конной дал следующие боевые задания подчиненной ему коннице: «Форсировать р. Дрисвятица с целью действовать в тыл Двинской группе противника, для чего конному отряду Казнакова наступать через Купишки, форсировать реку и затем наступать на Рымшаны, Дукшты. Выслать четыре отряда по три эскадрона каждый с одним орудием в направлениях: первый — на Жигунцы, Дрисвяты,

[1] ВИА, д. № 84657, донесение № 1998.
[2] ВИА, д. № 665, л. 635.
[3] ВИА, д. № 381, л. 235.
[4] ВИА, д. № 84657.

второй — на Рымшаны, Вишнев, третий — на ст. Дукшты и четвертый — на З. Иваново». Задача всех четырех отрядов «внести беспорядок в тылах противника». 1-му конному корпусу наступать по дорогам к востоку от озера Богинское, переправившись через него у Филинское, или обойти его через ф. Хвосты, далее переправиться через Дриссятицу между Буби и Юрши и, заслонившись в сторону Видзы, наступать на Кочергишки. Сибирский казачьей бригаде оставить один полк в Дубровке, а прочим следовать через Ставрова, переправиться у Ковшиники, Ковали и наступать на Ошкаричи для содействия 1-му конному корпусу и атаковать Видзы. Сводному конному корпусу наступать через Полово, Ок. Артимовичи. В дальнейшем занять переправы, имея в виду двигаться на Видзы. 3-я донская казачья дивизия должна остаться на Козянском направлении для содействия 1-му арм. корпусу.

Высланной с вечера разведкой было установлено, что в районе Дриссяты действуют одна кав. дивизия и одна рота пехоты. На самом же деле перед фронтом конной армии Орановского оборонялась группа Рихтгофена в составе 1-го конного корпуса и двух пехотных дивизий [1].

Наступательные действия русской конницы и на этот раз закончились неудачно.

5. Выводы

1. Командование северного фронта, 2-й и 5-й армий продолжало весьма неудачно распоряжаться вверенной им конной массой, действовавшей на стыке фронтов. Конница вместо удара на юг во фланг и тыл 10-й германской армии в наиболее благоприятный момент разрыва между германскими армиями и в период их перегруппировок тянется на север для обеспечения локтевого взаимодействия с пехотой 5-й армии, оборонявшей Двинские позиции. Действия самой конницы попрежнему не отличаются боевой активностью, если не считать уссурийской конной бригады, успешно прорвавшей германский фронт и учинившей панику действиями в германском тылу. Что касается задачи прикрытия фланга армии в подобной обстановке, то представляется, что лучшим средством прикрытия будет не плечевая связь с пехотой, а действия на фланг и тыл противника, пытающегося охватывать армейский фланг.

2. Кавалерия западного фронта, вследствие задержек на Вилии, происшедших по вине командарма 2, командиров 1-го конного и 20-го арм. корпусов опоздала нанести решительное поражение германским кав. дивизиям на Вилии, что русская конница могла сделать и, как мы видели, в чем она имела частные успехи, своевременно не поддержанные дивизиями Орановского. Вследствие промедления главная масса русской конницы вышла на Полоцкое направление одновременно с правофланговыми пех. частями западного фронта и позднее кавалерии северного фронта.

3. Объединение конной массы из трех корпусов под одним командованием представляется целесообразным, так как в этом случае конница в массе обретает особую ударную способность, однако, при том условии, если во главе управления будет поставлен толковый кав. начальник, способный выбрать направление для действий и объединить усилия своей

[1] *М. Позек*, стр. 168, 169—172.

конницы на избранном направлении, как это имело место у нас с 1-й конной армией. Если же такое объединение носит скорее административный, нежели оперативный характер, как это было у Ораовского, то от такого объединения предпочтительнее отказаться, так как оно не дает преимуществ. В то время когда кав. дивизии дерутся на Вилии, они в разных пунктах в разное время имеют успех, но ни одна из дивизий не поддерживает успешных действий соседа, а когда соседа контратакуют, то другой не приходит на помощь, а высший кав. начальник не руководит действиями дивизий в динамике боевых действий. То же самое повторяется и в дальнейшем.

Начальник конной массы занимался, как мы видели, отдачей очередных приказов с постановкой суточных задач корпусам.

4. Действия конницы обычно на широком фронте предпочтительнее перед действиями на узких фронтах для маневрирования. Однако русские кав. начальники, действуя на широком фронте, предпочитали распылять в пределах отведенного пространства свои силы, вместо того чтобы выбрать объект их приложения, маневр к нему (скрытый и быстрый), а затем нанести удар сообща на узком фронте. Прорыв фронта обороны германской кавалерии в районе Поставы мог иметь успех в том случае, если бы Орановский сосредоточил на узком фронте два корпуса, а одним парализовал силы противника на широком фронте. Наступление же на растянутом фронте, естественно, не давало решительного успеха. А в тех случаях, когда напряжением усилий такой успех достигался в том или ином пункте, конница часто бывала настолько перенапряжена, что оказывалась не в состоянии преследовать отходившего противника.

5. Конница упускала случай использовать успешные действия пехоты. Причиной этому являлось отсутствие умения выбрать время и место развития успеха пехоты. У русских часто конница ждала прорыва в том месте, где его не совершалось, и отсутствовала там, где прорыв был. Более того: конница бросалась для развития успеха, когда еще не было достаточного надлома противника, и встречая его губительный огонь, отходила или, выжидая в нерешительности, стояла тогда, когда надо было развивать успех. Гарантией своевременного по времени и месту ввода кавалерии для развития успеха могут быть соответствующая группировка ее и быстродействующая связь, а определение места и времени броска для развития успеха должно быть предоставлено командирам дивизий.

ГЛАВА IX

РАЗВЕРТЫВАНИЕ 1-й АРМИИ НА ПОЛОЦКОМ НАПРАВЛЕНИИ И ЕЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

1. Развертывание корпусов 1-й армии (схемы 24 и 25)

Еще 24.9 командующий западным фронтом изложил начальнику штаба главкома свои соображения о действиях на стыке северного и западного фронтов. Он докладывал: «наступление 2-й армии хотя и развивается, но идет крайне медленно, противник упорно удерживается и, несомненно, будет стягивать к этому фронту значительные силы. На усиление 2-й армии уже двигаются в район Красное, Радошковичи 1-й арм. и 1-й сибирский корпуса. Наметил к выводу еще по одному корпусу из 1-й и 4-й армий и один или два корпуса из 10-й армии, но от 1-й и 4-й армий корпуса могут подойти через 6—8 дней. Если при содействии 20-го, 1-го арм. и 1-го сибирского корпусов 2-я армия принудит противника к отходу и займет указанную ей линию озеро Нароч, озеро Вишневское, Данюшево, то выполнение затем указаний гос. имп. и вывод 2-й армии на фронт Козяны, Поставы или даже Глубокое, Докшицы исполнить будет весьма трудно. Придавая громадное значение занятию района к западу от Полоцк и Дисны на линии или Глубокое, Докшицы или, еще лучше, Козяны, Поставы, Кобыльник, я полагал бы выполнить это следующим образом. 2-й армии в ее настоящем составе четырех корпусов продолжать развивать свое наступление, усилить ее одним или двумя корпусами от 10-й армии, что полагаю возможным исполнить ввиду сокращения ее фронта почти вдвое. Находящиеся ныне 20-й корпус в районе Вязынь, Илия, 1-й армейский, прибывающий сегодня в Хохло, и 1-й сибирский, прибывающий 26.9 в Радошковичи, объединив под общим начальством временно ген. Плешкова, а затем, выделив для командования ими штаб 1-й армии, направить через Крайск, Плещеницы на Докшицы. С выходом затем на фронт Докшицы, Глубокое, эту армию совместно с 21-м корпусом впоследствии и присоединить к северному фронту. Независимо этого для упрочения этой группы и 2-й армии вывести из состава 1-й и 4-й армий еще по одному корпусу, которые и отвести в район Илия, Крайск. Оставшиеся корпуса 1-й армии присоединить частью к 10-й, а большей частью к 4-й армиям с выделением от последней одного корпуса в 3-ю армию. Прошу сообщить, признаются ли настоящие соображения соответственными и последует ли их одобрение. Прошу спешного ответа, так как с исполнением нельзя медлить» [1].

[1] ВИА, д. № 439, л. 256.

Эти соображения вполне отвечали обстановке, так как немцы, в свою очередь, совершали подобную же перегруппировку своих войск к северу, что при замедлении со стороны русских могло снова поставить их пе-

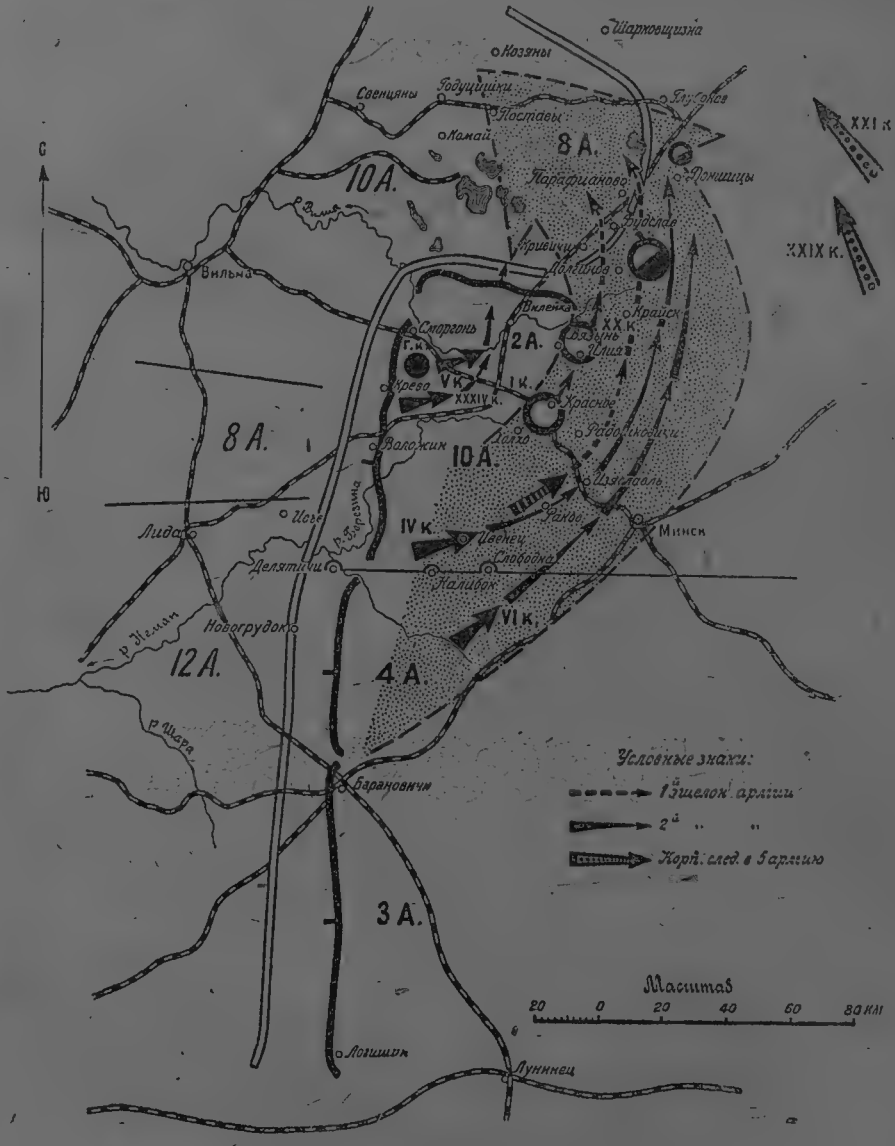

Схема 24. Группировка корпусов западного фронта и развертывание 1-й армии.

ред возможным прорывом немцев на русские тылы, но на этот раз уже двумя конными корпусами (1-м Рихтгофена, собравшимся южнее Дрисвяты, и 6-м Гарнье, стянувшимся на Полоцкое направление).

Начальник штаба главкома, попрежнему не смогший охватить руководство армиями, должен был целиком одобрить инициативу командующего фронтом. Это подтверждается в соответствующей директиве начальника штаба главкома, который 25.9 писал: «Занятием Вилейки и фронта Курлишки, Купля, Чернишки, подходом 20-го корпуса и ожидаемым прибытием 1-го сибирского существенно важным является скорее твердо стать на линию Козяны, Поставы, Кобыльник, Мядзиол, Вилейка. По слагающейся обстановке эта задача, повидимому, может быть выполнена скорее и удобнее 20-м и 1-м сибирским корпусами. Ввиду этого тос. имп. ставит ближайшей задачей установление непосредственной пехотной связи между фронтами на операционном направлении от Свенцяны на Полоцк и Витебск, пользуясь для сего теми войсками, кои удобнее всего могут достигнуть этой цели, и имея в виду, что захождение правого фланга 2-й армии от Вилейки к озеру Нароч может потребовать продолжительного времени. При данной обстановке выигрыш каждого дня имеет важное значение как для общего положения, так и для обеспечения левого фланга 5-й армии. Окончательный состав 2-й армии будет определен, сообразуясь с обстановкой, по достижении указанной цели» [1]. Кроме того начальник штаба главкома отдельной телеграммой от имени царя одобрил целиком соображения командующего западным фронтом, добавив от себя: «...Полагал бы маневрирование, довольно сложное для выполнения этого плана, оставить на штабе 2-й армии, изменяя постепенно состав прочих армий в смысле увеличения протяжения по фронту 3-й, 4-й и 1-й. Вопрос этот, конечно, будет решен своевременно, думаю лишь, что 2-я армия проявляет более уменья руководить маневром» [2].

Корректив начальника штаба главкома был справедлив, но по другим мотивам, чем те, которые он указал. 20-й, 1-й арм. и 1-й сибирский корпуса маршировали по тылам 2-й армии, пересекая все пути ее подвоза и эвакуации. По характеру маневра корпуса, следовавшие уступом назад, должны были пристраиваться к правому флангу 2-й армии последовательно один за другим, прикрываясь с фронта конными массами, объединенными под командой командира 1-го конного корпуса Орановского, находившегося в то время в подчинении командарма 2. Таким образом штаб 2-й армии волей-неволей был призван прикрывать развертывание вновь выдвигаемых корпусов и регулировать их марши с точки зрения распределения дорог и районов, чтобы корпуса не мешали один другому и не нарушали работы армейского тыла. Эти мотивы, на наш взгляд, являлись основными. Что же касается умения штаба 2-й армии руководить маневром, то в этом вопросе начальник штаба главкома явно заблуждался, так как штаб 2-й армии в период подхода корпусов на фронт Молодечно, Сморгонь, Солы, а позднее с вводом в бой 14-го корпуса и 45-й пех. дивизии на своем правом фланге справился плохо, корпуса были плохо нацелены, не было выражено ни в одном пункте сгустка войск, наносивших главный удар, корпуса не маневрировали и штаб армии не направил их маневра во фланг противнику. Особенно неуклюже штаб руководил маневром конной массы на фланге своей армии, ставил

---

[1] ВИА, д. № 439, л. 257.
[2] ВИА, д. № 439, л. 258.

ей нелепые задачи до вылавливания разъездов противника включительно. Если же говорить, какой штаб армии лучше справился с маневрированием, то пальму первенства следовало передать штабу 10-й армии, благополучно вытащившему свои корпуса из мешка севернее Вильны, и штабу 2-го арм. корпуса, работавшему в качестве штаба арм. группы Флута, руководившему боями с перевернутым фронтом и также благополучно сумевшему отвести войска из полуокружения в районе Солы, Неменчин. За два дня до получения одобрения своих приказов развернуть 1-ю армию, т. е. 23.9, комфронта приказал: 20-му арм. корпусу 24.9 перейти в район Вязынь, Илия. Командарму 1 приказал направить из Ивенец, через Раков, Радошковичи 1-й сибирский корпус в два перехода и сосредоточиться в районе Радошковичи 26.9 [1]. На другой день командарму 1 было приказано 1-й арм. корпус 24.9 перебросить в район Березовцы, Хохло [2].

Вместе с тем командующий фронтом сам вынужден был вмешаться в руководство боевыми действиями войск 2-й армии. Командарм 2 плохо разбирался в обстановке, маневрирования его корпусов вовсе не было. Это обстоятельство вызвало вмешательство комфронта, который писал командарму: «...разведка Вашей конницы совершенно не проявилась и дальше Вилии конница еще не пошла, и я считаю вопрос о том, имеются ли пехотные части в направлении на Кривичи, Будслав, совершенно еще невыясненным. Направление 20-го корпуса из Молодечно на Речки приводит к лобовому удару. Против Вас пока лишь 115-я дивизия. У Вас еще не введен в дело 14-й корпус и его направление на Речки должно еще сказаться, если он проявит такое же упорство и настойчивость, как и противник. Перебросить скоро и в значительном числе корпуса за правый фланг я не могу, и потому данное мною направление 20-му корпусу в район Илий оставляю в силе. Потребуйте от конницы вновь не лобовых ударов, а действий во фланг и тыл противнику» [3].

24.9 командарму 10 было отдано приказание выделить немедленно не менее двух корпусов в резерв, чтобы направить их на усиление 2-й армии, а кроме того находившемуся в арм. резерве 5-му корпусу изготовиться к походу на усиление 2-й армии. При этом командующий фронтом писал, что это выделение независимо от собираемых им в резерв корпусов от других армий фронта [4].

Помимо всего 24.9 командующий фронтом приказал командарму 1 вывести в резерв еще один корпус, «*отнюдь не из числа слабых по составу*», и в зависимости от обстановки сосредоточить его в районе или Ивенец, или в районе Воложин [5].

Таким образом командующий фронтом в течение 23 и 24.9 принял решение вывести в резерв фронта, кроме уже выведенных 20-го, 1-го сибирского и 5-го армейского — еще четыре корпуса по два из 10-й и 1-й армий.

---

[1] ВИА, д. № 381, л. 146а.
[2] ВИА, д. № 152, л. 275.
[3] ВИА, д. № 381, лл. 150 и 151.
[4] ВИА, д. № 381, лл. 152 и 153.
[5] ВИА, д. № 381, л. 154.

2. Маневр вновь формируемой армии на Полоцкое направление (схема 25)

24.9 командующий фронтом на основании указаний начальника штаба главкома отдал первую директиву о выдвижении головного 20-го корпуса: «На фронте 2-й армии противник упорно обороняется, переходя в контратаки на фронте 4-го сибирского корпуса, где значительно усилился. Против 10-й, 1-й и 4-й армий тихо. Против 3-й армии переходил в наступление на арьергарды, но успеха особенного не имел. 31-й корпус после двухдневного боя разбил у Логишина пять германских полков, вынудил их к беспорядочному отступлению и взял орудие, 7 пулеметов, 7 офицеров и 500 нераненых нижних чинов. Приказываю: 2-й армии настойчиво продолжать наступление, 10-й, 1-й, 4-й и 3-й совершенствовать свои позиции и упорно удерживать на них противника. 10-й армии направить 5-й арм. корпус на поддержку 2-й армии в район по соглашению с командующим 2-й армии. 20-му корпусу, следуя в направлении через Долгиново на Докшицы, овладеть переправами на Вилии между Погост и Сосенка и сосредоточиться в районе Крайск, Заболотье. 1-му арм. корпусу перейти в район Красное, Карпицкая» [1].

25.9 командующий фронтом отдает новую директиву, изменяющую замысел маневра: «Наступление 2-й армии, вследствие упорного сопротивления противника и усиления его сил, развивается медленно и на скорое занятие фронта озеро Нароч, озеро Вишневское, Данюшево и переброску затем 2-й армии согласно указаниям гос. имп. на линию Козяны, Поставы, Кобыльник рассчитывать трудно. Для скорейшего прикрытия направления на Полоцк и Дисну и установления прочной связи с 5-й армией назначаю 20-й, 1-й арм. и 1-й сибирский корпуса, из коих 20-й к 25-му числу должен сосредоточиться в районе Крайск, Заболотье, овладев переправами на Вилии от Погоста до Сосенка, 1-й армейский к тому же времени — сосредоточиться у Красное, 1-й сибирский 26-го подойдет к Радошковичи. Корпуса эти с 12 час. дня 25.9 подчиняю командующему 2-й армией. Ген. Смирнову приказываю, отнюдь не притягивая этих корпусов к правому флангу армии, наступающему на фронт Нароч, Данюшево, направить непосредственно через район Крайск, Долгиново на фронт Докшицы, Глубокое.

С занятием этого фронта корпусам перейти в наступление на фронт Поставы, Кобыльник. Довольствие корпусов возлагается на попечение 2-й армии» [2].

Командарм 2, получив приведенную выше директиву командующего фронтом, счел нужным доказывать необходимость пристроить эти корпуса к правому крылу его армии и направить не на северо-запад, на Полоцкое направление, а на запад, в лоб немцам, оборонявшимся перед фронтом 2-й армии, чтобы ускорить продвижение своего правого фланга, который все еще дрался недалеко от Вилейки, преодолевая сопротивление подошедших германских пех. дивизий [3].

Верный своему плану операции, командующий фронтом ответил: «Согласиться на это никак не могу. Такое назначение 20-го и 1-го кор-

---

[1] ВИА, д. № 381, лл. 155 и 156.
[2] ВИА, д. № 381, лл. 157 и 158.
[3] ВИА, д. № 665, л. 323.

пусов вело бы только к разрешению частной задачи успеха в районе Вилейка. Общее положение фронта требует прочного обеспечения направления на Полоцк, Витебск. Эта задача настолько важна, что она должна быть исполнена даже тогда, если бы это повлекло к отходу на линию Вилейка, Минск. Ввиду этого и согласно указанию гос. имп. вновь повторяю мое требование, чтобы подчиненные мною Вам корпуса 20-й, 1-й и 1-й сибирский отнюдь не притягивались к выполнению частной задачи, а выполнять ту, которая указана мною» [1].

Но вместе с тем, внимая просьбам командарма 2 об усилении его правого фланга, командующий фронтом приказал командарму 10 направить в распоряжение командарма 2 34-й арм. корпус, а в резерв 10-й армии вывести новый корпус [2].

Насколько выдвижение 20-го, 1-го арм. и 1-го сибирского корпусов на Полоцкое направление соответствовало обстановке, настолько направление новых корпусов 10-й армии на фронт 2-й армии вызывает сомнение. Усиление немцев в районе Вилейка, озеро Нароч могло происходить и происходило за счет войск, снимаемых и перебрасываемых с фронта 10-й армии, о чем знал комфронта по данным войсковой, агентурной и авиационной разведки. Немцы растягивали свои войска перед фронтом 10-й армии, стремились упрочить свое положение на севере, к тому же стремился и командующий фронтом. Однако немцы делали это ввиду наступления 2-й русской армии и выдвижения трех новых корпусов на Полоцкое направление. Русские же свое усиление на фронте 2-й армии основывали на перегруппировке немцев. Получалось взаимное стремление обоих противников удлинять фланги на север. В этой обстановке корпуса 10-й армии могли сделать не меньше, если бы они вместо марша на фронт 2-й армии предприняли наступление против растянутого расположения немцев в полосе между рр. Вилия и Березина. Это крайне осложнило бы положение немцев, вынужденных парировать наступление русских на Полоцком направлении и по водоразделу между рр. Вилия и Березина.

Такое наступление, даже с ограниченной или просто демонстративной целью, могло дать более, чем лобовые атаки в озерных дефиле севернее Вилии. Но русские в этот период продолжали еще болезненно относиться ко всякому движению противника вдоль фронта и отвечали таким же передвижением.

Тем временем корпуса, предназначенные на Полоцкое направление, закончили свое сосредоточение, и командующий фронтом 26.9 отдал определенную директиву этим корпусам для их самостоятельных действий.

«Предназначенная для действий на операционном направлении Свенцяны, Глубокое, Полоцк, 2-я армия ведет ныне упорный бой на линии Сосенка, Вилейка, Данюшево, и продвижение ее в район Докшицы, Глубокое неосуществимо. Предназначенные вновь и уже отправленные в этот район 20-й, 1-й арм. и 1-й сибирский корпуса хотя временно и подчинены ныне командующему 2-й армией, но с выдвижением их в район Докшицы, Глубокое группа эта получит совершенно отдельную задачу, свою операционную линию, свой тыл и управление ею, поддержание

[1] ВИА, д. № 381, л. 160.
[2] ВИА, д. № 381, лл. 161 и 162.

связи, организация тыла и довольствие для 2-й армии будут до крайности затруднены. Ввиду этого для управления этой группой предназначаю штаб 1-й армии с ген. Литвиновым во главе. Для сего приказываю: сводный, осовецкий и 38-й корпуса и 2-ю пех. дивизию включить в состав 10-й армии. 1-й туркестанский, 35-й арм. и 5-й сибирский корпуса и 5-ю донскую казачью дивизию — в 4-ю армию. 9-й корпус из 4-й армии передать в 3-ю армию. Разграничения устанавливаются: между 10-й и 4-й армиями: Делятичи, Налибок, Слободка, Чапля, Прилучки, Шейбики, Загорье, Руда-Черновская, р. Уша, Орешковичи, Купленка, Смолиговка, Дабрейка — все для 4-й армии включительно; между 4-й и 3-й армиями: Крошин, Снов, Кваче, Насеки, Бобовые, Кучинка, Талька, Холуп, Свислоч, Ключев, сл. Каровчина, Седичи — все для 4-й армии включительно. Время перехода корпусов устанавливается 12 час. ночи с 26 на 27.9, к какому времени должна быть установлена прочная связь со вновь вошедшими в армии корпусами. Выделенные согласно ранее отданному приказанию из 1-й армии 4-й корпус и из 4-й армии 6-й сибирский корпус направить: первый из них — в район Красное, куда и прибыть ему 29.9, а второму направиться в Радошковичи, куда и прибыть 1.10. До прибытия в назначенные районы довольствие корпусов 4-й армии — попечением 10-й армии, а 6-го сибирского — попечением 4-й армии, а затем оба корпуса поступают на довольствие попечением 2-й армии. Штабу 1-й армии направиться 27.9, по сдаче управления корпусами, через Минск в Борисов, дальнейшее движение по обстановке или в Лепель, или в Полоцк» [1].

Несмотря на обстоятельные задания корпусам, выделенным на Полоцкое направление, командующий 2-й армией пытается ввести их в бой возможно ближе к своему правому флангу, чтобы тем самым облегчить выполнение своей задачи. Это обстоятельство вновь заставляет командующего фронтом указывать командарму 2 порядок осуществления маневра. «Прошу настоятельно потребовать, — пишет командующий фронтом,— чтобы 1-й арм. и 1-й сибирский корпуса, не ввязываясь в бой, тем более за центром 20-го корпуса, а под прикрытием его, двигаясь восточнее, выигрывали фланг и наступали в направлении на Докшицы. С занятием указанного 20-му корпусу фронта Будслав, Кривичи и с продвижением 1-го арм. и 1-го сибирского корпусов на Докшицы 20-й корпус может развивать наступление в общем направлении на Поставы, одновременно с наступлением 1-го арм. и 1-го сибирского корпусов на фронт Волколатка, Дуниловичи» [2].

Но и этого оказалось недостаточно для командарма 2. Командующий фронтом 28.9 вновь вынужден был писать ему: «Директивой 1214 1-му арм. корпусу указано занять фронт Мал. Ситцо, Будслав. Такое положение этого корпуса, имея перед фронтом лесисто-болотистое пространство, считаю нежелательным. Оно притягивает этот корпус к сфере действий 2-й армии, удаляет от главного операционного направления от Полоцка на фронт Поставы, Кобыльник, делает его пассивным, лишая свободы маневрирования. В результате два корпуса—20-й и 1-й армейский—будут отвлечены от основной их задачи. Если 20-й корпус благо-

[1] ВИА, д. № 381, лл. 163—166.
[2] ВИА, д. № 381, лл. 173 и 174.

Схема 25. Маневр 1-й русской армии на Полоцком направлении.

даря нерешительным и медлительным действиям вовлечен в бой на Вашем правом фланге и временно вынужден оставаться в сфере действий 2-й армии, то по крайней мере 1-й арм. и 1-й сибирский корпуса должны быть обязательно выведены в район Глубокое, Докшицы, что дает им свободу маневрирования, обеспеченный тыл на Полоцк и возможность действовать наступательно или на фронт Поставы, Кобыльник, или во фланг противнику, если он будет теснить 2-ю армию. Поэтому вновь прошу Вас не задерживать остальные корпуса, притягивая их плечом к плечу к остановившемуся 20-му корпусу, а от последнего потребовать более решительного наступления, сильных резервов за своим правым флангом и не останавливаться на одних лобовых ударах, а решительно давить на фланг противника. Потребуйте от ген. Евреинова объяснений его нерешительных действий в течение минувших двух дней. Совершенно недопустимо, чтобы сильнейший на всем фронте корпус останавливался перед бригадой, много дивизией, противника, занявшей лишь накануне свободный фронт, и действовал менее решительно, чем спешенная конница. Если этому причиной отсутствие должной энергии, настойчивости и решительности начальников, то таковые должны быть отчислены от занимаемых должностей» [1].

Справедливость требует, однако, заметить, что командующий 2-й армией и командующий западным фронтом были под впечатлением воображаемого обхода правого фланга западного фронта. Этому во многом содействовали командир 3-й донской дивизии — Белосельский и начштаба северного фронта, создавшие легенду об обходе правого фланга с Полоцкого направления.

24.9 наштарм 2 ген. Квецинский, разбираясь в обстановке и сведениях о противнике, писал командующему фронтом: «Донесение кн. Белосельского-Белозерского при детальном изучении представляется малодостоверным, оно основано на донесении одного лишь сотника Гольцева, указывающего, что представляемые им сведения получены от жителя. Из донесения не видно, где опрос их был произведен, откуда сами жители почерпнули сведения, кто они, сколько их и насколько они заслуживают доверия, наконец, вряд ли два полка пехоты имели бы при себе лишь два орудия. Только что полученное донесение того же кн. Белосельского в полной мере опровергает его же донесения. Из донесения видно, что в Докшицах была и прошла на Долгинов лишь 9-я кав. дивизия, с которой ведет борьбу со вчерашнего дня конница ген. Ореховского и кн. Туманова. Изложенное приводит к заключению, что движение пехотных колонн неприятеля от Докшиц на Минск в обход правого фланга армии *не существует...*» [2].

Кроме того 10.9 в районе Поставы уссурийской конной бригадой были захвачены в плен обозный солдат конной артиллерии 9-й германской кав. дивизии и вахмистр лейб-гусарского полка 2-й германской кав. дивизии, отбившиеся от своих частей. Обозный артиллерист при опросе показал, что «германская кавалерия должна связаться в русском тылу с Маккензеном» (сообщение кап. Гюгенгебель от 11.9 № 5867) [3].

---

[1] ВИА, д. № 138, лл. 174а и 175.
[2] ВИА, д. № 665, л. 361.
[3] ВИА, д. № 196999, телеграмма № 5867.

На этом основании 12.9 начальник штаба северного фронта телеграфирует в штаб главкома и командующего западным фронтом: «По показанию пленных германских кавалеристов их группе поставлена была задача связаться с Макензеном в тылу русских» [1].

Эти данные обусловили боязнь русских за свой правый фланг, хотя в штабе главкома и командующего западным фронтом отлично знали, что Макензен действует южнее Полесья и что для связи с ним вряд ли будет достаточно 5—6 кав. дивизий, брошенных в тыл русским. Если бы германская конница решилась на подобное предприятие, то вероятнее всего не далее северо-восточной опушки Полесья германским кавалеристам довелось бы сдаваться в плен.

3. Боевые действия 20-го корпуса

В свое время мы уже имели случай говорить о боевой деятельности 20-го корпуса в связи со сменой им конных частей Ораповского на переправах через Вилию.

25.9 командарм 2 поставил 20-му арм. корпусу задачу: «энергичным решительным ударом выбить конницу противника и овладеть переправами на р. Вилии» [2].

26.9 командарм 2 сделал упрек командиру 20-го корпуса, известный нам уже в другой связи (запоздание со сменой конницы).

27.9 командарм 2 приказал: «20-му корпусу, обрушившись всеми силами на противника 27.9 во что бы то ни стало, выйти на фронт Кривичи, Будслав». Кроме обычного приказа комкору 20-го армейского ген. Евреинову, командарм 2 писал личное обращение о необходимости выполнить поставленную боевую задачу [3].

В результате всего написанного комкору 20 части его корпуса в течение первой половины дня 27.9 продолжали вести огонь по немцам, занимавшим правый берег р. Вилия, хотя сосед слева — уральская казачья дивизия — в этот день овладел Сосенка и захватил даже 144 пленных [4]. К вечеру же дивизии 20-го арм. корпуса переправились через Вилию и начали наступление на фронт Долгинов, Жары, Дземидки [5].

28.9 командарм 2 в боевом приказе армии писал: «20-му корпусу энергично продолжать наступление и непременно выйти на фронт Алжутки, Малышки...» [6] и снова писалось особое обращение к комкору 20 о необходимости выполнить боевую задачу. После длинного перечисления важности стоящей перед корпусом задачи командарм 2 писал: «Ввиду изложенного приказываю Вам вести наступление решительно и выйти во что бы то ни стало на фронт Алжутки, Малышки, это тем более возможно, что на фронте Долгинов, Каменка против вас спешенная конница» [7].

---

[1] ВИА, д. № 196975, телеграмма № 266.
[2] ВИА, д. № 278931, лл. 263 и 264.
[3] ВИА, д. № 278931, лл. 238, 239 и 242.
[4] ВИА, д. № 278931, лл. 245 и 246.
[5] ВИА, д. № 278931, лл. 254—257.
[6] ВИА, д. № 278931, лл. 263 и 264.
[7] ВИА, д. № 278931, лл. 266 и 267.

И на этот раз приказ командарма 2 не подействовал на комкора 20, но последнему посчастливилось. В этот день немцы отошли перед фронтом 20-го, 14-го, 5-го и 27-го арм. корпусов [1]. Поэтому части корпуса заняли Долгинов, Колоново, Юдавцы и Поляны.

Ввиду этого командарм 2 на 29.9 поставил 20-му корпусу задачу: «энергично наступать в полосе к северо-востоку от линии Манишки, Альсеевичи, Стар. Мядзиол, включая эту линию, с целью выйти на фронт Черняты, озеро Нароч». Тем же приказом армии, вопреки неоднократным указаниям командующего фронтом, командарм 2 ставил такие задачи корпусам: «1-му арм. корпусу, выступив в 4 часа утра, следовать в направлении Мал. Сицо, Бол. Сицо, Лабыгово, выйти и занять фронт Верхние, озеро Вешнянское, по занятии этого фронта немедленно приступить к укреплению его. 1-му сибирскому корпусу, выступив в 6 час. утра, перейти в район Парафианово, выслав вперед всю корпусную конницу со всеми командами конных разведчиков для обеспечения фронта озеро Вешнянское, Мал. Сицо. По занятию района Парафианово обеспечивать сверх того фронт Мал. Сицо, Будслав» [2]. Мы привели задания 1-му арм. и 1-му сиб. корпусам как дополнительную иллюстрацию оперативного заблуждения командарма 2, который, будучи призван распорядиться временно тремя корпусами соседней армии, имеющей активную задачу по наступлению, ставит двум из них задачи строго пассивные.

29.9 без встречи с немцами части 20-го арм. корпуса выдвинулись в указанный район. Этим закончилась боевая деятельность 20-го арм. корпуса впереди фронта новой 1-й армии.

4. Организация наступления 1-й армии

Командарм 2, втянув 20-й арм. корпус в движение за отходившими немцами на фронте своей армии и держа в резерве 14-й арм. корпус, в конечном итоге получил удовлетворение своих желаний. 20-й корпус был оставлен в составе 2-й армии, но зато 14-й корпус был включен в 1-ю армию, кроме того в ее состав был включен и 4-й арм. корпус.

1-й и 10-й корпуса, назначенные в состав 1-й армии, сосредоточились: 1-й арм. корпус — в районе Верхние, озеро Вешнянское, 1-й сибирский корпус — в Парафианово, 14-й арм. корпус — в районе Бояры (14 *км* южнее Парафианово).

2.10 на ст. Сеславино развернулся штарм 1, и тогда же командарм 1 отдал первый боевой приказ о наступлении.

Обеспокоенный этой поспешностью командарма, командующий фронтом вызвал его к прямому проводу и выразил сомнение в целесообразности спешки с наступлением армии двумя наличными корпусами до подхода двух других. Отвечая на запрос комфронта, командарм объяснял так причины спешки: «Перед фронтом моей армии, по имеющимся сведениям, кроме весьма утомленных четырех кав. дивизий немцы имеют одну дивизию пехоты и четыре егерских батальона, на худой конец можно ожидать подхода еще одной пех. дивизии. При таких условиях

[1] ВИА, д. № 278931, лл. 271 и 272.
[2] ВИА, д. № 278931, лл. 283—285.

я могу рассчитывать на успех наступления двумя корпусами, а ввиду их утомления назначил маленький переход. Думаю, что этим помогу продвинуться и 2-й армии, в особенности, если наша конница опередит наконец мою пехоту. Не признается ли возможным подчинить мне Орановского, тогда я отделил бы от него одну дивизию на Видзы, а самому ему предложил бы двигаться на Свенцяны, оставив мне перед фронтом хотя бы одну бригаду, которую я, преимущественно, направил бы перед своим левым флангом в тыл немцам, действующим против 2-й армии» [1].

Изложенные выше доводы командующего армией малоубедительны. Если противник перед его фронтом имеет две дивизии пехоты, четыре батальона егерей и четыре кав. дивизии, то этого вполне достаточно, чтобы остановить два слабых и не менее серьезно измотанных маршами русских корпуса.

Командующий фронтом сделал еще предостережение, указав, что силы противника вероятно больше, чем это кажется командарму, отказал в просьбе о подчинении конной массы Орановского и пожелал ему успеха в наступлении, которое, как мы увидим ниже, не состоялось.

Приводя часть доклада командарма 1 о плане использования им кавалерийской массы, мы имели в виду показать, как он понимает задачу оперативного применения кавалерии. Читатель видит, что командарм 1 довольно оригинально представляет себе действия конницы. Он бросает одну дивизию на Видзы, т. е. во фланг и тыл немцам, действующим на Двинском направлении, одну бригаду — на фланг и тыл немцам, действующим на Молодеченском направлении, а всю остальную конницу — на Свенцяны. Иначе говоря, командарм хочет сразу отделить Неманскую армию от 10-й армии, разобщить их, как это сделали немцы с западным и северным фронтами, охватить их внешние фланги, как немцы охватили фланг 10-й русской армии; это последнее сделают одна дивизия и одна бригада. А между тем он сам же минутой раньше жалуется, что конница не может опередить пехоту. Уж не говоря о том, что у командарма 1 разошлись доводы с выводами, у него столь примитивное понятие о действиях конницы на флангах и тылах, что можно только пожалеть бедного русского генерала.

Как бы то ни было, а корпуса 1-й армии уже 2.10 получили боевые задачи: 1-му арм. корпусу «переправившись через р. Мядзиолка, быстро пройти лесную полосу и овладеть фронтом Гелуты, Годуцишки включительно, имея уступом за правым флангом полк, действующий на направлении Козяны, Тверечь». 1-му сибирскому корпусу «овладеть фронтом Годуцишки, Комай, озеро Бол. Швакшта». Границей между корпусами была установлена линия: Забродье (севернее Поставы), Годуцишки, Свенцяны — все включительно для 1-го арм. корпуса. Тем же приказом части 14-го арм. корпуса сосредоточивались в районе Липовка, Савки, Куриловичи, Пуховка, Слобода, а части 4-го арм. корпуса — в районе Васево, Кукишки, Дуниловичи [2]. В порядке восполнения пробелов в организации наступления командарм 1 издал вдохновляющий приказ: «Горжусь командовать такой чудной армией. Державный вождь наш гос. им. требует, а родина ждет от вас новых подвигов. Разверните же свои

[1] ВИА, д. № 278931, лл. 435—441.
[2] ВИА, д. № 665, л. 608.

победные знамена, бессмертные полки славных корпусов 1-й армии, и пусть они вновь увидят доблести своих сынов, богатырей. Врат начинает сдавать, и нужно еще немного усилий, чтобы сломить его. Порадуем же государя и утешим нашу родину» [1].

На наш взгляд командарму 1 следовало отложить на будущее время свое обращение к войскам армии и вместо этого обдумать организацию взаимодействия своих двух корпусов с тремя кав. корпусами, наступавшими на том же фронте. А между тем в приказе по армии по поводу конницы не было сказано ни слова. Если бы у командарма 1 было столько же оперативно-тактических знаний, сколько монархического духа, то он, наверное, свои корпуса нацелил бы на более узкий фронт, привлек бы к нанесению главного и вспомогательного ударов конницу Орановского, подготовил бы ее для развития прорыва, поставив во второй эшелон атаковавших корпусов. Если бы эти усилия были организованы командармом, то его поспешное наступление имело бы в этом свое оправдание. Сосредоточив два корпуса на фронт 10-12 *км*, командарм мог прорвать германский фронт и бросить в прорыв лучшие кав. дивизии. Ничего этого не было сделано. Развертывались знамена, наступали, как против татарских орд в достопамятные времена,— вот чем гордился командарм 1.

5. Боевые действия 1-й армии 3—5.10 (схема 25)

В предыдущей главе мы уже указывали, что к 3.10 на фронт южнее Поставы были выдвинуты пехотные дивизии немцев из состава 10-й, а севернее — из состава Неманской армий, которые, частью сменив конницу, заняли фронт достаточно плотно и с присущей немцам энергией укрепили свои позиции. Мы также в общих чертах коснулись первых наступательных предприятий войск 1-й армии, излагая действия конных масс на стыке фронтов. Небезынтересно рассмотреть некоторые подробности наступательных боев корпусов 1-й армии, брошенных неорганизованно против организованного противника.

В 5 час. 3.10 части 1-го арм. корпуса на всем фронте начали артиллерийскую подготовку и в 10 час. начали атаку. Атака полков 24-й пех. дивизии увенчалась успехом, и полки дивизии в штыковых атаках овладели фронтом Боровые, Барсучина, Баранишки, Теляки, Козлы. Но в полдень немцы ввели в бой свежие батальоны и контратакой отбросили 93-й и 95-й пех. полки к Детково. Однако полки 24-й дивизии настойчиво вели атаки и после тяжелых потерь, причиненных немцам, и, потеряв сами еще больше бойцов, овладели вечером Русаки.

Тем временем части 22-й пех. дивизии, предприняв наступление на фронте Можайки, Дуки, сразу же встретили упорное сопротивление, и атаки ее полков были отражены. 1-й сибирский корпус, усиленный 18-й пех. дивизией, в 4 часа утра повел наступление на фронте от т. дв. Поставы до озера Мядзиол. Части 2-й сибирской стр. дивизии овладели фронтом Овлади, Ширки, но далее продвинуться не могли. Прочие части 1-го сибирского корпуса, встретив упорное сопротивление противника, до ночи вели огневой бой. Атаки 1-й сибирской дивизии, повторные

[1] ВИА, д. № 665, л. 607 (приказ приведен текстуально).

атаки 2-й сибирской дивизии в озерных дефиле (первой — между озером Споры и Свито и второй — Споры и Загач) успеха не имели. 18-я пех. дивизия в этот день вовсе не атаковала [1].

Когда вечером 3.10 командарм 1 стал подводить итоги первого дня наступательного боя, то констатировал: «Сегодняшнее наступление 1-го арм. и 1-го сибирского корпусов хотя и медленно, но развивается, несмотря на энергичное сопротивление неприятеля, и корпуса имели частичные успехи. Данные войсковой разведки указывают, что перед фронтом армии действуют у Козяны части 4-го ландверного полка 3-й дивизии, далее на юг — части 4-й, 1-й, баварской, 3-й и 9-й кав. дивизий, поддержанные отдельными батальонами. На фронте Поставы, Черняты, озеро Мядзиол обнаружена 42-я дивизия 21-го корпуса, части 88-й и 58-й пех. дивизий. В районе Дворочаны замечен подход неприятельской пехоты. Приказываю завтра 4.10: 1) Ген. Душкевичу и Плешкову продолжать наступление для овладения указанным им фронтом. Скорейшее занятие этого фронта до подхода к неприятелю подкреплений я нахожу совершенно необходимым. 18-ю пех. дивизию оставляю во временном подчинении ген. Плешкову до занятия 1-м сибирским корпусом фронта Годуцишки, озеро Швакшта. 2) Ген. Алиеву сосредоточить свой корпус к вечеру 4.10 в районе Новоселки, Григоровщина, Андроны, Черемухи...» [2].

Независимо от того, что наступление 3.10 явно успеха не имело, командарм 1 решает продолжать его 4.10.

Ради ли подражания Суворову, ради ли поддержания своего собственного оптимизма, командарм 1, вместо организации усилий по прорыву германского фронта в том или другом пункте полосы наступления, телеграфирует подчиненным войскам: «По всем признакам германцы, действующие перед нашей армией, изнурены от усталости и голода, конные части их измотаны. Командующий армией требует от Вас развить при атаке неприятеля высшую степень настойчивости, быстроты и решительности» [3].

4.10, продолжая выполнять задачу командарма, 1-й арм. и 1-й сибирский корпуса с 18-й пех. дивизией весь день лежали у проволочных заграждений немцев под дождем ружейно-пулеметного и шрапнельного огня, причем некоторые полки уже понесли такие потери, что утратили боеспособность (233-й полк 59-й пех. дивизии 1-го арм. корпуса). Атаки всюду отражались. Ночные атаки некоторых полков также были отражены. Все брошенные в бой на широком фронте шесть пехотных дивизий истекали кровью. И только теперь командир 1-го арм. корпуса ген. Душкевич догадался организовать наступление своего корпуса на более узком фронте, а именно на фронте Теляки, Русаки, Сивцы [4].

4.10 командующий фронтом, ознакомившись с делами 1-й армии, указал: «...противник занимает сильную по природе и укрепленную позицию. Ваше равномерное на всем фронте наступление едва ли может привести к успеху. Между тем, удерживая (Вас) с небольшими сравнительно силами, противник через некоторое время может подвезти под-

[1] ВИА, д. № 665, лл. 637; д. № 278913, лл. 6—10.
[2] ВИА, д. № 665, л. 637.
[3] ВИА, д. № 278913, л. 11.
[4] ВИА, д. № 278913, лл. 17—19.

крепления, поэтому необходимо решительное наступление и сосредоточение сильной артиллерии и кулака там, где Вы будете наносить удар. Без этого Вы не достигнете успеха» [1].

Но командарм 1 находит этому причину: «Имея целью наносить удар сосредоточенными силами, я не мог это выполнить до настоящего времени. Это сделает подошедший 4-й арм. корпус совместно с правофланговыми частями 1-го корпуса на фронте Козяны, Москалишки. Атака предположена на завтра» [2].

Командарм 1 забыл, что за 48 часов до начала наступления его предупреждал командующий фронтом о нежелательности спешить, но беда не в этом. Командарм, как мы видели, был убежден в своей правоте, решив, что два корпуса не могут нанести сосредоточенный удар и что для этого нужны три-четыре корпуса.

Но в течение 4.10 сосредоточился 4-й арм. корпус; посмотрим, как организовал сосредоточенный удар командующий 1-й армией, выполняя указания командующего фронтом. 4.10 после полудня командарм отдал очередной приказ армии с задачами на 5.10. «Неприятель продолжает оказывать упорное сопротивление нашему наступлению на укрепленном им фронте от Козяны до озера Мядзиол. Приказываю войскам 1-й армии с полным напряжением всех усилий и воли сломить упорство неприятеля и ударом в направлении на Свенцяны сбить его, не давая времени создать новую оборонительную линию и подвезти подкрепление. Для чего: 1) Ген. Алиеву овладеть фронтом Козяны, Москалишки и, обеспечивая себя справа, наступать на фронт м. Тверец, Петрашуны включительно. 94-й и 93-й полки, действующие на фронте Козяны, Москалишки, временно подчиняются ген. Алиеву. 2) Ген. Душкевичу, кроме 94-го и 93-го полков, настойчиво продолжать развивать наступление и выдвинуться на линию Петрашуны, м. Годуцишки включительно. 3) Ген. Плешкову, сменив в ночь с 4 на 5.10 части 18-й пех. дивизии с позиции, продолжать выполнение поставленной корпусу задачи. Части 18-й пех. дивизии по смене их с позиции направить на присоединение к своему корпусу. 4) Ген. Жилинскому с 70-й пех. дивизией, оставаясь в прежнем районе Слобода, Липовка, Савки, составить арм. резерв. 5) Начало перехода в решительное наступление с фронта Козяны, Теляки, з. Дюшки, Ширки, з. Должа, озеро Мядзиол в 11 час. утра, к каковому времени должны быть закончены артиллерийская подготовка и занятие всеми частями армии исходного положения. 6) Разграничительными линиями между 4-м и 1-м арм. корпусами устанавливаю Детково, Москалишки, Петрашуны, м. Меленгяны — все пункты включительно для 4-го корпуса» [3].

Тогда же было приказано из 14-го арм. корпуса на усиление передать 14-й мортир. арт. дивизион и 2-й дивизион 3-й тяжелой арт. бригады в распоряжение командира 4-го арм. корпуса [4]. Таким образом корпус усиливался 12 тяжелыми орудиями и 12 легкими гаубицами. Однако несчастный командарм 1, так и не понявший командующего фронтом, направил 4-й корпус для атаки широкого фронта, причем командиры

---

[1] ВИА, д. № 381, л. 238.
[2] ВИА, д. № 278913, л. 15.
[3] ВИА, д. № 278913, лл. 20 и 21.
[4] ВИА, д. № 278913, л. 13.

1-го арм. и 1-го сибирского корпусов также должны были атаковать на всем занятом ими фронте. Снова потребовалось вмешательство командующего фронтом, который писал: «Направление 4-го арм. корпуса после прорыва на фронт Тверечь, Петрашуны еще более удлиняет Ваш фронт по сравнению с предположением Гелуты, озеро Бол. Швакшта и выводит 4-й арм. корпус на линию остальных» [1]. Но было уже поздно. На рассвете 5.10 части 4-го арм. корпуса заняли исходное положение. К 9 час. артиллерия корпуса закончила пристрелку и начала артиллерийскую подготовку. Полки 40-й пех. дивизии развернулись на фронте з. Барсуки, Поддесенники, готовясь атаковать фронт м. Козяны, ф. Марианово. Два полка 30-й пех. дивизии южнее 40-й пех. дивизии готовились к атаке фронта ф. Марианово, Москалишки. Едва пехота 4-го корпуса сблизилась на дистанцию пулеметного огня, как немцы открыли сильный ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь по готовившейся атаковать русской пехоте. После целого дня взаимного огневого воздействия поредевшие полки 4-го арм. корпуса пошли в атаку. В 18 час. 157-й пех. полк овладел окопами севернее и северо-восточнее г. дв. Головск, но, обессиленный потерями и встреченный организованным огнем из окопов с западного берега р. Дрисвята, далее продвинуться не мог.

Около 24 час. роты 158-го полка атаковали м. Козяны. Ночная атака увенчалась некоторым успехом: были захвачены три линии окопов противника, роты ворвались в местечко, захватили около полусотни пленных и 2 пулемета, но в местечке попали под жестокий пулеметный огонь и отошли в захваченные германские окопы. На фронте Ракаты, Москалишки полки 30-й пех. дивизии отбросили противника за р. Мядзиолка, некоторые роты ворвались на западный берег р. Мядзиолка и там закрепились перед окопами противника.

В 11 час. дивизии 1-го арм. корпуса перешли в наступление, но встретили сильное огневое сопротивление, и только к вечеру полки 24-й пех. дивизии выбили противника из окопов западнее Мамули, Койры, но при этом сами понесли тяжкие потери. В полках, еще три дня назад достаточно полнокровных, осталось всего по 300 штыков. Части 59-й пех. дивизии сблизились с укрепленной позицией противника у Русаки, но днем ввиду губительного огня атаковать не могли, отложив атаку на ночь.

С 9 час. утра дивизии 1-го сибирского корпуса после короткого артиллерийского обстрела окопов противника пошли в наступление. Части 2-й сибирской дивизии овладели окопами у г. дв. Загач, но, ввиду того, что артиллерия из-за недостатка снарядов вначале ослабила, а затем вовсе прекратила огонь, атаки полков 2-й сибирской дивизии к западу от г. дв. Загач успеха не имели. 1-й и 3-й стр. полки, атаковавшие озерное дефиле Споры и Свито, понеся тяжелые потери, тоже успеха не имели. В большинстве полков 1-го сибирского корпуса, до того достаточно полнокровных, осталось также по 300 штыков, снарядов не осталось вовсе, поэтому части корпуса отошли в свое исходное положение, чтобы спасти от огня жалкие остатки сибирских стрелков [2].

[1] ВИА, д. № 381, лл. 260—261.
[2] ВИА, д. № 278913, лл. 35, 36, 37, 54—58.

Таким образом из-за ошибок командарма 1 его корпуса понесли большие потери, до 50 проц. состава, или до 15 000 чел. Но командарм 1 еще не разбил своего 14-го корпуса, ожидавшего своей очереди.

6. Продолжение атак 1-й армии

Вечером 5.10 командарм 1 отдал очередной боевой приказ: «Воздушной разведкой 2-й армии, произведенной вчера и сегодня и подтвержденной войсковой разведкой, определено движение больших сил неприятеля из района западнее озеро Свирь через м. Сырмеж и Комайск к Годуцишки. Поэтому возможно ожидать в течение самого ближайшего времени появления перед фронтом нашей армии двух-трех неприятельских дивизий, передвигаемых с Виленского направления. Тем необходимее скорее развить решительные действия до подхода к неприятелю подкреплений. Пока силы неприятеля перед фронтом армии определяются в три-четыре пехотных и четыре-пять кавалерийских дивизий. Приказываю завтра 6.10: 1) Ген. Алиеву развивать всемерно свое наступление, имея целью, пробив дефиле у Козяны и энергично по пятам наступая за неприятелем, выйти на фронт Гелуты, Якимяны. Для обеспечения своего правого фланга по выходе на эту линию иметь уступом, примерно в районе Твереч, озеро Аржвета, не менее полка пехоты. 2) Ген. Душкевичу, продолжая решительное наступление, выйти на фронт Якимяны, Годуцишки. 3) Ген. Плешкову, развивая успех, намечающийся в районе г. дв. Затач, продолжать наступление и выйти на фронт Годуцишки исключительно, озеро Швакшта включительно» [1]. Тем же приказом части 14-го корпуса выводятся за правый фланг армии, на стык 4-го и 1-го арм. корпусов. Но части корпуса пока не вводятся в бой, составляя резерв командарма.

Отдав приказ о продолжении наступления, командарм 1 отдает наконец себе отчет в том, что из состава армии остается пока нерастрепанным только один корпус, а между тем никакого успеха не было достигнуто. Поэтому тогда же он высказывает просьбу передать в состав армии 6-й сибирский корпус, чтобы бросить и его в район Поставы. При этом командарм 1 докладывает, что «армия, крайне ослабленная численно и растянутая по фронту, не соответствующему ее численности, остается совсем без резервов, что при создавшейся перед фронтом обстановке может грозить прорывом» [2], т. е. командарм более трезво оценивает свое положение, но не останавливает своих бесплодных и бесцельных атак. Командир 1-го сибирского корпуса ген. Плешков делает представление командарму о сомнительности успеха и просит дать пополнения и снаряды, так как иначе кроме потерь армия ничего не получит. Командарм спокойно отвечает очередным требованием наступать, на том основании, что и «у немцев большие потери и вероятно мало снарядов» [3]. Еще до рассвета 6.10 возобновился бой на фронте всей 1-й армии. Перед рассветом 157-й пех. полк штыковой атакой ворвался в г. дв. Головск, но, понеся тяжелые потери, отошел в исходное положение. Атака Кутаисского и Гурийского

[1] ВИА, д. № 278913, лл. 39—41.
[2] ВИА, д. № 278913, лл. 42 и 43.
[3] ВИА, д. № 278913, лл. 45 и 46.

пех. полков на м. Козяны была отражена контратакой немцев, и полки с большими потерями отошли.

На участке Ракиты, Москалишки части 30-й пех. дивизии не только не могли продвинуться, но и роты Коломенского пех. полка, накануне перебравшиеся на западный берег р. Мядзиолка, пролежав около суток под проволочными заграждениями немцев и оставив на месте большую часть своего состава, отошли, утратив способность продолжать бой.

Части 1-го арм. корпуса вели огневой бой, а 59-я пех. дивизия, ходившая в ночную атаку на д. Русаки, понеся тяжелые потери, отошла в исходное положение.

Части 1-го сибирского корпуса вели огневой бой [1].

Армия не продвинулась за день боя ни на шаг. Дошла очередь, наконец, и до 14-го корпуса. 6.10 командарм приказал: «Всему 14-му корпусу к утру 7.10 занять исходное положение в районе Ставрово, з. Барсуки, с тем чтобы в 10 час. утра начать наступление на участок р. Дрисвяты, Петришки, г. дв. Головск для дальнейшего действия во фланг и тыл неприятеля, занимающего м. Козяны». Для сведения командарм 1 сообщил, что: «8.10 в район Пуховка, Тешилово, Заболотье подходит 6-й сибирский корпус» [2].

7.10 было последним днем бессмысленной, отвратительной бойни, организованной командармом 1 ген. Литвиновым, уложившим свыше 20 000 чел.

Возмущенный человекоистребительной тактикой командарма 1 Литвинова и в то же время отсутствием хотя бы малых успехов, командующий фронтом приказал отменить приказ о наступлении на 7.10 [3].

1-я армия перешла к обороне.

Что касается выводов о действиях 1-й армии, то мы предоставляем сделать их читателю.

---

[1] ВИА, д. № 278913, лл. 64—67.
[2] ВИА, д. № 278913, лл. 69 и 70.
[3] ВИА, д. № 278913, лл. 168 и 179.

ГЛАВА X

СТАБИЛИЗАЦИЯ ФРОНТА И ПЕРЕХОД К ПОЗИЦИОННОЙ ВОЙНЕ

Выходом конной массы Орановского и 1-й армии на Полоцкое направление было достигнуто смыкание флангов западного и северного русских фронтов. Подобно перегруппировке русских, немцы также производили перегруппировку Неманской армии к югу от Двинского направления и 10-й армии к северу от р. Вилия и озера Нароч для смыкания разобщенных флангов Неманской и 10-й германских армий.

В процессе перегруппировок обе стороны, вследствие удлинения флангов, вынуждены были растянуть фронт действовавших войск более или менее равномерно, без сколько-нибудь выраженных плотных группировок на том или ином участке длинных фронтов. Кроме того войска обеих сторон за месяц напряженной боевой деятельности ослабли количественно, наличный их состав был переутомлен, свежими резервами ни одна из сторон не располагала, а у русских продолжал чувствоваться острый недостаток всех видов боевого снабжения, тылы у немцев растянулись, у русских перепутались в ходе сложных и массовых перегруппировок корпусов и армий. Все это, вместе взятое, ослабило боевую энергию сражавшихся армий.

По мере перегруппировок сторон с юга на север стабилизовались боевые линии, начиная с Полесья, через Вилию, а позднее на Полоцком и Двинском направлениях.

Чтобы не нарушать хронологии событий, мы отказываемся от установившегося правила излагать ход событий, начиная с правого фланга, и изложим их наоборот, начиная с левого, как это соответствовало времени.

1. Боевые действия 10-й армии в конце сентября и стабилизация ее фронта (схема 26)

После оттеснения 31-й, 2-й и 58-й германских пех. дивизий на правом фланге 10-й армии и отхода ее левого фланга, а также вследствие ослабления плотности германских войск перед фронтом армии ввиду их перегруппировки к северу, войска 10-й армии вели наступательные бои на отдельных участках фронта, но всюду встречали укрепленные позиции немцев, интенсивно пользовавшихся лопатой и колючей проволокой. Хотя эти действия русских не имели успеха, но сковали девять немецких пехотных дивизий, оставшихся до начала октября перед фронтом

Схема 26. Стабилизация фронта.

10-й русской армии [1]. Однако к началу октября наступательные действия были прекращены. Войскам были присланы и в них влиты небольшие пополнения, с которыми было приказано проводить усиленные занятия и деятельно готовиться к предстоящему наступлению, намеченному на первую половину октября.

Но войска 10-й армии за месяц напряженной боевой службы, выпавшей, главным образом, на долю гвардейского, 3-го сибирского, 2-го армейского, 5-го армейского и 5-го кавказского корпусов, были доведены до крайней степени истощения. Так в 1-й гв. пех. дивизии, имевшей 12.9 10 204 штыка, к 20.9 осталось 6 998 штыков, во 2-й гв. пех. дивизии было 7 388, осталось 4 876 штыков, общие потери только за 8 дней боя—5 718 штыков. 2-й арм. корпус: 26-я пех. дивизия 12.9 имела 6 075 штыков, на 10.10 осталось 4 036, в 43-й пех. дивизии было 8 222 штыка, осталось 4 842 штыка, потери корпуса за 28 дней — 5 419 штыков. Но наиболее пострадали войска 5-го арм. и 3-го сибирского корпусов: 7-я пех. дивизия из 7 965 штыков потеряла 5 174 штыка, 10-я пех. дивизия из 6 148 штыков потеряла 2 121 штык, 7-я сибирская дивизия из 9 009 штыков потеряла 5 334 штыка, 8-я сибирская дивизия из 10 768 штыков потеряла 5 194 штыка.

Одновременно войска армии продолжали усиленно укреплять занятые позиции, для чего широко использовали имевшиеся запасы колючей проволоки, в свое время подвезенной на фронт распоряжением главного командования.

По мере же вывода из состава 10-й армии гв. и 5-го арм. корпусов на фронт 2-й и 1-й армий, а также ввиду удлинения фронта 10-й армии на юг для замещения фронта, ранее занимаемого 1-й армией, предполагавшиеся было наступательные задачи 10-й армии отпали.

Поэтому 10.10 армия получила указание о дальнейшем укреплении занятого фронта и постройке второй оборонительной полосы. 10.10 штаб 10-й армии приказал корпусам срочно обрекогносцировать вторую оборонительную полосу по рубежу Перевоз, р. Татарка, Кевлы, Лоск, Забрезье, Чертовичи. При этом постройка второй оборонительной полосы была возложена на войска: 26-му арм. корпусу укрепить полосу Перевоз, Кевлы, 3-му сибирскому корпусу — полосу от Кевлы до Ок. Дальбучки, 5-му кавказскому корпусу — от Ок. Дальбучки до Лоск, 2-му кавказскому корпусу — от Лоск до р. Березина, 2-му арм. корпусу — от р. Березина до Мал. Дайновка, 38-му арм. корпусу — от Мал. Дайновка до Чертовичи, а также отсечную позицию от этой линии до соединения с тыловой оборонительной позицией, построенной средствами главного и фронтового командования на линии Воложин, Ивенец [2].

2. Стабилизация фронта 2-й армии

Конец сентября войска 2-й армии провели в боевых действиях по вытеснению немцев из районов восточнее озера Нароч и с северного берега Вилии. К 7.10 войска 2-й армии вышли на фронт озеро Мядзиол, озеро

---

[1] 2-я, 76-я рез., 14-я ланд., 79-я рез., 16-я ландв., 89-я, 37-я и 4-я пех. дивизии и две пех. бригады (Езебека и Монтовта).

[2] ВИА, д. № 322, лл. 161 и 162.

Нароч и далее по северному берегу р. Вичия до стыка с правым флангом 10-й армии.

Корпуса 2-й армии за время операции форсированными маршами в район развертывания преодолели: 14-й арм. корпус—из района Новогрудок в район Вилейка, около 200 *км* в течение 7 суток, 4-й сибирский корпус — из района Вороново в район Сморгонь, 120 *км* в течение 4 суток, 36-й арм. корпус — из района Вороново в район Солы, 100 *км* в течение 3 суток, т. е. среднесуточный темп марша—30 *км*.

Эти корпуса, имея весьма слабый численный состав, с хода вступали в бои на широком фронте, при недостатке огнеприпасов, с далеко отставшими обозами, в обстановке паники, охватившей тылы 10-й и 1-й русских армий. В течение 20 дней корпуса вели наступательные бои в озерном районе. За время боевых действий 45-я пех. дивизия (27-го корпуса) потеряла 2 690 штыков из 8 900 штыков, т. е. примерно 30%, 25-я пех. дивизия из 11 000 штыков потеряла около 3 500 штыков, 68-я пех. дивизия из 6 000 штыков потеряла свыше 1 000 штыков, 9-я сибирская стр. дивизия из 5 500 штыков потеряла более 1 500 штыков, 10-я сибирская стр. дивизия из 6 000 штыков потеряла 2 500 штыков [1].

Переутомление и потери, доведшие корпуса армии до крайней степени истощения [2], обусловили переход 2-й армии к обороне занятого фронта. С 7.10 армия приступила к укреплению позиций и готовилась к наступлению совместно с 10-й армией. Но ввиду того, что характер района действий армии, пересеченного крупными озерами, до крайности стеснял наступательные действия, а противник спешно и основательно проводил перед фронтом армии оборонительные работы по укреплению междуозерных дефиле, а также ввиду развития активных действий сторон на Полоцком и Двинском направлениях, куда были направлены 14-й арм., 6-й сибирский и гв. корпуса, 7.10 армии было приказано «утвердиться в занятом районе, занять выгодные и удобные позиции». При этом еще напоминалось об энергичной подготовке к предстоящему наступлению, но основной упор директив фронтового и армейского командования заключался в указаниях на укрепление позиций, «чтобы положить действительный предел дальнейшему вторжению в нашу землю врага» [3].

Если командарм 2 и его штаб в свое время весьма посредственно справлялись с организацией наступления подчиненных им войск, то на этот раз, с переходом к обороне, качество армейского руководства серьезно повысилось. Уже 7.10 командарм 2 в директиве об укреплении занятого фронта писал: «надежно и прочно закрепить за собой занятые позиции, *развивая их в глубину*...» «постепенно увеличить полковые, дивизионные, корпусные и групповые резервы, путем регулярной смены дать возможность всем частям заняться обучением и воспитанием нижних чинов и прибывающих укомплектований...» При этом командарм писал: «обратить особенное внимание на точное выполнение всех указаний... почерпнутых из опыта войны на французском фронте» [4].

[1] Штыки исчислены с учетов прибывавших маршевых рот.

[2] В корпусах армии было: 4-й сибирский корпус — 7 700 штыков, 27-й арм. корпус—6 400 штыков, 14-й арм. корпус — 7 800 штыков, 36-й арм. корпус — 12 000 штыков.

[3] ВИА, д. № 665, л. 704.

[4] ВИА, д. № 665, л. 704.

11.10 командарм 2 развивает свои указания, впрочем данные командующим западным фронтом: об устройстве искусственных препятствий, убежищ от артиллерийского огня, постройке не менее трех линий окопов, подготовке не менее трех запасных позиций для каждой батареи, с тем чтобы пристреляться с них заранее по всем важнейшим целям. Указывалась необходимость иметь данные для ночной стрельбы, приблизить артиллерийские позиции ближе к пехоте первой линии [1]. Кроме того в отдельном приказе было указано на необходимость особо тщательного укрепления стыков между корпусами и дивизиями [2].

Что же касается укрепления второй оборонительной полосы, то командирам корпусов не было указано, на каком рубеже их создавать, а постройка тыловой оборонительной полосы производилась по указанию командующего западным фронтом на рубеже Вилейка, Лебедев [3].

В составе 2-й армии к этому времени остались: 4-й сибирский, 5-й, 20-й, 27-й, 34-й и 36-й арм. корпуса.

3. Боевые действия 1-й армии до стабилизации фронта и переход к обороне

В предыдущей главе мы изложили ход наступательной операции 1-й армии включительно до 7.10; с этого времени и нужно считать переход к обороне 4-го и 1-го арм. и 1-го сибирского корпусов на занятом ими фронте. Однако наступательные действия на правом фланге 1-й армии с подходом к нему 14-го арм. корпуса были возобновлены. 8.10 командующий западным фронтом подчинил командарму 1 всю конную массу Ореновского, приказав армии закрепиться на фронте озеро Дрисвяты, озеро Мядзиол. При этом командующий фронтом указал командарму 1 «иметь в виду, в случае наступления противника на 5-ю армию, наступлением правофлангового резерва на фланг или на тыл противника оказать 5-й армии решительное содействие». Одновременно было приказано возвести тыловую оборонительную полосу на рубеже озеро Струсты, озеро Дрисвяты, Жданы, Козейки, Дуниловичи, Бояры [4].

На следующий день 9.10 командарм 1 приказал 14-му арм. корпусу и конной массе Ореновского «решительными действиями оказать содействие 5-й армии» [5].

На рассвете 11.10 полки 14-го арм. корпуса, пользуясь туманом, внезапно атаковали расположение немцев и овладели первой линией германских окопов на фронте озеро Дрисвяты, озеро Деммен. Этот первоначальный успех было решено развить вводом в бой на фронте 14-го арм. корпуса — 4-го арм. корпуса, бывшего в резерве командарма 1. В последующем командарм 1 ген. Литвинов продолжил уже известный нам метод оперативно-тактического применения подчиненных ему войск и последовательно ввел в бой сперва 14-й, за ним 4-й арм. корпуса и наконец 6-й сибирский корпус, как это уже имело место с 1-м сибирским, 1-м и 4-м арм. корпусами в период с 3 по 6.10. Такое

[1] ВИА, д. № 665, л. 747.
[2] ВИА, д. № 325, л. 223.
[3] ВИА, д. № 385, лл. 297, 385.
[4] ВИА, д. № 381, лл. 269—271.
[5] ВИА, д. № 278913, лл. 143—146.

использование войск вызвало очередной упрек командующего западным фронтом, но командарм 1 в своем объяснении считает этот способ атак нормальным [1]. Наступательные действия на правом фланге продолжались до 19.10, когда и было приказано приостановить атаки. Однако 21.10 немцы преднамеренно отошли с фронта 1-го сибирского корпуса на заранее укрепленную позицию на рубеже Видзы, Великое село, р. Комайка, Задевье. Это обстоятельство было понято командармом 1 как доказательство слабости противника, и он приказал 1-му арм. и 1-му сибирскому корпусам атаковать немцев. Но кроме потерь эти атаки ничего не дали.

Разрозненные наступательные действия с 9 по 19.10 привели к потерям в частях: 24-я пех. дивизия 1-го арм. корпуса потеряла 800 штыков, в строю этой дивизии осталось 1 678 штыков, 4-й арм. корпус из 7 400 штыков потерял 1 500 штыков, 1-й сибирский корпус из 12 400 штыков потерял 1 800 штыков.

Атаки 14-го арм. корпуса севернее озера Дрисвяты обошлись в 977 солдат и 30 офицеров, что составляло для корпуса 15% потерь.

Что касается потерь в коннице, то они были несколько меньшими, чем потери пехоты. Так дивизии 1-го конного корпуса за время с 26.9 по 19.10 потеряли: 8-я кав. дивизия — 328 сабель из 2 367 сабель, 14-я кав. дивизия — 822 сабли из 3 062 сабель.

С 21.10 войска 1-й армии окончательно приостановили свои атаки и приступили к укреплению занятого фронта и постройке тыловой оборонительной полосы на рубеже, указанном ранее командующим западным фронтом.

4. Решение сторон

15.10 командующий западным фронтом, убедившись в бесплодности продолжения наступательных действий армий фронта, а также в том, что немцы перешли к обороне и что намерение их «сводится к удержанию добытых наступлением результатов», докладывает начальнику штаба главкома: «мне представляется желательным на ближайшие месяцы на всем фронте прекратить даже частичные наступления, усиливать занимаемые позиции, подготовляя их к зимовке, и все внимание обратить на пополнение личного состава и запасов артиллерии и продовольствия. Необходимо не только пополнить войска по возможности до штатного состава, но иметь запас обученных людей для безостановочного пополнения убыли». Далее командующий фронтом предлагает накапливать снаряды, патроны, заготовлять железнодорожное имущество и материалы для восстановления железнодорожных линий, увеличить армейские транспортные средства, заготовить продовольствие, фураж, проволоку и пр., чтобы соответственно подготовиться к операции крупного масштаба [2].

Мотивы предположений командующего фронтом для начальника штаба главкома были достаточно убедительны. Последний держался того

---

[1] ВИА, д. № 666, л. 95.
[2] ВИА, д. № 440, л. 92.

же взгляда на продолжение операций, поэтому 17.10 в этом смысле была отдана директива армиям.

Подобных же взглядов на продолжение операций держалось и германское командование. Людендорф пишет: «У германской армии на фронте еще хватало сил достигнуть района непосредственно западнее Сморгони, Западной Березины и района Барановичей и Пинска. В течение медленного продвижения от Вильны на Сморгонь мне стало ясно, что операцию надо прервать. Возможность продолжать наступление была исключена...» «Мы должны были устраиваться на зиму и нашли выгодную опору на линии озер Вишнев, Нароч, Дрисвяты» [1]. С выходом 8-й армии на фронт Вороново, Лида, ее управление было переброшено на Полоцкое направление, что случилось, однако, после операции.

С последними бесплодными атаками 1-й русской армии и русских конных масс на фронте озер Дрисвяты, Мядзиол закончилась ликвидация Свенцянского прорыва, а вместе с тем и маневренная война на восточно-европейском театре.

Стороны усиленно зарывались в окопы, лабиринты которых с каждым днем все увеличивались, а качество оборонительных сооружений совершенствовалось. На этом укрепленном фронте стороны провели зиму 1915/1916 г.

---

[1] *Людендорф*, Мои воспоминания, т. I, стр. 137.

ГЛАВА XI

ХАРАКТЕРИСТИКА СЛУЖБЫ СВЯЗИ

Сложное маневрирование армий западного фронта в обширном пространстве, бедном сетью связи, представляет также интерес, поэтому мы считаем себя обязанными дать общую характеристику службы связи штаба западного фронта и штабов армий в ходе операции.

1. Служба связи в период боев под Вильной (схема 27)

К 10.9 1915 г. штаб западного фронта и штабы армий в общем не испытывали затруднений в организации и службе связи. Штаб 10-й армии был прочно связан со штабом фронта линиями связи, проходившими от Минска через Молодечно до Вильны. Наличные четыре провода этой магистрали обеспечивали нормальный обмен телеграфной корреспонденцией, к тому же до 10.9, ввиду некоторого затишья на фронте, количество телеграфной корреспонденции обоих штабов было невелико.

Штаб 1-й армии, находившийся в Лида, также был достаточно прочно связан со штабом фронта через Войгяны до Молодечно тремя проводами, а от Молодечно до Минска — одним постоянным. По мере надобности предоставлялись еще один-два провода. Кроме того штаб 1-й армии через Дворец в Минск имел два провода. Наличие трех проводов между штабом фронта и штабом 1-й армии к этому времени не представляло затруднений для обмена телеграфной корреспонденцией, но вместе с тем работа велась на удлиненной сети, шедшей через Молодечно в полосе соседней 10-й армии. Прямая же линия постоянной связи через Ивинец к тому времени только была намечена к постройке.

Штаб 2-й армии, находившийся во Дворец, имел два провода через Барановичи в Минск и один провод через Новогрудок, Койдановo. Штабы 4-й в (в Слоним) и 3-й (в Бытин) армий были обеспечены связью со штабом фронта магистралью Слоним, Барановичи, Минск и Бытин, Барановичи, Минск. Однако участок Барановичи, Минск был узким местом в смысле связи, так как на проводах этого участка работали три штаба армии.

В общем в исходном положении армии фронта служба связи протекла без особых отклонений от норм.

Но когда 6-й германский кав. корпус вышел на р. Вилия, разрушил молодечненский узел связи, обрезав провода на участке Солы — Молодечно, Кривичи — Молодечно и Минск — Молодечно, положение со связью 10-й армии осложнилось [1].

[1] ВИА, д. № 279200, л. 47.

С 12.9 штаб фронта вынужден был поддерживать связь со штабом 10-й армии по двум проводам через штаб 1-й армии (Лида). С этого времени штаб фронта и штаб 10-й армии испытывают уже серьезные затруднения со связью, тем более что в связи с боевыми действиями на фронте 10-й армии потребность в телеграфном обмене значительно возросла, а германские кав. разъезды приближались вплотную к линиям, связывавшим штаб 1-й армии из Лида через Молодечно с Минском.

Что касается связи штаба 10-й армии со своими войсками в этот период, то положение было менее напряженное, так как войска армии в главной массе занимали стабильный фронт и были прочно связаны сетью постоянной связи виленского узла, в том числе не испытывали затруднений и правофланговые гв. и 3-й сибирский корпуса, пользовавшиеся той же сетью связи виленского узла. Но в коннице 10-й армии (отряд Тюлина) связь работала плохо вследствие случайного состава отряда, не имевшего своих средств технической связи, крайней ограниченности этих средств в 1-й и 2-й кубанских казачьих дивизиях и полного отсутствия средств связи во второочередных отдельных казачьих полках. Вследствие частой перемены пунктов расположения штаба отряда Тюлина связь штаба армии со штабом отряда поддерживалась эпизодически, сперва через штаб гв. корпуса, а позднее через штаб 3-го сибирского корпуса. Штабы же корпусов поддерживали связь со штабом конного отряда Тюлина исключительно конными ординарцами [1].

В не менее трудном положении оказался 1-й конный корпус, пристроившийся в ходе операции к правому флангу 10-й армии. В течение почти двух суток 13 и 14.9 штаб 10-й армии и штаб 1-го конного корпуса телеграфной связи не имели, пользуясь железнодорожными проводами и посредничеством тыловых учреждений, которые встречались в районе действий 1-го конного корпуса. Только в конце суток 14.9 штаб 1-го конного корпуса средствами 8-й кав. дивизии провел линию Гервяты, Ворняны и с 15.9 получил было прямую связь [2]. Однако эта связь действовала непродолжительное время. Уже 16.9 немцы овладели м. Ворняны и теми жалкими кабельными средствами, которые были старательно размотаны телефонистами 8-й кав. дивизии.

Но к этому времени, в связи с прорывом германской конницей железнодорожного сообщения на участке Молодечно, Вильно, освободились железнодорожные провода, до этого ревностно оберегаемые железнодорожниками от эксплоатации их проводов войсками; поэтому штаб 1-го конного и вновь выдвинутый в Гудогай штаб 2-го арм. корпуса могли теперь полностью использовать железнодорожную связь; они ею и воспользовались. Впрочем начальник штаба 2-го арм. корпуса время от времени умышленно рвал связь со штабом 10-й армии, так как последний непрерывно запрашивал о положении в тылу армии и отвлекал от деятельности по управлению боем подчиненных войск [3]. Прием, примененный начальником штаба 2-го корпуса, мы, вообще, не рекомендуем, но в тогдашней обстановке это крайнее средство можно оправ-

[1] ВИА, д. № 371096, сводки № 9409 и 9434.
[2] ВИА, д. № 279200, л. 39 и 50.
[3] Со слов бывшего начальника штаба 2-го арм. корпуса. Это подтверждают жалобы ген. Шокорова на плохую связь со штабом 2-го арм. корпуса.

дать, так как в штаб 2-го корпуса адресовались буквально все отделы и службы штаба армии и почти все штабы корпусов этой армии, законно интересовавшиеся судьбами гуртов скота, хлебопекарен, транспортов, офицерских собраний, госпиталей, беженцев и т. д., что, однако, не входило в круг обязанностей начальника штаба 2-го арм. корпуса.

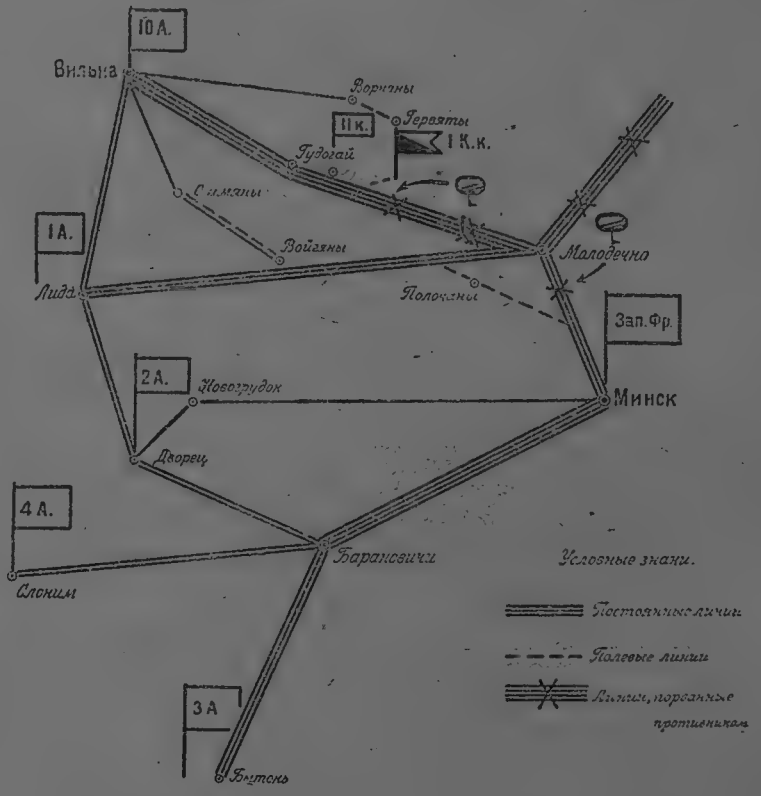

Схема 27. Служба связи в период боев под г. Вильна.

2. Служба связи в период отхода 10-й армии и развертывания войск 2-й армии (схема 28)

Когда командующий фронтом принял решение о развертывании 2-й армии на рубеже р. Вилия, штаб и командующий 2-й армией первоначально должны были передать управление подчиненными корпусами своим соседям: 1-й и 4-й армиям. Передача была назначена в ночь с 17 на 18.9. 18.9 штаб 2-й армии должен был погрузиться в Лида и следовать в район Докшица, Глубокое по выбору командарма, где он должен был обосноваться со штабом новой 2-й армии. Передача четырех корпусов в ведение соседних армий прошла без особых осложнений, но вместе с переданными корпусами пришлось передать и часть армейских средств связи. Не вызвала особых осложнений и погрузка штаба 2-й армии в эшелоны, но продвижение на Молодечно или Барановичи

встретило исключительную трудность, так как обе линии были забиты эшелонами. Если бы штаб 2-й армии не получил определенного назначения управлять уже маршировавшими к Вилии корпусами, он мог не торопиться. Но обстановка требовала уже на ходу, т. е. 18.9, взять управление корпусами армии в твердые руки, так как от действий корпусов армии зависели исход сражения в Виленском районе и судьба всей 10-й армии.

Предполагая неустойчивость положения на Вилии, а также опасность быть отрезанным на железнодорожной линии Молодечно — Лида, командарм и штаб 2-й армии двинулись через Барановичи на Минск. Следуя на Барановичи, штаб поддерживает связь с 36-м, 4-м и 27-м корпусами через штаб 1-й армии по двум проводам и по одному проводу со штабом фронта. Со ст. Неман, Дворец, Молчадь и Барановичи связь со штабом фронта поддерживалась уже индукторным телефоном, а с корпусами была только односторонняя связь [1]. Корпусам передавались приказы и распоряжения, а донесения корпусов шли не в штаб 2-й армии, а в штабы 1-й и 10-й армий и также в штаб фронта, так как штаб армии не располагал временем на остановки поезда для приема донесений от корпусов. В течение первых суток штабу 2-й армии удалось проехать от Лида до Барановичи, но дальше следовать не было возможности, пути были забиты.

19.9 эшелоны штаба 2-й армии остановились на перегоне между Барановичи и Погорельцы [2]. На этом перегоне командарм с оперативными работниками вынуждены были выгрузиться из поезда, сесть на автомашины и следовать далее грунтовой дорогой в м. Мир, где предполагалась остановка для установления связи со штабом фронта и корпусами армии [3].

В общем у штаба 2-й армии со штабом фронта связь имелась, а что касается корпусов, то по этому поводу начальник связи армии докладывал начальнику связи фронта следующее: «Относительно связи нашего штаба, находящегося в движении, с корпусами должен сказать, что она крайне ненадежна, поддерживается сейчас всего лишь одним проводом через штаб 1-й армии, а в случае переезда последнего она совсем прекратится. Ввиду этого прошу обратить внимание на крайнюю ненадежность ее и может быть, что штаб армии фактически не будет управлять армией в серьезный момент обеспечения всего фронта справа. Необходимо иметь связь с группой корпусов 2-й армии непосредственно самому штабу фронта и может быть придется объединить командование на месте» [4].

С прибытием же штаба 2-й армии в м. Мир связь с корпусами армии была вовсе утрачена, так как сбылись худшие опасения начальника связи 2-й армии: штаб 1-й армии в это время переезжал из Лида в Бакшты, утратив связь с корпусами 2-й армии [5]. Отсутствие связи штаба 2-й армии со своими корпусами призван был восполнять штаб фронта, имевший в это время также один провод, на котором держа-

[1] ВИА, д. № 279205, л. 262.
[2] ВИА, д. № 279205, л. 266.
[3] ВИА, д. № 279205, лл. 266 и 269.
[4] ВИА, д. № 279200, л. 58.
[5] ВИА, д. № 279205, л. 268.

лась связь с 10-й армией и всеми корпусами 2-й армии. Короче сказать, с полозиюй войск всего фронта связь держалась одним проводом, разрыв которого имел бы тяжелые последствия. Однако к этому мы еще вернемся.

18.9 вместе с отходом войск 10-й армии штаб ее перешел в Ошмяны, а штаб 1-й армии был на пути из Войгяны в Бакшты, куда он прибыл 19.9 [1]. В это время штаб фронта располагал только одним проводом Минск, Полочаны, Войгяны, Ошмяны. На этот провод нанизаны были

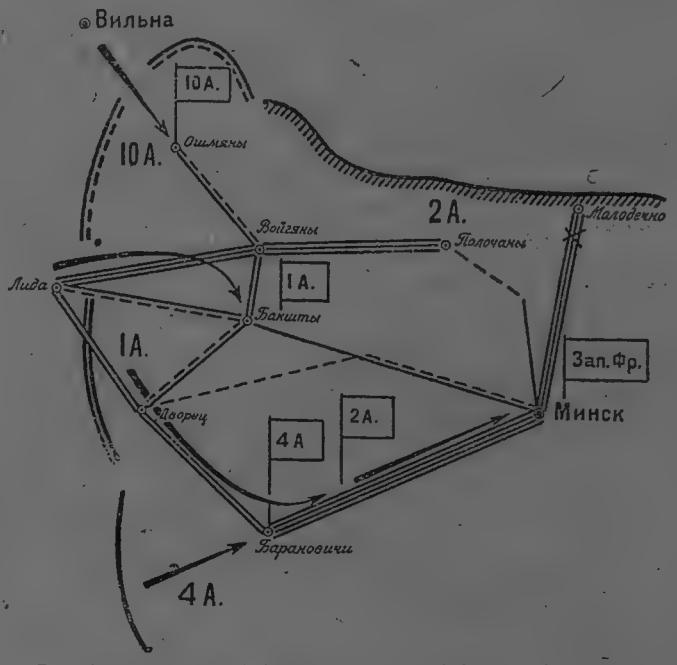

Схема 28. Служба связи в период отхода 10-й и развертывания 2-й русской армий.

штабы 27-го, 4-го, 36-го, 14-го арм. и 1-го конного корпусов и штаб 10-й армии.

Кроме того была возможность пользоваться еще одним проводом со штабом 1-й армии, связывавшим Минск и Бакшты через Налибоки [2].

В этот период корпуса 2-й армии имели шлейфы от единственного провода: в Молодечно — штаб 27-го корпуса, в Крево — штаб 4-го сибирского и третий шлейф — в Ошмяны, на котором были 36-й арм., 1-й конный корпуса и штаб 10-й армии, а на линии Войгяны, Городок — 14-й арм. корпус. Несмотря на эти исключительные обстоятельства, надо отдать справедливость штабу фронта: ему удалось восполнить недостаток проводов использованием для работы на единственном проводе офицеров генерального штаба, маневрировавших временем и размером корреспонденций, передаваемых и принимаемых штабом фронта. Мест-

[1] ВИА, д. № 279205, лл. 267 и 268.
[2] ВИА, д. № 279205, л. 295.

кий режим в использовании этого провода помог в наиболее критический период операции достаточно успешно управлять войсками. Штаб же 2-й армии в этот период передвигался на разных видах транспорта в Минск, где временно и обосновался 20.9.

В связи с отходом войск 10-й армии, предвидя трудности поддержания связи, а, следовательно, и управления войсками, командарм 10 разделил армию на 3 группы: группа командира 2-го к-са (Флуга) объединяла тв., 3-й сибирский, 2-й и 5-й арм. корпуса, а также 1-ю и 2-ю кубанские казачьи дивизии, группа командира 2-го кавказского корпуса (Мехмандарова) объединяла 2-й и 5-й кавказские и 34-й арм. корпуса и группа командира 26-го корпуса (Гернгросса) объединяла 26-й корпус, усиленный различными частями пехоты и казачьей конницы. Рассредоточив управление корпусами, командарм 10 в общем вышел благополучно из крайне тяжелого положения со связью, но затруднил этим работу штабов 2-го арм. и 2-го кавказского корпусов, особенно первого, призванного распоряжаться четырьмя арм. корпусами и двумя казачьими дивизиями. Но эта трудность для корпусов была значительно меньшей, так как объединяемые в группы корпуса действовали на сравнительно узком фронте, чем облегчалось установление технической, а, главным образом, конной связи. Иное дело, если бы эту связь попытался установить штаб 10-й армии со всеми восемью корпусами, удаленными на значительные расстояния от штаба армии, тем более что и корпуса, и штаб армии совершали отход.

В этот период положение со связью в 1-й, 2-й и 10-й армиях весьма облегчило кабельное отделение одной из рот штаба 2-й армии (отделение поручика Мосéвича), в свое время попавшее в Войгяны.

Это отделение к 20.9 своими полевыми проводами соединило стационарные линии, связывавшие теперь семь корпусов 1-й, 2-й и 10-й армий: а) на линии Молодечно, Войгяны — 1-й конный и 4-й сибирский корпуса, б) на линии Ошмяны, Войгяны—36-й, 2-й и 26-й корпуса и в) на линии Борщево, Войгяны — 20-й корпус [1].

Корпуса 1-й армии, подобно корпусам 10-й армии, были также объединены в группах (Артемьева, Плешкова и Шейдемана), что облегчало организацию технической связи, к тому же 1-я армия осуществляла несложный маневр, отходя на восток без всякого давления со стороны немцев с фронта и обеспеченная с флангов [2].

Но мы вернемся к штабу 2-й армии, перебравшемуся 20.9 в Минск, и к штабу 10-й армии, перебравшемуся того же числа в Листопады [3].

Прибыв в Минск, штаб 2-й армии получил тот самый единственный провод, которым пользовался до этого штаб фронта, управляя по нему 2-й и 10-й армиями. По этому проводу штаб 2-й армии должен был не только распоряжаться своими корпусами, но и делиться им со штабом фронта для связи последнего со штабом 10-й армии. От перемещения штабов армий технические условия службы связи не изменялись, но территориальное размещение штабов было несоответственным. Штаб 2-й армии находился в тылу четырех армий фронта (2-й, 10-й, 1-й и 4-й) и в одинаковом удалении как от своих войск, так и от войск прочих

[1] ВИА, д. № 279200, л. 100.
[2] ВИА, д. № 279205, лл. 290, 294 и 295.
[3] ВИА, д. № 279205, л. 270.

армий. Штаб 10-й армии находился в тылу войск 2-й армии. В территориальном отношении было бы выгоднее войска 2-й армии подчинить штабу 10-й армии, а войска последней — штабу 2-й армии.

В этой обстановке вечером 19.9 штаб фронта располагал крайне скудными данными о положении в 10-й армии и левофланговых корпусах 2-й армии. Начальник оперативного управления штаба фронта вынужден был попытаться через штаб 1-й армии осведомиться о действиях этих войск. Начальник оперативного управления штаба фронта писал: «За истекшие сутки благодаря затруднениям телеграфного сообщения очень мало поступило донесений из штаба 10-й армии и штабов корпусов 2-й армии о действиях на фронте. Благоволите срочно запросить означенные сведения из штабов, имеющих непосредственное телеграфное сообщение со штабом 1-й армии, и передать их вне очереди штабу фронта»[1].

Таким образом штаб 1-й армии должен был получить данные от корпусов 10-й и 2-й армий, имевших в это время телеграфную связь со штабом 1-й армии, благодаря тому, что кабельное отделение поручика Мосевича, как мы видели выше, связало семь корпусов.

Положение со связью могло улучшиться только в том случае, если бы был восстановлен узел связи в Молодечно. На это пока надежды было мало, так как даже 1-я стр. бригада, занимавшая Молодечно, не имела телеграфно-телефонной связи со штабом своего 27-го корпуса[2]. Вырванные немцами провода в районе Молодечно не могли быть быстро связаны, так как в этом районе продолжали еще бродить германские кав. разъезды. Требовалось послать специальное подразделение связистов, которые могли бы справиться с этой задачей, фактически же были посланы два механика[2].

Положение со связью 2-й и 10-й армий улучшилось, когда в Молодечно прибыл штаб 10-й армии и связисты этой армии восстановили узел связи, но это случилось только к 25.9. До этого же времени штаб фронта попрежнему имел связь с тремя армиями по двум проводам. Следует заметить, что работа провода Минск, Полочаны протекала не без перебоев. В этот провод в разных местах включались разные части с целью установления связи, чем нарушали его работу в среднем на 4½ часа в сутки[3].

В общем служба связи в ответственнейший период операции на самом ответственном участке явилась наименее технически обеспеченной. Эта связь, в конечном итоге, зависела от любого германского разъезда, способного оборвать артерию, питающую войска фронта, несущую им боевые задания, а штабу фронта — сведения о боевой деятельности войск.

3. Служба связи в период перегруппировки и развертывания 1-й армии на Полоцком направлении (схема 29)

Не менее тяжелое положение со службой связи выпало на долю русских штабов в период перегруппировки и развертывания войск 1-й армии и конных масс на Полоцком направлении.

[1] ВИА, д. № 279200, л. 71.
[2] ВИА, д. № 279200, л. 78.
[3] ВИА, д. № 279200, л. 125.

Перед своим переходом на Полоцкое направление штаб 1-й армии располагался в Койданово, откуда и был направлен частью по железной дороге, а частью — походом на Минск. Выступив 27.9 из Койданово и прибыв в Минск, штаб 1-й армии не мог рассчитывать на организацию связи с корпусами, назначенными в состав 1-й армии и маршировавшими в это время юго-восточнее и восточнее Молодечно, так как к тому времени штаб фронта еле урегулировал телеграфный обмен корреспонденциями со штабами 2-й и 10-й армий, имея на магистрали Минск, Молодечно четыре провода.

Исходя из трудности с организацией связи штаба 1-й армии из Минска, а также вследствие территориальных неудобств размещения здесь штаба 1-й армии, последний был передвинут в Борисов, откуда, казалось, легче было управлять корпусами этой армии. В последующем предполагалось выгрузить штаб и походом перебросить в район Сеславино. Однако по прибытии в Борисов обнаружилось: выдвижение наших войск на Полоцкое направление проходит настолько успешно, что уже к 28.9 штаб 1-й армии, находясь в Борисове, был оторван от своих корпусов на 100—150 *км*. Переход же штаба 1-й армии походом по тракту Борисов, Докшица осложнялся отсутствием перевозочных средств, тем более что часть штаба армии маршировала еще из Койданово в Минск походом. Поэтому приходилось перебрасывать штаб по железной дороге через Оршу, Витебск, Полоцк на Сеславино.

Оказавшись в Борисове, штаб 1-й армии испытывал неудобство своего месторасположения. В это время (29.9) в Борисове собралось уже три поезда с личным составом и небольшой частью средств управления штаба. О положении штаба 1-й армии можно судить по телеграмме кап. Достовалова, исполнявшего обязанности начальника связи армии. В своей телеграмме начальнику связи штаба фронта он пишет: «Связь только со штабом фронта и 2-й армией через штаб фронта... телеграфные роты и рабочие колонны не прибыли... (не знаем) куда идем, на каком фронте будут действовать корпуса, входящие в состав армии. Прибытие телеграфных рот и рабочих колонн можно ожидать не ранее, как через два дня. Составы даются весьма скупо. До сих пор погрузился в Койданове первый эшелон 1-й телеграфной роты...» [1].

Таким образом штаб 1-й армии, находясь в Борисове, не имел ни связи с подчиненными корпусами, ни своих средств связи, застрявших еще в Койданово. Его связь ограничивалась одним проводом, связывавшим его со штабом фронта и через последний—со штабом 2-й армии.

В довершение создавшегося неудобства, штаб 1-й армии был направлен комендантом ст. Борисов на Полоцк, не зная еще своего назначения. На это неприятное событие жалуется телеграфно начальник штаба 1-й армии ген. Одешелидзе начальнику штаба фронта: «Около 3 час. ночи комендант ст. Борисов полк. Налетов, не спросив разрешения командующего армией и несмотря на мои предварительные распоряжения без коменданта поезда никуда поезда не двигать, позволил себе двинуть поезд и оборвать провод в тот самый момент, когда по устроенной мной связи передавалась какая-то директива главнокомандующего. Двигают нас в Полоцк, хотя ни командарм, ни я никаких

[1] ВИА, д. № 279205, л. 283.

распоряжений от Вас не получали. Я приказал остановить поезд на ст. Ставная и без телеграммы за Вашей подписью дальше поезда не пущу. Бестолковая поспешность полк. Налетова не дала мне возможности передать приказания эшелонам штаба армии, подходящим пешим порядком из Койданово в Минск, почему прошу приказать полк. Савченко-Маценко [1] погрузить, двинуть эти эшелоны в Полоцк, если только верно, что штаб должен переезжать в Полоцк. — Одешелидзе» [2].

А между тем корпуса 1-й армии маршировали в это время уже близко к Докшицы, подчиняясь командующему 2-й армией, который, как нам известно, имел тенденцию тянуть эти корпуса к своему правому флангу вместо выдвижения на север.

28.9 штаб 10-й армии переехал из Молодечно в Изяславль, а штаб 2-й армии — из Минска в Молодечно, что облегчило службу связи этих

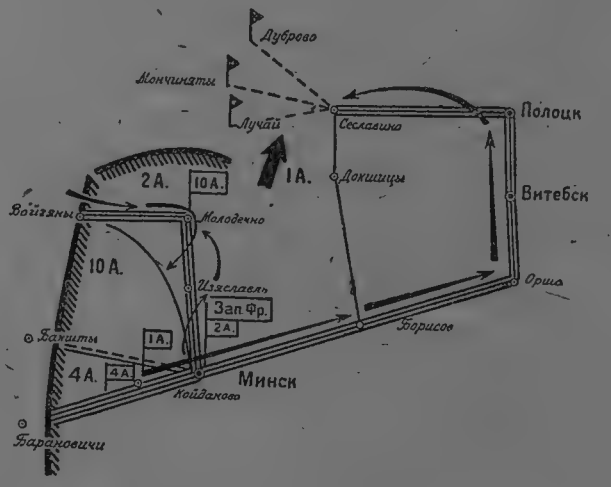

Схема 29. Служба связи в период перегруппировки и развертывания 1-й армии на Полоцком направлении.

штабов с подчиненными корпусами, устранив имевшуюся своеобразную чересполосицу, а также сблизив их со своими корпусами, что облегчало установление технической связи [3].

Находясь в Молодечно, штаб 2-й армии мог уже более успешно управлять подчиненными войсками, опираясь на молодеченский узел связи, имевший одну магистраль на Полоцк и одну на Сморгонь, на линии которых действовали конные массы Орановского и корпуса 1-й и 2-й армий.

Когда конные массы под общей командой Орановского маршировали севернее р. Вилия в общем направлении на Дунилович, связь поддерживалась эпизодически по проводам из пунктов остановок штаба 1-го конного корпуса, и также эпизодически штаб фронта и штаб Оранов-

[1] Полк. Савченко-Маценко исполнял обязанности начальника военных сообщений фронта.
[2] ВИА, д. № 279205, лл. 286 и 287.
[3] ВИА, д. № 279205, лл. 281 и 282.

ского уславливались относительно телеграфной связи в определенное время в определенных пунктах. Кроме того для связи использованы были радиостанции, имевшиеся в штабе корпуса и в кав. дивизиях.

В наиболее же трудные периоды штабы армий использовали железнодорожные провода, что встречало возражения железнодорожников, провода которых были заняты специальной службой, находившейся в не менее тяжелом положении. Но это 22.9 было уже запрещено [1].

Штаб 1-й армии, перебравшись через Оршу, Витебск и Полоцк в Сеславино, из этого последнего пункта связался с подчиненными ему корпусами тремя полевыми линиями, имевшими конечные стационарные телеграфные станции в Дуброво, Мончиняты и Лучай. Штабы корпусов и штаб конницы Ораовского через эти три станции и обменивались телеграфной корреспонденцией. Связь же штаба фронта со штабом 1-й армии осуществлялась по трем проводам через Оршу, Витебск, Полоцк [2].

Только после перехода штабов армий в новые места расположения установилась надежная связь, а именно: штаб 1-й армии—в Сеславино, штаб 2-й—в Молодечно, штаб 10-й—в Изяславль; в первом пункте 4.10, а в двух последних только 28.9.

4. Использование радиотелеграфа

В период операций армии западного фронта имели 56 радиостанций, которые были распределены по две на каждый штаб армии и по одной на каждый корпус и каждую кав. дивизию [3].

В условиях отсутствия проводной связи штабов армий с корпусами радиостанции служили уже серьезным подспорьем. В частности, в период марш-маневра 1-й и 2-й армий на верхнюю Вилию радиостанции конной массы Ораовского и корпусов 1-й армии в некоторые дни являлись единственным средством связи со штабами 2-й армии и штабом фронта. Штабы 3-й и 4-й армий практиковали привязывание радиостанций к определенным пунктам, оповедомляя войска о местах расположения радиостанций, а эти последние обязаны были обслуживать связью войска, маршировавшие или располагавшиеся в районе данной станции. Подобным же способом было использовано несколько радиостанций на рубеже р. Березина (Западная) в период перехода через Березину корпусов 2-й армии. Однако, если 3-й и 4-й армиям удавалось успешно использовать свои станции, дублируя ими связь на наиболее ответственных направлениях и в районах, бедных сетью проводной связи, то 2-я армия от размещения своих нескольких станций на Березине получила мало пользы. Причиной этого явилось то обстоятельство, что армии не знали позывных своих станций, а станции не знали позывных своих соседей, почему они несколько дней не работали, а затем были присоединены к корпусам 2-й армии [4].

Следует заметить, что в условиях почти непрерывного передвижения войск и притом на значительные расстояния, а также по плохим доро-

[1] ВИА, д. № 279200, л. 83.
[2] ВИА, д. № 279200, л. 296.
[3] ВИА, д. № 65421, л. 81.
[4] ВИА, д. № 65421, лл. 9, 12, 14 и 17.

там, русские достаточно хорошо владели своей скудной радиотехникой. Из 56 радиостанций только две станции—№ 64 и 65 (конного отряда ген. Тюлина)—по причинам технической их неисправности не работали. Прочие же 54 станции работали весьма успешно и даже практиковали подслушивание немцев, в частности, радиостанция № 18 (прапорщика Ленькова), находившаяся при штабе 1-й армии [1]. Кроме того штаб фронта и штабы армий до и после окончания перемещений мест расположения имели пеленгаторные станции и вполне успешно вели радиоразведку, в частности, в свое время они дублировали разведывательные данные авиационной и войсковой разведки о скоплении германских войск в районе западнее Вильны в конце августа, отметив скопление радиостанций немцев в этом районе.

5. Строительство новых и разрушение старой сети постоянной связи

Строительство новых линий связи находилось в ведении главного начальника снабжений северного и западного фронтов ген. Данилова, а также начальников округов связи (Двинского и Минского). В их распоряжении находились специальный аппарат, рабочая сила и средства для строительства. Но вследствие неорганизованности строительство новых линий связи не удовлетворяло потребностей войск. Не было заминки только в установке столбов; подвеска же проводов задерживалась на очень продолжительное время из-за отсутствия подвод, или рабочих, или крючьев, или изоляторов. Во всяком случае, обычно чего-нибудь нехватало из материалов, а как следствие такой невязки в работе деятельность всей строительной организации в целом протекала неудовлетворительно. В сообщениях начальника штаба фронта и начальников штабов армий невысоко оценивается деятельность главного начальника снабжения и начальников округов связи.

Так, начальник штаба фронта ген. Гулевич в одной из своих телеграмм от 22.9 писал главному начальнику снабжений: «Наводки линий нет, ставят одни столбы» [2].

Начальник штаба 4-й армии в одной из телеграмм начальнику штаба фронта касательно постройки линии Ивенец — Радошковичи писал: «...Рассчитывать на своевременное устройство этой линии насевзап [3] или Минским округом трудно, так как *ни разу еще за всю кампанию не было своевременно окончено устройство порученных им линий*» [4].

Что касается разрушения уже существующей связи в процессе отхода армий, то войска разрушали линии, срубая часть столбов, а иногда даже снимали и проволоку, чего настойчиво требовал главный начальник снабжения. Но на снятие проволоки, изоляторов и вывинчивание крючьев из столбов требовалось много времени и большое количество рабочей силы, а на вывоз всего этого и большие транспортные средства. Чтобы снять два провода на линии протяжением 20 *км*, требовалась работа целой роты в течение суток, а на перевозку снятого материала

[1] ВИА, д. № 65421, л. 16.
[2] ВИА, д. № 279200, л. 104.
[3] Насевзап — начальник снабжений северо-западного фронта.
[4] ВИА, д. № 279200, л. 116.

требовалось до ста колесных единиц. Следовательно при отходе пяти армий на выполнение такой работы потребовалось бы не менее 300 рот и несколько тысяч повозок, чем армии не располагали. Поэтому снятие проводов, изоляторов и крючьев практиковалось только частично и в редких случаях[1].

6. Выводы по службе связи

1. Театр войны не был достаточно оборудован сетью связи еще в мирное время, что отрицательно сказалось на ходе операций осенью 1915 г. Во время войны местные органы связи и начальник тылового района не справлялись с постройкой линий вследствие недостаточной организованности работ, а также и вследствие непредусмотрительности при постройках новых линий. Следовало развивать постройку новых линий из глубины театра, а не с линий фронта, как это делали русские, строившие от фронта в тыл. А так как русские армии часто отходили, то обычно неоконченные постройкой линии подвергались некоторым разрушениям и доставались противнику, а русские снова и снова начинали строить линии, чтобы, не достроив, опять оставить их противнику. Иное дело, если бы это строительство велось из тыла к фронту. Войска через известное время получили бы надежную сеть связи, заранее построенную в их тылу.

2. Маневр 10-й, 2-й и 1-й русских армий в сентябре и октябре 1915 г. осуществлялся без заранее подготовленной связи, что по обстановке и при отсутствии резерва в средствах связи во фронте и армиях крайне осложнило управление войсками как со стороны штаба фронта, так и со стороны штабов армий. Опыт рассмотренной нами операции показывает необходимость иметь в штабах фронтов и армий резерв средств связи (частей связи), чтобы при надобности заранее обеспечить связью на несколько положений. В этом смысле требования штаба РККА об обеспечении средствами связи в войсках на три положения совершенно основательны и закономерны. Их следовало бы распространить и на армейские штабы. При современных условиях, когда армии располагают авиацией, большим количеством радиостанций и автотранспортных средств, разумеется, управление войсками при помощи всех этих средств значительно облегчается, но вместе с тем значение проводной связи нисколько не уменьшается, но, напротив, возрастает. Количество телеграфной корреспонденции по линии штабов и различных служб и родов войск возросло вместе с ростом всех видов техники и сложностью управления современными войсковыми соединениями. Провода являются основным видом связи для войск: от батальона до корпуса — телефоном, а выше — телеграфом и телефоном. Прочие средства остаются вспомогательными.

3. Децентрализация управления войсками армий в условиях, какие были в данной операции, целесообразна. Она облегчала организацию службы связи. Однако вводить как правило подобную импровизацию групп корпусов под начальством одного из комкоров нельзя. Штабы корпусов и их средства управления рассчитаны на управление корпусом,

[1] ВИА, д. № 279200, л. 84.

а не группой корпусов. Кроме того эта импровизация может привести к нежелательным последствиям как в оперативно-тактической области, так и в области взаимодействия и взаимоотношений начальников, т. е. всем тем свойствам, какие присущи всякой импровизации, точнее нарушению организации.

4. Штабы армий не должны располагаться в таких пунктах, как Борисов, где нет связи, а, само собой разумеется, передвигаться в пункты, где уже заранее организована связь, а кроме того и располагать своими средствами связи. При этом вперед должны посылаться связисты, а затем уже оперативные отделы, а не наоборот, так как оперативные работники должны покидать командные пункты тогда, когда в новых пунктах уже оборудована связь с войсками, что в нашей армии жестко требуется от войск. Разумеется, нецелесообразно ехать штабу армии в Борисов, оставив связистов в Койданово, так как самый хороший штаб без связи не может управлять. Мы уже не говорим, что штабы армий должны обязательно располагать средствами передвижения по грунтовым дорогам, а если передвигаться по железным дорогам, то знать, куда и с какой целью и, конечно, без прецедентов, какой имел место в Борисове со штабом 1-й армии.

5. Чем меньше имеется средств связи, тем более необходим жесткий режим в их использовании. Штабы фронта и армий в ходе этой операции ввели дежурство у телеграфных аппаратов офицеров генерального штаба. В современных условиях ответственное дежурство во всех штабах нашей армии уже совершенно правильно регламентировано во Вр. наставлении по полевой службе штабов. Но вместе с тем следует считаться с необходимостью иметь при известных условиях ответственных дежурных не только в штабах и по связи, а специально для передачи оперативных документов в штабах армий и даже корпусов, что у нас часто и практикуется уже в мирное время. Только благодаря таким дежурным штаб западного фронта сумел в течение целой недели обходиться одним проводом для управления двумя армиями: 2-й и 10-й, а точнее 10-й армией и четырьмя корпусами 2-й армии, маршировавшими к р. Вилия.

6. Нужно считаться с необходимостью иногда прибегнуть к использованию железнодорожных проводов, но как правило они не должны быть использованы войсками, так как это отразится на работе по управлению транспортом.

7. Опыт русских по расстановке полевых радиостанций в определенных пунктах для обезличенного пользования ими со стороны войск при известных условиях можно применить и в современных условиях: при маршах и перегруппировках войск.

8. Нужно считать, что разрушение постоянной связи требует много времени. При механизации разрушений это время сократится, но снятие проводов, изоляторов, крючьев потребует такого числа рабочей силы и транспорта для перевозки, что вряд ли можно рекомендовать это войскам как правило. Чаще всего доведется рвать провода, бить изоляторы и спиливать столбы, на это потребуется меньше времени. При заранее намеченном отходе, а также при наличии сил, транспорта и времени, конечно, необходимо снимать и увозить провод, изоляторы и прочее имущество.

ГЛАВА XII

ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ ТЫЛОВ

(Рекомендуется пользоваться 10-верстной картой)

При изложении боевых действий войск мы время от времени затрагивали вопросы их материального обеспечения. Несмотря на это, представляется целесообразным дать общую характеристику работы тылов, тем более что эта работа протекала в необычайно трудной обстановке массовых перегруппировок корпусов и целых армий, а также деятельности на тылах конных масс противника. Вместе с тем мы предвидим, что не во всех отношениях можем удовлетворить интерес читателя, так как не располагаем подробными данными о фактическом числе боевых припасов, продовольствия, фуража, обмундирования, полученных войсками, так как в хаосе отхода, паники в тылах и нарушения подвоза, войска брали боевые припасы там и у того, где и у кого их находили, то же и с другими видами снабжения.

Поэтому мы ограничимся лишь характеристикой маневра тылов 1-й, 2-й и 10-й армий, а также освещением условий подвоза, работы дорог и обороны тыла.

К началу операций тыловой район армий западного фронта ограничивался линией Дрисса, Докшицы, Минск, Старые Дороги, Мозырь [1]. Армии базировались: а) 10-я армия — на железнодорожную линию Полоцк — Свенцяны и Молодечно — Вильна, б) 1-я и 2-я армии — на железнодорожную линию Молодечно — Лида, в) 4-я армия — на железнодорожную линию Минск, Барановичи, Волковыск, г) 3-я армия—на железнодорожную линию Барановичи, Брест и Гомель, Брест. Таким образом через железнодорожный узел Молодечно направлялись снабжение и эвакуация 10-й, 1-й и 2-й армий, а железнодорожные линии Полоцк — Молодечно и Орша — Минск являлись основными путями подвоза для армий западного фронта.

К востоку от границ тыловых районов армий размещались базы главного начальника снабжений северного и западного фронтов, подчиненного начальнику штаба главнокомандующего.

1. Общее состояние тыла 10-й армии

Тыл 10-й армии непосредственно перед началом операций был до крайности загроможден обозами всех видов и назначений. В состав армии входило 18½ пех. и 3½ кав. дивизий. Все дивизии имели слабый

[1] ВИА, д. № 278950, л. 197.

состав штыков, но зато обозы их не только содержались в штатном составе, но и намного превышали положенные штатные нормы. Кроме полковых, дивизионных, корпусных и армейских обозов на тыловых путях армии было большое число обозов, принадлежавших различным тыловым учреждениям и организациям, в частности учреждениям ген. Туманова, ведавшего постройкой оборонительных полос.

Это море обозов дополнялось еще обозами, принадлежавшими бежавшим местным учреждениям Ковенской и Гродненской губерний, бежавшим помещикам и насильно выселяемому, притом поголовно, местному населению, которое со своим скарбом, погруженным вместе с малолетками и одряхлевшими домочадцами на свои повозки всех видов, на лошадях, волах и коровах, наводнило тылы всех армий западного фронта, в том числе и 10-й армии. На тыловых путях обретались многочисленные безоружные ополченские части, также со своими обозами. В тылах армий западного фронта находились огромные гурты скота, насчитывавшие 365 000 голов крупного и 250 000 голов мелкого рогатого скота. Кроме того при отходе предполагалось реквизировать у местного населения 1 000 000 голов скота [1]. Если принять во внимание, что 10-я, 1-я и 2-я армии в составе 20 корпусов базировались в полосе севернее линии Новогрудок, Минск, а южнее базировались две других армии, имевшие 10 корпусов, то надо считать, что ⅔ скота приходилось на полосу севернее линии Новогрудок, Минск.

Вместе с тем некоторые части обозов не имели: 124-я пех. дивизия не имела обозов как вновь сформированная, 3-я гв. пех. дивизия переброшена была без обозов по железной дороге, а обозы ее шли походом. Следовательно одни дивизии, доведенные до состава 2—3 тысячи штыков, т. е. до состава полка, продолжали иметь непомерно большие обозы, в то время как другие дивизии вовсе не имели обозов и должны были испытывать затруднения в снабжении и эвакуации.

Подвоз в армейских и корпусных тылах 10-й армии базировался на 5 обозных батальонов, имевших в своем составе 19 транспортов. Кроме того в состав армии походом шел из Барановичей 201-й обозный батальон. Кроме того начальник штаба 10-й армии настойчиво добивался дополнительной присылки еще четырех обозных батальонов [2]. При этом для подвоза к корпусам использовалась и железнодорожная линия.

Охрана путей подвоза и эвакуации обеспечивалась 2-м и 20-м арм., 7-м и 8-м сибирскими и гв. этапными батальонами. 2-й и 5-й кавказские корпуса, 5-й и 34-й арм. корпуса этапных батальонов не имели [3].

Правофланговый в 10-й армии — гв. корпус — имел корпусной путь подвоза через Неменчин, Подбродзе. Это обстоятельство еще за 12 дней до прорыва беспокоило командира гв. корпуса, который 27.8 настойчиво хлопочет у командарма 10 об отнесении путей подвоза на юг ввиду возможных осложнений в промежутке между 10-й и 5-й армиями, когда «тыловой путь гв. корпуса легко может оказаться под ударами неприятеля» [4].

---

[1] ВИА, д. № 416655, лл. 356—358.
[2] ВИА, д. № 417182, л. 191.
[3] ВИА, д. № 417182, л. 184.
[4] ВИА, д. № 385297, л. 324.

7.9 командующий фронтом воспретил перевозку беженцев по железным дорогам и указал минскому и виленскому губернаторам «во избежание движения беженцев одновременно с обозами установить... полосы движения совместно со штабами соответствующих армий». Штабам армий было приказано заблаговременно удалить беженцев «примерно на три перехода в глубину» [1]. Однако к началу операций указанные мероприятия проведены в жизнь не были. В тылах 10-й армии царил беспорядок, учинялись целые погромы (например, погром молодеченского винного склада войсками), беспорядки и погромы на железнодорожных станциях при посадке беженцев, усиливаемые еще взяточничеством военного, гражданского и железнодорожного чиновничества, охотно грузившего за взятки бежавших помещиков и кулаков с их имуществом и отказывавшегося грузить безлошадных и больных бедняков, обремененных голодными семьями. Дезертиры, отбившиеся от своих частей, наводняли тыл армии, железнодорожные линии и станции, устремляясь вместе с потоком беженцев на восток.

В то время, когда в тылу 10-й армии происходили описываемые нами события, на стыке фронтов прорвалась германская конница, устремившаяся в тыл 10-й армии. Появление германской конницы в Свенцянском районе заставило тыловые учреждения и беженцев принять юго-восточное направление своего движения, в общем на Молодечно, Минск. Тыловые учреждения правофланговых корпусов и беженские потоки стихийно сгрудились южнее р. Вилия, на тесном пространстве между рр. Вилия и Западная Березина. Напрасно хлопотал начальник штаба 10-й армии об отнесении южной границы армии за р. Западная Березина, так как трудно управляемые многочисленные обозы 10-й армии стихийно откло-нялись на юго-восток, а, в частности, обозы левофланговых корпусов 10-й армии проникли в полосу 1-й армии. Тем не менее штаб 10-й армии отнес пути подвоза всех корпусов в полосу между рр. Вилия и Западная Березина, имевшую в наиболее узком месте западнее Молодечно всего пять дорог, приходившихся для восьми корпусов 10-й армии.

Когда же германская конница вышла на железнодорожную линию Вильна — Молодечно, а ее разъезды на железнодорожную линию Лида—Молодечно, фронт 10-й армии проходил по дуге Солы, Быстрица, Подберезье, Мейшавола и ее обозы, полковые и дивизионные—3-го сибирского, 2-го арм., гв., 5-го и 2-го кавказских корпусов, сгрудились в районе Вильна, Кена, загрузив все дороги и населенные пункты, стеснив до крайности маневрирование войск. В этих обозах непрерывно царила паника, вызываемая не столько близостью немцев, сколько общей неорганизованностью.

Развернувшиеся войска группы Флуга фронтом на северо-восток и восток находились под давлением обозов, двигавшихся из района Вильны. Для упорядочения этого движения наштагруппы Семенов назначил целую бригаду казаков (8 сотен) из состава отряда Тюлина, придав каждой сотне по два орудия ополченского артиллерийского дивизиона, имевшего по 3 снаряда на орудие. Командиры сотен получили каждый определенный маршрут (всего восемь) и взяли под конвой потоки обозов, имея задачей не допустить задержки выдвижения 36-го арм., 4-го

[1] ВИА, д. № 415655, лл. 56, 65, 74.

сибирского и 4-го конного корпусов, а также во избежание паники первоначально свернуть обозы в вагенбурги на линии Жуйраны, Ошмяны, отражая нападения неприятельской конницы, затем уже, по мере вытеснения противника подходившими частями 2-й армии и выхода их к Вилии, вывести эти обозы на восток. Эта мера имела огромное значение. Обозные вагенбурги с казаками и пушками, по свидетельству бывшего наштатруппы, представлялись уже неопасными для собственных войск и недоступными для предприимчивых разъездов противника. Главная же заслуга вагенбургов, казаков и ополченских пушек заключалась в том, что они не мешали выдвижению корпусов 2-й армии.

Ввиду прекратившейся подачи огнеприпасов по железнодорожным линиям Молодечно — Вильна и Молодечно — Лида, войска 10-й армии с 15 по 20.9 не получали совершенно огнеприпасов, и только к 20.9 снаряды стали подаваться на ст. Листопады. В этот период возможно было получение огнеприпасов только со ст. Алехновичи, на железнодорожной линии Молодечно — Минск [1]. Таким образом пять дней напряженные бои на правом фланге 10-й армии велись теми возимыми запасами, какие были в войсках, а также в арм. складе в Вильне, а запас в последнем на 14.9 исчислялся в 2 073 снаряда для тяжелых гаубиц (152-*мм*). Правда, возимые запасы войск (3-го сибирского и гв. корпусов) обеспечивали ведение боя до 18.9; с 18.9 эти части уже жалуются на отсутствие у них огнеприпасов [2]. Части же 3-й гв. пех. дивизии, не имевшей своих обозов, и 2-го арм. корпуса, брошенного в бой с перевернутым фронтом, патронов и снарядов не имели, почему дрались только штыками. А между тем в Молодечно и Минске в резерве фронта были снаряды и патроны, которые не представлялось возможным подать к сражавшимся войскам. Артиллерийские парки и повозки с патронами перехватывались сражавшимися частями, независимо от их назначения и принадлежности, а так как последние, по преимуществу, группировались дальше от района упорных боев, т. е. южнее, а не севернее Вильны, то выносившие всю тяжесть боев гв., 3-й сибирский и 2-й арм. корпуса вследствие анархии подвоза не всегда могли получить назначенные им огнеприпасы, попадавшие в корпуса, действовавшие на левом фланге армии и менее нуждавшиеся. Это обстоятельство обусловило отдачу начальником штаба армии специального приказа о командировании за огнеприпасами особо назначенных офицеров [3].

С 20.9 наладилась подача огнеприпасов из резерва фронта, но прекратилась подача снарядов фронту ввиду разрушения германской конницей железнодорожного моста у Смолевичи на железнодорожной линии Орша — Минск и захвата железнодорожной линии Полоцк — Молодечно на участке Куринец, Вилейка, а также вследствие расстройства железнодорожного движения и крайне медленного восстановления разрушений на железных дорогах, произведенных германской конницей.

Для получения огнеприпасов из штаба 10-й армии в штаб фронта был командирован специальный офицер (Грузинцев), который эпизоди-

---

[1] ВИА, д. № 377963, лл. 99 и 106.

[2] Сведений о возимых запасах огнеприпасов в корпусах нет, дается по оперативным сводкам, донесениям и со слов участников.

[3] ВИА, д. № 377963, лл. 100 и 101.

чески ориентировал штаб 10-й армии о своих хлопотах по вопросам артиллерийского снабжения [1].

Что касается темпа восстановления разрушений, то ярким примером может служить следующий факт. Восстановление железнодорожного моста через р. Вилия, южнее Вилейка, затянулось до 8.10, т. е. потребовало 20 суток, при этом на восстановлении моста работали два железнодорожных батальона [2].

Обеспечение войск 10-й армии продовольствием и фуражем не вызывало затруднений, так как многочисленные обозы, остановленные вагенбургами на линии Жуйраны, Ошмяны, были нагружены продовольствием и фуражем, которые получались войсками не на действительный состав, а часто на штатный, во всяком случае, преувеличенный состав корпусов, дивизий и полков. Некоторые корпуса даже на преувеличенную численность личного состава возили еще запасы сверх нормы, в частности 2-й кавк. корпус 14.9 возимыми запасами сверх нормы был обеспечен на 3 суток продовольствием и фуражем, гвардейский—на 3 суток, 2-й арм. корпус—на 3 суток продовольствием и на 5—6 суток фуражем, 3-й сибирский корпус — на 1 сутки и т. д. [3].

В связи же с перерывом железнодорожной линии Вильна — Молодечно 16.9 наштарм 10 перенес армейский продовольственный магазин на ст. Молодечно, откуда войска должны были подвозить продовольствие, — мера, на наш взгляд, неправильная, так как проезду мешала германская конница, а кроме того обозы и транспорты, если бы и начали возить, то стеснили бы манезр 2-й армии. Нельзя сомневаться, что обозы, направившиеся на Молодечно, если бы их пропустили казаки на восток, встретив германскую кавалерию, в панике бросились бы на юг за р. Березина и забили те немногие переправы, какие на ней в то время были [4].

Но ввиду неорганизованности питания роты, батальоны и полки часто не получали своевременно пищи. Что же касается эвакуации, то многочисленные обозы загружались ранеными и больными, большая часть которых явилась трофеями немцев, ввиду того что госпитали группировались в районе Вильна, откуда раненые вывозились санитарными поездами, а с перерывом железнодорожного сообщения, точнее с изоляцией виленского узла, санитарные поезда и госпитали остались немцам. Часть же была вывезена санитарными транспортами, на что есть косвенные указания различных распоряжений штарма 10, но данных о числе эвакуированных в архивах нет, да и трудно рассчитывать, чтобы в обстановке существовавшего хаоса занимались учетом или регистрацией больных, раненых, эвакуированных и оставленных в Вильна и Виленском районе.

С отходом 10-й армии на фронт Сморгонь, Лоск, Дайновка войска армии перенесли базирование на железную дорогу Минск — Молодечно. В последующее время, с выходом 2-й армии на р. Вилия, вагенбурги обозов 10-й армии хлынули на восток и благополучно отошли к железнодорожной линии Молодечно — Минск.

---

[1] ВИА, д. № 192200, л. 5.
[2] ВИА, д. № 440, лл. 18 и 30.
[3] ВИА, д. № 377963, л. 38.
[4] ВИА, д. № 417182, л. 196.

2. Состояние и работа тыла 2-й армии

Переброшенные форсированными маршами корпуса 2-й армии тянули за собой потоки своих обозов в загроможденный тыл 10-й армии. Но так как 2-я армия задержалась на Вилии, то ее обозы главной массой остались южнее р. Западная Березина, тем более что к тому времени 10-я армия выводила свои обозы на восток, пересекая пути подвоза 2-й армии. Но снабжение 2-й армии находилось на привилегированном положении, так как в Молодечно были сосредоточены фронтовые артиллерийские и продфуражные запасы и продовольственный магазин 10-й армии, позволившие 27-му арм. и 4-му сибирскому корпусам, а затем 14-му и 36-му арм. корпусам довольствоваться этими запасами, тем более что хозяином их оказался командир 27-го арм. корпуса, так как смотритель молодечненского магазина во время обстрела станции германской конницей покинул магазин. Продуктами до некоторого времени могли довольствоваться войска 2-й армии [1], а войска 10-й армии не имели возможности подвозить их по уже известным нам причинам.

Однако запасов, имевшихся в Молодечно и неорганизованно расходовавшихся захватившими их войсками, хватило не надолго, тем более что базирование 2-й армии было перенесено на Минск и железнодорожную линию Минск — Борисов, а армейские и корпусные обозы находились южнее р. Западная Березина.

19.9 в Минске должны были грузиться продовольствием первые транспорты 2-й армии (сухари, сахар, масло и ячмень), но от Минска конные транспорты должны были покрыть расстояния, для которых требовались недели времени [2]. Переброска же продовольствия и фуража по железной дороге Минск — Молодечно не представлялась возможной, так как из Молодечно сплошным потоком шли поезда, вытягиваемые с железнодорожной линии Молодечно — Лида. 21.9 начальник штаба 2-й армии убедительно просит начальника штаба фронта пропустить на Молодечно один поезд с продовольствием для 2-й армии. 22.9 в Молодечно удалось открыть армейский магазин 2-й армии [3]. Тогда же продовольственный магазин и хлебопекарни Минска были переданы 10-й армии, т. е. было осуществлено перебазирование армий [4]. Однако распоряжений о перебазировании было мало, чтобы накормить войска 2-й армии, а также наполнить к тому времени (за 10 суток) опорожненные обозы 10-й армии. Минск еле справлялся с хлебопечением, поэтому снабдить хлебом войска двух армий не мог. В связи с этим войскам 2-й армии были переданы хлебопекарни в Борисове, откуда по железной дороге через Минск должен был подвозиться печеный хлеб [5]. Этот факт свидетельствует о степени отсталости русских генералов, не умевших организовать даже хлебопечения, не только боевых действий. Неужели нельзя было организовать хлебопечение ближе к войскам, тем более что качество хлеба, доставленного из Борисова через Минск в окопы под Сморгонью, очевидно было скверное: хлеб доходил до окопов в виде полугнилых суха-

[1] ВИА, д. № 400144, л. 315.
[2] ВИА, д. № 400144, лл. 221 и 240.
[3] ВИА, д. № 195492, л. 128 и д. № 400144, л. 281.
[4] ВИА, д. № 413252, л. 428.
[5] ВИА, д. № 400144, лл. 380 и 381.

рей. К тому же с точки зрения железнодорожного провоза выгоднее в Молодечно возить муку, а не хлеб, так как первая займет меньше вагонов, чем хлеб.

Подача из Борисова и Минска продовольствия и фуража продолжала осложняться загруженностью железных дорог. К тому же армия имела только 2 обозных батальона или 7 транспортов и 1 автороту. Правда, армии удалось получить 4 этапных батальона (6-й, 13-й, 14-й и 5-й сибирский), 4 рабочих роты, 2 сотни этапной конницы, а главное, 85-й и 92-й мортирные, 36-й, 29-й легкие и 9-й горный артиллерийские парки [1]. Войска 2-й армии с 22—23.9 начали питаться за счет местных средств, испытывая острую нужду в хлебе, соли, а, особенно, в зерновом фураже для довольствия собираемых на правый фланг армии пяти кав. дивизий.

Недостаток продфуража почувствовали и некоторые части 10-й армии. Потребовалось вмешательство командующего фронтом, который обязал командармов заняться вопросами службы тыла, потребовал от железнодорожников разгрузки железнодорожных линий, ускорения восстановительных работ на железной дороге, упорядочения снабжения отдельных корпусов, возивших свои подвижные запасы в железнодорожных вагонах [2], ликвидации бесконтрольного распределения продфуражных грузов между армиями, что, кстати сказать, делалось без учета состава армий. В частности, до 10.10 продолжали отпускать 10-й армии ежедневно 60 000 пудов, а 2-й армии 24 000 пудов, считая эти армии в их прежнем составе, т. е. 10-ю армию — в составе восьми корпусов, а 2-ю армию — в составе четырех. На самом деле на довольствии 2-й армии было восемь корпусов и пять кав. дивизий, а в 10-й армии — пять корпусов и две кав. дивизии. Снабженцы не знали и не хотели знать хода оперативных событий [3].

Неналаженность снабжения войск 2-й армии и временно переданных на ее довольствие корпусов 1-й армии продолжалась до перебазирования этой армии на железнодорожную линию Полоцк — Молодечно. Это случилось только с 1.10, когда на ст. Кривичи был открыт армейский магазин [4]. Но этим еще не окончились затруднения 2-й армии. Собранные к началу октября на правом фланге армии 11 кав. дивизий не были своевременно обеспечены зерновым фуражем, так как снабженцы продолжали наряжать овес и ячмень поровну во все армии фронта. Перебои не замедлили сказаться на работоспособности конского состава, что вызвало законные претензии начальника штаба 2-й армии, но не улучшило состояния конского состава [5].

Маневр 1-й и 2-й армий следовало заблаговременно обеспечить сосредоточением продфуража на железнодорожной линии Полоцк — Молодечно. Эту работу следовало начать со времени оттеснения германских кав. разъездов из района Глубокое или следом за 3-й донской казачьей дивизией, сосредоточенной у Подсвилье, а в дальнейшем — выдвигая ма-

---

[1] ВИА, д. № 196932, л. 14.
[2] Корпуса 10-й армии возили запасы, занимая ими 90 вагонов (ВИА, д. № 400144, лл. 576 и 579).
[3] ВИА, д. № 400144, л. 576.
[4] ВИА, д. № 400144, л. 439.
[5] ВИА, д. № 195492, л. 133.

газины за конной массой Орановского и головными корпусами 1-й армии.

Что же касается артиллерийского снабжения, то войска 2-й армии и в первый период операции бывшие на ее снабжении корпуса 1-й армии не испытывали затруднений, расстреливая резервы фронта, имевшиеся в Молодечно и Миноке, а в последующее время за счет налаженного подвоза по железнодорожной линии Полоцк — Молодечно.

К 24.9 была определена, а к 26.9 корпусами 2-й армии была занята полоса к северу от линии Перевоз, Заскевичи, Лебедев, Хажево, Радошковичи, Логойск, р. Гайна, Ляховка, Узнацк, Красное село. Южнее эшелонировались тылы 10-й армии.

Эта полоса между корпусами делилась: 14-му арм. корпусу — севернее Сосенка, Дунай, Русаки, устье Верхняя, р. Березина, ф. М. Березино и дорогой Вязынь, Илия, Барки, Хатаевичи, далее на Лепель; 27-му арм. корпусу — полоса, ограниченная с юга линией Сомоли, Рыбчанка, Плещеница, Волосовичи; 4-му сибирскому корпусу — полоса, ограниченная с юга линией Уша, Молодечно, Красное, Новогайна, Зембин, Краснолуки; 36-му арм. корпусу — южнее 4-го сибирского корпуса; 20-му арм. корпусу была отведена полоса 27-го арм. корпуса [1].

3. Тыл 1-й армии и конной массы Орановского

Корпуса 1-й армии, до выхода их на Полоцкое направление, довольствовались вместе с конницей Орановского попечением 2-й армии и вместе с ее корпусами испытывали недостатки в продфураже вследствие неправильного распределения его работниками главного начальника снабжений северного и западного фронтов, деливших армиям все поровну без учета их состава.

С выходом же армии на Полоцкое направление, несмотря на недостаток транспортов, довольствие протекало бесперебойно благодаря использованию богатых местных средств, так как район действий был почти совершенно свободен от войск. Однако главный начальник снабжений и командарм, выделившие корпуса в 1-ю армию, делали все, от них зависящее, чтобы оставить армию без транспортов. Выделенные корпуса направлялись только с войсковыми обозами, обслуживавшие же их конные транспорты, а также этапные батальоны были оставлены в тех армиях, где эти корпуса действовали раньше. Если командарм 2 смог перебросить в Минск некоторые транспорты из бывшей 2-й армии для новой 2-й армии, что по условиям расстояния более или менее возможно было сделать, то командарм 1 очутился в положении, куда более затруднительном. Он сам же отправил корпуса без транспортов, полагая, что они войдут во 2-ю армию, кроме того из-под Лиды было тяжело перебросить транспорты под Сеславино почти к Полоцку.

Для характеристики отношения армий к транспортам мы приведем обращение главного начальника снабжений северного и западного фронтов к командармам. 5.10 он писал: «Последнее время в сведениях, даваемых начальниками этапно-хозяйственных отделов армий о транспортах, обслуживающих эти армии, не указывается целый ряд транспортов.

---

[1] ВИА, д. № 196969, лл. 1 и 2.

Такое ненормальное положение, приобретая характер явления хронического, делает совершенно невозможной какую-либо регулировку числа транспортов между армиями... Настоящий момент... неизвестно, где находятся тридцать транспортов, что составляет шесть батальонов...» [1].

Тыловой район 1-й армии в дорожном отношении был наиболее необорудованным, что заставило командующего западным фронтом взять на себя оборудование и исправление дорог для корпусов 1-й армии. С 6.10 средствами фронта начались работы по благоустройству военных дорог: а) 4-му арм. корпусу — Козяны, Васюки, Табалы, Великое село, Германовичи, Куриловичи, Диска; б) 14-му арм. корпусу — Девятники, Ламижейка, Осиногородок, Сосновка, Дубовка, Дорошки, Ореховно, Полоцк; в) 1-му арм. корпусу — Поставы, Дуниловичи, Глубокое, Заборье, Плиса, Бобыничи, Воронечь, Гомель, Горяны; г) 1-му сибирскому корпусу—Черняты, Пшеград, Юшкевичи, Проходы, Веретеи, Голубичи, Кублички, Семице, Ушач, Ореховно, Подгай, Оболь. На р. Западная Двина были построены мосты: два — у Дисна, один — у Горяны, один — у Горовые, один — у Полоцка, один — у Улла, и предполагалась постройка мостов у Усвица и у ст. Горяны (второго моста) [2].

Вследствие ограниченного запаса огнеприпасов, а также пропорционального распределения огнеприпасов между корпусами, независимо от их боевой деятельности, в ходе разрозненных атак, корпуса в наиболее критические периоды боев оставались без снарядов и патронов, что нам уже известно по 1-му сибирскому корпусу.

В последующее время недостаток транспортов и истощение местных средств осложняли подачу фуража для конной массы Ораховского, но этот период по времени уже выпал за рамки Свенцянского прорыва.

4. Выводы

Сложный маневр тылов 10-й, 2-й и 1-й армий протекал, на наш взгляд, в общем неплохо благодаря своевременной задержке тылов 10-й армии в районе Ошмяны, Жуйраны, а также благодаря задержке тылов 2-й армии южнее Западной Березины и направлению их затем на Минск.

Осложнения с подвозом 2-й армии можно было избежать своевременной подачей запасов через Полоцк, а также организацией хлебопечения в районе Молодечно, при децентрализации хлебопечения.

Осложнения с конными транспортами во 2-й и 1-й армиях явились следствием неорганизованности тыла и анархизмом в управлениях тылами армий. Только при жестком руководстве возможно было сравнительно ограниченные транспортные средства использовать более целесообразно.

Забитость железнодорожных линий Молодечно — Минск явилась основной помехой в подвозе 2-й и 10-й армиям и объяснялась не только слабой пропускной способностью, но, главным образом, тем, что линии Минск, Молодечно, Вильна, Лида не были своевременно освобождены от поездов с эвакуированным из Польши и Литвы громоздким

[1] ВИА, д. № 417182, л. 318.
[2] ВИА, д. № 278913, лл. 71—75.

имуществом, а также учреждениями покинутых областей, сидевшими в вагонах вместе с миллионными массами беженцев, от эвакуации которых следовало отказаться еще раньше, чем это было сделано. Медленные темпы восстановления разрушенных железных дорог объясняются, скорее всего, отсутствием у русских железнодорожных батальонов практики восстановительных работ. Последним, по преимуществу, выпадали на долю эксплоатация и разрушения в ходе войны, в мирное время восстановлению также не учили, поэтому работы и велись темпом мирного времени, хотя и выказано было много старания сделать скорее. Кроме того железнодорожные батальоны не имели еще и необходимых механизмов и оборудования для восстановления больших мостов.

Что же касается «уравниловки» в распределении довольствия между армиями, без учета их состава и степени важности выполняемых ими оперативных задач, то она объясняется отрывом оперативных работников от снабженцев и пренебрежением к их тяжелой и в общем грязной работе с пекарнями, гуртами скота и конными транспортами, а это привело к отсутствию руководства.

ГЛАВА XIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы закончили изложение боевых действий сторон в Свенцянской операции. Эта операция по времени длилась месяц, в ней приняла участие почти половина сил русского западного и германского восточного фронтов. Эта операция — по сути дела комбинированная, состоящая из различных по форме операций (разных армий и армейских групп), весьма сложных по своему характеру, а особенно при той предельной степени напряжения, в какой были войска обеих сторон. Все это, вместе взятое, составляет не только собственно исторический интерес, но и дает обширный материал для теоретического исследования и обобщений. Последним мы и заключим работу.

1. Особенность операции

Свенцянский прорыв отличается от других операций мировой войны прежде всего тем, что войска обеих сторон вели эту операцию в условиях серьезного истощения сил. Большой некомплект личного состава в войсках, недостаток или отсутствие пополнений, неурегулированная работа тылов, усталость войск после напряженной боевой деятельности на протяжении военных действий лета 1915 г.— отличительная особенность операции. Имея огромный некомплект в наличных немногочисленных войсках германского восточного фронта, Гинденбург—Людендорф все же настаивают на проведении операции, добиваются согласия главного командования и проводят ее. Такое решение основывалось на том, что состояние вооруженных сил русских было не лучше, а хуже, чем состояние германских вооруженных сил. Решение продолжать операции было правильным, если исходить из приведенных соображений. Однако, какими же целями можно было задаваться, организуя операцию в данных конкретных условиях? Немцы задались целью окружить 10-ю русскую армию и правый фланг 1-й армии, т. е. окружить десять русских корпусов, до того уже истощенных и представлявших, в общем, примерно десять дивизий по числу штыков, пулеметов и орудий, если сравнить со штатной их численностью. Для этой операции немцы располагали, примерно, такими же силами и, примерно, в такой же степени истощенными. Как мы видели выше, операция по окружению успехом не увенчалась: русские оставили Вильну и отошли на всем фронте. Немцы выиграли пространство. Иными словами, операция не привела к решительному результату. Правда, некоторые германские авторы в своих мемуарах пишут о 30 000 пленных, но это мы берем под сомнение. Что же касается поражения тех или иных частей и соедине-

ний, то в ходе операции та и другая стороны наносили друг другу частные поражения, которые привели и тех и других к потерям, большим или меньшим, но ни один полк не был окружен и взят в плен. Если бы эта операция преследовала цель не окружения, а овладения Виленским районом, то представляется, что немцы могли этого добиться более дешевой ценой, чем та, которую они заплатили разгромом их конницы.

Представляется, что операции на пределе истощения сил сторон целесообразны при известных условиях, но цели таких операций не могут быть решительными. Такая операция необходима как продолжение предшествующей успешной наступательной операции, когда она приобретает характер преследования противника. Целью операции в подобных условиях могут являться нанесение частных поражений и выигрыш пространства. Во время мировой и гражданской войн чаще всего стороны вели операции в условиях огромного некомплекта личного состава и, надо полагать, что в будущем в штатных нормах войска будут находиться реже, чем в некомплекте, так как регулярное пополнение войск в ходе операций крайне затруднено. Начав операцию в штатном комплекте, части войск в ходе операции будут тратить свои силы, нести потери и уже на другой день операции будут ощущать тот или иной некомплект. Поэтому представляется, что следует в известной мере считаться с неизбежностью ведения операций, в том числе и наступательных, при некомплекте в людях и материальной части. При этом, однако, следует всегда иметь в виду реальные силы того или иного соединения и в зависимости от них ставить войскам задачи. Корпуса, дивизии, полки будут неравноценны в количественном отношении. 8-я сибирская стр. дивизия несравненно была сильнее всего 4-го сибирского корпуса, хотя при постановке задач дивизиям 3-го и 4-го сибирских корпусов это не принималось во внимание. Ошибочным нужно считать стремление русских иметь большое число плохих дивизий, вместо небольшого числа полнокровных. Ополченцы и пограничники, влитые в уже существующие дивизии, принесли бы несравненно большую пользу, чем та, которую они принесли в боях под Вильной, занимаясь всего лишь рытьем окопов.

При недостатке патронов у русских было бы целесообразно обезоруженные солдатские массы отправить в тыл для обучения, оставив на фронте ровно столько, сколько могло быть более или менее обеспечено ружьями и патронами. То же следует сказать об артиллерии. Орудия, не обеспеченные снарядами, скорее являлись обузой для своих войск, чем средством подавления противника. Было бы выгоднее вместо 36 орудий на дивизию оставить половину, но интенсивно использовать их, чем непроизводительно возить тяжелый обоз орудий, не обеспеченных снарядами и рискующих стать добычей противника. Правда, пехота могла драться штыками и часто дралась только ими, впрочем успех такого рода драки был всегда отрицательным по очевидным причинам: русские несли тяжкие потери от германского ружейно-пулеметного огня до того времени, пока удавалось сойтись на штыки. Известное положение о переходе количества в качество, примененное к данному факту в отношении числа штыков и числа стреляющих винтовок, умноженных на скорострельность их и дальнобойность пули и штыка, не оправдывает русских: нужно было слишком большое количество бойцов, чтобы это

количество обрело равноценное качество сравнительно с пехотой, обладающей огневыми средствами. Вряд ли старая гвардия Наполеона в полном ее составе и во главе со своим кумиром могла рассчитывать на успех штыковой атаки против современного пулеметного батальона.

Однако войска сторон дрались, имели успехи и в общем провели одну из интересных и важных операций мировой войны, несмотря на крайнюю степень истощения. Полки, имевшие по 300 штыков, продолжали сохранять еще известную боеспособность, и достаточно было дать им перевести дух, чтобы они предпринимали наступление. Прибывавшие пополнения через несколько дней осваивались и дрались неплохо. Причиной этого нужно считать кадры, более или менее сохранившиеся в частях первой и второй очереди, но вовсе отсутствовавшие в третьеочередных дивизиях, какой была 124-я пех. дивизия у русских. Указанная нами особенность операции наложила известный отпечаток на действия войск и их начальников, что и следует иметь в виду, рассматривая и обсуждая события.

2. Группировка сторон

Мы уже имели случай проанализировать группировку сил сторон перед операцией с точки зрения соотношения их к моменту начала операции. Однако следует отметить, что группировка сил у русских сложилась в результате отхода из Польши, т. е. была вынужденной, а у немцев—намеренной, рассчитанной на данную операцию. Задавшись целью окружить 10-ю русскую армию, немцы не справились с этой задачей по ряду причин, прежде всего по причине недостатка сил и, в частности, их группировки по этапам операции. Насколько соответственно оперативному замыслу немцы создали группировку в исходном для операции положении, настолько в процессе операции они не сумели сохранить превосходства в силах на важнейших участках в важнейшие периоды. В процессе операции заходящее крыло оказалось не ударным, а скорее сковывающим, а ударная группировка оказалась не на левом фланге, а в центре армии. Русские же пренебрегли данными своей собственной разведки, сигнализировавшей сосредоточение крупных германских сил северо-западнее Вильны, причем эта сигнализация была настолько своевременной, что позволяла реагировать на мероприятия немцев соответственной перегруппировкой к стыку фронтов. Оперативная близорукость бывшего командующего северо-западным фронтом Алексеева, выразившаяся в игнорировании сведений о противнике, в этом смысле весьма отрицательно повлияла на группировку русских сил. Подобные факты в практике войны часто имели место, когда высшие начальники не доверяли своим же разведывательным данным. Так было с союзниками в августе 1914 г., когда они не верили, что немцы идут через Бельгию, так было у русских во время прорыва немцев у Горлицы, так было у других в ряде операций. Очевидно, это не случайно. Некоторые обвиняют Самсонова, бывшего командующего 2-й русской армией, в том, что он игнорировал данные своей же разведки о перегруппировке 8-й германской армии, и т. д. В этой операции Алексеев пользовался разведывательными сводками армий, доверяя больше им, чем сводкам своего штаба. В конечном счете каждая армейская сводка уста-

навливала на своем фронте то или иное усиление противника, привлекая внимание Алексеева к разным участкам длинного фронта подчиненных армий. Колонны войск, пленные разных частей, исчезновение с фронта тех или иных дивизий, погрузки и выгрузки войск, постройка мостов, наконец, обозные колонны, усиленное железнодорожное движение на тех или иных дорогах — факты, которых в масштабе десяти армий слишком много, чтобы запутаться в них, если к тому же еще верить сведениям местных жителей и самым необычайным слухам, собранным в обширном тылу русских армий. Для того чтобы разобраться и найти истину, нужны весьма прозорливый ум и хорошее знание противника.

Русские после отступления из Польши были под впечатлением ударов противника против их центра, на чем настаивал Алексеев и что имело роковое значение для русских в ходе всей операции. Своевременная перегруппировка к стыку фронтов могла предотвратить и, по крайней мере, ограничить размеры и последствия Свенцянского прорыва. Результатом вначале вынужденной, а затем не соответствовавшей обстановке группировки русских армий был отход целого фронта русских.

Однако, как же относиться к данным своей собственной разведки? Начальник, который отказывается от ориентировки по своим же разведывательным данным, действующий, руководясь интуицией, рискует всегда оказаться в положении, в каком мы видели ген. Алексеева, растерявшегося на другой же день операции и не пришедшего в себя после ее окончания.

В последующем русские сумели перегруппироваться в ходе операции и в этом отношении превзошли немцев, что, однако, стоило им отхода армий западного фронта.

3. О наследниках Шлиффена

В свое время мы рассмотрели процесс выработки плана данной операции германским главным и фронтовым командованием, отметив расхождение между Фалькенгайном, начальником германского генерального штаба и командованием германского восточного фронта (Гинденбург и Людендорф) во взглядах на характер операций против России. Теперь мы вновь вернемся к Фалькенгайну, Гинденбургу, Людендорфу и даже к Шлиффену, чтобы рассмотреть их суждения, уже зная результат данной операции.

Фалькенгайн не принадлежал к плеяде шлиффеновских учеников, работавших в генеральном штабе и носивших соответствующий диплом полководческих дарований. Это обстоятельство с первых же шагов вступления его в должность начальника генерального штаба вместо Мольтке обусловило отрицательное к нему отношение в первую очередь ряда бывших учеников Шлиффена, а затем некоторых старейших в чинах генералов из числа командовавших армиями. Такое отрицательное отношение к Фалькенгайну продолжалось до конца его деятельности на посту начальника генерального штаба и осталось даже после его смерти. К числу лиц, отрицательно, точнее наиболее враждебно, относившихся к Фалькенгайну, принадлежали Гинденбург, Людендорф и Гофман, возглавлявшие германский восточный фронт и получившие известность после поражения 2-й русской армии в Восточной Пруссии.

Еще до периода подготовки Свенцянского прорыва между Гинденбургом и Людендорфом, с одной стороны, и Фалькенгайном,— с другой, возникли разногласия по поводу операции по окружению русских армий в Польше. Для этой операции Гинденбург и Людендорф требовали усиления их фронта на два корпуса [1], надеясь окружить главную массу русских вооруженных сил в так называемом польском мешке операцией грандиозных «Канн» в стиле Шлиффена.

Фалькенгайн не дал и не мог дать требуемых для этого войск потому, что войска требовались на западном, итальянском и сербском театрах войны, главным же образом потому, что он не верил в возможность предположенных Гинденбургом и Людендорфом ультра-шлиффеновских «Канн».

Как известно, после неудавшегося окружения русских армий в Польше, Гинденбург и Людендорф отнесли эту неудачу к ошибке Фалькенгайна, не давшего требуемых сил. В своих воспоминаниях по этому поводу Людендорф пишет: «Я продолжал отстаивать мнение, что наступило время для осуществления большими силами намеченной мною операции на нижнем Немане, на Ковно и оттуда в тыл русским. Войска для этого можно было взять из армейской группы Войерша, а также из 9-й, 12-й и 8-й армий... Но верховное командование осталось при своем прежнем мнении... Операции союзных армий в Польше восточнее Вислы привели, как я того и ожидал, к фронтальному следованию за русскими с непрерывными боями» [2].

Сподвижник Людендорфа — Гофман — по этому поводу в своих записках и дневниках высказывается еще более определенно: «Все идет так, как мы предсказывали, т. е. мы преследуем русских по всему фронту, но уничтожить их не можем и все из-за верховного командования...». «Если бы мы теперь могли добыть 3—4 корпуса для нашего левого крыла между 10-й и Неманской армиями, тогда можно было бы добиться полного поражения русских. К сожалению, этих корпусов у нас нет, а верховное главнокомандование их нам не дает» [3].

Один из учеников Шлиффена — Ганс Куль — в своей работе «Германский генеральный штаб», касаясь операций в Виленском районе и оперативных методов Шлиффена, пишет: «На востоке, как известно, мы одержали с помощью охватов блестящие победы... Но до разгрома русских дело все-таки не дошло: они во-время, хотя и с громадными потерями, отошли. Решительных результатов можно было добиться только обходом. Если бы при дальнейшем развитии сражения наш северный фланг был сильнее и если бы ему своевременно удалось охватить противника, то такой результат был бы возможен. Начавшееся в конце августа наступление группы Гинденбурга на Вильну не было уже в состоянии охватить противника» [4].

Таким образом для разгрома русских в Польше Гинденбург требовал два корпуса, но Гофману требовалось три-четыре корпуса. Однако нужные корпуса не были даны, русские благополучно отошли, значит, в этом вина верховного командования, т. е. Фалькенгайна, как об этом

---

[1] *Куль*, Мировая война, т. I, стр. 222.
[2] *Людендорф*, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. I, стр. 122.
[3] *Гофман*, Записки и дневники, стр. 170 и 171.
[4] *Ганс Куль*, Германский генеральный штаб, стр. 140.

пишет Гофман. Допустим, что Гофман и его шефы (Гинденбург и Людендорф) располагали нужными корпусами, в нужное время и именно на их северном фланге на Ковно-виленском направлении. Возможно ли в этом случае окружение русских западнее Полесья? Предположим, что из района Сувалки немцы организовали удар на юг в правый фланг русской армии в направлении на Белосток или на Волковыск. На марш из района Сувалки до рубежа Волковыск, Белосток, считая, что немцы передвигаются темпом 20 *км* в сутки, потребуется 8 суток (160 *км*). Если также допустить, что в это время русские армии находились на Буге, т. е. в 150 *км* от Волковыска и в 70 *км* от Нарева, то вряд ли возможно верить, чтобы немцы скорее вышли в район Волковыск, чем это могли сделать русские. Как-никак, немцы должны были встретить то или иное сопротивление русских, русские же могли отходить не только на Волковыск, а и южнее Волковыска. Выдвигаясь от Сувалки на юг, немцы должны были заслоняться с востока хотя бы завесой, растягивая дивизию на 30-*км* фронт, что потребовало бы расхода на это завешивание от Ковно до Волковыска 7 пех. дивизий (фронт 210 *км*). При этом нужно было, чтобы русские войска продолжали отход и перед фронтом такой завесы, в чем нет никаких гарантий, так же как нет гарантий и в том, что русские не могли перейти в атаку, прорвать завесу или потеснить ее. Допустим даже, что немцы вышли на пути отхода русских и опередили их на направлении Волковыск, Белосток. Обязательно ли они отрезали пути отхода русских? Растянув свою коммуникацию от Сувалки до Волковыска, немцы должны были развертываться фронтом на юго-запад, чтобы встретить отходивших русских, т. е. драться с перевернутым фронтом. Для надежного сдерживания русских на этом фронте требовалось, примерно, на каждые 15 *км* дать одну дивизию, заняв ими фронт от Августова до Волковыска (120 *км*). Это потребовало бы еще 8 пех. дивизий. При этом также не было никаких гарантий в том, что русские не прорвутся через барьер немцев, как и в том, что русские окружат их в своем тылу. Мы уже не говорим о трудностях подвоза у немцев, какие создались бы в результате их выдвижения в тыл русским. В условиях обширных пространств проблема «Канн» весьма осложняется, особенно при отсутствии подвижных родов войск, какими немцы в то время не располагали. И сам Шлиффен, если верить Кулю, не считал бы возможным окружение русских в Польше. Анализируя кампанию в России летом 1915 г., Куль пишет: «Большие Канны, какие сам граф Шлиффен видел как двухсторонний зажим и уничтожение противника, не могли найти применения. Русские уходили в далекие пространства своего государства, неся чудовищные потери» [1].

Вольфганг Ферстер в своем труде «Граф Шлиффен и мировая война», касаясь операций 1915 г. и поучений Шлиффена, пишет: «В одной памятной записке в 1892 г. находим пророческие слова». Далее Ферстер приводит содержание этих пророческих слов Шлиффена: «Возможный удачный прорыв наш на юг заставит противника отступать назад на восток, а не на юг под удары австро-венгерцев, на свои конечные железнодорожные пункты, на которых он будет иметь превосходный транспорт. Мы не сможем настигнуть и решительным сражением раз-

[1] *Куль*, Мировая война, т. I, стр. 255.

громить русскую армию и ясно, что с отходом назад к центру сильного государства борьба примет фронтальный характер» [1]. И далее Ферстер пишет: «Уже в начале июня Людендорф задался идеей одних больших оперативных Канн с ясной целью уничтожения противника посредством двухстороннего охвата с юга и севера. Но момент к ее проведению тогда на севере, конечно, еще не наступил» [2].

Следовательно, сам Шлиффен признавал, что операция посредством прорыва с севера на юг приведет к тому, что русские будут отступать на восток, т. е. то, что и случилось во время Свенцянского прорыва и что случилось бы в Польше.

Если сам Шлиффен не считал возможным ударом с севера на юг отрезать пути отхода русских на восток и в этом смысле оставил «пророческие слова», то, следовательно, Фалькенгайн, а отнюдь не Людендорф был последователем шлиффеновских идей в кампанию лета 1915 г. А ведь именно Людендорф и Гофман претендуют на право наследия идей Шлиффена, отрицая это право за Фалькенгайном.

Но мы еще раз вернемся к Шлиффену и его учению о «Каннах». В своем труде «Канны» Шлиффен пишет: «Основная форма Канн выражается в широком боевом фронте, наступающем против более узкого, преимущественно более глубокого боевого порядка»... «Для всякого вида Канн само собою является желательным иметь превосходство в силах...» [3]. Наконец: «Совершенное воплощение сражения при Каннах лишь очень редко встречается на страницах военной истории. Для него необходимы, с одной стороны, Ганнибал, а с другой — Теренций Варрон, которые оба по-своему содействуют достижению великой цели» [4].

С этих точек зрения последователем Шлиффена также следует признать Фалькенгайна: а) немцы не имели более широкого фронта относительно русских, фронт обеих сторон простирался от Балтийского моря до Днестра; б) немцы не имели превосходства в силах вообще, а в коннице, в особенности, совершенно необходимой для действий на фланги и тыл; в) наконец, у русских в 1915 г. не было Теренция Варрона, который бы помогал немцам в окружении, а была возможность только пользоваться русскими радиограммами.

Конечно, в нашу задачу не входит специальное рассмотрение претензий на право наследования некоторых учеников Шлиффена, но мы касаемся этого предмета потому, что к причинам поражения Германии в мировой войне некоторые германские авторы относят стратегию Фалькенгайна и, в частности, то, что Фалькенгайн не дал нужных сил, чтобы в 1915 г. Гинденбург, Людендорф и Гофман разгромили Россию, вывели ее из строя, а затем повернули свои силы против Франции.

И после этой необходимой экскурсии в область теории Шлиффена, возвращаясь к Свенцянскому прорыву, мы видим, что прав был Шлиффен, не веривший в возможность окружения русских в условиях обширных пространств, и прав был его фактический последователь в этом вопросе — Фалькенгайн. Кстати сказать, когда Россия уже была выве-

---

[1] *Ферстер*, Граф Шлиффен и мировая война, ч. 2, стр. 79.
[2] *Там же*, стр. 79 и 80.
[3] *Шлиффен*, Канны, стр. 209—210.
[4] *Шлиффен*, Канны, стр. 213.

дена из строя революцией, ученики Шлиффена—Людендорф и Гофман— не извлекли стратегических выгод для войны на Западе, закончив ее жестоким разгромом Германии. Что же касается Фалькенгайна, то извлек бы он или не извлек стратегические выгоды для завершения мировой войны — вопрос пока остается открытым. А в Свенцянском прорыве Гинденбург и Людендорф, конечно, не получили нужных оперативных выгод и, задавшись целью окружения десяти русских корпусов, никого не окружили, т. е. в более узких рамках не сумели провести «Канн» в стиле Шлиффена.

4. Взаимодействие фронтов

Взаимодействие фронтов и взаимопонимание командующих фронтами на примере Свенцянского прорыва получило весьма яркое выражение в деятельности двух русских и одного германского командующих фронтами. Командующие фронтами, кроме Эверта, тратили непомерно много времени на домогательства и вымогательства сил для своих фронтов. В этом смысле не было ни малейшего различия между Гинденбургом — Людендорфом, Алексеевым и Рузским, причем их мотивы примерно одинаковы, мы назовем их местническими, центробежными, лишенными необходимого более широкого кругозора, точнее качеств, необходимых столь большим людям — командующим фронтами.

Трудно сказать, насколько искренне Гинденбург — Людендорф, Алексеев и Рузский излагали своему главному командованию свои взгляды на операции. Трудно предположить, чтобы перечисленные нами генералы не понимали значения и удельного веса тех или других фронтов, однако не менее трудно предположить, чтобы они умышленно обманывали свое главное командование. Бесспорно лишь то, что для второстепенных фронтов они требовали усиления и доказывали, что их фронты являются главными, что они решают судьбы войны и пр.

Мы не допускаем мысли, чтобы Алексеев и Рузский ограничили свой кругозор разграничительными линиями своих фронтов, следовательно, остается предполагать, что они умышленно обманывали свое главное командование, вымогая от него резервы или отвлекая их с важнейших фронтов. Этот своеобразный «патриотизм», независимо от причин, породивших его,— губителен, во всяком случае опасен, по крайней мере нежелателен.

Впрочем, прямую противоположность выказал командующий западным фронтом Эверт, широко смотревший на события, не суживавший свою деятельность разграничительными линиями фронтов, по-деловому организуя действия подчиненных ему армий в интересах двух фронтов. Эверт для северного фронта сделал больше, нежели Рузский. Первый тянул свои армии к Двине, чтобы примкнуть флангом к северному фронту, что и составляло главнейшую задачу (сомкнуть фланги фронтов), Рузский же предпочел отводить свой левый фланг на Двину, а присылаемые резервы гнать к Балтике, а не навстречу своему соседу.

Командующий фронтом, неспособный подняться до уровня общих задач и целей, преследующий только интересы своего фронта в ущерб соседу, так же как любой начальник, включительно до командира отделения, принесет огромный вред общему делу. Брусилов в своих воспоми-

наниях дал достойные характеристики русским командующим фронтами и, в частности, отметил, что «фронтовой патриотизм» объяснялся боязнью ответственности русских генералов. Мы согласны с этим, добавив, что следовало бы ввести в норму Полевого устава обязанность помогать соседу во всех случаях, не боясь ответственности, и ввести непременную ответственность за неоказание помощи соседу. Высшие же начальники должны быть в этом смысле воспитаны.

5. Реорганизация управления

Можно было избежать трений и иметь взаимодействие между 5-й и 10-й армиями. Мы утверждаем это, исходя из того, что если главнокомандующий не сумел заставить командующего северным фронтом осуществлять взаимодействие с западным фронтом, следовало подчинить 5-ю армию западному фронту, оставив ген.-от-инф. Рузскому командовать войсками 7-й армии и Петроградского военного округа. В этом случае все резервы, направляемые северному фронту, пошли бы в 5-ю армию, последняя имела ударную группу на своем южном фланге, что скорее бы привело к ликвидации Свенцянского прорыва. Во всяком случае конница Казнакова волей или неволей должна была пойти на юг и ни в каком случае ее не тянули бы к северу. Правда, это осложнило бы для командующего западным фронтом управление несколькими армиями, но вместе с тем упростило бы его деятельность по ликвидации прорыва направлением усилий по смыканию флангов с севера и с юга. По крайней мере это сократило бы переписку начальника штаба главкома и не отвлекало его и командующего западным фронтом от оперативной деятельности в сторону склочных переписок. В этом случае встает вопрос: зачем делились и реорганизовались фронты? Сдается, что реорганизацию можно было провести до прорыва, во время него и даже после, но эта реорганизация должна быть соответственно обеспечена людьми, средствами, также идейным единством, а всего этого не было. Реорганизация началась с назначения неподходящего для этой цели командующего фронтом, он должен был набирать себе аппарат, руководя операциями, и в то же время не знал еще, где ему остановиться со штабом и как связаться с армиями, кто будет их кормить и снабжать, даже не знал разграничительных линий фронтов. Реорганизация фронтов не была подготовлена организационно и материально. Нельзя было одновременно проводить, так сказать, сплошную смену и замену руководящего состава, так как необходимо было обеспечить прежде всего организационную преемственность. Это также отрицательно повлияло на ход и исход Свенцянского прорыва.

6. Обеспечение стыков

Насколько плохо была проведена реорганизация фронтов, настолько же плохо было организовано взаимодействие фронтов еще в исходном положении перед началом операции. Мы в своем месте изложили свои взгляды на систему обеспечения стыков вообще и в частности на использование для этих целей конных масс. Однако мы считаем себя обязанными еще раз подчеркнуть, что за стыки отвечает соответствующая

высшая инстанция: за дивизионные стыки — командиры корпусов, за стыки корпусов — командарм и т. д. Что касается обеспечения стыков конницей, то не следует подражать русским в прикрытии стыка конницей, подчиненной разным начальникам и армиям. Если бы довелось двум конным корпусам прикрывать стык двух фронтов, то корпуса нужно объединить под начальством одного, хотя бы плохого, начальника. В этом случае конница будет действовать в массе, что дает ей многие преимущества, а главное—она не будет средством разных фронтов. В этом случае ее выгоднее подчинить командующему одного из двух фронтов, возложив на него ответственность за стык. Действия же самой конницы должны носить иной характер, чем тот, который мы видели. Конница должна использовать на одном участке упорную оборону с применением всех видов заграждений, чтобы на других применить маневр и удар.

7. Организация удара

Замысел, организация и проведение удара по стыку русских фронтов со стороны немцев, на наш взгляд, не заслуживают упрека. Идея удара по стыку с выходом подвижных войск в оперативную глубину противника на пути его отхода в современных условиях, при наличии новых средств борьбы, должна являться стержнем всякой наступательной операции по-современному организованной армии. Операции прорыва фронта с последующим окружением и уничтожением противника по форме являются наиболее решительными, это соответствует и характеру той войны, которую нам предстоит вести, ибо прежде всего мы должны усвоить, что будущая война не может окончиться миром между нами и империализмом, отсюда решительный характер войны. В войне, решительной по своему характеру, не может быть места нерешительным операциям, тем более что для этого мы располагаем силами и средствами, т. е. людьми и машинами соответствующих качеств. Из этого, конечно, не следует, что мы должны готовить войска только наступать, окружать и уничтожать.

Нам также нужно учить войска обороняться, отходить и выжидать. Но из этого следует, что наступление всегда должно предприниматься с решительной целью, т. е. окружение и уничтожение противника, в стиле замысла немцев, который, впрочем, им не удался, в стиле действий 1-й конной армии в Киевской операции или в стиле операции Кемаля против греков.

Организуя удар с выходом на фланг и тыл, а также задаваясь целью окружить и уничтожить ту или иную группу противника, следует серьезно рассчитать силы и средства, чтобы такой удар не привел только к выигрышу пространства, как это случилось у немцев в Свенцянском прорыве. Представляется, что, предпринимая подобную операцию, надо исходить из соотношения сил, действующих на данном участке фронта, и иметь против них определенное численное и качественное превосходство, обеспечивающее прорыв фронта на ширину допускающую ввод в прорыв подвижных масс. Немцы прорывали фронт кавалерийской завесы, имея против 82 эскадронов, 5½ батальонов и 42 орудий русских 96 эскадронов, 72 батальона и около 400 орудий германских, т. е. некоторое превосходство в бойцах конницы и в десять раз превосходство

в пехоте и в артиллерии; прорывались на фронте 30 *км*, за 4 суток проникли конницей на глубину 70—80 *км*. Для развития прорыва и охвата фланга германская пехота выдвигалась темпом 15 *км* в сутки для дивизий, направленных на пути отхода русских, а конница выдвигалась темпом 20 и 25 *км* в сутки. В соответствии с этим нужно определить необходимые меры изоляции или задержки подходящих резервов и силы, способные им противостоять. Фронтовые резервы, направляемые русскими для ликвидации прорыва, выдвигались: конница темпом 60 *км*, а пехота — 30 *км* в сутки, т. е. в два раза быстрее, чем продвигались немцы, развивавшие прорыв. При этом достаточно иметь равные силы, чтобы успешно бороться, а призванные к тому войска должны твердо усвоить одно: войска противника обычно будут подходить по частям, как это было у русских с войсками 2-й армии, части эти будут разобщены пространством и временем, это должны использовать подвижные войска, действующие в тылу у противника. Рассчитать нужно и глубину операции, исходя из наличных сил, а также и технических свойств подвижных войск. При этом роль подвижных войск должна быть разграничена так, чтобы часть встала на пути отхода и наносила удар с тыла, как это было с 1-й и 4-й кав. дивизиями немцев; часть обеспечивала эту операцию в тылу (например 3-я и 9-я германские кав. дивизии). В соответствии с таким назначением подвижных войск предпочтительно для первой цели использовать мотопехоту, так как действия на путях отхода часто требуют удержания их методом упорной обороны, для чего более подходит пехота. Для второй цели предпочтительно использовать конницу, способную по преимуществу к маневру и удару. Говоря о конице, мы имеем в виду конницу, оснащенную танками и авиацией. Только рассчитав силы, можно сказать, какую группу противника можно окружить и уничтожить. Нельзя задаваться задачей окружить десять корпусов, хотя бы и потрепанных, равными в количественном и несколько превосходными в качественном отношении, как это было у немцев в Свенцянском прорыве. Но если бы немцы с их силами ограничились окружением правого фланга 10-й русской армии, выйдя в тыл непосредственно восточнее Вильны, на Вилию, т. е. на глубину 30—40 *км*, то, несомненно, гвардейский, 3-й сибирский и 5-й кавказский корпуса были бы окружены, точнее с востока отрезаны, а с юга прижаты к лесисто-болотистому пространству р. Мереч анка. В этом случае немцы сохранили бы превосходство в силах над 10-й русской армией, операцию завершили через 5—6 дней, т. е. за такой отрезок времени, когда русские расстреляли бы все огнеприпасы, а корпуса 2-й русской армии еще не подошли. Уничтожение же этих трех корпусов принесло бы немцам больше пользы, чем выигрыш пространства, так как с их уничтожением то же пространство, а возможно еще большее, было бы выиграно: его некому было бы оборонять. Лучше окружить и уничтожить 3 корпуса, чем заставить отойти 20 корпусов. Более того, иногда лучше самому отойти, но уничтожить противника, как это сделали немцы в Восточной Пруссии в августе-сентябре 1914 г.

В данной операции замысел немцев не соответствовал их силам. Та же идея окружения, но только правого фланга 10-й армии, могла увенчаться успехом, так как этому были материальные предпосылки. Окружение же целой армии — идея, в общем верная,— было предпринято без

расчета сил, времени и пространства, т. е. без элементарных данных всякой операции.

Выбор места и направления удара, как мы уже отмечали выше, был соответствен обстановке.

8. Место конной массы в наступательной операции

Германское командование вполне правильно использовало конный корпус Гарнье в данной операции. Однако следует заметить, что действия конной массы в последующем были распылены в огромном пространстве, и если вначале, когда эта масса была применена компактно, она принесла крупный оперативный эффект по раздвоению фронтов, ее действия небольшими частями по глубоким тылам русских также давали известный эффект, но уже не такой ценности, так как разъезды и отряды могли только нарушить работу тыла — функция, важная вообще, но неспособная оказать влияние на ход и исход решительной операции, центр тяжести которой лежал в Виленском районе. Вряд ли немцы извлекли столько же пользы от действий их разъездов, воевавших с хлебопеками и гуртоправами в тылах западного фронта, чем от действий против разрозненно по времени и пространству подходивших корпусов 2-й русской армии. Иное дело, если бы все 4 дивизии немцев последовательно в массе обрушили свои удары против 36-го арм., а затем против 4-го сибирского корпусов русских, т. е. против оперативных резервов, решавших исход операции. Немцы же из 4 кав. дивизий только половину использовали для действий на решающем направлении, т. е. против 2-й русской армии, при этом также разбросались в пространстве, стремясь всюду быть сильными. Отсутствие целеустремленности в использовании конной массы сказалось отрицательно на операции. Конечно, действия 3-й кав. дивизии под Молодечно внесли свою долю в исход операции, как и 9-й кав. дивизии в направлении на Полоцк, однако эти действия по пространству были весьма удалены от района приложения главных усилий 10-й германской армии и непосредственного влияния на операцию окружения почти не оказали, а ведь вся-то операция строилась ради окружения и уничтожения. Если немцы задавались более широкими целями — разгромом русских тылов, то следовало бросить всю массу для рейда по тылам, поставив целью атаку Минска, Борисова, Могилева, т. е. в стиле Мамонтовского рейда, оперативный эффект которого в гражданской войне был значителен. Впрочем, действия германской кавалерии в Свенцянском прорыве — несомненно самая лучшая операция кавалерии за всю мировую войну. Германскому командованию также следует поставить в вину несвоевременное выдвижение пехоты за конницей с целью закрепления ее успеха. Прорвав фронт 9.9, конница 16.9 вышла в район Солы, Вилейка. Кратчайшее расстояние, пройденное конницей немцев, от Вилькомира до Солы равно 130 *км*, т. е. менее 20 *км* в сутки, иначе говоря, германская пехота за 5 дней нормального марша с двумя дневками могла выйти, идя за своей кавалерией, в район Солы, а между тем немцы с выдвижением пехоты опоздали настолько, что кавалерия истекла кровью на Вилии, поджидая свою пехоту.

Сама кавалерия немцев за 7 дней имела против себя противника только 9.9, отчасти 10.9, а в последующее время маршировала в пу-

стом пространстве темпом 20 *км* в сутки, что не делает особой чести прославленным германским кавалеристам. Такими темпами хаживали: Мищенко в русско-японскую войну 1904—1905 гг. и хан Нахичеванский в 1914 г. Во время гражданской войны красная конница с боями давала значительно большие темпы продвижения. При этом немцы еще жалуются, что их конский состав и бойцы были сильно утомлены. В этом отношении качества кавалерийских начальников у немцев оставляют желать много лучшего. Что касается тактики германской кавалерии, то в период ее борьбы против войск 2-й русской армии, в частности против Молодечно, против батальона 40-го пех. полка в Солы и авангардов 36-го и 4-го сибирского корпусов, она отличалась излишней осторожностью, по меньшей мере отсутствием необходимой дерзости, если не считать отдельных разъездов, эскадронов и дивизиона 9-го конно-егерского полка, добравшегося до Смолевичи. Сама же масса дерзостью похвастаться не может. Прославленная атака 4-й кав. дивизии против русской пехоты под Жуйранами, как известно, относится к ездовым дивизионного обоза 8-й сибирской стр. дивизии под командой кап. Богувского, ставшим трофеем 4-й германской кав. дивизии. Одно несомненно, что Гелен [1] оказал такое сильное влияние на германских кавалеристов, что сделал их сторонниками пешего боя даже против безоружной пехоты, точнее — пехоты с ружьями, но без патронов.

Положительным фактором является использование германской конницей егерей, пехоты и самокатчиков, но, опять-таки, по идее, а не в тактическом смысле. Представляется, что принятая немцами и французами придача кавалерии пехотных поддержек оказалась целесообразной, если иметь в виду, что кав. дивизии имели в общем слабую численность, особенно в пешем бою, а также вследствие ограниченности маневра кавалерии, применяемой для совместных действий с пехотой на поле сражения. В современных условиях представляется также целесообразным придавать пехоту кавалерии, но не дивизиям, а конным корпусам и конным армиям, при этом пехоту, предпочтительно моторизованную или, как ее следует назвать, легкую, способную к повышенной маневренности, сравнительно с линейной, т. е. обычной пехотой. Мотивы придачи пехотных соединений кавалерийским — закреплять пространство, служить щитом в одном случае, в другом заменять кавалерию там, где нужно драться пешком.

Также положительным фактором является придача конным частям отдельных тяжелых орудий, что имеет больше моральный, чем материальный эффект. Если же дать современной конной массе тяжелую артиллерию как средство подавления, то в ряде операций она может принести огромную пользу, даже в наступлении на обороняющегося противника в общей линии тактического фронта. Однако это будет редким явлением, так как кавалерийские массы найдут применение для действий на флангах и тылах, которые всегда можно обнаружить, независимо от протяжения фронтов и их плотности, равно, как и чувствительные стыки, особенно коалиционных армий, в условиях наших обширных пространств.

[1] Гелен, местечко в Бельгии, где в августе 1914 г. 4-я герм. кав. дивизия Гарнье в неудачной конной атаке на пехоту (самокатчиков) потеряла около 50% состава. См. статью аатора в Воен.-истор. бюллетене штаба РККА № 1 за 1935 г.

Действия русской конницы в данной операции могут быть подвергнуты всесторонней критике, но мы остановимся на одной причине, по нашему мнению главной, отрицательно влиявшей на деятельность русской кавалерии, — это неумение ее использовать. Достаточно вспомнить методы руководства командарма 2 ген. Смирнова, не знавшего, что ему делать с кавалерийской массой, предполагавшего с сильными разъездами наносить удары в тыл 10-й германской армии, ловить германские разъезды и т. д. Не менее жалки оперативные воззрения командарма 1 ген. Литвинова, считавшего, что он, получив в свое подчинение конную массу Орановского, бросит ее для удара на север, в тыл Неманской армии, для удара на юг в тыл и фланг 10-й германской армии, а главную массу направит на Свенцяны, неизвестно для какой цели. Наконец, сам начальник штаба главкома плохо разбирался в способах применения кавалерии, предполагая возложить на нее розыски кавалерии противника и разгром ее, не увязывая эти действия с действиями армий и фронтов. Командующий западным фронтом разбирался в этих вопросах, но он перепоручил конные массы своим бездарным командармам.

А русские командармы и кав. начальники не обладали многими необходимыми качествами, нужными для руководства кавалерийскими массами и их вождения. Для оценки тех и других мы приведем мнение начальника штаба главкома и командующего западным фронтом, которые в ходе операции во время одного из разговоров по прямому проводу сообщили друг другу следующее.

Алексеев: «Указания для конницы ген. Смирнова слишком пассивны и ставят крайне узкую задачу. Должен высказать свое убеждение, что *если исполнителем будет командир 1-го кав. корпуса, то ничего широкого, смелого, отмеченного искусством, ждать нельзя, особенно, если он будет опираться на постановку так узко возлагаемой на конницу задачи.* Между тем силы соберутся достаточные, для того чтобы коннице действовать и решительно и дерзко. Два месяца работы конницы на Дубиссе были сплошным мучением без всяких результатов, все растянулось в нитку, ползло отдельными полками и терпело неудачу, а приданные пехотные бригады понесли громадные потери, не достигнув при этом никакой цели. Должен был просить командующего армией более пехоты в распоряжение не давать, так как пехота обычно ставилась в критическое положение. Опасаюсь, что теперь почтенная конная сила при таком способе ее употребления и при директиве ген. Смирнова не принесет той пользы, на которую мы могли бы рассчитывать. Я давно Вам хотел сказать эти впечатления из минувшего, но все некогда».

Эверт: «Что касается действий кавалерии, то я еще раньше сообщил ген. Смирнову, что задача поставлена очень узко, что кавалерию нельзя держать на веревочке и давать задачи на один день. У меня был Квецинский, я ему указал, что полагал бы Орановскому и Туманову указать сферу и район действий, дать широкую задачу, приказать действовать в связи и оказывать друг другу содействие, если противник сосредоточит против кого-либо из них значительные силы, а главное — энергия, быстрота и дерзость. *К сожалению, у нас нет кавалерийских начальников. Орановского я считал еще лучше, чем Туманова*» [1].

[1] ВИА, д. № 439, лл. 282–283.

А Орановский и Туманов были все-таки лучше других кав. начальников, участников данной операции. Что же можно сказать о других: Петерсе, Киселеве, Казнакове, Потапове, Тюлине и прочих! Надо заметить, что сообщенная начальником штаба главкома характеристика Орановского не нова. О его боевой и общеслужебной репутации знала старая армия из опыта русско-японской войны по работе полк. К. Дружинина, изданной им в 1909 г. Орановский еще тогда выказал качества, никак несовместимые с качествами кав. начальника [1].

9. Маневр и перегруппировки

В данной операции наибольший интерес приобретают перегруппировки и маневрирование сторон в их борьбе за фланги. Если немцы начали удачно разобщением русских флангов, то в процессе охвата северного крыла западного фронта сами разобщили фланги 10-й и Неманской армий, что в последующем составило задачу как для одной, так и для другой стороны: смыкание флангов и установление сплошного фронта. В этом отношении надо отдать справедливость, а вместе с ней и пальму первенства русским, известным, якобы, прирожденной неповоротливостью и неумением маневрировать.

Упустив в свое время перегруппировку к стыку фронтов, русские, благодаря весьма компетентному оперативному руководству командующего западным фронтом Эверта, исправили свое положение предпринятой перегруппировкой сперва четырех, затем шести корпусов, а всего девяти арм. корпусов и пяти кав. дивизий, снятых из линии фронта, выведенных в резерв и брошенных преимущественно походом на сотни километров вдоль фронта в сторону образовавшегося прорыва.

Вывод корпусов в резерв из армий фронта в процессе их отхода или обороны, хотя бы против слабого противника был, до известной степени, сложным, а также и рискованным: фронт мог быть прорван противником на другом участке. Однако командующий фронтом не опасался этого, смело выводя свои корпуса в резерв, в противоположность начальнику штаба главкома, который продолжал в течение всей операции колебаться, опасаясь за весь фронт и его отдельные участки. При этом все выводимые в резерв корпуса были своевременно направлены в наиболее важный район действий на стык фронтов. Своевременно предвидя ход событий, командующий фронтом не опаздывал со своими корпусами. При этом он опирался в маневре на солдатские ноги, правильно рассчитывая их свойства, пространство и время, в чем он намного опередил немцев. Также важно отметить, что все маневрирование резервами, если не считать 1-го конного корпуса, проведено было из глубины, вопреки советам и мнениям начальника штаба главкома, всякий раз советовавшего направлять корпуса в лучшем случае для удлинения охваченного уже фланга. Маневр резервов из глубины представляется наиболее приемлемой и целесообразной формой в операции подобного рода, так как выводимые из глубины войска легче нацелить на фланг противнику. При неустойчивости фронта маневр из глубины не связан с риском искажения его побочными причинами, как в данном случае отход 10-й армии перпендикулярно к фронту 2-й армии.

[1] *К. Дружинин,* Записки добровольца о войне 1904—1905 гг.

Вывод же корпусов к охваченному флангу, как это советовал Алексеев, выводил бы резервы для лобовых ударов в данной операции, а в операции, предпринятой крупными силами, — в «мешок».

Марши русской пехоты проведены были темпом 30 *км* в сутки, при этом с марша войска вводились в бой. Конница при перегруппировке покрывала расстояние в 60—70 *км* в сутки. Марши были проведены организованно, без отставших, а также с необходимой усиленной кормежкой коней и людей.

Стремясь выиграть фланг немцев, русские успели выйти в район севернее Вилейка на фланг 10-й германской армии, но крайне слабые действия конницы и 20-го корпуса не позволили использовать оперативных преимуществ. Немцы же, связанные боями против 2-й и 10-й русских армий, значительно медленнее осуществляли перегруппировки, вследствие чего русские опередили немцев на двое суток, которые, в конечном счете, у русских непроизводительно тратились на промедление. Казалось, русские войска усиленными маршами стремились выиграть время, чтобы, достигнув цели приложения своих сил, останавливаться, выжидая подхода своего противника.

10. Комбинированная операция

Операция 2-й и 10-й русских армий, проведенная ими на Вилии, заслуживает внимания по ряду обстоятельств. 2-я армия развертывалась и вела наступление с целью облегчить положение правого фланга и центра 10-й армии, в то время как войска 10-й армии прикрывают эту операцию 2-й армии от удара с запада. Такая взаимозависимость двух армий обусловливала их исключительно тесное взаимодействие. Достаточно было быть смятой одной из армий, чтобы неминуемо катастрофа разразилась над обеими. И этого не случилось потому, что русские корпуса 10-й армии упорно дрались в Виленском районе, потому что войска 2-й армии довольно быстро вытеснили германскую кавалерию на северный берег Вилии. Нам кажется, что главная заслуга в успешном проведении этой операции принадлежит 3-му сибирскому и 2-му армейскому, отчасти гв. и 1-му кав. корпусам, ограничившим охват с востока и обеспечивавшим развертывание 2-й армии. Только благодаря этому развертыванию войска 10-й армии получили пути для своего отхода на восток. 10-я армия, дравшаяся с перевернутым фронтом, вернее, полукольцевым фронтом, стремилась перегруппировкой сил с левого фланга усилить свой правый фланг и выпрямить фронт. Но несмотря на затрату массы усилий, это не удалось, так как прибывавшие пачками войска, вместо того чтобы атаковать немцев, обтекавших фланг армии, принуждены были удлинять свой фланг. Иное дело, если бы русские выиграли сутки времени, собрали два корпуса и одновременно на узком фронте атаковали обходивших их фланг немцев. Но у русских не было нужных суток и нужной силы. Командарм 10, вообще хорошо руководивший операцией, допустил, по нашему мнению, одну серьезную ошибку: он излишне осторожно снимал со своего западного фланга и из центра войска пачками (по-бригадно), направлял их на свой правый (восточный) фланг армии и свою кавалерию направлял не во фланг, а в лоб обходившим войскам противника. Перегруппировка с левого фланга армии была

связана с риском быть прорванным на левом фланге, что грозило катастрофой и привело бы к полному окружению; поэтому мы, до известной степени, должны сделать снисхождение в критике командарма 10. Что же касается конницы, то за командармом 10 числится немало небольших, а также одна крупная ошибка. Конный отряд Тюлина после неудачных боев севернее Вильны следовало отвести на юго-восток в район Подбродзе, Болинградск, где казаки опередили бы немцев и удержали бы их на некоторое время на рубеже, точнее на переправах через р. Жеймяна.

Корпуса 10-й армии выказали достаточную стойкость и активность в обороне Виленского района. При этом некоторые дивизии, в особенности 8-я сибирская, дрались на широком фронте и против превосходившего вдвое и втрое противника. Что же касается наступательных действий группы Флуга, то они как вследствие разновременности атак последовательно подходивших войск группы, так и вследствие недостатка огнеприпасов не имели успеха, хотя в армейской операции им принадлежит, вместе с 1-м конным корпусом, та заслуга, что они положили предел охвату армии германской пехотой. При большем тактическом искусстве 2-го арм. и 1-го конного корпусов, а также при должном их взаимодействии они могли сделать больше того, что сделали. Части 2-й и 58-й пех. дивизий, выдвигавшиеся южнее Вилии, могли быть отброшены за реку. Для этого нужно было 3-й гв. и 26-й пех. дивизиям свой первоначальный успех развивать, наступая в направлении на Михалишки, а 1-му конному корпусу свою ударную группировку иметь не на правом, а на левом фланге, т. е. в локтевой связи с группой Флуга.

Отход войск 10-й армии благодаря тактическому искусству во всех случаях выполнялся хорошо, со скрытным отрывом от противника и без обычной неразберихи на путях отхода, если не считать одного случая с гв. корпусом, несвоевременно вышедшим в район сосредоточения за линию фронта 3-го сибирского и 5-го кавказского корпусов. Что касается немцев, то они проявили слабую бдительность и вместе с ней излишнюю осторожность в действиях против центра 10-й армии, не причинив помехи его отходу из созданного немцами оперативного и тактического «мешка».

Если выход 2-й армии на Вилию был своевременным и облегчил положение 10-й армии, то в дальнейшем действия 2-й армии отличаются слабостью; причиной ее, помимо усталости, является руководство командарма 2. Нам известно, что он считал необходимым наносить главный удар своим правым флангом, хотя более плотная группировка была на левом фланге. Но не в этом беда. Первоначально 2-я армия должна была наносить главный удар не правым, а левым флангом, чтобы облегчить положение 10-й армии. В последующее время после отхода 10-й армии на рубеже Быстрица, Шумск направление главного удара перемещалось на правый фланг, но не в междуозерный район, а севернее него. В этом смысле командующий фронтом направлял деятельность командарма 2, но без достаточного успеха. Командарма 2 неведомая сила влекла к озеру Нароч, куда он стягивал не только корпуса своей армии, но и временно приданные ему корпуса 1-й армии.

Что касается наступательных действий 1-й армии и конной армии Орановского, то их оценку мы привели в конце соответствующих глав.

11. Переход к позиционной войне

Переход к позиционной войне явился следствием полного истощения сторон. Стороны использовали лопату и проволоку, а также весь опыт западно-европейского фронта для укрепления позиций: от моря до Днестра протянулись несколько линий траншей. Не будь крупных водных пространств, желающий мог бы пройти по траншеям вдоль всего русско-германского фронта.

12. Управление войсками

По причине отсутствия материала нам трудно судить о качестве управления войсками у немцев. Что же касается русских, то последним в чрезвычайно трудных условиях связи с войсками, в условиях сложного маневра, а также крайне напряженного положения с подвозом и эвакуацией, удалось в общем весьма удовлетворительно управлять войсками. Однако эту оценку нужно диференцировать.

1. Штаб главнокомандующего работал слабо, не вполне своевременно ориентировался в обстановке и не был в состоянии руководить операцией вследствие смены руководства, а также и реорганизации фронтового управления. Вместе с тем штаб главнокомандующего, руководивший деятельностью главного начальника снабжений северного и западного фронтов, так же как и главный начальник снабжений, не смог упорядочить эвакуацию, подвоз, а также инженерную подготовку театра, в том числе постройку тыловых укрепленных полос и сети связи. Они не смогли даже упорядочить распределение огнеприпасов, продовольствия и фуража между армиями.

2. Штаб западного фронта весьма успешно восполнил недостатки штаба главного командования, целиком взяв на себя руководство операцией на стыке двух фронтов. Он обстоятельно поставил службу разведки, своевременно и достаточно точно определил группировку, силы и даже намерения немцев в период подготовки операции. В ходе операции служба разведки продолжала также весьма успешно осведомлять командование о противнике, дублируя войсковую разведку агентурной, авиационной и радиоразведкой. Деятельность оперативного управления штаба фронта вместе со службой разведки подготавливала решение командующего фронтом и главного командования. Соображения штаба фронта по перегруппировкам войск являлись как бы источником деятельности командующего фронтом. В процессе операции штаб западного фронта умело и жестко руководил перегруппировками армий. Даже при напряженном положении со средствами связи штабу фронта удалось сохранить жесткость руководства операцией. Несравненно слабее протекало руководство штаба фронта вопросами снабжения и эвакуации, что, впрочем, было взято на себя штабом главкома.

3. Штаб северного фронта находился в периоде организации и выказал себя лишь в слабом руководстве деятельностью 5-й армии, в частности, конницей этой армии.

4. Штабы 1-й, 2-й, 5-й и 10-й армий работали каждый в своем стиле. Штаб 10-й армии лучше других руководил действиями многочисленных корпусов. В качестве минуса можно отметить лишь несвоевременное и несмелое производство перегруппировок к охваченному флангу. В ра-

боте штаба 2-й армии был тот недостаток, что там не умели ставить задачи подчиненным войскам, а в особенности кавалерии. Что же касается штабов 1-й и 5-й армий, там была неумелая постановка разведывательной службы: штаб 1-й армии недооценивал противника, а штаб 5-й армии переоценивал его, преувеличивая опасность на Двинском направлении. В оперативном отношении второй вытягивал в нитку оборонявшиеся войска, а первый, не умея организовать наступление корпусов армии, последовательно бросал их в бой равномерно на всем фронте армии.

5. Штаб конной армии Ораловского вследствие отсутствия аппарата управления можно рассматривать лишь как штаб кав. корпуса, работавший в оперативном отношении посредственно. Канцелярская сторона его работы была поставлена хорошо, что же касается управления, то таковое вообще отсутствовало. Начальник штаба корпуса писал приказы с суточными задачами подчиненным войскам, получал от них донесения, сам доносил и снова писал приказы. В ходе же операции или боя никакого влияния на действия подчиненных войск не оказывал, предоставляя их ход самотеку. Еще хуже работали штабы импровизированных конных корпусов.

6. Служба связи нами достаточно охарактеризована в соответствующей главе, но в заключение необходимо все же отметить, что при всей ее напряженности она сумела своими нищими средствами обслужить штабы фронта и армий по управлению войсками в крайне сложной маневренной операции.

7. Деятельность главного начальника снабжений двух фронтов, объединившая все вопросы снабжения, эвакуации, строительства, транспорта и управления тыловым районом нам известна лишь по отдельным вопросам и, к сожалению, главным образом с отрицательной стороны. Нам кажется, что фронты должны иметь свой аппарат управления тылом, подчиненный штабу фронта. Это устранит неправильное распределение средств снабжения, неправильную постройку оборонительных полос, линий связи и использование транспорта.

Можно еще подробнее развить выводы по Свенцянскому прорыву, так как слишком много войск приняло в нем участие, действия их носили самый разнообразный характер, но мы кончаем наш труд, предоставив сделать их терпеливому читателю.

Свенцянским прорывом закончился маневренный период войны на восточно-европейском театре. Хотя эти события и отделены от нас двумя десятилетиями, но внимательное ознакомление с этой операцией приводит нас к выводу, что в Свенцянском прорыве, зашедшем далеко в оперативную глубину русских, таились некоторые черты операций будущего. Идея глубокого удара, так или иначе осуществленного немцами, несомненно, принадлежит к числу передовых, заслуживает внимания и подражания, *но только по идее*. Что же касается техники выполнения, то в этой области подражать немцам не следует. Техника выполнения подобных операций еще в мировую войну далеко ушла вперед, а ныне как в области теории, так и на практике ведение операций нашло новое русло. Наша Красная армия, опирающаяся на новую технику и нового бойца, если доведется, должна и может дать иной Свенцянский прорыв.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
Д. № 385298,
лл. 93—99

Боевой состав войск 10-й армии после сдачи крепости Ковно

Данные на 9 (22).8.1915 г.

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
Бригада 2-й Кубанской казачьей дивизии[1] (2-й лабинский и 2-й кавказский кав. полки)	—	1 344	13	—
2-й арм. корпус				
26-я пех. дивизия	9 632	—	30	30
43-я „ „	11 134	—	29	35
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	10
Войсковая конница	—	654	—	—
Всего	20 766	654	59	75
20-й арм. корпус				
28-я пех. дивизия	14 020	—	30	32
29-я „ „	13 796	—	32	36
Тяжелая и гауб. артиллерия[2]	—	—	—	20
Войсковая конница	—	1 078	—	—
Всего	27 866	1 078	62	88
26-й арм. корпус				
64-я пех. дивизия	10 061	—	26	35
84-я „ „	12 557	—	28	32
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	15
Войсковая конница	—	1 029	—	—
Всего	22 618	1 029	54	82
5-й арм. корпус				
7-я пех. дивизия	8 147	—	13	29
10-я „ „	7 546	—	19	36
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	10
Войсковая конница	—	891	—	—
Всего	15 693	891	32	75
3-й сибирский корпус				
8-я сибирская дивизия	10 429	—	23	35[3]
7-я „ „	Све	де	ний	нет
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	18[4]
Войсковая конница	—	761	—	—

[1] Эти части приданы 3-му сибирскому стр. корпусу, прочие части дивизии вошли в сводную казачью дивизию.
[2] В том числе две тяжелые батареи гродненской крепостной артиллерии.
[3] Без 31-го сибирского стр. полка.
[4] Шесть орудий 2-го сибирского тяжелого дивизиона.

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
34-й арм. корпус				
2-я финляндская дивизия (стр.)	6 571	—	Сведений нет	15
56-я пех. дивизия	4 900	—	То же	35
104-я „ „	2 582	—	4	Сведений нет
124-я „ „	1 999	—	16	То же
Сводная погран. дивизия	2 890	—	Сведений нет	„
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	6

Сведений о составе 65-й, 4-й финляндской, 1-й кубанской и сводной казачьей дивизий нет.

Прочих арт. частей — 44 легких орудия
Частей ополчения — 15 219 штыков
Разной конницы — 759 сабель

лл. 257—262

Перед началом Виленской операции

на 16(29).8.1915 г.

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
2-я кубанская казачья дивизия	—	1 382	13	—
1-я „ „ „	—	3 150	8	6
Сводная казачья дивизия	Све	де	ний	нет
Гв. корпус[1]				
1-я гв. пех. дивизия	10 690	—	30	36
Гв. стр. бригада	7 440	—	40	18
Гв. казачья бригада	—	1 145	4	6
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	24
Всего	18 130	1 145	74	84
2-й арм. корпус				
26-я пех. дивизия	7 673	—	29	23
43-я „ „	10 659	—	28	35
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	10
Войсковая конница	—	654	—	—
Всего	18 332	654	57	73

[1] Приданы 1-я и 2-я сам. роты, в составе 536 штыков и 4 пулемета, которые не вошли в число штыков гв. корпуса.

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
26-й арм. корпус				
64-я пех. дивизия	9 595	—	25	33
84-я „ „	12 289	—	26	32
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	13
Войсковая конница	—	1 001	—	—
Всего	21 884	1 001	51	78
5-й арм. корпус[1]				
7-я пех. дивизия	8 425	—	13	29
10-я „ „	7 347	—	19	36
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	9
Войсковая конница	—	892	—	—
Пограничники	—	522	—	—
Всего	15 772	1 414	32	74
34-й арм. корпус				
56-я пех. дивизия	2 559	—	28	23
65-я „ „	1 900	—	23	36
104-я „ „	3 967	—	8	36
124-я „ „	3 515	—	7	Сведений нет
4-я финляндская дивизия[2]	2 559	—	20	31
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	12
Войсковая конница	—	202	—	
Всего	14 500	202	86	138[3]
3-й сибирский корпус[4]				
7-я сибирская стр. дивизия	9 654	—	31	36
8-я „ „ „	11 881	—	23	36
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	17
Войсковая конница	—	1 195	—	—
Всего	21 535	1 195	54	89
5-й кавказский корпус[5]				
2-я финляндская дивизия	6 246	—	23	35
53-я пех. дивизия	8 576	—	23	24
Пешая погран. дивизия	3 791	—	—	—
Всего	18 613	—	46	59

Части ополчения[6] . . . . . 4 909 штыков
Части конницы . . . . . 285 сабель
Части артиллерии . . . . . 37 орудий

[1] Нет сведений о составе 54-го и 58-го донских казачьих полков, приданных корпусу.
[2] Без одного полка и одного арт. дивизиона.
[3] Все дивизии корпуса приданы разным корпусам армии.
[4] Нет данных о составе 9-го ломжинского полка погран. стражи.
[5] Нет сведений о составе 40-го донского казачьего полка.
[6] Данные только за две бригады. Нет данных по трем бригадам.

4-й день операции

на 30.8(12.9). 1915 г.

Сводная казачья дивизия: 2-й кубанский, 2-й хоперский, 2-й лабинский, 2-й кавказский, 14-й оренбургский, 40-й и 54-й донские кав. полки, 17-й донской кон. батар. и 9-й донской арт. дивизион, 40-й донской казачий полк — 685 сабель (при 5-м кавказском корпусе).

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
Гв. корпус				
1-я гв. дивизия	10 204	—	32	35
2-я „ „	7 388	—	21	34
Гв. стр. бригада	7 153	—	40	18
Гв. казачья бригада	983	—	2	6
Самокатчики	518	—	4	23
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	—
Всего	26 246	—	99	116
2-й арм. корпус				
26-я пех. дивизия	6 075	—	23	26
43-я „ „	8 222	—	24	34
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	15
Войсковая конница	—	749	—	—
Всего	14 297	749	47	75
5-й арм. корпус				
7-я пех. дивизия	7 915	—	19	29
10-я „ „	6 148	—	22	36
104-я „ „	4 104	—	8	36
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	16[1]
Войсковая конница	—	960	—	—
Всего	18 167	960	49	117
26-й арм. корпус				
64-я пех. дивизия	9 259	—	22	32
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	13
Войсковая конница	—	964	—	—
Всего	9 259	964	22	45
34-й арм. корпус				
4-я финляндская пех. дивизия	4 204	—	24	31
56-я пех. дивизия	8 438	—	32	35
65-я „ „	2 897	—	26	33
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	12
Войсковая конница	—	821	—	—
Всего	15 539	821	82	111

[1] В том числе две батареи ковенской крепостной артиллерии.

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
3-й сибирский корпус				
7-я сибирская дивизия	9 009	—	32	36
8-я „ „	10 768	—	29	36
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	16
Войсковая конница	—	1 159	—	—
Всего	19 777	1 159	61	88
2-й кавказский корпус				
Кавказская гренадерская дивизия	6 051	—	19	34
51-я пех. дивизия	4 990	—	20	16
Пешая погран. дивизия[1]	7 768	—	20	23
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	14
Войсковая конница	—	799	—	—
Всего	18 809	799	59	87
5-й кавказский корпус				
2-я финляндская дивизия	5 831	—	31	31
124-я пех. дивизия[2]	2 278	—	28	19
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	8
Войсковая конница	—	703	—	—
Всего	8 109	703	59	61

3-я гв. пех. дивизия (еще не прибыла)

Части ополчения . . . . . 9 777 штыков и 8 орудий
Части конницы . . . . . 465 сабель
Авиация . . . . . 29 самолетов

6-й и 9-й сибирский казачьи полки—1 752 сабли—вошли в состав отряда Тюлина.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
Д. № 278931,
лл. 82 и 83

Боевой состав 2-й армии

к 9(22).9.1915 г.

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
14-й арм. корпус				
18-я пех. дивизия	5 617	—	22	35
70-я „ „	5 242	—	25	29
22-я ополч. бригада	Све	де	ний	нет
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	22
Войсковая конница	—	808	—	—
Всего	10 859	808	47	86

[1] Два полка в составе конного отряда Тюлина.
[2] В донесении указано, что дивизия „боевого значения не имеет и находится временно в 34-м корпусе на окопных работах".

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
27-й арм. корпус				
45-я пех. дивизия	7 919	—	22	33
1-я стр. бригада 1-го батальона	500	—	—	18
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	6
Войсковая конница	—	799	—	—
Всего	8 419	799	22	57
36-й арм. корпус				
25-я пех. дивизия	10 187	—	27	36
68-я „ „	4 900	—	12	18
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	Нет
Войсковая конница	—	663	—	—
Всего	15 087	663	39	54
4-й сибирский корпус				
9-я сибирская стр. дивизия	3 470	—	26	36
10-я „ „	4 661	—	18	42
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	10
Войсковая конница	—	363	—	—
Всего	8 131	363	44	88

Данных о составе 1-го кав. корпуса, 6-й и 13-й кав. и уральской казачьей дивизий, 1-й отдельной кав. бригады нет.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
Д. № 278931,
лл. 220—225

Боевой состав 2-й армии
на 13(26).9. 1915 г.

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
5-й арм. корпус				
7-я пех. дивизия	3 300	—	18	29
10-я „ „	5 800	—	22	36
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	14
Войсковая конница	—	845	—	—
Всего	9 100	845	40	79
27-й арм. корпус				
45-я пех. дивизия	5 650	—	20	26
76-я „ „	8 926	—	17	33
1-й батальон 1-й стр. бригады	500	—	—	18
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	12
Войсковая конница	—	779	—	—
Всего	15 076	779	37	89

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
36-й арм. корпус				
25-я пех. дивизия	8 916	—	26	35
68-я „ „	3 375	—	11	18
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	4
Войсковая конница	—	661	—	—
Всего	12 291	661	37	57
14-й арм. корпус				
18-я пех. дивизия	4 117	—	24	35
70-я „ „	5 237	—	25	29
22-я ополч. бригада	869	—	—	—
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	18
Войсковая конница	—	919	—	—
Всего	10 223	919	49	82
4-й сибирский корпус				
9-я сибирская стр. дивизия	3 080	—	26	31
10-я „ „ „	2 611	—	22	35
1-я отдельная кав. бригада	—	1 476	—	—
Ополч. батарея	—	—	—	8
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	12
Войсковая конница	—	363	—	—
Всего	5 691	1 839	48	86
1-й конный корпус				
8-я кав. дивизия	—	2 367	7	10
14-я „ „	—	3 062	8	8
Уральская казачья дивизия	—	2 980	8	12
6-я кав. дивизия	—	1 577	4	4
13-я „ „	—	3 469	6	8
Всего стратегической конницы	—	13 455	33	42

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
Д. 278931,
лл. 248—249

Боевой состав 2-й армии

на 14(27).9.1915 г.

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
1-й арм. корпус				
22-я пех. дивизия	4 276	—	17	35
24-я „ „	2 756	—	22	28
59-я „ „	3 596	—	12	18
Ополч. дружины	3 038	—	—	8
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	11
Войсковая конница	—	1 084	—	—
Всего	13 666	1 084	51	100

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
34-й арм. корпус				
56-я пех. дивизия	6 850	—	32	35
104-я „ „	2 840	—	9	36
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	4
Войсковая конница	—	506	—	—
Всего	9 690	506	41	75
1-й сибирский корпус				
1-я сибирская дивизия	7 629	—	21	36
2-я „ „	4 777	—	17	25
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	14
Войсковая конница	—	821	—	—
Всего	12 406	821	38	75
4-й арм. корпус				
30-я пех. дивизия	3 782	—	Сведений о числе пул. и оруд. нет	
40-я „ „	3 634	—		
Всего	7 416	—	—	—

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
Д. № 278913,
лл. 29—34

Боевой состав 1-й армии
на 22.9(5.10) 1915 г.

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
1-й арм. корпус				
22-я пех. дивизия	2 473	—	17	35
Ополч. дружины	1 050	—	—	—
24-я пех. дивизия	2 036	—	22	28
Ополч. дружины	644	—	—	8
59-я пех. дивизия	2 867	—	12	18
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	11
Войсковая конница	—	1 062	—	—
Всего	9 070	1 062	51	100
4-й арм. корпус				
30-я пех. дивизия	3 782	—	14	33
40-я „ „	3 634	—	12	31
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	12
Войсковая конница	—	927	—	—
Всего	7 416	927	26	76

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
1-й сибирский корпус				
1-я сибирская дивизия	7 629	—	21	36
2-я „ „	4 777	—	17	25
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	8
Войсковая конница	—	821	—	—
Всего	12 406	821	38	69
14-й арм. корпус				
18-я пех. дивизия	4 045	—	27	35
70-я „ „	4 470	—	25	29
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	29
Войсковая конница	—	592	—	—
22-я ополч. бригада	865	—	2	—
Всего	9 380	592	54	93

Всего в армии 38 272 штыка, 3 402 сабли, 169 пулеметов, 286 легких орудий, 40 гаубиц и 26 тяжелых орудий.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
Д. № 278913,
л.л. 211—218.

Боевой состав 1-й армии

на 25.9(8.10) 1915 г.
(период контрнаступления)

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
1-й арм. корпус				
22-я пех. дивизия	2 906	—	17	35
Ополч. дружины	1 700	—	—	—
24-я пех. дивизия	1 678	—	22	28
Ополч. дружины	554	—	—	—
59-я пех. дивизия	2 585	—	14	18
Тяжелая гауб. артиллерия	—	—	—	11
Войсковая конница	—	1 058	—	—
Всего	9 423	1 058	53	92
4-й арм. корпус				
30-я пех. дивизия	3 288	—	14	33
40-я „ „	2 609	—	11	30
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	12
Войсковая конница	—	878	—	—
Всего	5 897	878	25	75

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
11-й арм. корпус				
18-я пех. дивизия	4 045	—	27	35
70-я „ „	4 470	—	25	29
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	10
Войсковая конница	—	592	—	—
Ополч. дружины	865	—	2	8
Всего	9 380	592	54	82
1-й сибирский корпус				
1-я сибирская дивизия	6 776	—	21	36
2-я „ „	3 906	—	17	25
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	7
Войсковая конница	—	821	—	—
Всего	10 682	821	38	68
6-й сибирский корпус				
3-я сибирская дивизия	8 994	—	20	18
14-я „ „	7 188	—	25	18
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	12
Войсковая конница	—	816	—	—
Всего	16 182	816	45	48
Стратегическая конница				
6-я кав. дивизия	—	1 688	4	4
8-я „ „	—	2 127	5	9
14-я „ „	—	2 293	8	7
13-я „ „	—	3 570	7	6
3-я донская казачья дивизия	—	2 485	8	8
1-я гв. кав. дивизия	—	1 698	10	11
Уссурийская конная бригада	—	1 897	7	10
Бригада Потапова	—	1 450	—	—
2-я бригада 5-й кав. дивизии	—	1 303	4	6
Всего	—	18 511	53	61

Тяжелая артиллерия — 25 тяжелых орудий
Авиация — 9 самолетов, 1 аэростат

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
Д. № 278918,
л.л. 356—363

Боевой состав 1-й армии
на 6(19).10.1915 г.
(конец операции)

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
1-й арм. корпус				
22-я пех. дивизия	3 656	—	19	33
Ополч. дружины	1 788	—	—	—
24-я пех. дивизия	2 077	—	22	28

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
Ополч. дружины	694	—	—	—
59-я пех. дивизия	2 638	—	14	18
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	11
Войсковая конница	—	914	—	—
Всего	10 853	914	55	90
4-й арм. корпус				
30-я пех. дивизия	2 679	—	18	33
40-я „ „	2 505	—	13	26
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	12
Войсковая конница	—	876	—	—
Всего	5 184	876	31	71
14-й арм. корпус				
18-я пех. дивизия	3 563	—	19	35
70-я „ „	4 375	—	25	29
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	8
Ополч. бригада	753	—	2	8
Войсковая конница	—	445	—	—
Всего	8 691	445	46	80
1-й сибирский корпус				
1-я сибирская дивизия	7 076	—	21	36
2-я „ „	4 197	—	17	25
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	8
Войсковая конница	—	769	—	—
Всего	11 273	769	38	69
6-й сибирский корпус				
3-я сибирская дивизия	9 047	—	21	35
14-я „ „	7 231	—	25	36
Тяжелая и гауб. артиллерия	—	—	—	12
Войсковая конница	—	813	—	—
Всего	16 278	813	46	83
Гв. корпус				
1-я гв. пех. дивизия	11 249	—	26	35
2-я „ „ „	7 309	—	30	35
Гв. стр. бригада	5 872	—	27	18
Гв. казачья бригада	1 452	—	2	5
Самокатчики	509	—	4	Нет
Тяжелая гауб. артиллерия	—	—	—	15
Всего	26 391	—	89	108

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
Стратегическая конница				
6-я кав. дивизия	—	2 083	4	4
8-я „ „	—	2 039	5	9
14-я „ „	—	2 284	8	7
13-я „ „	—	3 524	8	6
3-я донская казачья дивизия	—	1 919	8	8
1-я гв. кав. дивизия	—	1 705	10	11
Уссурийская конная бригада	—	1 897	7	10
Казачья бригада Потапова	—	1 732	—	—
5-я кав. дивизия	—	2 648	6	12
Всего	—	19 831	56	67

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Д. № 278919,

л.л. 364—367

Боевой состав и некомплект пехоты в армиях западного фронта на 7(20).9.1915 г.

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков в строю	Некомплект
1-Я АРМИЯ		
1-й арм. корпус		
22-я пех. дивизия	3 725	10 675
24-я „ „	2 793	11 607
Итого	6 518	22 282
4-й арм. корпус		
2-я пех. дивизия	3 850	10 550
30-я „ „	3 608	10 792
40-я „ „	3 913	10 487
Итого	11 371	31 829
20-й арм. корпус		
59-я пех. дивизия	3 934	10 466
29-я „ „	12 489	1 911
28-я „ „	13 114	1 286
Итого	29 537	13 663
35-й арм. корпус		
55-я пех. дивизия	2 448	11 952
67-я „ „	1 523	12 877
Итого	3 971	24 829

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков в строю	Некомплект
38-й арм. корпус		
61-я пех. дивизия	2 754	11 646
62-я „ „	1 600	12 800
69-я „ „	2 369	12 031
Итого	6 723	36 477
Сводный осовецкий корпус		
57-я пех. дивизия	6 450	4 500[1]
111-я „ „	6 348	4 452[1]
Итого	12 798	8 952[1]
1-й сибирский корпус		
1-я сибирская стр. дивизия	6 867	7 533
2-я „ „ „	4 554	9 846
Итого	11 421	17 379
5-й сибирский корпус		
50-я пех. дивизия	3 857	10 543
6-я сибирская стр. дивизия	4 467	9 933
Итого	8 324	20 476
1-й туркестанский корпус		
1-я туркестанская стр. бригада	3 351	3 589
2-я „ „ „	3 761	4 914
3-я „ „ „	2 673	5 443
11-я сибирская стр. дивизия	1 916	10 952
Итого	11 701	24 898
ВСЕГО В 1-й АРМИИ	102 364	200 785
2-я АРМИЯ		
14-й арм. корпус		
18-я пех. дивизия	5 617	8 783
70-я „ „	5 242	9 158
Итого	10 859	17 941

[1] Подсчет некомплекта неверен.

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков в строю	Некомплект
27-й арм. корпус		
76-я пех. дивизия	7 500	6 900
1-я стр. бригада	3 947	3 253
Итого	11 447	10 153
36-й арм. корпус		
26-я пех. дивизия	10 187	4 213
68-я „ „	4 900	9 500
Итого	15 087	13 713
4-й сибирский корпус		
9-я сибирская стр. дивизия	3 470	10 930
10-я „ „ „	4 661	6 139
Итого	8 131	17 069
ВСЕГО ВО 2-й АРМИИ	45 524	58 876
3-я АРМИЯ		
10-й арм. корпус		
9-я пех. дивизия	6 158	8 242
31-я „ „	4 236	10 164
Итого	10 394	18 406
24-й арм. корпус		
48-я пех. дивизия	5 300	9 100
49-я „ „	3 954	10 446
Итого	9 254	19 546
31-й арм. корпус		
27-я пех. дивизия	4 179	10 221
75-я „ „	7 560	6 750
77-я „ „	4 088	10 312
83-я „ „	9 292	5 108
Итого	25 119	32 391
3-й кавказский корпус		
21-я пех. дивизия	5 289	9 111
52-я „ „	4 227	10 173
Итого	9 516	19 284
ВСЕГО В 3-й АРМИИ	54 283	89 627

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков в строю	Некомплект
4-я АРМИЯ		
Гренадерский корпус		
1-я гренадерская пех. дивизия	3 895	10 505
2-я „ „ „	2 609	11 791
Итого	6 504	22 296
9-й арм. корпус		
5-я пех. дивизия	6 414	7 986
42-я „ „	2 493	11 907
Итого	8 907	19 893
15-й арм. корпус		
6-я пех. дивизия	5 298	9 102
8-я „ „	6 286	8 114
Итого	11 584	17 216
16-й арм. корпус		
41-я пех. дивизия	3 694	10 706
47-я „ „	3 892	10 508
Итого	7 586	21 214
25-й арм. корпус		
3-я гренадерская пех. дивизия	5 557	8 843
46-я пех. дивизия	5 839	8 561
Итого	11 396	17 404
6-й сибирский корпус		
3-я сибирская стр. дивизия	8 413	5 987
14-я „ „ „	6 809	7 591
Итого	15 222	13 578
ВСЕГО В 4-я АРМИИ	61 199	111 601
10-я АРМИЯ		
Гв. корпус		
1-я гв. пех. дивизия	6 998	7 402
2-я „ „ „	4 876	9 524
3-я „ „ „	7 341	7 059

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков в строю	Некомплект
Гв. стр. бригада	Сведений нет	
124-я пех. дивизия	1 870	12 530
Итого	21 085	36 515
2-й арм. корпус		
26-я пех. дивизия	5 656	8 744
43-я „ „	8 222	6 178
Итого	13 878	14 922
5-й арм. корпус		
7-я пех. дивизия	7 915	6 485
10-я „ „	6 148	8 252
Итого	14 063	14 737
26-й арм. корпус		
64-я пех. дивизия	7 347	7 053
84-я „ „	9 257	5 143
Итого	16 604	12 196
3-й сибирский корпус		
7-я сибирская стр. дивизия	6 445	7 955
8-я „ „ „	7 222	7 178
Итого	13 667	15 133
2-й кавказский корпус		
Кавказская гренадерская дивизия	5 985	8 415
51-я пех. дивизия	5 784	8 616
65-я „ „	4 160	10 240
Итого	15 929	27 271
5-й кавказский корпус		
2-я финляндская стр. дивизия	4 132	7 128
4-я „ „ „	2 243	9 017
Сводная погран. дивизия	4 751	6 509
Итого	11 126	22 654
ВСЕГО В 10-й АРМИИ	106 352	143 428
ВСЕГО В АРМИЯХ ЗАПАДНОГО ФРОНТА	369 722	604 317

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
Д. № 278966,
л. 1

Состав конных отрядов ген. Орановского

1. Отряд Казнакова

1-я гв. кав. дивизия	кавалергардский полк
	конный полк
	кирасирский полк
	кирасирский полк
2-я бригада 5-й кав. дивизии	Александрийский гусарский полк
	5-й донской казачий полк
Уссурийская конная бригада	Приморский драгунский полк
	Нерчинский казачий полк
	Уссурийский казачий полк

2. 1-й конный корпус

8-я кав. дивизия	Астраханский драгунский полк
	Вознесенский уланский полк
	Лубенский гусарский полк
	8-й донской казачий полк
14-я » »	Малороссийский драгунский полк
	Ямбургский уланский полк
	Митавский гусарский полк
	14-й донской казачий полк

3. Сводный корпус Туманова

6-я кав. дивизия	Глуховский драгунский полк
	Волынский уланский полк
	Клястицкий гусарский полк
	6-й донской казачий полк
13-я кав. дивизия	Орденский драгунский полк
	Владимирский уланский полк
	Нарвский гусарский полк
	2-й оренбургский казачий полк

4. Отряд Белосельского

3-я донская казачья дивизия	18-й, 20-й, 30-й, 32-й донские казачьи полки
Отряд Потапова	6-й сибирский казачий полк
	9-й сибирский казачий полк
	54-й донской казачий полк
Бригада 70-й пех. дивизии	Кромский пех. полк
	Переяславский пех. полк

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Д. № 278945,

лл. 290—294

Боевой состав, некомплект пехоты и наличие винтовок в армиях западного фронта

на 28.9(11.10). 1915 г.

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков		Винтовок	
	некомплект	в строю	заручных	некомплект
1-я АРМИЯ				
1-й арм. корпус				
22-я пех. дивизия	10 402	3 998	1 131	9 271
24-я „ „	11 631	2 769	188	11 443
59-я „ „	11 174	3 226	1 902	9 272
Итого	33 207	9 993	3 221	29 986
4-й арм. корпус				
30-я пех. дивизия	11 012	3 388	—	11 012
40-я „ „	11 791	2 600	27	11 764
Итого	22 803	5 988	27	22 776
14-й арм. корпус				
18-я пех. дивизия	10 772	3 628	485	10 287
70-я „ „	9 426	4 974	—	9 426
Итого	20 198	8 602	485	19 713
1-й сибирский корпус				
1-я сибирская стр. дивизия	7 694	6 706	214	7 480
2-я „ „ „	10 640	3 760	—	10 640
Итого	18 334	10 466	214	18 120
6-й сибирский корпус				
3-я сибирская стр. дивизия	5 504	8 896	573	4 931
14-я „ „ „	6 847	7 553	—	6 847
Итого	12 351	16 449	573	11 778
ВСЕГО В 1-й АРМИИ	106 893	51 578	4 520	102 373
2-я АРМИЯ				
5-й арм. корпус				
7-я пех. дивизия	11 659	2 741	1 755	9 904
10-я „ „	10 373	4 027	1 117	9 256
Итого	22 032	6 768	2 872	19 160

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков		Винтовок	
	некомплект	в строю	заручных	некомплект
20-й арм. корпус				
28-я пех. дивизия	2 850	11 550	479	2 371
29-я „ „	2 698	11 702	87	2 611
Итого	5 548	23 252	566	4 982
27-й арм. корпус				
45-я пех. дивизия	7 971	6 429	1 051	6 920
76-я „ „	7 682	6 718	315	7 367
Итого	15 653	13 147	1 366	14 287
34-й арм. корпус				
56-я пех. дивизия	4 392	6 408	72	4 320
104-я „ „	9 182	1 618	1 565	7 617
Итого	13 574	8 026	1 637	11 937
36-й арм. корпус				
25-я пех. дивизия	6 990	7 410	525	6 465
68-я „ „	9 363	5 047	1 090	8 273
Итого	16 353	12 457	1 615	14 738
4-й сибирский корпус				
9-я сибирская стр. дивизия	10 176	4 224	318	9 858
10-я „ „ „	10 898	3 502	256	10 642
Итого	21 074	7 726	574	20 500
ВСЕГО во 2-й АРМИИ	94 234	71 376	8 630	85 604
3-я АРМИЯ				
9-й арм. корпус				
5-я пех. дивизия	3 726	5 684	—	8 716
42-я „ „	9 479	4 921	—	9 479
Итого	18 195	10 605	—	18 195
10-й арм. корпус				
9-я пех. дивизия	9 117	5 285	—	9 117
31-я „ „	8 700	5 700	—	8 700
Итого	17 817	10 985	—	17 817

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков		Винтовок	
	не-комплект	в строю	заруч-ных	не-комплект
24-й арм. корпус				
48-я пех. дивизия	9 456	4 944	—	9 456
49-я „ „	8 778	5 622	—	8 778
Итого	18 234	10 566	—	18 234
31-й арм. корпус				
27-я пех. дивизия	10 745	3 655	—	10 745
75-я „ „	8 210	6 190	—	8 210
77-я „ „	8 686	5 714	—	8 686
83-я „ „	4 864	9 536	—	4 864
Итого	32 505	25 095	—	32 505
3-й кавказский корпус				
21-я пех. дивизия	9 230	5 170	—	9 230
52-я „ „	10 093	4 307	—	10 093
Итого	19 323	9 477	—	19 323
ВСЕГО В 3-й АРМИИ	106 074	66 726	6 000	100 074
4-я АРМИЯ				
Гренадерский корпус				
1-я гренадерская пех. дивизия	10 722	3 678	600	10 122
2-я „ „ „	10 574	3 826	617	9 957
Итого	21 296	7 504	1 217	20 079
15-й арм. корпус				
6-я пех. дивизия	8 147	6 253	—	8 147
8-я „ „	7 975	6 425	—	7 975
Итого	16 122	12 678	—	16 122
16-й арм. корпус				
41-я пех. дивизия	10 226	4 174	239	9 987
47-я „ „	10 273	4 127	—	10 273
81-я „ „	9 899	4 501	—	9 899
Итого	30 398	12 802	239	30 159
25-й арм. корпус				
3-я гренадерская пех. дивизия	9 509	4 891	695	8 814
46-я пех. дивизия	8 408	5 992	413	7 995
Итого	17 917	10 883	1 108	16 809

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков		Винтовок	
	не-комплект	в строю	заруч-ных	не-комплект
35-й арм. корпус				
55-я пех. дивизия	11 657	2 743	—	11 657
67-я „ „	11 658	2 742	—	11 658
Итого	23 315	5 485	—	23 315
1-й туркестанский корпус				
1-я туркестанская стр. бригада	3 008	4 120	—	3 008
2-я „ „ „	6 730	2 180	—	6 730
3-я „ „ „	6 172	2 738	—	6 172
11-я сибирская стр. дивизия	11 990	1 510	—	11 990
Итого	27 900	10 548	—	27 900
5-й сибирский корпус				
50-я пех. дивизия	10 410	3 990	—	10 410
6-я сибирская стр. дивизия	9 424	4 976	494	8 930
Итого	19 834	8 966	494	19 340
ВСЕГО В 4-й АРМИИ	156 782	68 866	3 058	153 724
10-я АРМИЯ				
Гв. корпус				
1-я гв. пех. дивизия	5 094	9 306	—	5 094
2-я „ „ „	7 909	6 491	—	7 909
3-я „ „ „	6 621	7 779	—	6 621
Итого	19 624	23 576	—	19 624
2-й арм. корпус				
26-я пех. дивизия	10 364	4 036	600	9 764
43-я „ „	9 558	4 842	60	9 498
2-я „ „	10 418	3 982	2 240	8 178
Итого	30 340	12 860	2 900	27 440
26-й арм. корпус				
64-я пех. дивизия	9 536	4 864	2 900	6 636
84-я „ „	9 289	5 111	1 165	8 124
Итого	18 825	9 975	4 065	14 760
38-й арм. корпус				
61-я пех. дивизия	8 512	2 748	—	8 512
62-я „ „	9 278	1 982	—	9 278
69-я „ „	8 085	3 175	—	8 085
Итого	25 875	7 905	—	25 875

Наименование армий, корпусов и дивизий	Штыков		Винтовок	
	некомплект	в строю	заручных	некомплект
Осовецкий корпус				
57-я пех. дивизия	6 282	8 118	—	6 282
111-я „ „	4 878	6 382	—	4 878
Итого	11 160	14 500	—	11 160
3-й сибирский корпус				
7-я сибирская дивизия	9 725	4 675	—	9 725
8-я „ „	8 826	5 574	772	8 054
Итого	18 551	10 249	772	17 779
2-й кавказский корпус				
Кавказская гренадерская дивизия	9 649	4 751	925	8 724
57-я пех. дивизия	10 437	3 963	1 628	8 809
65-я „ „	10 019	4 381	85	9 934
Итого	30 105	13 095	2 638	27 467
5-й кавказский корпус				
2-я финляндская стр. дивизия	7 171	4 089	647	6 524
4-я „ „	8 637	2 623	487	8 150
Сводная погран. дивизия	6 061	5 199	—	6 061
Итого	21 889	11 911	1 134	20 735
ВСЕГО В 10-й АРМИИ	176 349	104 071	11 509	164 840
ВСЕГО В АРМИЯХ ФРОНТА	610 332	363 546	33 717	606 615

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
Д. № 278945,
л. 404

В армиях западного фронта

на 1(13).10. 1915 г.

Армии	Офицеров			Бойцов			Лошадей		
	по штату	по списку	налицо	по штату	по списку	налицо	по штату	по списку	налицо
1-я армия	7 339	9 600	4 997	293 642	418 599	194 754	108 637	111 811	106 612
2-я „	5 616	6 361	3 278	261 562	314 037	181 910	84 450	88 755	79 542
3-я „	9 184	11 427	6 320	378 245	488 103	257 080	133 745	142 464	135 473
4-я „	8 808	10 809	5 878	410 216	492 151	267 575	152 091	132 521	145 185
10-я „	9 343	11 169	6 164	383 950	465 896	269 536	114 708	110 444	108 962
Итого	40 290	49 360	26 637	1 727 615	2 178 786	1 170 855	693 631	585 995	575 774

Перечень германских частей, участвовавших в операции на фронте Двинск—Лида [1]

НЕМАНСКАЯ АРМИЯ (правый фланг):

1-й рез. корпус: 78-я, 1-я и 36-я рез. пех. дивизии.
Группа Лауэнштейна: пех. дивизия Бекмана, 88-я рез. пех. дивизия.
1-й конный корпус Рихтгофена: 2-я и баварская кав. дивизии и 3-я пех. дивизия.

Итого . . . . . 6 пех. и 2 кав. дивизии

10-я АРМИЯ:

6-й конный корпус Гарнье: 1-я, 3-я, 4-я и 9-я кав. дивизии, 6-я ландверная пех. бригада и пех. бригада Монтетон.
Группа Эбен, штаб 1-го арм. корпуса: 2-я, 58-я пех. и 10-я ландверная пех. дивизии.
Группа Гутьера, штаб 21-го арм. корпуса: 31-я и 42-я пех. дивизии, 115-я пех., 77-я рез. пех. дивизии и пех. дивизия Ценкера.
Группа Лицмана, штаб 40-го рез. корпуса: 79-я, 76-я и 3-я рез. пех. дивизии, бригада 80-й рез. пех. дивизии, 14-я ландверная пех. дивизия и отряд Езебека.
Группа Карловица, штаб 3-го рез. корпуса: 87-я и 89-я рез. пех. дивизии, 16-я ландверная пех. дивизия, усиленная 6-я ландверная пех. бригада.

Итого . . . . 17½ пех. и 4 кав. дивизии

8-я АРМИЯ [2]:

37-я и 83-я пех., 75-я рез., 1-я и 11-я ландверные пех. дивизии и 169-я ландверная пех. бригада.

Итого . . . . . 5½ пех. дивизий

ВСЕГО на фронте Двинск, Лида 29 пех. и 6 кав. дивизий

Список трудов, использованных автором

1. *В. И. Ульянов (Ленин)*, т. XIII, 3-е изд.
2. *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, 10-е изд.
3. *Зайончковский*, Мировая война, 2-е изд.
4. *Людендорф*, Мои воспоминания, т. I.
5. *Фалькенгайн*, Верховное командование.
6. *Рейхсархив*, т. VIII (на немецком языке).
7. *Гофман*, Записки и дневники.
8. *М. Позек*, Германская конница в Литве и Курляндии.
9. *Франсуа*, Горлица (на немецком языке).
10. *Бонч-Бруевич*, Потеря русскими Галиции.
11. *Корольков*, Праснышское сражение.
12. *Балк*, Развитие тактики в мировую войну.
13. *Фр. Бернгарди*, Германцы в полевой войне (на немецком языке).
14. *Зайончковский*, Подготовка России к мировой войне.
15. *Куль*, Мировая война, т. I (на немецком языке).
16. *Ферстер*, Граф Шлиффен и мировая война (на немецком языке).
17. *Шлиффен*, Канны.
18. *Ганс Куль*, Германский генеральный штаб.
19. *К. Дружинин*, Записки добровольца.

---

[1] Рейхсархив, Мировая война, т. VIII, стр. 495, 499 и 524.
[2] В конце операции штаб 8-й армии был переброшен на Полоцкое направление, где им объединены действовавшие германские войска, в ходе же операции главные силы армии действовали севернее р. Неман.

Список источников

Дела Военно-исторического архива за 1915 г.

1. Дело № 37
2. „ № 138
3. „ № 149
4. „ № 150
5. „ № 151
6. „ № 152
7. „ № 322
8. „ № 323
9. „ № 381
10. „ № 434
11. „ № 439
12. „ № 440
13. „ № 664
14. „ № 665
15. „ № 666
16. „ № 21207
17. „ № 21237
18. „ № 21248
19. „ № 30165
20. „ № 84657
21. „ № 84661
22. „ № 153300
23. „ № 191106
24. „ № 192200
25. „ № 195492
26. „ № 196778
27. Дело № 196779
28. „ № 196780
29. „ № 196781
30. „ № 196782
31. „ № 196783
32. „ № 196784
33. „ № 196932
34. „ № 196969
35. „ № 196974
36. „ № 196975
37. „ № 196976
38. „ № 196979
39. „ № 196980
40. „ № 196981
41. „ № 196999
42. „ № 278913
43. „ № 278919
44. „ № 278931
45. „ № 278945
46. „ № 278950
47. „ № 279237
48. „ № 279254
49. „ № 371015
50. „ № 371026
51. „ № 376039
52. „ № 371025
53. Дело № 371096
54. „ № 377359
55. „ № 377957
56. „ № 377958
57. „ № 377959
58. „ № 377963
59. „ № 377960
60. „ № 377965
61. „ № 385297
62. „ № 385298
63. „ № 400144
64. „ № 402316
65. „ № 413252
66. „ № 415655
67. „ № 416655
68. „ № 417182
69. „ № 415653
70. „ № 414211
71. „ № 278966
72. „ № 65421
73. „ № 279200
74. „ № 279205

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ

Стр.

1. Краткий обзор операций на восточно-европейском театре летом 1915 г. 3
2. Внутреннее состояние Германии и России к осени 1915 г. 6
3. Планы германского главного и фронтового командования по продолжению операций осенью 1915 г. 8
4. Планы русского главного и фронтового командования 13
5. Обстановка на фронте Двинск—Полесье к началу сентября 1915 г. . . 21
6. Состояние русских армий к началу сентября 1915 г. 25
7. Краткая характеристика театра операций 29

ГЛАВА II

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СТЫКЕ ФРОНТОВ

1. Работа разведывательных отделов германских и русских штабов и их прогнозы 31
2. Укрепление армий северного фронта и меры по обеспечению стыка фронтов 33
3. Боевые действия конного отряда Казнакова 35
4. Боевые действия конного отряда Тюлина 39
5. Боевые действия конного отряда Казнакова 10 и 11.9 44
6. Боевые действия конного отряда Тюлина 10, 11 и 12.9 47
7. Боевые действия в озерном районе северо-восточнее г. Вильна . . 53
8. Оборона Свенцян русским ополчением 54
9. Выводы по боевым действиям на стыке фронтов 57

ГЛАВА III

МЕРЫ РУССКОГО КОМАНДОВАНИЯ ПО ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРОРЫВА

1. Оценка значения прорыва и распоряжения начальника штаба главнокомандующего 60
2. Работа штаба фронта по перегруппировке войск 66
3. Взаимодействие фронтов 69

ГЛАВА IV

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ВИЛЕНСКОМ РАЙОНЕ

1. Прогноз командующего и штаба 10-й армии 73
2. Боевые действия на правом фланге 10-й армии 75
3. Деятельность ставки и командующего западным фронтом в ходе Виленского сражения 81
4. Боевые действия и отход 10-й армии 14.9 85
5. Выводы 88

ГЛАВА V

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ВЕРХНЕЙ ВИЛИИ И ПОД Г. ВИЛЬНА

1. Работа штаба главнокомандующего и командующих фронтами 90
2. Работа главкома германского восточного фронта и 10-й германской армии 91

Стр.

3. Боевые действия войск 10-й армии 15.9 93
4. Боевые действия на верхней Вилии 16.9 100
5. Бой у Жуйраны и Солы 16.9 105
6. Боевые действия 17.9 108
7. Выводы 112

ГЛАВА VI

РАЗВЕРТЫВАНИЕ 2-й И ОТХОД 10-й РУССКИХ АРМИЙ

1. Оценка обстановки начальником штаба главкома и командования западным фронтом 115
2. Работа командующего западным фронтом по организации отвода армий 121
3. Работа командарма 10 по организации отступления 10-й армии . . . 122
4. Замыслы командующего 10-й германской армией 124
5. Боевые действия авангардных частей 2-й армии 125
6. Боевые действия 10-й армии 126
7. Взаимодействие фронтов в первые дни боев на верхней Вилии и под г. Вильна 128
8. Боевые действия 2-й и 10-й армий 19 и 20.9 131
9. Выводы 134

ГЛАВА VII

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ У ОЗЕРА НАРОЧ И МЕЖДУ РЕКАМИ ВИЛИЕЙ И БЕРЕЗИНОЙ

1. Руководство операциями начальника штаба главнокомандующего . . 136
2. Еще о взаимодействии фронтов 139
3. Боевые действия войск 2-й армии на р. Вилии и отход 10-й армии 20 и 21.9 141
4. Вытеснение мелких конных частей противника из тылов западного фронта 144
5. Сосредоточение вторых эшелонов 2-й армии и боевые действия на р. Вилии 146
6. Боевые действия конной массы на верхней Вилии 151
7. Продолжение наступления 2-й армии на р. Вилии 153
8. Установление взаимодействия фронтов 154
9. Указания командарма 2 и боевые действия 2-й армии 24.9 155
10. Выводы 157

ГЛАВА VIII

ДЕЙСТВИЯ РУССКИХ КОННЫХ МАСС НА СТЫКЕ СЕВЕРНОГО И ЗАПАДНОГО ФРОНТОВ

1. Действия конницы 5-й армии на стыке фронтов до 25.9 159
2. Действия конницы 2-й армии с 26 по 29.9 163
3. Действия конницы 5-й армии с 26 по 29.9 167
4. Объединение русской конницы на стыке фронтов и ее боевые действия с 29.9 по 6.10 168
5. Выводы 176

ГЛАВА IX

РАЗВЕРТЫВАНИЕ 1-й АРМИИ НА ПОЛОЦКОМ НАПРАВЛЕНИИ И ЕЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

1. Развертывание корпусов 1-й армии 178
2. Маневр вновь формируемой армии на Полоцкое направление 182
3. Боевые действия 20-го корпуса 187
4. Организация наступления 1-й армии 188
5. Боевые действия 1-й армии 3—5.10 190
6. Продолжение атак 1-й армии 194

Стр.

ГЛАВА X

СТАБИЛИЗАЦИЯ ФРОНТА И ПЕРЕХОД К ПОЗИЦИОННОЙ ВОЙНЕ

1. Боевые действия 10-й армии в конце сентября и стабилизация ее фронта 196
2. Стабилизация фронта 2-й армии 198
3. Боевые действия 1-й армии до стабилизации фронта и переход к обороне 200
4. Решение сторон 201

ГЛАВА XI

ХАРАКТЕРИСТИКА СЛУЖБЫ СВЯЗИ

1. Служба связи в период боев под Вильной 203
2. Служба связи в период отхода 10-й армии и развертывания войск 2-й армии 205
3. Служба связи в период перегруппировки и развертывания 1-й армии на Полоцком направлении 209
4. Использование радиотелеграфа 212
5. Строительство новых и разрушение старой сети постоянной связи 213
6. Выводы по службе связи 214

ГЛАВА XII

ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ ТЫЛОВ

1. Общее состояние тыла 10-й армии 216
2. Состояние и работа тыла 2-й армии 221
3. Тыл 1-й армии и конной массы Орановского 223
4. Выводы 224

ГЛАВА XIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Особенность операции 226
2. Группировка сторон 228
3. О наследниках Шлиффена 229
4. Взаимодействие фронтов 233
5. Реорганизация управления 234
6. Обеспечение стыков . . . . . —
7. Организация удара 235
8. Место конной массы в наступательной операции 237
9. Маневр и перегруппировки 240
10. Комбинированная операция 241
11. Переход к позиционной войне 243
12. Управление войсками . . . . . —

Приложения 245

Список источников 269

M2160